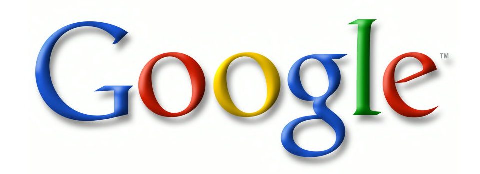

ЖИЗН

№ 6.

Сентябрь-Декабрь

1902

Цѣна 4 фр.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
НАУЧНЫЙ
и
ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

[illegible]

СОДЕРЖАНІЕ.

Иллюстраціи: Генеральные Штаты. — Камилъ Демуленъ въ Палэ-Роялѣ. — Стачка углекоповъ. — По пути въ ссылку.

Участники соціалдемократической организаціи „Жизнь“ на своемъ послѣднемъ съѣздѣ рѣшили прекратить совмѣстную дѣятельность въ качествѣ особой организаціи и немедленно ликвидировать все дѣло.

Настоящая книжка „Жизни“ является поэтому послѣдней. Подписчики, внесшіе полную плату за девять объявленныхъ книжекъ (25 фр.), получатъ обратно по 9 франковъ.

Отъ имени организаціи „Жизни“ появятся еще только двѣ, уже подготовленныя къ печати, брошюры: „Рабочіе союзы“ и „Политика и офицеры“.

По всѣмъ дѣламъ, касающимся ликвидаціи, слѣдуетъ обращаться исключительно къ Г. А. Куклину по адресу:

M-r Geurges Koukline. 15, rue de Candolle
Genève (Suisse).

Соціалдемократическая организація «Жизнь».

22 декабря 1902 г.

« LA VIE », revue littéraire, politique et scientifique

Литературный, Научный и Политическій Журналъ

ЖИЗНЬ

№ 6.

СЕНТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ

1902

Изданіе соціалдемократической организаціи « Жизнь ».

ЖЕНЕВА
Типографія « Жизни ».
1902.

Вечеръ.

I.

— Почему же ты думаешь, что они иначе стали къ тебѣ относиться? — спросила Марья Александровна, смотря во дворъ одного дома на Садовой, гдѣ посреди затоптаннаго, грязнаго снѣга, возвышаалась полѣнница дровъ, покрытая свѣжимъ, необыкновенно чистымъ, снѣгомъ, а по краю, выбирая свободныя отъ снѣга мѣста осторожно и граціозно пробиралась кошка, — рѣшительно не понимаю почему? — обернулась дѣвушка къ сидѣвшему за столомъ брату, молодому черноватому, небольшого роста человѣку въ потертомъ студенческомъ мундирѣ.

— Тутъ и понимать нечего! — отвѣчалъ тотъ, — достаточно посмотрѣть на ихъ физіономіи: у папаши — хмурая, у мамаши — кислая, а у всѣхъ вмѣстѣ отпечатокъ какого то оскорбленнаго достоинства.

— Вотъ какъ? — Марья Александровна приподняла бѣлесоватыя брови, — оскорбленное достоинство? Откуда, почему?

— Не знаю! Даже мальчишка въ подражаніе родителямъ смотритъ какимъ то пузыремъ, силясь что то изобразить! Вообще — мерзко!

Студентъ вынулъ портъ-табакъ и началъ крутить самодѣльную папиросу. Костлявые, худые пальцы рук" слегка дрожали.

— Ну, ужъ это ты сочиняешь! — произнесла Марья Александровна снова начиная смотрѣть во дворъ. Кошка благополучно прошла всю полѣнницу и хотѣла уже спуститься, но внизу, положивъ переднія лапы на дрова и нервно помахивая пушистымъ хвостомъ, ее ждалъ большой сетеръ - гордонъ.

— Ничуть! — отвѣчалъ братъ, — чего мнѣ сочинять! Не говорилъ же я раньше, потому что этого не было... Отношенія были прекрасныя, но съ тѣхъ поръ, какъ началась эта передряга, точно ихъ всѣхъ кто укусилъ. Мамаша больше всего меня удивляетъ: ужъ на что женщина безхитростная, ѣстъ пряники не писаные, а поди - ко, то же! Точно ее кто насвисталъ!

— Насвисталъ?

— Ну, да! Знаешь, какъ насвистываютъ птицъ, когда ихъ учатъ пѣть. Вѣдь у ней нѣтъ ничего самостоятельнаго, она умѣетъ только перенимать! Перенимаетъ же она у своего благовѣрнаго, у этого, надутаго своимъ статскимъ совѣтничествомъ, чиновнаго колпака...

— Ты раздраженъ, Женя. Съ нѣкоторыхъ поръ тебѣ все кажется въ дурномъ свѣтѣ.

— Ахъ, скажите на милость, какое уравновѣшенное существо! „Съ нѣкоторыхъ поръ...“ „Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ три десятомъ государствѣ...“ Ха! Весьма осторожно изволите выражаться, Марья Александровна!... Весьма, весьма!...

Студентъ бросилъ окурокъ папиросы въ пепельницу и началъ ходить по комнатѣ.

— Пожалуйста не злись! — тихо произнесла сестра.

— А тебѣ что за дѣло! — рѣзко, повысивъ голосъ воскликнулъ братъ, хотѣлъ продолжать, вдругъ замолкъ и, подойдя къ столу, принялся барабанить по нему своими костлявыми, крѣпкими пальцами, — впрочемъ, я все это покончу! — добавилъ онъ тихо.

— Какъ? -- также тихо спросила Марья Александровна, — ты хочешь бросить у нихъ заниматься?

— Непремѣнно брошу.

— А у тебя есть въ виду что нибудь другое? — уже съ тревогой спросила она.

— Смотри, Женя! Ты знаешь... — начала сестра, но въ эту минуту дверь пріоткрылась, и на порогѣ показалась дѣвушка лѣтъ 17, въ короткомъ гимназическомъ платьѣ, небольшого роста, плотная шатенка съ розовыми щеками и вздернутымъ носомъ.

— Маша! — сказала она, — тебя папа зоветъ!

— Что ему? Хуже? — спросила та.

— Нѣтъ! Какъ всегда. Онъ хочетъ что то тебѣ сказать или спросить... не знаю!

Марья Александровна встала и вышла за дверь. Гимназистка подошла къ столу, исподлобья взглянула на брата, хотѣла что то сказать, даже ротъ пріоткрыла, но замѣтивъ сердитое выраженіе на лицѣ Евгенія не сказала ничего и тихонько вышла изъ гостинной.

Евгеній дѣйствительно сердился... Урокъ у Гуковыхъ видимо уплывалъ изъ рукъ. Что то странное произошло въ этой семьѣ, точно ихъ всѣхъ и взаправду муха укусила, и къ репетитору явилось какое то наполовину боязливое, наполовину презрительное отношеніе. Евгеній догадывался о причинѣ... „Невѣжественные люди!“ — объяснялъ онъ себѣ, но отъ этого не было легче. Невѣжественныхъ, дикихъ людей — масса. Они живутъ въ прекрасно - обставленныхъ квартирахъ, у нихъ вкусный столъ, повара, лакеи, дорогія лошади, англійскіе экипажи... Они одѣваются у первыхъ портныхъ и портнихъ города, украшаютъ свои глупые головы лучшими цилиндрами, и жены ихъ унизываютъ пальцы рукъ и навѣшиваютъ шеи бриллiантами, и все-таки они невѣжественные, дикіе люди! И отпрыскамъ этихъ людей приходится вбивать въ головы науку насильно, съ мучительными усиліями вбивать, насильно дѣлать ихъ хоть сколько нибудь культурными! И за это платятъ столько, чтобы учитель могъ съ грѣхомъ пополамъ существовать, чтобы онъ имѣлъ возможность прійти въ свою, вотъ такую маленькую, бѣдненькую квартирку, съѣсть свой скромный обѣдъ, и снова бѣжать обучать какого нибудь оболтуса!...

При этомъ еще эти господа позволяютъ себѣ встрѣчать тебя съ кислыми, недовольными минами, словно т--

преступленіе какое совершилъ, а ихъ дрессированная прислуга наровитъ позамѣшкаться на кухнѣ, чтобы ты самъ снялъ съ вѣшалки и надѣлъ свое ветхое пальтишко. Ахъ, будьте вы прокляты! Да если ужъ на то пошло...

Евгеній съ ожесточеніемъ бросилъ только что закуренную папироску, сдѣлалъ взадъ и впередъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ къ окну, и съ выраженіемъ холодной злобы началъ смотрѣть въ дверь. Мускулы щекъ его нервно подергивались, и костлявые пальцы съ сухимъ стукомъ барабанили по спинкѣ стула.

Потомъ взглядъ его перешелъ во внутрь комнаты и остановился на гравюрѣ, изображавшей символическую „тайную вечерю" Павла Каліари-Веронезе, и онъ долго смотрѣлъ на преисполненную собственнаго достоинства сытую фигуру Пилата, одѣтаго художникомъ, по обычаю того времени въ средневѣковый костюмъ и съ задумчивымъ удивленіемъ взирающаго на трапезу Христа и его учениковъ.

Евгеній помнилъ эту картину еще мальчикомъ, и ни одна фигура изъ множества изображенныхъ художникомъ не останавливала такъ его вниманіе и тогда и теперь, когда уже онъ сдѣлался студентомъ, какъ эта фигура Пилата. Въ этой полной, рослой фигурѣ съ большой, гладко-остриженной головой и бычачьей шеей, въ этомъ мясистомъ бритомъ лицѣ, и въ спокойномъ положеніи бѣлыхъ, холеныхъ рукъ, — сказывался весь Римъ, пресыщенный всѣми благами жизни, всемірный завоеватель, скучающій, философствующій, невѣрующій ни во что, презирающій все, даже самую жизнь... И тутъ же предъ нимъ босой, измученный, вѣчно странствующій представитель какой то странной секты, проповѣдующій всеобщее братство и любовь, отрицающій блага земныя и предпочитающій имъ какія-то несуществующія небесныя... „Вѣками тянется все одно и тоже!" — думалъ Евгеній, смотря на картину, начинавшую уже блекнуть при сгущавшихся постепенно сумеркахъ, — и вѣка приходятъ и уходятъ, а человѣчество все толчется на одномъ мѣстѣ,

и проповѣдь любви равенства и братства и теперь остается такимъ же звукомъ въ пустынѣ, какимъ была тогда, когда живой, настоящій Пилатъ спрашивалъ у Христа: „что есть истина?“... Тяжело и скучно!

Сумерки располагаютъ къ мечтательности... Это время, когда какъ будто пріостанавливается всякая дѣятельность, что за нѣсколько минутъ кипѣла вокругъ; какъ будто пріостанавливается самая жизнь и такъ тихо, такъ спокойно становится все; даже внутри захваченнаго сумерками человѣка, все стихаетъ, все замолкаетъ, и хочется ему только сидѣть вотъ такъ спокойно и неподвижно, какъ онъ сидѣлъ, созерцать не столько снаружи, сколько внутри себя и слушать тишину...

Евгеній сидѣлъ и смотрѣлъ на чистенькія кисейныя занавѣси, которыми рука заботливой хозяйки-матери украсила маленькія окна квартиры, на скромныя, дешевыя портьеры у дверей, на мягкую, обтянутую кретономъ мебель, ютившуюся у одной стѣны гостинной, старенькое, постоянно звенѣвшее струнами піанино, столикъ съ альбомами и принадлежностями для куренья, словомъ, на всю эту скромную, почти бѣдную, но приличную, пуритански чистую обстановку, выросшую не сразу, а пріобрѣтавшуюся постепенно, годами, общими трудами, общими силами всей семьи.

Сюда, для пріобрѣтенія квартирной обстановки, для устройства этого уюта, который такъ нравился всѣмъ, бывавшимъ, у нихъ въ значительной степени шли и заработки Евгенія и онъ съ ненавистью думалъ, что для того, чтобы поддерживать все въ полномъ видѣ, какъ оно есть, нужно забыть всякіе уколы его самолюбію... А еще тамъ, за дверью, больной отецъ, сбереженій никакихъ, и только расходы на врача и лекарства... Что же будетъ дальше?

Евгеній встряхнулъ головой, какъ бы сбрасывая съ себя тяжелыя думы, всталъ и началъ тихо ходить по комнатѣ, сцѣпилъ пальцы рукъ и по временамъ похрустывалъ ими.

— А все-таки чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ, этихъ баричей! Да, да, и чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ! — рѣ-

шительно подтвердилъ онъ самому себѣ, — вѣдь это все такъ ничтожно и мелко въ сравненіи...

II.

Тихій звонокъ въ передней прервалъ его думы.

Въ передней послышались шаги Федосьи, щелкнула задвижка и раздался теноръ матери.

— Ну, что? Какъ жили безъ меня? Что баринъ?

— Ничего-съ, все слава Богу! — отвѣчала Федосья, — баринъ спали... Часа полтора должно спали.

— А! Ну, хорошо! — вздохнула Анна Семеновна, — возьми вотъ это на кухню снеси, да за окно, въ ящикъ... Сейчасъ же, смотри, за окно!

— Слушаю-съ! — отвѣчала Федосья.

Анна Семеновна вошла въ комнату. Полное, все въ лучистообразныхъ морщинкахъ лицо ея имѣло озабоченный видъ.

— Устала, просто ноги не держатъ! — сказала она, тяжело садясь въ кресло, — а ты что тутъ?

— Ничего — отвѣчалъ Евгеній, — сумерничаю!

— Ну, что отецъ? Былъ ты у него?

— Нѣтъ, не былъ! Да ему, кажется, лучше!

— Слава Богу! — вздохнула Анна Семеновна, — сокрушаетъ меня его болѣзнь! Подумать только! Сохрани Богъ, что случится, куда съ этакой семьей! Все на твою голову свалится, — единственный кормилецъ и поилецъ! Дѣвочки — что онѣ! Имъ самимъ поддержка нужна! Ну что зарабатываетъ Маша, стыдно сказать, — а та еще учиться должна! О-хо-хо! Просто начнешь думать, — волосъ на головѣ шевелится.

— А вы не думайте, мама! — сказалъ Евгеній, и какая то странная, кривая усмѣшка пробѣжала по его лицу, — что тамъ думать! Толку отъ этого все-равно не будетъ никакого!

— Да какъ же не думать, Женя, что ты! На каждомъ шагу все одна и та-же дума! Пошла сегодня на

Сѣнную, того другого купить… провизіи да посуды, тарелки, стаканы, все перебилось, ну ситчику, Сонѣ кашемиру на платье, вѣдь, совсѣмъ обносилась, стыдно въ гимназію показаться, ну какой товаръ на Сѣнной, — самый немудрый, да за то дешево все… Дешево, дешево, а глядишь, около семи рублей издержала! Вотъ сижу и думаю, куда же это я столько денегъ извела, кажись и покупокъ немного было, а начни считать… Э, да ужъ что говорить! Говорю: отъ думъ голова болитъ!

— Ну, вотъ видите, мама! Что же тутъ хорошаго! Право не думайте лучше!

— Да, какъ же! А вы придете, обѣдать спросите, — что вамъ подать? Вотъ такъ и все: хлопоты да заботы! День настанетъ — маешься, маешься… А тутъ еще отецъ захворалъ…

Анна Семеновна замолчала. Сумерки сгущались. Поблекла не одна картина Каліари, но и все, что было въ гостинной, и фигуры матери и сына, безъ лицъ и выраженій на нихъ, казались какими то сѣрыми, неясными силуэтами.

— О-хо-хо! — стонала Анна Семеновна, — что же темно какъ! Лампу что-ли зажечь…

— Потомъ… Успѣется! — тихо проговорилъ Евгеній, — да такъ лучше… Я, мама, люблю сумерки… Это единственное время, когда можно немного успокоиться отъ дневной сутолоки, посидѣть, помечтать. И на душѣ становится какъ то спокойно, мягко какъ то…

Что то томило, мучило его, онъ видимо хотѣлъ высказаться, поговорить о чемъ-то чрезвычайно важномъ для него и поговорить именно такъ, чтобы она слышала только его, а не видѣла его лица, — и онъ все не рѣшался…

И это его состояніе невольно сообщилось ей, и голосомъ дрожавшимъ и неувѣренымъ она сказала:

— Да, конечно… Сумерки, конечно, располагаютъ… Ты, Женя, можетъ быть, хочешь что нибудь сообщить?

— Нѣтъ, ничего, мама!

Въ голосѣ, какимъ были сказаны эти слова, звучали твердыя, увѣренныя ноты. Онъ уже оправился отъ ми-

нутной слабости, совладалъ съ собою и рѣшилъ, что ничего, рѣшительно ничего ей не скажетъ... „Вотъ надѣлалъ бы дѣла!“ — мелькнуло у него въ головѣ, — „и какъ это я право... Чуть-чуть не натворилъ глупостей!“

Но она не повѣрила ему. Инстинктъ подсказалъ ей, что и въ поведеніи, и въ голосѣ сына было что-то неопредѣленное, недосказанное, она догадывалась, что это именно было, и ей стало невыразимо тяжело...

— Ничего! У васъ все ничего! — заворчала она, — все скрываете, ни о чемъ никогда путемъ не скажете, а потомъ, глядишь, нако-сь, откуда что пришло! О-охъ, Боже мой! И чего, подумаешь,нужно людямъ? Сами себѣ жизнь портятъ! Право сами себѣ!

Евгеній сдѣлалъ рѣзкое движеніе на стулѣ, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Я ужъ сколько разъ говорилъ вамъ, мама, что вы совершенно напрасно и тревожитесь, и говорите все это мнѣ! — началъ опъ дрожавшимъ отъ сдерживаемаго волненія голосомъ, — ничего я не скрываю потому, что и скрывать то нечего, жизни себѣ не порчу, и все идетъ прекрасно въ этомъ прекраснѣйшемъ изъ міровъ. Чего вамъ еще, — не понимаю!...

— Ты не понимаешь, а я то понимаю все отлично! Ты меня не обманешь, материнскій глазъ не обманешь, нѣтъ, не обманешь! Я тамъ всѣхъ вашихъ дѣлъ не знаю и ничего, можно сказать, въ нихъ не понимаю, а сердце у меня вѣщунъ, чуетъ, что неладное что-то у васъ у всѣхъ дѣлается, какъ вы тамъ ни прячтесь да шепоткомъ ни говорите!

— Ахъ, мама, какая вы, право! — вспылилъ Евгеній, — вы сами создаете себѣ какіе-то страхи... Такъ нельзя! Такъ можно, Богъ знаетъ, до чего дойти! Нельзя жить предчувствіями, предсказаніями, вѣрою въ предзнаменованія и чудеса! Въ наше время ничего подобнаго не бываетъ, да и не бывало никогда!

— Ну, да, еще бы! — обиженно заговорила мать, — это все такъ по вашему! По вашему ни чудесъ, ничего

не бываетъ... Все само собой, каждый человѣкъ господинъ своему дѣлу.

— Да! — сказалъ онъ, — это вы вѣрно опредѣлили: каждый человѣкъ — господинъ своему дѣлу...

Онъ сдѣлалъ движеніе, которое показалось ей выраженіемъ желанія уйти, и она почти съ раздраженіемъ воскликнула:

— Уходи, уходи! Ничего не сказавши, ничего не разъяснивши! Что же, это ваша обычная манера! И я то тоже! Кажется должна была бы привыкнуть... Ни ты, ни Маша, ни Соня никогда путемъ ничего не скажутъ, не объяснятъ, а только все уходятъ. Чуть что — сейчасъ уходить, какъ будто это и есть объясненіе... Николашка — мальчишка, и того къ тому же пріучили!

— Мама, мама, вы, Богъ знаетъ, что говорите! Господь съ вами, съ чего вамъ это показалось, что я ухожу!... И не думаю вовсе! Нѣтъ, мама, вы положительно раздражены сегодня, вы чѣмъ нибудь разстроены, право! Что нибудь случилось, а?

Анна Семеновна молчала. Сумерки совсѣмъ сгустились, и въ темнотѣ, наполнившей гостинную, утонули всѣ предметы, только неясными силуэтами выдѣлялись фигуры матери и сына.

— Особеннаго ничего не случилось, — тихо отвѣчала мать, — а если хочешь, такъ и хорошаго мало! У меня свои заботы — всѣхъ васъ накормить, напоить, бѣлье ваше перечепить, да мало ли чего, а тутъ еще думай да безпокойся, что то съ вами, какъ то у васъ тамъ все, не приключилось бы какой нибудь бѣды! Моченьки моей нѣтъ! Говорю: день деньской мотаешься, ляжешь спать, — ногъ не слышишь, въ головѣ гудитъ и все то больно, все то безпокойно!... А утромъ опять — опять забота: Николашку въ гимназію отправлять, завтракъ ему приготовить, на рынокъ итти, тамъ все дорого, ни къ чему приступиться нельзя!... Котлеты да котлеты, и сами говорите надоѣстъ, а попробуй-ка, не говорю уже индѣйку или гуся, — куру купить!... А что съ нея, — съ куры, — всѣхъ не накормишь...

Вотъ дрова на исходѣ, — а дрова то нынче безъ малаго семь рублей сажень!...

Евгеній молчалъ, прислушиваясь къ этой воркотнѣ заботливой хозяйки. Въ темнотѣ сгустившихся сумерекъ немного низкій, грудной и тихій голосъ матери въ непрерывной, ровной рѣчи напоминалъ тихое, полуживое журчанье ручья, гдѣ нибудь въ лѣсной чащѣ, ночью. Эти звуки невольно располагали къ спокойствію, ко сну...

„Такъ такъ, это все правда, это все житейская правда, вѣчная проза жизни!“ — думалъ Евгеній, — „и долго будетъ слышаться уху, долго, какъ назойливый стукъ маятника, напоминать о бѣдности, о несовершенствѣ нашего духа, о рабской, подлой зависимости его отъ желудка, долго будетъ усыплять лучшія, правдивѣйшія мысли и чувства...“

— Мама! — внезапно прервалъ онъ ее. — Я не знаю, почему то мнѣ захотѣлось спать! Вы меня положительно усыпили!

— Ну, что же, и отлично, усни! — воскликнула она, словно обрадовавшись, — поди-ка усталъ за день! Не шутка съ одного конца города на другой по урокамъ бѣгать. Этакъ вѣдь совсѣмъ известись можно! Лягъ, лягъ тутъ и отдохни!... Я и лампу не велю зажигать, и подушку тебѣ на диванъ принесу... Усни-ка дружокъ!...

Она вышла, и черезъ минуту въ гостинную вошла женская фигура, но это была не она. Высокая, тонкая, гибкая, какъ тростникъ. Фигура остановилась посреди комнаты, и, раскинувъ руки, потянулась, какъ потягиваются послѣ сна.

— Маша! — позвалъ Евгеній.

— А, ты еще тутъ! — спросила дѣвушка, — что ты тутъ дѣлаешь? Отчего такъ темно? Есть у тебя спички?

— Нѣтъ, нѣтъ! — быстро заговорилъ Евгеній, — пожалуйста не нужно! Такъ лучше! Я хотѣлъ уходить, но пришла мама и усыпила меня своими рѣчами. Сейчасъ хотѣла принести подушку, и я совсѣмъ усну, „задамъ храповицкаго“ часика этакъ на полтора...

— Ты не здоровъ? — спросила она.

— Почему?

— Такъ! Сегодня ты мнѣ кажешься какимъ-то страннымъ. Ты, какъ будто, что то скрываешь и въ то же время какъ бы хочешь высказаться.

— Какая психологія! Но тс!... Идетъ мама...

Анна Семеновна показалась съ подушкой.

— А ты что тутъ? — обратилась она къ дочери, — дай ему заснуть.

— Я ему не мѣшаю, сейчасъ уйду! У насъ сегодня вечернія занятія!

— Значитъ опять поздно придешь?

— Да, часовъ въ одинадцать!

Мать тяжело вздохнула и вышла.

— А развѣ неправда? — продолжала Марья Александровна прерванный разговоръ.

— Похоже на правду! — уклончиво отвѣчалъ Евгеній.

— Только похоже? Ну, ужъ ты меня не обманешь!

— Должно быть и у тебя, какъ у мамаши, сердце вѣщунъ?

— Вѣщунъ не вѣщунъ, да и при чемъ тутъ сердце? Простая логика говоритъ.

— Что же говоритъ твоя логика?

— Что ты сегодня уйдешь!...

— Положимъ, а дальше?...

— А дальше, моя логика, какъ ты ее называешь, логика благомыслящей россіянки, говоритъ, что тебѣ бы не слѣдовало сегодня никуда итти, а нужно было бы, по совѣту мамы, лечь, отдохнуть и собраться съ силами для завтрашнихъ занятій...

— Прекрасно! На этомъ и кончимъ! — сказалъ Евгеній, вставая съ дивана, — какъ ты думаешь, папа спитъ?

— Ничего не могу сказать! А что?

— Я хотѣлъ бы къ нему зайти?

— Это дѣлаетъ тебѣ честь! Ты еще не былъ у него сегодня.

— Не былъ! А какъ его состояніе?

— Все такъ же! Не лучше, но и не хуже! И такъ никакого признанія не будетъ?

— Не будетъ! — усмѣхнулся онъ, — можешь зажечь лампу. А вотъ тебѣ и спички!...

Онъ бросилъ на столъ коробку спичекъ и вышелъ изъ гостинной...

III.

Въ маленькой спаленкѣ, на кровати, изъ горки бѣлоснѣжныхъ подушекъ высовывалось страшно исхудалое, темное, обросшее черной съ сильной просѣдью бородой, лицо человѣка, лѣтъ пятидесяти пяти. Порою, лежавшая поверхъ одѣяла, на груди костлявая, длинная рука приходила въ движеніе, тянулась къ маленькому, стоявшему у кровати столику, на которомъ тускло и скучно горѣла свѣча; сухіе, костлявые пальцы схватывали стаканъ съ питьемъ и дрожа подносили его къ запекшимся губамъ. Порою сухой, звенящій кашель начиналъ потрясать впавшую, узкую грудь, и изъ нея вылетали хриплые стоны, а на сухихъ губахъ показывались полоски крови; тогда больной хватался исхудавшими руками за грудь, высоко закидывалъ голову на подушки и въ судорожномъ движеніи приподнимался всѣмъ корпусомъ на кровати, словно намѣреваясь встать и итти. Но пароксизмъ кашля прекращался и обезсиленный, полузадохшійся больной, подобно трупу, распластывался на постели, а на бѣломъ платкѣ, судорожно сжатомъ костлявыми пальцами въ комокъ, обозначалось ярко красное пятнышко крови...

Безшумно, не скрипнувъ дверью, вошелъ Евгеній въ спальню и остановился въ двухъ шагахъ отъ кровати больного.

Тотъ открылъ большіе, темные глаза и, взглянувъ на сына, сказалъ:

— А это ты? Мы еще не видались сегодня?

— Нѣтъ, не видались, папа! — отвѣчалъ Евгеній, — ну, какъ тебѣ?

— Все такъ же! — со вздохомъ отвѣчалъ больной, —

садись сюда! Ближе! Ты какой-то блѣдный? Здоровъ ли?

— Ничего, папа, здоровъ!

Онъ сѣлъ на мягкій табуретъ совсѣмъ близко къ кровати и съ тоскою и жалостью смотрѣлъ на исхудавшія, обострившіяся черты лица больного. Онъ хотѣлъ приласкаться, хотѣлъ сказать нѣсколько ободряющихъ словъ, и не могъ. Слова застревали въ горлѣ, и оно истерически сжималось при видѣ этого сгоравшаго человѣка, который былъ когда-то здоровъ, веселъ, добръ, котораго такъ сильно ломала жизнь и долгое время не могла сломить, а сломила болѣзнь, сначала казавшаяся такой пустяшной...

— А я, вотъ, лежу, и въ промежуткахъ кашля, думаю, скучаю! — началъ больной, — невеселое занятіе!... Когда здоровъ, такъ и не знаешь какое это благо — здоровье, а захвораешь, — тогда только начинаешь цѣнить... и поздно уже...

— Что поздно, папа?

— Поздно начинаешь цѣнить!... Здоровье-то, понимаешь? А потомъ и раздумаешься: чего жалѣть? Можетъ быть небытіе лучше? Какихъ, какихъ только мыслей не перебываетъ въ головѣ!... Но это все вздоръ! Какъ дѣла?

— Дѣла не важны, папа!

Больной забезпокоился въ постели и остановилъ на сынѣ лихорадочный, вопрошающій взглядъ.

— Я понимаю! — сказалъ онъ, — объясненія излишни!... Все, значитъ, идетъ по прежнему, все, все, все! — съ какою то болью, съ какимъ то надрывомъ въ голосѣ повторилъ онъ, — никакія жертвы не искупляютъ, не умилостивляютъ... ничто не...

Сильный пароксизмъ кашля заставилъ его умолкнуть. Евгеній быстро подошелъ, взялъ отца за худыя, острыми углами, торчавшія подъ рубашкой плечи и держалъ все время, со страхомъ смотря, какъ синѣло и мертвѣло его лицо.

Онъ долго еще не могъ отдышаться отъ этого страшнаго кашля, потомъ голова его скатилась на по-

душку, и онъ лежалъ недвижимо, какъ мертвецъ. Холодный потъ крупными каплями выступалъ у него на лбу, и при свѣчкѣ эти капли свѣтились, какъ роса на травѣ.

— Папа, не волнуйся! Видишь, какъ тебѣ вредно это! — уговаривалъ Евгеній, беря руку отца и поднося ее къ губамъ.

— Мнѣ все вредно, Евгеній! — хрипло прошепталъ больной,— мнѣ до того все вредно, что даже стало вредно жить! А я все живу, старая, искалѣченная кляча!... Но довольно объ этомъ! Ты уходишь сегодня? Да?

— Почему ты меня спрашиваешь?

— Такъ! Можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ показалось... у тебя видъ какой-то... Ты какъ на иголкахъ! Нѣтъ? Мнѣ такъ показалось?

— Нѣтъ, папа, ты угадалъ, я ухожу!

— А мать? Она знаетъ объ этомъ?

— Вѣдь это невозможно, наконецъ, папа! — вспылилъ Евгеній, — это Богъ знаетъ что! Какой то надзоръ! Я точно арестованный! Шагу не смѣй ступить, не сказавши... Что же это такое? Какая это жизнь!... Господи!...

— Ну, что будешь дѣлать! Развѣ не знаешь матери! Попробуй, — убѣди ее, что это есть проявленіе самаго жесточайшаго эгоизма! Попробуй, когда она убѣждена, что любитъ тебя и, любя, заботится о твоемъ благѣ. Вѣдь вотъ почтму я и спросилъ: знаетъ ли мать?

— Нѣтъ, не знаетъ!

— И не должна знать?

— Да, лучше, если не будетъ знать!...

— Прекрасно! Значитъ ей нужно будетъ сочинить?

— Вотъ я и хотѣлъ попросить тебя, папа, въ случаѣ, если я не приду сказать ей что-нибудь... ну, что я пошелъ заниматься, что-ли... что-нибудъ въ этомъ родѣ...

— Такъ, такъ! Ужъ я скажу, будь спокоенъ!...

Наступило тяжелое неловкое молчаніе. Свѣча по прежнему, тускло и скучно горѣла на столикѣ, освѣщая

красную жидкость въ аптечной стклянкѣ, стаканъ съ водою, серебря выпуклую поверхность чайной ложечки, лежавшей на салфеткѣ и бросая по стѣнамъ странныя, уродливыя тѣни отъ бывшихъ въ комнатѣ предметовъ.

Отецъ началъ первый.

— Что же ты не идешь? спросилъ онъ съ нервнымъ нетерпѣніемъ въ голосѣ.

Евгеній взглянулъ на карманные часы.

— Немного рано! — сказалъ онъ.

— Что же это, далеко?

— Да, порядочно! На Выборгской.

— У медиковъ?

— Нѣтъ! Хотя будутъ и медики!...

— Ну вотъ! Поди, убѣди ее! — воскликнулъ отецъ, — убѣди ее, что это обыкновенная студенческая вечеринка, а не что-нибудь такое ужасное, чѣмъ набита ея голова въ послѣднее время!

— Даже и не вечеринка! — криво усмѣхнулся Евгеній, — какая ужъ тамъ вечеринка! До вечеринокъ ли намъ! Просто сойдемся, потолкуемъ, попьемъ чайку! Вѣдь есть же, папа, и у насъ свои дѣла и интересы!

— Еще бы — взволновался отецъ — еще бы! Я думаю! Въ наше время были, а теперь я думаю, и того больше!... Человѣчество растетъ, мужаетъ, совершенствуется! О чемъ же я всегда ей говорю, такъ что же мнѣ дѣлать, если она слушать не хочетъ... Ты пойми, говорю, только одно — ну, придутъ молодые люди почитаютъ что есть интереснаго, потолкуютъ и о прочитанномъ и вообще о разныхъ матеріяхъ высокихъ, напьются чайку и разойдутся! Ну что тутъ такого, ну скажи на милость, что тутъ такого предосудительнаго? Такъ нѣтъ же! Втемяшилась ей въ голову эта гадость, повсюду распространяемая, что это и зазорно потому, дескать, что тамъ бываютъ дѣвицы-курсистки, и опасно, и чуть ли не преступно... однимъ словомъ, просто какая то чушь! А на концертахъ и балахъ дѣвицы съ молодыми людьми сходятся и танцуютъ разные па — это не зазорно? Э, Боже мой! И грустно и тяжело говорить.

— Ну и не нужно, папа, и ради Бога не волнуйся, потому ты сейчасъ начнешь кашлять... Мама не одна не понимаетъ... Есть тысячи, сотни тысячъ людей... Ахъ, нѣтъ папа, знаешь это очень тяжело... Пусть клевещутъ, обвиняютъ, говорятъ что хотятъ, мы знаемъ, что мы чисты, что наши желанія, наши цѣли также чисты и благородны, и это сознаніе помогаетъ намъ жить и бороться...

— Да, жить и бороться! — горько усмѣхнулся отецъ — больше бороться, нежели жить... Что дѣлать!

— Я пойду, папа.

— Идешь! — Какое то странное волненіе охватило больного. Онъ приподнялся съ подушекъ, расширенными лихорадочными глазами смотрѣлъ на сына и протягивалъ сухую, горячую руку, — идешь, да? Ну... прощай!

Евгеній поднесъ руку къ губамъ. Рука жгла губы.

— Только не волнуйся, пожалуйста, папа!

— Нѣтъ, нѣтъ!... — Больной склонился на подушку лицомъ къ стѣнѣ, — буду лежать... завтра, утромъ...

Евгеній тихонько на цыпочкахъ вышелъ изъ спальни, прикрылъ за собою дверь, и остановился въ темномъ корридорѣ, прислушиваясь. Со стороны спальни не было ни звука, но съ другой стороны корридора, гдѣ была дверь въ комнату Марьи Александровны, слышались два голоса: ея и Сони... Евгенія поразила странность интонаціи старшей сестры, — что то сухое, дѣловитое чувствовалось въ ней...

— Пришелъ и сидитъ, и сидитъ! — разсказывала Соня, — я и говорю: ну что взяли? Вы къ Манѣ пришли, а ея нѣтъ! Знаешь, — поддразниваю! А онъ самымъ невозмутимымъ образомъ отвѣчаетъ: ну, что же, я подожду!

— И долго ждалъ? — спросила Марья Александровна холодно и безстрастно.

— Представь: до половины двѣнадцатаго! Просто не знали, какъ выжить! Мамочка измучилась совсѣмъ... Хотя бы, говоритъ, вспомнилъ, что у насъ больной! Такой, право!

— Ничего! Такъ нужно! Сегодня придетъ, я буду съ нимъ немного любезнѣе... такъ чуть, чуть, и ужъ онъ будетъ чувствовать себя на седьмомъ небѣ... Ахъ, это такой человѣкъ!...

— Да, но все-таки, Маня, такъ мучить...

— Оставь! Ты ничего не понимаешь! Знаешь ли ты...

— Я понимаю, что онъ въ тебя влюбленъ!... Я прекрасно, прекрасно понимаю...

— Ну, и что же съ того! Дѣвочка ты, и больше ничего... Встань-ка, пожалуйста на стулъ, я на тебѣ примѣрю! Удивительно какъ ты мала ростомъ! Въ кого такая! Постой же, не вертись! Вотъ эти складки на юбкѣ мнѣ никакъ не удаются! Онѣ должны быть заложены въ таліи мелкимъ плиссе, а въ подолѣ должны расходиться свободно...

— Но это ужасно трудно, чтобы такъ подошло!

— Должно подойти! Не вертись, иначе я тебя уколю!...

Евгеній повернулся, и осторожно ступая въ темномъ корридорѣ, придерживаясь вытянутыми руками стѣнъ, вышелъ въ переднюю.

IV.

Больной долго оставался въ томъ же положеніи, — лицомъ къ стѣнѣ, и когда повернулся, наконецъ, къ свѣчкѣ, въ его сухихъ, воспаленныхъ глазахъ блестѣли слезинки.

— Нервы! Это все нервы! — сказалъ самъ себѣ Александръ Петровичъ, — нужно взять себя въ руки! Думать о чемъ нибудь другомъ, или такъ... вообще...

Онъ смотрѣлъ на спокойное, медленно тянувшееся, въ неподвижномъ воздухѣ кверху желтоватое пламя свѣчи, смотрѣлъ на столикъ передъ кроватью, покрытый бѣлой, вязанной салфеткой, на стулья, стоявшіе въ почтительномъ одиночествѣ въ полумракѣ комнаты, ко-

модъ, выдвигавшій изъ темноты свой круглый животъ, чуть-чуть поблескивавшій изъ угла частицами оклада маленькій образъ Спасителя, на всю эту десятками лѣтъ не мѣнявшуюся обстановку комнаты, и ему казалось, что тотъ эпизодъ изъ далекаго прошлаго, который вотъ сейчасъ только возникъ въ его памяти, произошелъ всего какихъ нибудь два-три дня тому назадъ. А между тѣмъ тому миновало почти двадцать лѣтъ. Такимъ же тусклымъ, желтымъ пламенемъ горѣла тогда свѣча, также стоялъ столикъ съ лекарствами и ложкой, и комодъ изъ мрака выдвигалъ свой объемистый, круглый животъ. Только посерединѣ была дѣтская кроватка, а въ ней метался и бредилъ въ жару четырехгодовалый Женя... И около него, почти не отходя, сидѣли и дежурили, то онъ, Александръ Петровичъ, то мать. Какъ тосковало и болѣло тогда его сердце и какой радостью, какой надеждой переполнялось оно каждый разъ, когда въ состояніи больного ребенка наступало временное улучшеніе! Съ какой тревогой смотрѣлъ онъ, отецъ, въ глаза суроваго, молчаливаго доктора, два раза въ день навѣщавшаго мальчика, и садившагося всегда на одно и то же мѣсто въ ногахъ. „Ну, что докторъ, какъ вы находите? Мнѣ кажется, что сегодня лучше? Не правда ли лучше?“ — спрашивалъ онъ, съ тоскливой боязливостью, заглядывая въ суровые глаза доктора. И ему казалось, что и теперь, еще въ этой пустой, мрачной комнатѣ слышатся его тоскливые вопросы: докторъ, какъ вы находите, ему лучше сегодня? Не правда ли лучше? А температура? Слава Богу, однимъ градусомъ ниже! А сердце? Вы не замѣчаете упадка сердечной дѣятельности. И потомъ этотъ ужасный крикъ, раздавшійся ночью въ этой комнатѣ: докторъ, ради Бога спасите его!

Все миновало... И докторъ тотъ состарился, бросилъ практику, оглохъ, ослѣпъ, и доживаетъ почти безсознательно свои послѣдніе дни, забылъ онъ и своего маленькаго паціента, какъ перезабылъ ихъ всѣхъ, и паціентъ его выросъ, возмужалъ...

И также жаль его теперь, какъ тогда!... Жаль эту мо-

лодую, честную, отзывчивую натуру ради идеи готовую итти на самопожертвованіе... Страшно подумать, что съ нимъ когда нибудь можетъ случиться несчастіе, что онъ можетъ погибнуть! И когда среди гробовой тишины мрачной комнаты, возникаетъ мысль о гибели, тогда невольно вспоминается время, когда онъ былъ совсѣмъ, совсѣмъ маленькимъ, бѣгалъ по комнатамъ на своихъ слабыхъ, маленькихъ ножкахъ, лепеталъ все, что приходило въ дѣтскую головку, смѣялся и довѣрчиво протягивалъ маленькую ручку...

И опять воспоминаніе мелькнуло въ головѣ... Лѣтній, чудный полдень... Сѣрая лента дороги... По сторонамъ колышется рожь. Онъ съ Женей идутъ по тропинкѣ... Откуда то издалека доносится колокольный звонъ. Онъ ведетъ сына за руку и въ своей большой крѣпкой ладони ощущаетъ нѣжную, мягкую ручку ребенка... Жаворонокъ поднялся... высоко, высоко, и сыплетъ трели своей пѣсни уже невидимый, изъ подъ голубого, безоблачнаго неба... Ребенокъ болтаетъ безъ умолку. Все останавливаетъ его вниманіе, все старается онъ узнать, на все настойчхво требуетъ отвѣта... А рожь склоняетъ свои полные тяжелые колосья и шумитъ...

Это въ ушахъ шумитъ... Кровь приливаетъ волною и производитъ этотъ странный шумъ. Упадокъ силъ, слабость, малокровіе вызываютъ это явленіе, и за время болѣзни, кажется можно было бы къ нему привыкнуть... А между тѣмъ...

Да, колосилась и шумѣла рожь... И много, много разъ она шумѣла, и много разъ онъ гулялъ съ маленькимъ Женей по полямъ, освѣщеннымъ солнцемъ, благоухавшимъ свѣже скошеннымъ сѣномъ... А весною, когда на черныхъ, не успѣвшихъ еще зазеленѣть поляхъ стояли цѣлые озера воды отъ стаявшаго снѣга и въ этихъ озеркахъ, недвижныхъ, ровныхъ какъ зѣркало, отражалось ясное весеннее небо и мчавшимися весело по немъ бѣлыми облачками, и пѣлъ свою весеннюю пѣснь жаворонокъ.... Онъ пѣлъ, казалось, о счастьи, о свободѣ, казалось, онъ пророчилъ и то, и другое тому

мальчику, пухлую ручку котораго въ широкой ладони сжималъ отецъ. И отцу казалось, что онъ держитъ руку будущаго борца за правду, героя, который побѣдитъ и разсѣетъ мракъ, неустрашимаго, сильнаго, могучаго, довершающаго то, о чемъ не смѣлъ и думать онъ отецъ...

Ахъ, какъ обманчивы весеннія пѣсни!... Зачѣмъ напрасными желаніями, несбыточными надеждами онѣ волнуютъ кровь и смущаютъ душу?... И робкій духъ дѣлаютъ геройскимъ.

Припоминаются длинные осенніе и зимніе вечера, тянущіеся многіе, многіе учебные годы... Припоминается исхудалое блѣдное лицо, — не столько выросшаго, возмужавшаго, сколько вытянувшагося, какъ тянется безъ солнца на окнѣ за двойными рамами былинка, — нѣкогда милаго, беззаботнаго ребенка Жени. Припоминается эта страшная, изсушающая умъ, долбежка латинскихъ исключеній и алгебраическихъ формулъ, и теперь, когда все это кончено, страшно становится при видѣ, что было сдѣлано съ человѣкомъ, во что превратился нѣкогда веселый, умный, любознательный ребенокъ... И при этомъ сознаніе, нѣкогда высказанное Сократомъ: „я знаю, что я ничего не знаю!“ Зачѣмъ же, зачѣмъ все это? Кому нужно это превращеніе изъ довѣрчиваго, любознательнаго ребенка въ скрытнаго, хмураго, вѣчно чѣмъ то недовольнаго, вѣчно обозленнаго юношу?

Но память упорно возвращается къ прошлому. Она не хочетъ знать этого превращенія, и нынѣшній юноша рисуется такимъ же мальчикомъ, какимъ онъ былъ десять, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Характеръ не измѣнился, вотъ что главное! — усердно подсказываетъ память, — помнится онъ былъ всегда немножко хмурымъ, ты же его звалъ иногда букой... Самолюбивый былъ мальчикъ, поэтому скрытничалъ и уединялся... Но замѣть, сколько въ немъ еще осталось прошлаго! Походка та-же, манера смотрѣть, говорить, даже сидѣть на кончикѣ стула, подогнувъ подъ сидѣнье ноги... Милый!... Вѣдь это все мое, всѣ мои привычки!... Да и все, все мое!... Развѣ я въ его года не дѣлалъ того же,

что и онъ, не любилъ того, что онъ любитъ и ненавидѣлъ, не боролся съ тѣмъ, съ чѣмъ онъ борется? Развѣ тутъ, сейчасъ, когда мы съ нимъ говорили, мы не понимали, не сочувствовали оба одному и тому же, не страдали отъ одного и того же?... Все, все съ полуслова, съ полунамека, все понятно и близко къ сердцу намъ обоимъ... И зная все, что должно быть, душа болитъ и страдаетъ!... Съ тяжелымъ вздохомъ, похожимъ на стонъ, больной повернулся лицомъ къ стѣнѣ. Тамъ назойливо, какъ всѣ эти больные дни и мѣсяцы лезли ему въ глаза обойные, коричневые треугольники съ золотыми орнаментами, вокругъ повторявшіеся безчисленное множество разъ... Когда же, когда конецъ.

За стѣной ровно - отчетливо тикали часы, какъ бы повторяя: „вотъ еще, вотъ еще!“ Что „вотъ еще?“ Жить, страдать, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ медленно умирать?... Нѣтъ, нужно думать о другомъ, непремѣнно о чемъ нибудь другомъ, иначе... можно сойти съ ума!...

И онъ сталъ „думать о другомъ“... Онъ началъ думать о семьѣ... О женѣ, Аннѣ Семеновнѣ, которая вдругъ стала ему такъ далека, такъ чужда... Что это, ошибка, самообманъ, или перемѣна въ ней, или годы заботъ, трудовой, семейной жизни, которые измѣнили ея характеръ, сдѣлали ее такой заботливой о собственномъ благосостояніи. Гдѣ же то прошлое, когда такъ свѣтло, съ такими надеждами смотрѣли они оба на жизнь, когда не о себѣ думалось, а о другихъ, и наслажденіе и награда была въ сознаніи, сдѣланнаго для людей добра...

О, какое ужасное разочарованіе, и оно наступило не теперь, а давно, чуть ли не съ рожденіемъ перваго ребенка...

А этотъ „первый ребенокъ“, эта милая маленькая Маня, утѣшавшая его въ печальные дни труда, заботъ и одиночества наивнымъ, милымъ лепетомъ своимъ, эта худенькая, съ короткой косичкой, бойкая гимназисточка старшаго класса, пытливая, любознательная, удивлявшая его своимъ умомъ и которой онъ въ душѣ пророчилъ

ученую дѣятельность, — во что превратилась она теперь съ ея какими то практическими курсами, давшими ей возможность достигнуть взлелѣяннаго идеала — сдѣлаться чиновницей банка...

И та, Соня, уже теперь черпающая житейскую премудрость изъ примѣровъ сестры... О, какъ тяжело, какъ больно! Откуда онѣ такія, почему такія, кто этому виноватъ?...

И только одинъ Евгеній... Милый, дорогой мальчикъ!... Все такой же, все такой же какъ и былъ: угрюмый, нелюдимый, бирюкъ, но съ золотымъ, отзывчивымъ сердцемъ, готовый на какое угодно самопожертвованіе... это... это и есть та соль земли...

Что это?

Больной вздрогнулъ. Ему показалось, что за стѣной (онъ лежалъ лицомъ къ стѣнѣ) тихо скрипнула дверь... Еще разъ... Вотъ и шаги... *его* шаги... Ну, да, ну, да, конечно!...

— Это я, папа! Я зашелъ еще разъ... на минуту...

— Да, да, я такъ и зналъ, что ты зайдешь! Зайдешь въ послѣдній разъ. Мнѣ было бы тяжело сознаніе, что я тебя никогда больше не увижу! Вѣдь ты знаешь, — я никогда больше тебя не увижу! Я это чувствую!... Ну, дай же мнѣ насмотрѣться на тебя! Милый мой мальчикъ! Я унесу твой образъ *туда*, въ то неизвѣстное, куда ухожу... Дай руку твою... Вѣдь ты, въ жизни своей исполнишь то, что не могъ я исполнить, о чемъ я только мечталъ, что рисовалось мнѣ тамъ гдѣ то, въ туманѣ будущаго, въ безпросвѣтномъ, густомъ туманѣ... А для васъ уже нѣтъ этого тумана, все ясно, опредѣленно, цѣль видна, и вы идете къ ней твердо и смѣло! Ступай... туда! Я не удерживаю тебя, не смѣю, не могу удерживать... Время настало, — ступай! О, если бы я могъ итти вмѣстѣ съ тобой, но я отжившій, я вамъ не нуженъ... безъ насъ обойдется! Вы, кузнецы своего счастья, куйте же сильнѣе, смѣлѣе, чтобы оно было крѣпко и вѣчно!...

Тянулось къ верху и тускло мерцало одинокое, желтое пламя свѣчи. Черныя тѣни тяжело повисли въ уг-

лахъ молчаливой комнаты. Какой то неясный, смутный шорохъ ночного безмолвія легкой волной струился отъ коричневыхъ, съ золотыми орнаментами, обоевъ къ запертой двери и обратно.

И больной услышалъ, какъ откуда то издалела, словно изъ глубокаго подземелья, стѣнные часы ударили разъ.

И точно такъ же, одинъ только разъ, какъ будто что оборвалось внутри его, оборвалось и остановилось.

Казалось, что на полуоткрытыхъ запекшихся губахъ его еще тихо звучало послѣднее слово, лежалъ послѣдній вздохъ, казалось, что эта вдавленная, втиснутая между остріями плечъ, изсохшая грудь еще разъ колыхнется подъ бѣлыми складками одѣяла, но остекловившіеся глаза уже съ безстрастіемъ смерти смотрѣли въ пространство, черныя тѣни отъ усовъ и бровей лежали недвижно и холодомъ, страшнымъ, неземнымъ холодомъ вѣяло отъ исхудавшаго, вытянувшагося тѣла...

V.

Утро было морозное, ясное, и какъ ни ярки, какъ ни теплы были лучи мартовскаго солнца, они не въ силахъ были растопить пласты снѣга на крышахъ и на мостовыхъ, по которымъ, весело постукивая, скользили извозчичьи санки. И вобще въ воздухѣ было разлито что то бодрящее, живое, жизнерадостное...

Праздничная публика широкими черными лентами тянулась по обѣимъ сторонамъ Невскаго проспекта, отъ Знаменья съ бѣлыми куполами церкви, до сверкавшаго золотомъ вдали кораблика Адмиралтейства. Особенно много народу подъѣзжало къ Знаменской площади на паровыхъ трамваяхъ общества невской пригородной дороги...

Большинство этихъ пассажировъ составляли заводскіе и фабричные рабочіе, въ новыхъ, ярко начищенныхъ сапогахъ „гармоніей“ и въ картузахъ, собиравшіеся погулять

по лучшей улицѣ столицы. Желаніе ли насладиться прогулкой въ ясный солнечный полдень, или что другое дѣлали эти, постоянно прибывавшія съ каждымъ поѣздомъ трамвая толпы народа необыкновенно живыми, веселыми и даже возбужденными. Многіе изъ пріѣзжавшихъ наполняли имперіалы всѣхъ трехъ вагоновъ Невской конки, но большинство предпочитали итти пѣшкомъ, увеличивая и безъ того громадное число прогуливавшихся.

Ни одного возгласа, ни одного громкаго слова не было слышно въ этихъ толпахъ народа, надвигавшихся на Невскій подобно волнамъ морского прилива, но что то направленное, возбужденное, что то нервное чувствовалось въ этомъ необычномъ движеніи.

Малѣйшее уличное приключеніе, появленіе ли пьянаго, котораго дворники водворяли въ сани, или паденіе поскользнувшейся на гололедицѣ извозчичьей лошади все тотчасъ же сообщало толпѣ тревожное настроеніе и она быстро собиралась у одного какого нибудь пункта подчасъ затормаживая даже движеніе экипажей.

И чѣмъ ближе къ Казанскому мосту, тѣмъ все гуще и гуще становилась толпа, все замедленнѣе дѣлалось ея движеніе, а на самомъ мосту, представлявшемъ возвышенный пунктъ Невскаго, толпа уже стояла недвижимо, сплошной стѣной.

Но середина улицы была свободна, и по ней двигались переполненные сверху до низу вагоны конки и настигая и обгоняя другъ друга, неслись экипажи самыхъ разнообразныхъ конструкцій, начиная съ доморощенныхъ саней петербургскаго „ваньки“ и кончая высокимъ, англійскимъ кэбомъ съ гладко выбритымъ кучеромъ на козлахъ.

И совсѣмъ уже необычно для такого ранняго часа дня позванивая бубенцами, проѣхала тройка съ четырьмя господами, совершенно не похожими на кутилъ, блѣдными и сосредоточенными, да какой то господинъ, въ формѣ военнаго врача, быстро промчался на велосипедѣ разъ и другой, взадъ и впередъ, и затѣмъ вдругъ исчезъ.

Сквозь запыленныя, не протертыя съ зимы, окна нѣ-

которыхъ домовъ виднѣлись, привлеченныя уличнымъ движеніемъ, фигуры квартирантовъ и среди нихъ оживленныя, любопытствовавшія лица дѣтей.

Стрѣлка часовъ на думской башнѣ приближалась къ двѣнадцати. Еще нѣсколько минутъ и послышался отдаленный выстрѣлъ пушки съ Петропавловской крѣпости...

А публика на обоихъ тротуарахъ Невскаго все прибывала и прибывала, и то тутъ, то тамъ, все чаще и чаще образовывались „заторы“, когда люди, столпившись въ кучу не могли уже подвигаться, и стояли...

Въ морѣ головъ, запрудившихъ Невскій, встрѣчались знакомые, ограничивавшіеся молчаливымъ рукопожатіемъ или пустыми, ничего не выражавшими фразами:

— Здравствуйте! Гуляете?

— Да! Погода, знаете ли, прекрасная!

— Замѣчательная! Хотя вѣтеръ съ сѣвера!

— Ну, это что! Мы, петербуржцы, привыкли.

И эти расходились съ тѣмъ, чтобы встрѣтиться съ другими знакомыми, и перекинуться такими же незначительными словами.

А между тѣмъ каждое такое слово, несмотря на его незначительность, жадно ловилось ухомъ, люди, вышедшіе на прогулку, беззаботные фланеры къ чему то прислушивались, что то желали услышать, увидѣть, узнать...

Было уже четверть перваго...

Въ это время, противъ зданія Думы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ паперти католической церкви изъ густой толпы вынырнула фигура Евгенія. Онъ былъ блѣденъ и возбужденъ. Запекшіяся и искусанныя въ кровь губы его были полуоткрыты и изъ нихъ горячей струей вылеталъ паръ запыхавшагося, уставшаго человѣка. Онъ дѣйствительно запыхался и усталъ. Двое, трое бывшихъ въ толпѣ товарищей тихонько окликнули его, онъ, оглянулся, бросилъ на нихъ безразличный, разсѣянный взглядъ и, какъ въ пучину, ринулся въ толпу... Вотъ онъ вынырнулъ за нѣсколько саженей впереди, платье его было въ безпорядкѣ, форменная фуражка сбилась

на затылокъ, длинныя, прямыя пряди волосъ прилипли къ вспотѣвшему лбу.

Продираясь сквозь толпу лѣвой рукой, правую, съ ея костлявыми, крѣпкими пальцами, онъ сунулъ за бортъ застегнутаго на всѣ пуговицы пальто. Вдругъ лицо его словно преобразилось, сдѣлалось какимъ то восторженнымъ, гордая усмѣшка пробѣжала по немъ, глаза загорѣлись, онъ отступилъ шагъ назадъ и быстро выхватилъ изъ за борта пальто руку...

К. Б.

СТАЧЕЧНАЯ БОРЬБА ПОЛЬСКИХЪ РАБОЧИХЪ.

Въ прошломъ году исполнилось 25 лѣтъ со времени выступленія польскаго пролетаріата на арену борьбы подъ знаменемъ соціализма. Исторіи этой 25-лѣтней борьбы такъ богата краснорѣчивыми фактами, что нѣтъ никакой возможности дать ихъ обзоръ въ одной небольшой статьѣ. Поэтому мы рѣшили знакомить съ ними читателей „Жизни" постепенно. Для начала мы беремъ стачечное движеніе.

I.

Еще въ 1876 г. т. е. какъ разъ въ тотъ годъ, когда въ Варшавѣ создались первые кружки для пропаганды среди рабочихъ, польскій экономистъ Познанскій могъ писать въ своей книжкѣ „Производительныя силы Царства Польскаго", что, „случаи стачекъ, оказывающихъ такое пагубное вліяніе на соціально-экономическія условія странъ и такъ часто повторяющихся заграницей, Польшѣ почти неизвѣстны въ промышленныхъ округахъ. Однако прошло какихъ нибудь нѣсколько лѣтъ, и стачки становятся въ Польшѣ явленіемъ довольно обычнымъ."

Въ 1882 г. вспыхнула первая крупная стачка въ Польшѣ —въ Жирардовѣ, неподалеку отъ Варшавы. Начали стачку женщины-шпулярки, которыя воспротивились уменьшенію и такъ ужъ минимальной заработной платы и бросили работу. Всѣхъ шпулярокъ было до 500. Онѣ спокойно разошлись по квартирамъ и по вечерамъ сходились, совѣщаясь о томъ, что слѣдуетъ предпринять. Такъ какъ фабрика получила массу заказовъ, то администрація готова была пойти на уступки; однако рѣшено было дѣйствовать прежде всего угрозами. Въ контору пригласили нѣсколько шпулярокъ и также работающихъ на фабрикѣ ихъ мужьевъ и отцовъ и объявили имъ, что въ слу-

чаѣ продолженія стачки будутъ разсчитаны родственники забастовавшихъ. Старшее поколеніе рабочихъ испугалоь этихъ угрозъ и стало уговаривать женщинъ прекратить забастовку, но молодежь поддержала товарокъ. Молодые также сообщили этимъ послѣднимъ, что запасныхъ шпулярокъ очень мало, вслѣдтвіе чего черезъ нѣсколько дней и ткачи должны будутъ прекратить работу, если шпулярки не сдадутся. По вечерамъ устраивались на улицахъ собранія, и на нихъ было рѣшенно забастовать всей фабрикой. Рѣшено было также итти къ пруду, прокопать насыпь и спустить всю воду необходимую для фабрики. Узнавъ объ этомъ послѣднемъ рѣшеніи, администрація обратилась къ полиціи и окружила прудъ и рѣку полицейскими и пожарными. На третій день появились начальникъ уѣздной земской стражи—Баронъ и жандарміи—Васильевъ. Администрація угостила ихъ самымъ щедрымъ образомъ. Начальство созвало рабочихъ и стало допытываться, каковы ихъ требованіи. Большинство рабочихъ требовало повышнія заработной платы и сокращенія рабочаго дня, но были и такія требованія, какъ напр., чтобы всѣ нѣмцы изъ администраціи были прогнаны, а фабрика перешла въ казну или къ прежнимъ владѣльцамъ земли, на которой она построена. На четвертый день запасныя шпульки стали приходить къ концу, и ткачи начали бросать работу. Администрація послала за войскомъ и вступила въ переговоры съ рабочими, доказывая имъ, что фабрика—настоящее благодѣяніе для рабочихъ, что она работаетъ еле сводя конецъ съ концомъ, что прежде рабочимъ платили еще меньше, и они были довольны и т. д. и т. д. Однако рабочіе не поддавались на эту удочку, и количество бастующихъ увеличилось постепенно до нѣсколькихъ тысячъ.

Нѣсколько смѣльчаковъ отправились къ дому главнаго управляющаго Вонтрубскаго и начало бить тамъ стекла. Тоже самое произошло и въ домѣ одного изъ директоровъ—Франке, который, переодѣвшись въ платье жены, бросился спасаться на фабрику. Толпа стачечниковъ двинулась въ машинное и котельное отдѣленіе и стала открывать краны для спуска воды. Затѣмъ всѣ еще работающіе ткачи были ими насильно высланы, причемъ стачечники изломали нѣсколько ткацкихъ станковъ. Владѣлецъ завода Гилле получилъ кулакомъ по физіо-

номіи. Къ концу четвертаго дня изъ 8000 рабочихъ, занятыхъ на фабрикѣ, уже никто не работалъ.

Въ тотъ же день пришла рота солдатъ, расположившаяся на площади. Толпы народа окружили солдатъ. Когда одинъ изъ этихъ послѣднихъ ударилъ ткача Букерта, тотъ вышибъ ему камнемъ нѣсколько зубовъ и продырявилъ щеку. Букерта арестовали, но товарищи отбили его, причемъ произошла свалка между солдатами, дѣйствовавшими прикладами, и толпой, вооруженной камнями. На слѣдующій день появился помощникъ губернатора Мартыновъ съ казаками и войскомъ. Казаки стали разгонять толпу нагайками,—толпа отвѣтила градомъ камней. Съ обѣихъ сторонъ были раненые. Мартыновъ приказалъ арестовать 40 рабочихъ. Толпа собралась вокругъ дома, гдѣ они были заключены, и требовала ихъ освобожденіе, угрожая разнести кутузку. И дѣствительно толпа кинулась на охраняющихъ кутузку солдатъ. Командовавшій ими унтеръ-офицеръ рѣшилъ напугать рабочихъ и приказалъ стрѣлять вверхъ. Но это не помогло, и толпа готова была снять стражу. Тогда ружья были направлены на толпу, и трое стачечниковъ были убиты наповалъ, а пятнадцать человѣкъ ранено. Прибѣжалъ Мартыновъ съ казаками, но толпа не разсѣевалась и не переставала требовать освобожденія арестованныхъ. Мартыновъ сталъ успокаивать рабочихъ, говорилъ съ ними попольски, обѣщалъ отдать подъ судъ стрѣлявшихъ, выпустить арестованныхъ и т. д. Толпа стала расходиться.

На шестой день владѣльцы фабрики сдались. Они обязались сократить рабочій день на 1 часъ, повысить плату шпуляркамъ, дать раненымъ занятіе на фабрикѣ до конца ихъ жизни, похоронить на свой счетъ убитыхъ, заплатить за дни стачки, причемъ никого ничѣмъ за стачку не наказывать, завести фабричныя лавки, въ которыхъ съѣстные припасы продавались бы дешевле чѣмъ въ городскихъ, разсчитать директора Франке и другихъ особенно нелюбимыхъ рабочими членовъ администраціи. И дѣйствительно все это было ими исполнено. Похороны убитыхъ были устроены съ большой торжественностью. Жандармы, щедро подмазанные, не возбуждали никакого дѣла по поводу стачки. Такимъ образомъ, эта первая крупная стачка въ Польшѣ окончилось полной побѣдой.

Жирардовская стачка имѣла характеръ чисто стихійнаго движенія, не безъ нѣкоторыхъ чертъ фабричнаго бунта (напр. ломки станковъ, спусканья воды и т. д.), не повторявшихся уже во время позднѣйшихъ стачекъ въ Польшѣ. Мы видимъ у рабочихъ только сильно развитое чувство солидарности, но степень ихъ сознательности довольно невысока. Тѣмъ не менѣе стачка удалась, администрація сравнительно довольно охотно идетъ на уступки, а пальбу по толпѣ можно объяснить скорѣе случайностью, нежели системой, которой русское правительство начинаетъ пользоваться впослѣдствіе въ такихъ широкихъ размѣрахъ. Все это доказываетъ, что ни сами рабочіе, ни администрація фабрики, ни власти еще хорошо не понимали дѣйствительной силы нарождающагося рабочаго движенія.

Въ 80-хъ гг., т. е. въ періодъ дѣятельности партіи „Пролетаріатъ", стачки вспыхивали неоднократно и въ Варшавѣ, и въ Лодзи, и въ другихъ центрахъ польской промышленности, но всѣ онѣ носятъ случайный характеръ и по своимъ размѣрамъ не представляютъ ничего выдающагося... „Пролетаріатъ", правда, поддерживалъ стачки и заботился о распространеніи среди рабочихъ убѣжденія въ необходимости борьбы съ фабрикантами, но къ стачкамъ онъ относились до извѣстной степени скептически и, воздѣйствуя на рабочихъ, прежде всего старался выработать изъ нихъ вполнѣ сознательныхъ революціонныхъ борцовъ, готовящихся къ политическому перевороту. О систематическомъ массовомъ стачечномъ движенія рабочихъ во время „Пролетаріата" не могло быть рѣчи.

Это движеніе зародилось въ Польшѣ только въ началѣ 90-хъ годовъ, подъ вліяніемъ агитаціи въ пользу празднованія 1-го мая.

Рѣшеніе парижскаго интернаціональнаго соціалистическаго конгреса было сочувственно встрѣчено и польскими соціалистами. Извѣстія о подготовленіи перваго майскаго праздника въ различныхъ странахъ Европы вызывали много толковъ и въ польской рабочей средѣ, тѣмъ болѣе что легальная польская пресса довольно много писала объ этихъ приготовленіяхъ. Началась агитація на фабрикахъ и мастерскихъ Варшавы. Сознательные товарищи стали выяснять рабочей массѣ

необходимость прекращенія работы 1-го мая. Не дремали и фабриканты. И ихъ обнялъ страхъ, охватившій европейскую буржуазію въ 1890 г. Администрація фабрикъ заявляетъ, что рабочій, осмѣлившійся не явиться на работу 1-го мая, будетъ сейчасъ же разсчитанъ. Правительственныя власти располагаютъ въ рабочихъ кварталахъ казаковъ и пускаютъ слухи, что рабочіе 1-го мая будутъ бить евреевъ и грабить ихъ лавки.

За нѣсколько дней до 1-го мая партіи „Пролетаріатъ" распространяетъ среди рабочихъ Варшавы и Лодзи прокламацію, въ которой выяснялись значенія 8-часового рабочаго дня и майской манифестаціи. Прокламація обращалось къ рабочимъ съ призывомъ прекратить работу 1-го мая и этимъ заявить о своемъ пониманіи международной солидарности пролетаріата. Въ Лодзи была распространена еще и нѣмецкая прокламація „Пролетаріата", обращавшаяся къ тамошнимъ (весьма еще многочисленнымъ въ то время) нѣмецкимъ рабочимъ. Эти прокламаціи сдѣлали свое дѣло, и, хотя прекратившихъ работу было не больше 10000, однако вѣсть о майскомъ праздникѣ распространилась по всей Польшѣ, вызывая сильный подъемъ духа и среди рабочихъ, и среди соціалистовъ изъ интеллигенціи, которые воочію убѣдились о возможности массовой борьбы рабочихъ. Приподнятое настроеніе рабочихъ не улеглось довольно долго. Въ Варшавѣ непосредственно послѣ майскаго праздника начинается стачка въ столярной мастерской Цельта, продолжавшаяся довольно долго, но проигранная и на фабрикѣ вѣсовъ Шперлинга, закончившаяся удовлетвореніемъ требованій рабочихъ.

Стачечная борьба становится весьма популярной въ рабочей средѣ. Въ концѣ 1890 г. образуется „Касса Сопротивленія", которая очень быстро пріобрѣтаетъ членовъ во всѣхъ варшавскихъ фабрикахъ. Самое существованіе „Кассы" вліяетъ очень ободряюще на рабочую массу, которая расхватываетъ агитаціонную брошюрку, выясняющую значеніе этой „Кассы" и пользу стачекъ. Среди соціалистической интеллигенціи появляется направленіе, которое начинаетъ — въ противоположность „Пролетаріату" — открещиваться отъ политической борьбы и видѣть все спасеніе единственно въ экономической борьбѣ рабочихъ. Сторонники этого теченія созда-

ютъ организацію „Союзъ рабочихъ", ударившуюся во всѣ крайности чистаго „экономизма", между тѣмъ, какъ эпигоны „Пролетаріата" стараются найти иный выходъ и слить массовое движеніе рабочихъ съ политической борьбой соціалистовъ.

1891 годъ былъ свидѣтелемъ развивающагося стачечнаго движенія. Въ Домбровѣ бастовало 2000 горнорабочихъ на „Нивкѣ", требуя измѣненія способа выдачи заработка. Но стачечное движеніе развилось особенно сильно послѣ 1-го мая. Агитація и въ этомъ году передъ 1-ымъ мая велась очень интенсивно. Въ Варшавѣ, Лодзи, Жирардовѣ и другихъ фабричныхъ мѣстностяхъ Царства Польскаго были распространены двѣ брошюры о значеніи 1-го мая — одна отъ „Пролетаріата", другая отъ группы „польскихъ соціалистовъ". Не было фабрики или мастерской, куда бы не проникли эти изданія, и рабочіе съ нетерпѣніемъ ожидали своего праздника. Между тѣмъ полиція приняла серьезныя мѣры къ подавленію майскаго движенія. Рабочимъ угрожали тюрьмой, если они будутъ праздновать 1-е мая, а цензура не пропускала въ легальной прессѣ ни одного извѣстія о приготовленіяхъ къ празднованію 1-го мая на Западѣ.

Въ 1891 г. уже принимала участіе въ праздновапіи 1-го мая не одна Варшава. Въ Лодзи забастовало около 5000, забастовалъ весь Жирардовъ — 9000 рабочихъ. И почти вездѣ празднованіе 1-го мая изъ манифестаціи превращается въ стачку. Стачка приняла особенно широкіе размѣры въ Жирардовѣ, гдѣ фабрики стояли цѣлую недѣлю и гдѣ стачки закончились полнымъ разгромомъ рабочихъ казаками, причемъ были убитые и раненые. Изъ Жирардова вывезли тогда 300 семей арестованныхъ. Въ іюнѣ началась новая серія стачекъ въ Варшавѣ. Бастовали фабрика мебели „Войцѣховъ", фабрика ножей Кобылянскаго, фабрика проволоки Воленовскаго, фабрика Шленкера, Ростинскаго и т. д. Были и стачки въ провинціи, напр. въ Томашовѣ. Рядомъ съ „Кассой Сопротивленія" въ Варшавѣ, возникаютъ подобныя кассы въ Лодзи, спеціальныя кассы устраиваются отдѣльными ремеслами. Все это вліяетъ весьма сильно на оживленіе рабочаго движенія. Стачки продолжаются весь 1891 г. и пер-

вую половину 1892 г., ознаменовавшагося колоссальными лодзинскими волненіями.

Полиція относилась къ стачечному движенію, пока оно не выходило изъ границъ мелкихъ промышленныхъ заведеній и не охватывало сразу болѣе крупнаго количества рабочихъ,—довольно сдержанно и не прибѣгала къ репрессаліямъ. Жандармы иногда даже разыгрывали роль друзей рабочаго класса, но довольно безуспѣшно. Съ одной стороны рабочіе знали о томъ, что происходило въ Жирардовѣ, а съ другой — ненависть къ русскимъ властямъ слишкомъ вкоренилась у польскихъ рабочихъ, чтобы жандармамъ удалось ихъ обмануть лицемѣрной дружбой. Подъ вліяніемъ оживленія въ рабочей средѣ русское правительство начинаетъ вводить въ Польшу фабричное законодательство, существовавшее въ то время въ Россіи. Кое где рабочіе протестуютъ противъ особенно стѣснительныхъ пунктовъ этого законодательства, отказываются, напр., принять фабричныя разсчетныя книжки и т. д.,—но безуспѣшно. Весной 1892 г. двинулся самый малокультурный классъ рабочихъ — строительные, которые добились упорной стачкой улучшенія условій труда.

Приблизилось 1-е мая. Всѣ существовавшія въ то время соціалистическія группы готовили рабочихъ къ майской забастовкѣ. Агитація проникла въ самые отдаленные пункты, повсюду пробуждая у рабочихъ желаніе улучшить путемъ борьбы свою горькую долю.

5-го мая забастовала одна изъ небольшихъ фабрикъ въ сѣверо-западной части Лодзи. Стачечники, требовавшіе сокращенія рабочаго дня и увеличенія заработковъ, вышли на улицу съ пѣснями и начали убѣждать и склонять къ стачкѣ рабочихъ другихъ фабрикъ. Фабриканты тотчасъ же заявили объ этомъ полиціи. Было около 11 ч. утра. Толпа стачечниковъ все увеличивалась. На фабрикѣ Шмидта стачечники застали стражниковъ передъ закрытыми воротами. Ворота были сломаны, и рабочіе Шмидта, присоединившись къ забастовавшимъ, двинулись дальше. Вскорѣ они наткнулись на отрядъ войска и полиціи, которая стала хватать и уводить въ тюрьму отдѣльныхъ рабочихъ. Захваченные сопротивлялись и бывали тутъ же избиваемы полиціей и солдатами. Рабочіе одной изъ самыхъ крупныхъ фабрикъ — Познанскаго — заго-

родили войску дорогу, желая отбить арестованныхъ. Къ рабочимъ присоединилось толпа зѣвакъ, между которыми было особенно много женщинъ, которыя стали разбирать кучу камней, приготовленныхъ для мостовой. И мущины вооружились камнями. Между тѣмъ офицеръ, командовавшій отрядомъ, отлучился куда то на время, передавъ команду унтеръ-офицеру, который самъ не зналъ, что ему дѣлать. Когда рабочіе стали осыпать солдатъ камнями, раздались первые выстрѣлы, положившіе на мѣстѣ пять человѣкъ, въ томъ числѣ ученика 5-го класса реальнаго училища, еврея-подростка и женщину. Выстрѣлы не испугали толпу, которая стала съ яростью осыпать солдатъ камнями. Солдаты защищались штыками, стрѣляли, но напоръ толпы былъ настолько силенъ, что имъ пришлось въ безпорядкѣ отступить.

Между тѣмъ изъ Варшавы, отъ генералъ-губернатора Гурки пришли телеграммы: „стрѣлять, патроновъ не жалѣть“, и началась пальба въ различныхъ пунктахъ города. Войско дѣйствовало отдѣльными мелкими отрядами, а толпы рабочихъ постоянно возростали и совсѣмъ не думали отступать. Смерть товарищей только усиливала ярость остальныхъ. Особенно энергично рабочіе отбивали арестованныхъ. Арестованные тоже защищались, и ихъ вели въ тюрьму, избитыхъ и израненныхъ. Когда рабочіе услыхали крикъ истерзанныхъ на тюремномъ дворѣ, то несмотря на пальбу, у воротъ тюрьмы столпилось громадное множество стачечниковъ, которые, въ концѣ концовъ, выломали ворота и овладѣли тюрьмой. Были взяты приступомъ и казармы, изъ которыхъ войско удалилось. Вообще рабочіе нападали на солдатъ съ такимъ натискомъ, что этимъ послѣднимъ приходилось прибѣгать къ сооруженію барикадъ изъ дрожекъ.

Подъ вечеръ Лодзь очутилась въ рукахъ рабочихъ, такъ какъ все войско (его было около 4000), всѣ власти и часть фабрикантовъ бѣжали изъ города. Въ Лодзи господствовало полное спокойствіе. Настроеніе рабочихъ массъ было торжествующее. Это настроеніе охватило и горсть младшаго поколѣнія интеллигенціи, многіе говорили, что слѣдуетъ присоединиться къ рабочимъ, но вообще никто не зналъ, что дѣлать. Среди рабочихъ многіе выражали свое неудовольствіе, что

соціалисты только прокламаціи разбрасываютъ, а потомъ, когда ихъ присутствіе крайне необходимо, ихъ не отыщешь.

Между тѣмъ въ предмѣстьи—Балуты, являющемся мѣстомъ ссылки для поднадзорныхъ уголовныхъ всего Царства Польскаго, начался еврейскій погромъ, вызванный, какъ потомъ оказалось, умышленно полиціей, дѣйствующей въ Лодзи, какъ и во всемъ Царствѣ Польскомъ, въ полномъ согласіи *). Хотя масса лодзинскихъ рабочихъ не принимала въ этомъ погромѣ участія, однако онъ вызвалъ всеобщее уныніе и сильно содѣйствовалъ упадку духа рабочихъ, которые собрались громадной толпой на городской площади и стали совѣтоваться надъ тѣмъ, что предпринять. Выступило нѣсколько ораторовъ, которые доказывали, что первымъ долгомъ слѣдуетъ избрать „польскаго короля“. Онъ и былъ избранъ. Но когда „король“ (портной-заплатчикъ В.) взобрался на столъ и началъ что-то говорить, на площади показалась сотня казаковъ, которые стали разгонять толпу, причемъ захватили злополучнаго „короля“, и такъ же внезапно исчезли, какъ появились. На казаковъ посыпались камни, часть толпы бросилась вслѣдъ за ними—выручать „короля“, но безуспѣшно. Рѣшено было уйти изъ Лодзи и расположиться въ костантинопольскомъ лѣсу. И, дѣйствительно, это было приведено въ исполненіе.

Между тѣмъ власти окружали городъ войскомъ, поспѣшно сгоняемымъ со всѣхъ сторонъ. Изъ Калиша прибыли драгуны, изъ Велюня казаки. Явились войска изъ Ченстохова, Петрокова и Варшавы. Черезъ три дня послѣ начала волненій солдатъ было уже около 40000. Они стали постепенно занимать городъ. Сначала появились конные патрули, которые приказывали повсюду закрывать ставни и запрещали жителямъ выходить на улицу. Затѣмъ выходили отряды войскъ. Когда входилъ первый отрядъ пѣхоты, изъ одного дома раздались два выстрѣла, и солдаты стали разбѣгаться. Стрѣляли и изъ другихъ домовъ, но виновники не были найдены. Губернаторъ Миллеръ вошелъ въ переговоры съ расположившимися въ лѣсу рабочими, причемъ въ него кто то изъ толпы запустилъ

*) Въ Царствѣ Польскомъ обыкновенно воры, конокрады и стражники составляютъ одну шайку, дѣлящуюся своими „доходами“ съ начальствомъ уѣзда, полицмейстеромъ и т. д.

камнемъ. Рабочіе постепенно стали возвращаться на фабрики, и вскорѣ все въ Лодзи пошло обычнымъ порядкомъ.

Въ лодзинскихъ событіяхъ принимало участье до 100.000 человѣкъ. Къ лодзинскимъ рабочимъ присоединились згерскіе и пабьяницкіе. На помощь Лодзи двинулись потомъ и крестьяне, у которыхъ въ Лодзи много родныхъ и знакомыхъ на фабрикахъ. Шли слухи, что „нашихъ бьютъ москали“, что „москали разрушаютъ костелы“, и крестьяне вооружились кто чѣмъ могъ: вилами, цѣпами, топорами. Но войска не пропускали ихъ въ городъ. Изъ нихъ выбирали по десятку человѣкъ и вели къ костеламъ, чтобы они могли убѣдиться въ ихъ цѣлости и невредимости. Жертвы лодзинскихъ волненій были весьма многочисленны. Однихъ похороненныхъ рабочихъ, послѣ занятія войсками города было 108. Число убитыхъ и тяжело раненыхъ солдатъ доходило до 50.

Характерно, что губернаторъ Миллеръ воспротивился желанію лодзинскихъ фабрикантовъ сдѣлать уступки рабочимъ. Кое-что было сдѣлано фабрикантами только впослѣдствіи.

Лодзинскія волненія подняли рабочихъ всего юго-западнаго промышленнаго округа Польши. Рабочіе Побьяницъ, Згержи и Здуньской Воли потребовали сокращенія рабочаго дня и увеличенія заработка. Стачки продолжались тамъ болѣе двухъ недѣль. Въ іюлѣ поднимается нѣсколько сотъ горнорабочихъ Домбровскаго округа. Вообще майскія событія въ Лодзи произвели громадное впечатлѣнія на рабочихъ всей Польши. О нихъ зналъ буквально каждый, и они стали однимъ изъ исходныхъ пунктовъ новой эпохи польскаго рабочаго движенія. Всѣ поняли, какую громадную революціонную силу представляютъ польскія рабочія массы, всѣ поняли, что эти массы слѣдуетъ во что бы то стало вовлечь въ политическую борьбу и что для этого необходимы новые пріемы агитаціи и пропаганды. Лодзинская бойня окончательно убѣдила сторонниковъ „экономизма“ въ невозможности мирной стачечной борьбы, а отрицательный отвѣтъ русскаго правительства на петицію лодзинскихъ фабрикантовъ, которые подъ вліяніемъ 1892 г. предлагали сократить рабочій день на фабрикахъ и заводахъ, заставилъ польскихъ соціалистовъ понять, чѣмъ является для польскаго рабочаго движеніе захватъ Польши Россіей.

И вотъ въ 1893 г. всѣ соціалистическія силы Польши сливаются въ одну сильную партію, которая становится руководительницей всего рабочаго движенія. Со времени выступленія П. П. С. въ качествѣ единственной представительницы польскаго рабочаго движенія и стачечная борьба рабочихъ пріобрѣтаетъ иной характеръ. Въ ней исчезаетъ прежняя стихійность и неподготовленность; видно, что она руководится опытными руками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и это важнѣе всего, ни одна болѣе значительная стачка—выигранная или проигранная — не проходитъ безъ того, чтобы партія не выяснила и не популяризировала среди рабочихъ массъ ея политическаго значенія.

Этотъ новый періодъ стачечнаго движенія въ Польшѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія, и поэтому мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе.

II.

Въ мартѣ 1894 г. вспыхнула стачка текстильныхъ рабочихъ акціонерной фабрики „Заверце“ въ Бендзинскомъ уѣздѣ Петроковской губ. Забастовало 5000 человѣкъ — мужчинъ и женщинъ. Рабочіе, узнавъ, что фабрика дала въ 1893 году громадный доходъ и что изъ чистой прибыли директорамъ и техникамъ назначена крупная награда, потребовали увеличенія заработной платы. Это было тѣмъ болѣе справедливо, что дирекція рѣшила сократить и такъ ужъ скудные заработки. Стачка продолжалась недѣлю, при чемъ былъ сохраненъ образцовый порядокъ. Рабочіе говорили „мы прекрасно знаемъ, какъ намъ вести себя, чтобы фабриканты не могли насъ заставить работать, пуская на насъ войско“. Когда акціонеры фабрики телеграфировали изъ Берлина, что въ случаѣ, если рабочіе не прекратятъ забастовки, слѣдуетъ закрыть фабрику на шесть недѣль и разсчитать вожаковъ — стачечники отвѣтили, что они могутъ держаться и дольше. И администрація фабрики, и начальникъ уѣзда, и фабричная инспекція убѣждали рабочихъ приняться за работу, обѣщая

въ такомъ случаѣ уступки. Стачечники отвѣчали, что они не вѣрятъ неопредѣленнымъ обѣщаніямъ и прекратятъ забастовку лишь тогда, когда имъ оффиціально будутъ поименованы уступки администраціи. Петроковскій губернаторъ, пресловутый Миллеръ, по своему обыкновенію запретилъ администраціи фабрики сейчасъ же увеличить плату рабочимъ. На пятый день стачки вывѣшенно было объявленіе губернатора, угрожающее рабочимъ высылкой на родину, но оно не произвело никакого впечатлѣнія. Между тѣмъ администрація фабрики, видя сколько убытковъ приноситъ ей каждый день стачки, тѣмъ болѣе, что ей приходилось поить и кормить казаковъ и полицію, рѣшилась пойти на уступки. Она публично заявила, что дастъ рабочимъ 30000 рублей, уплатитъ имъ за дни стачки и готово разсмотрѣть положеніе рабочихъ въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ фабрики. Рабочіе прекратили стачку, получили по 6 руб. (изъ этихъ 30000) на человѣка и думали, что переждавъ извѣстное время, администрація повыситъ разцѣнки.

Однако прошелъ почти мѣсяцъ, а разцѣнки не были повышены. Поэтому рабочіе рѣшили опять начать забастовку. 12-го апрѣля на фабрикѣ были распространены листки, призывающіе рабочихъ къ забастовкѣ, и на слѣдующій день съ самаго утра на фабрику не явился ни одинъ рабочій, ни одна работница. Такъ какъ 3/5 рабочихъ — это крестьяне (безземельные и малоземельные) изъ окрестныхъ селъ, то всѣ они отправились въ деревню, а остальные вели себя такъ же, какъ и во время первой стачки — спокойно и серьезно. На третій день администрація фабрики вывѣсила объявленіе, угрожающее всѣмъ тѣмъ, кто не вернется на работу въ теченіе 3-хъ дней, разсчетомъ и выселеніемъ изъ фабричныхъ домовъ. Эта угроза не подѣйствовала на стачечниковъ. Тогда явился губернаторъ Миллеръ и велѣлъ созвать рабочихъ для переговоровъ. Онъ усовѣщивалъ ихъ и говорилъ, что не позволитъ повысить разцѣнки до тѣхъ поръ, пока продолжится стачка. Видя, что его угрозы и увѣщеванія не приводятъ къ желательнымъ результатамъ, онъ приказалъ арестовать десятокъ рабочихъ, особенно бойко ему отвѣчавшихъ. Въ отвѣтъ на это поднялся ропотъ, стачечники стали кричать; „если такъ,

то арестуйте насъ всѣхъ!" и въ концѣ концовъ разошлись по домамъ съ крикаки: „не пойдемъ на работу!"

Тогда губернаторъ обратился къ послѣднему аргументу русскаго правительства, ставшаго впослѣдствіи первымъ. Изъ Ченстохова пришли драгуны, земская стража кинулась арестовывать стачечниковъ, начался разгромъ. Пошли массовые аресты, заграничныхъ подданныхъ высылали въ Пруссію и Австрію, предварительно подвергнувъ ихъ тѣлесному наказанію и заковавъ въ кандалы. Солдаты врывались въ жилища рабочихъ, били мужчинъ и женщинъ прикладами; на скрывавшихся въ лѣсахъ устраивались настоящія облавы, били ихъ нагайками и прикладами. Эта варварская расправа продолжалась цѣлыхъ двѣ недѣли, но рабчіе не сдавались. Только тогда, когда фабрика стала выписывать рабочихъ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, стачечники поняли, что дальнѣйшая борьба безполезна, и 30 апрѣля вернулись къ станкамъ.

Хотя спустя нѣкоторое время администрація фабрики и повысила разцѣнки, тѣмъ не менѣе жертвы были слишкомъ велики сравнительно съ этими результатами. Фабрика разсчитала нѣсколько сотъ рабочихъ, а около двухъ десятковъ попало въ петроковскую тюрьму. Въ агитаціонномъ отношеніи эта стачка не замедлила сыграть очень выдающейся роли, такъ какъ рабочіе, выступившіе въ борьбу съ капиталомъ, сразу же наткнулись на террористическія мѣры царскихъ властей.

Запрещеніе администраціи фабрики дѣлать рабочимъ уступки до окончанія стачки не было единичнымъ случаемъ во время одной только стачки въ Заверце. Въ томъ же апрѣлѣ 1894 г., когда въ Домбровскомъ округѣ забастовало около 4000 рабочихъ литейнаго завода Фицнера и Гампера, ткацкой фабрики Дителя и угольной копи „Михаилъ", губернаторъ Миллеръ вывѣсилъ объявленіе, переполненное угрозами по адресу рабочихъ, и заканчивающееся слѣдующими словами: „...не только не допущу повышенія заработной платы бунтующихся, или вообще улучшенія быта стачечниковъ администраціей копей и фабрикъ, но даже не позволю приступить къ расмотрѣнію предъявленныхъ ими требованій до окончательнаго усмиренія бунта и добровольнаго возвращенія рабочихъ къ покинутымъ ими занятіямъ".

Такое заявленіе губернатора наглядно показало рабочимъ, что первый ихъ врагъ—русское правительство, что даже тогда, когда они, благодаря своей солидарности, заставятъ фабрикантовъ пойти на уступки, русское правительство не допуститъ этого. Это заявленія представителя правительственной власти было въ самыхъ широкихъ размѣрахъ использовано П. П. С., которая поспѣшила въ своихъ органахъ подчеркнуть роль царскихъ властей и показать рабочимъ, какъ необходима для нихъ борьба съ русскимъ правительствомъ и какъ тщетны всѣ ихъ усилія до тѣхъ поръ, пока русскій деспотизмъ хозяйничаетъ въ Польшѣ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что не такъ давно еще (въ 1890—92 гг.) среди польскихъ рабочихъ и интеллигентовъ, особенно принадлежавшихъ къ разгромленному правительствомъ въ 1892 г. „Союзу рабочихъ", существовалъ взглядъ, будто чисто экономическая борьба рабочихъ можетъ разсчитывать на прочный успѣхъ и при деспотизмѣ. Правда лодзинская бойня 1892 образумила большинство сторонниковъ „чистаго экономизма", но все-таки остатки этого заблужденія кое гдѣ еще сохранились.

Новый агитаціонный матеріалъ доставила П. П. С. громадная стачка ткачей въ Бѣлостокѣ осенью 1895 г.

Стачка вспыхнула по слѣдующему поводу. Когда въ 1892 году правительство ввело обязательныя разсчетныя книжки на фабрикахъ, вся бѣлостокская рабочая масса воспротивилась принятію ихъ, какъ крайне невыгодныхъ для рабочихъ. Протестъ былъ настолько дружный, что правительство опѣшило и отказалось отъ немедленнаго введенія ихъ въ Бѣлостокѣ. Только въ августѣ 1895 г. гродненская фабричная инспекція возобновила попытку снабдить бѣлостокскихъ рабочихъ разсчетными книжками, отпечатала ихъ и разослала во всѣ фабрики Бѣлостока и его окрестностей. Рабочіе заволновались и рѣшили ни за что не принимать разсчетныхъ книжекъ. Одна за другой останавливались фабрики въ Бѣлостокѣ, Хорощѣ, Супрасли и т. д. Забастовало въ общемъ 26000 ткачей—поляковъ, нѣмцевъ и евреевъ. П. П. С. формулировала требованія рабочихъ, выясняя имъ въ своихъ прокламаціяхъ гнустную роль правительства. Власти сначала были довольно увѣрены въ своей побѣдѣ, но когда всѣ увѣщева-

нія фабричной инспекціи не оказывали никакого вліянія на забастовщиковъ, начались аресты „зачинщиковъ“, тоже ни къ чему не приводящіе. Появились казаки, съ маневровъ были отозваны два батальона пѣхоты. Фабричная инспекція и гродненскій губернаторъ начали вывѣшивать объявленія, грозящія стачечникамъ строжайшими мѣрами, но рабочіе съ негодованіемъ срывали и уничтожали эти объявленія. Наоборотъ, прокламаціи партіи пользовались громадной популярностью. Рабочіе бережно снимали ихъ со стѣнъ и заборовъ и распространяли повсюду, а изъ разбросанныхъ весьма немногія попали въ руки жандармовъ. Фабриканты пускались на разныя хитрости, доказывая, что рабочіе могутъ безъ всякой опаски принять разсчетныя книжки, потому что все, что тамъ напечатано, ими, фабрикантами, не будетъ приниматься во вниманіе. Ксендзы стращали рабочихъ муками ада, а власти болѣе непосредственными—въ кутузкѣ и ссылкѣ, но рабочіе держались стойко. Любопытно, что окрестные крестьяне чѣмъ могли помогали забастовщикамъ, снабжая ихъ даромъ или по баснословно дешевой цѣнѣ съѣстными припасами... Однако черезъ двѣ недѣли голодъ сталъ давать себя сильно чувствовать стачечникамъ. Власти приказали закрыть всѣ ломбарды и этимъ, а также постоянными арестами, доканали рабочихъ. 9-го сентября эти послѣдніе стали постепенно принимать разсчетныя книжки, и стачка 26000 ткачей прекратилась, окончившись полнымъ пораженіемъ рабочихъ, которые вернулись къ станкамъ съ затаенной ненавистью къ осилившему ихъ правительству. П. П. С. постарались статьями въ „Работникѣ“ разжечь эту ненависть и распространить ее по поводу бѣлостокской стачки повсюду, гдѣ читались польскія соціалистическія изданія.

Слѣдующій 1896 годъ ознаменовался стачечной борьбой горнорабочихъ Домбровскаго округа, требовавшихъ реформы существующихъ тамъ „кассъ братской помощи“. Партія формулировала требованіе рабочихъ въ своихъ прокламаціяхъ и руководила горнорабочими въ ихъ борьбѣ. Имъ удалось провести кое какія изъ своихъ требованій. Эта относительная удача, а также интенсивная работа организаціи П. П. С. въ Домбровскомъ округѣ, на который было обращено спеціальное вниманіе партіи съ 1894 года, вызвали замѣтное оживленіе

среди горнорабочихъ, выразившееся, между прочимъ, въ цѣломъ рядѣ стачекъ въ апрѣлѣ и маѣ. И тутъ вмѣшательство губернатора, арестовавшаго нѣсколько десятковъ рабочихъ и выславшаго массу иностранныхъ подданныхъ заграницу, привело къ тому, что результаты борьбы оказались весьма неудовлетворительными.

Однако движеніе не улеглось, и въ іюлѣ вспыхнула стачка въ копи „Мортимера" (слишкомъ 1000 рабочихъ). Рабочіе держались 29 дней. Эту стачку можно назвать прямо выдающейся по той выдержкѣ и солидарности, какую проявили горнорабочіе—самый темный элементъ среди рабочихъ, люди по большей части недавно прибывшіе изъ деревень.

Рабочіе были прекрасно съорганизованы и подготовлены къ борьбѣ. Они также весьма удачно выбрали и время для забастовки. Директоръ велъ переговоры со стачечниками, которые сохраняли полное хладнокровіе и рѣшили не отступаться отъ своихъ требованій. Сформировались мелкіе отряды стачечниковъ, которые обходили по очереди окрестныя харчевни и, заставая тамъ кого нибудь изъ своихъ, немедленно убирали его оттуда. На всѣхъ дорогахъ стояли сторожевые посты, предупреждающіе направляющихся къ „Мортимеру" рабочихъ, что тамъ стачка и что всякому, кто осмѣлится наняться на работу на „Моринмерѣ" стачечники переломаютъ ребра. Администрація кони подала въ судъ жалобу на нѣсколько десятковъ рабочихъ, живущихъ въ рабочихъ домикахъ, но приговоръ суда не удалось привести въ исполненіе, потому что бабы объявили, что онѣ будутъ шпарить кипяткомъ судейскихъ, рѣшившихся ихъ выселить. Горпорабочіе съ сосѣднихъ шахтъ помогали забастовщикамъ деньгами, что имъ позволяло держаться почти мѣсяцъ, послѣ чего администрація уступила. Администрація не взывала къ помощи полиціи, казаковъ и войска, боясь сопряженныхъ съ этимъ хлопотъ, и губернаторъ Миллеръ, взявъ 3000 рублей взятки, прикидывался лисой и не угрожалъ рабочимъ насиліемъ. И вотъ рабочіе не могли не понять, что тамъ, гдѣ правительство не спускаетъ на нихъ своры казаковъ и солдатъ, они могутъ добиться своего путемъ солидарности и прочной организаціи. Опять хорошій агитаціонный урокъ!

1897 годъ былъ особенно богатъ стачками, преимущест-

венно въ ремесленныхъ заведеніяхъ Варшавы, Бѣлостока, и т. д. Бастовали всѣ столяры и пекаря, а кромѣ того, кожевники въ Варшавѣ. Этотъ годъ ознаменовался также крупными стачками еврейскихъ пекарей, столяровъ, камашниковъ и рѣзчиковъ въ Варшавѣ. Но особенно памятна стачка этого года въ Домбровскомъ районѣ. Къ слову сказать, тамъ организація П. П. С. настолько усилилась и движеніе такъ возросло, что матеріалъ изъ этого округа уже не умѣщался въ „Работникѣ". Партіи пришлось создать спеціальный органъ для Домброва и ея окрестностей. И вотъ въ маѣ 1897 г. появляется № 1 „Горнорабочаго" (Gornik), печатающагося въ тайной типографіи партіи. Распространеніе „Горнорабочаго" приняло широкіе размѣры: не было шахты, не было фабрики въ Домбровскомъ районѣ, куда бы онъ не проникалъ вмѣстѣ съ другими изданіями партіи, которая покрыла весь районъ сѣтью своей организаціи. Недовольство существующими порядками, дсобенно въ „кассахъ братской помощи", охватило массы горнорабочихъ и рабочихъ сталелитейныхъ заводовъ.

Въ августѣ забастовали рабочіе въ копи „Ежа" (2000 человѣкъ), выставивъ слѣдующія требованія: 1) Реформа „кассы братской помощи"; 2) Постройка спеціальнаго зданія для помѣщенія школы; 3) Постройка бани и 4) Устраненіе двухъ особенно нелюбимыхъ надсмотрщиковъ. Стачечники держались съ замѣчательной солидарностью и полнымъ хладнокровіемъ 3 недѣли, но должны были вернуться на работу, ничего не получивъ кромѣ неопредѣленныхъ обѣщаній. 8-го сентября рабочіе „Гуты Банковой", самаго крупнаго завода въ округѣ, возмущенные наглымъ обкрадываніемъ ихъ администраціей, обратились съ жалобой къ директору Гартингу и потребовали окружного инженера. Администрація обѣщала вызвать этого послѣдняго черезъ три дня, а пока предложила рабочимъ выбрать изъ своей среды делегатовъ для переговоровъ. „Каждый изъ насъ делегатъ — отвѣчали рабочіе, — мы всѣ платимъ свои взносы въ кассу, а если бы мы выбрали делегатовъ, ихъ бы живо въ кутузку отправили." Такъ и не выбрали делегатовъ. Когда же пріѣхалъ окружной инженеръ, вмѣстѣ съ начальникомъ земской стражи, жандармами и казаками, рабочіе собрались 2000-ой толпой и представили свои требованія: чтобы заработокъ выдавался правильно каждые

двѣ недѣли, чтобы деньги, внесенные въ кассу, были возвращены рабочимъ и чтобы вмѣсто вывѣшенныхъ въ „Гутѣ Банковой“ правилъ были вывѣшены существующія въ законахъ. Наступили переговоры, и рабочимъ было обѣщано, что съ новаго года заработокъ будетъ выдаваться согласно ихъ желанію, что же касается кассы и правилъ, то отвѣтъ будетъ данъ черезъ двѣ недѣли.

Въ теченіе этого времени рабочіе не переставали волноваться. 15-го сентября рабочіе механическихъ мастерскихъ „Гуты“ рѣшительно потребовали, чтобы мастерамъ было запрещено ругаться, а не то — рабочіе ихъ сами проучатъ. Это требованіе было удовлетворено — и мастера притихли и стали вѣжливѣе. На слѣдующій день рабочіе потребовали, чтобы старыя правила, сочиненныя администраціей „Гуты“, были устранены, вывѣшены же новыя, согласныя съ существующими законами. Дѣйствительно старыя были сняты, хотя новыхъ и не вывѣсили. Администрація, видя сильный подъемъ духа среди рабочихъ и понимая, что прійдется пойти на уступки и, по крайней мѣрѣ, прекратить открытый грабежъ въ кассахъ, обратились за помощью къ властямъ, которыя тотчасъ же поспѣшили на выручку капиталу. Въ ночь съ 26-го на 27-ое сентября въ Домброву нагрянули жандармы съ казаками и арестовавъ по указаніямъ Гартинга, 8 человѣкъ рабочихъ, увезли ихъ въ Петроковъ. Въ отвѣтъ на эту гнусную провокацію всѣ рабочіе „Гуты“ поголовно забастовали и заявили, что стачка будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока арестованные не будутъ выпущены. Администрація переполошилось, такъ какъ остановка работы въ сталелитейной и у доменныхъ печей грозила стршными убытками. И вотъ рабочихъ, гдѣ это только было возможно, стали замѣщать мастера и инженеры, но изъ этого ничего не вышло: тысячные убытки были неминуемы.

28 сентября утромъ пришли изъ Ченстехова егеря, которые расположились въ „Гутѣ“ и у входа въ нее. На слѣдующій день появился вице-губернаторъ съ 2-мя ротами егерей. Онъ велѣлъ окружить „Гуту“ войсками и запретить рабочимъ подходить къ ней. Офицера и солдаты, угощаемые въ изобиліи водкой и пивомъ щедрой администраціей, ходили пьяные и задѣвали ра-

бочихъ, сохранявшихъ полное хладнокровіе. 30-го пріѣхалъ помощникъ Имеретинскаго, жандармскій генералъ Онепріенко, но онъ не показывался рабочимъ, пьянствуя у Гартинга. Около 5-ти часовъ вышелъ начальникъ уѣзда Данильчукъ и сталъ сзывать рабочихъ къ конторѣ. Тѣ направились туда и должны были проходить между двумя выстроившимися ротами егерей. Изъ конторы вышла пьяная толпа гостей Гартинга съ генераломъ Онепріенко во главѣ, и пьяный Данильчукъ сталъ громко читать объявленіе администраціи „Гуты", въ которомъ значилось, что всѣ рабочіе разсчитаны и могуть явиться за заработкомъ въ такіе то дни поочереди, отдѣленіями. Во время чтенія этого документа прибѣжалъ посыльный и вручилъ Онепріенкѣ телеграмму, какъ потомъ оказалось, отъ Имеретинскаго. Данильчукъ прошелся два раза вдоль шоссе и повторилъ объявленіе администраціи, а потомъ сталъ „Христомъ-Богомъ" просить, чтобы рабочіе расходились, налегая особенно на то, чтобы уходили женщины и дѣти. Спокойно стоявшая толпа рабочихъ не понимала въ чемъ дѣло, а женщины стали ругать солдатъ, дѣлавшихъ какія то подозрительныя приготовленія. „Расходитесь, а то будемъ стрѣлять!" — кричалъ Данильчукъ. Кто то изъ толпы крикнулъ: „нѣтъ такого закона, чтобы можно было стрѣлять въ людей", но вслѣдъ за этимъ раздался залпъ въ воздухъ. Рабочіе стали расходиться очень медленно, такъ какъ узенькая, ведущая къ выходу, уличка, не позволяла многотысячной толпѣ быстро двигаться. Прошли 2-3 минуты, раздался второй залпъ, и страшные крики огласили воздухъ. На улицѣ лежало 7 человѣкъ, изъ которыхъ трое было убито наповалъ, а одинъ умеръ въ тотъ же вечеръ.

На слѣдующій день губернаторъ Миллеръ издалъ распоряженіе, гласившее, что всякій рабочій, не явившійся на работу будетъ высланъ на родину, а заграничный подданный — заграницу. Рабочіе колебались. Начались массовые аресты, и на другой день 200 заграничныхъ подданныхъ вернулись на работу. Это былъ сигналъ, по которому „Гута Банкова" постепенно стала приводиться въ движеніе. Рабочіе сдались. Да и трудно было не сдаться, такъ какъ въ Домбровѣ сталъ господствовать настоящій терроръ.

Домбровская бойня характерна тѣмъ, что она не была вызвана поведеніемъ рабочихъ, а заранѣе подготовлена вла-

стями для острастки рабочихъ всего района, по соглашенію съ администраціей завода. Въ Сосновицахъ еще утромъ 30-го жандармы говорили: „это дѣло окончится пулями“. Властямъ, перепуганнымъ разростающимся движеніемъ, хотѣлось прекратить его во что бы то ни стало, и они рѣшились потопить его въ крови. Однако это имъ не удалось. Движеніе не заглохло, хотя рабочіе и были терроризированы; но пролитая въ Домбровѣ кровь стала новымъ источникомъ страшной ненависти къ русскому правительству, сводящему къ нулю всѣ героическія усилія рабочей организаціи. П. П. С. издала специальную прокламацію по поводу домбровской бойни, а „Горнорабочій“ и „Работникъ“ въ рядѣ статей занимались ею, внушая рабочимъ мысль, что до тѣхъ поръ, пока ярмо русскаго деспотизма будетъ угнетать польскій пролетаріатъ, ему не сладить съ эксплуататорами, оберегаемыми царскими штыками.*)

Вскорѣ польскіе рабочіе убѣдились, что для нихъ опасны не только штыки царскихъ солдатъ, но и царскіе законы, имѣющіе въ виду „защиту интересовъ рабочихъ“. Янрарь 1898 года ознаменовался борьбой польскихъ рабочихъ съ новымъ закономъ, сокращающимъ продолжительность рабочаго времени до $11^1/_2$ ч. Дѣло въ томъ, что польскіе рабочіе, благодаря своимъ стачкамъ сократили рабочее время до $10^1/_2$, 10 и даже кое гдѣ до $9^1/_2$ часовъ. И вотъ фабриканты, воспользовавшись новымъ закономъ, стали удлинять рабочее время. Однако имъ пришлось наткнуться на дружный отпоръ со стороны рабочихъ. Въ Варшавѣ, Домбровѣ, Ченстоховѣ, Лодзи раздался громкій протестъ сознательныхъ рабочихъ. Особенно эффектна была стачка въ варшавскихъ механическихъ заводахъ, гдѣ бастовали всѣ рабочіе (слишкомъ 5000). Движеніе переходило изъ одной фабрики на другую, и повсюду рабочіе побѣждали; мало того, кое гдѣ имъ удалось и сократить прежнее рабочее время и пріобрѣсти кое какія новыя уступки. Въ трехъ самыхъ крупныхъ фабрикахъ рабочіе, въ видѣ манифестаціи, потребовали 8 часового рабочаго дня. Воспользовавшись этимъ Варшавскій комитетъ П. П. С. издалъ прокламацію, въ которой по-

*) Домбровскіе фабриканты на свой счетъ выстроили въ Бендзинѣ казармы для того, чтобы постоянно имѣть подъ рукой солдатъ на случай стачки.

пуляризировался лозунгъ 8 часового рабочаго дня. Любопытно, что кое гдѣ рабочіе устраивали чисто манифестаціонныя забастовки. Хотя фабриканты и не рѣшились удлинить ихъ рабочее время, они, для засвидѣтельствованія своей солидарности съ бастующими товарищами, въ другихъ фабрикахъ прекращали работу на нѣсколько часовъ.

Вообще 1898 годъ отличался очень оживленнымъ стачечнымъ движеніемъ и въ Варшавѣ и въ провинціи, какъ на фабрикахъ и заводахъ, такъ и въ различныхъ ремеслахъ. Однако онъ значительно уступалъ въ этомъ отношеніи слѣдующему 1899-му—послѣднему передъ промышленнымъ кризисомъ 1900-1902 гг., совершенно затормозившимъ стачечное движеніе въ крупныхъ промышленныхъ заведеніяхъ и страшно ослабившимъ его въ ремесленныхъ.

Въ 1899 г. стачечное движеніе росло съ постепенно увеличивающейся силой съ самого начала года. Въ Варшавѣ, можно сказать, не было ремесла, въ которомъ не бастовало бы большинство рабочихъ сразу или же по очереди въ различныхъ мастерскихъ. Партія не успѣвала издавать печатныя воззванія къ стачечникамъ, приходилось эти воззванія гекотграфифировать. Многіе ремесла бастовали въ первый разъ. Мало-помалу стачечное движеніе проникло и на фабрики и вотъ въ августѣ Варшава была свидѣтельницей небывалыхъ еще въ ней, по своимъ размѣрамъ, массовыхъ стачекъ. Началось съ крупной фабрики Гандтке, затѣмъ по очереди стали бастовать рабочіе всѣхъ крупнѣйшихъ варшавскихъ фабрикъ и заводовъ: Герляха и Пульсша, Рона и Зелинскаго, Фраже, Конрада и Ярнушкевича, Фрумкина, Дитмара, „Вулканъ", „Лаборъ", Гостынскаго, Шленкера, Гебера, и т. д. и т. д. Рабочіе повсюду требовали увеличенія заработной платы и сокращенія рабочаго времени. Общая прокламація Варшавскаго рабочаго комитета П. П. С. выставила требованія: 1) 9-ти часового рабочаго дня—съ 7 до 6 съ перерывомъ ½ ч. на завтракъ 1½ па обѣдъ и 2) повышенія заработной платы.

Въ стачкѣ принимало участіе около 30,000 человѣкъ, не мудрено поэтому, что паника охватила фабрикантовъ. Они, конечно, первымъ дѣломъ бросились молить защиты у правительства—и ихъ мольбамъ, разумѣется, не было отказано. Рабочіе кварталы были запружены войскомъ, полиціей и жандармами—

и вся эта сволочь принялись расправляться со стачечниками. Со времени возстанія 1863 г. Варшава не была свидѣтельницей ужасовъ подобныхъ тѣмъ, которые совершались въ августѣ 1899 г. Массовые аресты переполнили цитадель, Павякъ, ратушу и участки. Нѣсколько тысячъ постоянныхъ жителей Варшавы было выслано въ провинцію, казаки и солдаты во многихъ фабрикахъ гнали рабочихъ на работу нагайками и прикладами, жестоко колотили женщинъ и несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ. Въ фабрикѣ Блазе оберполцмейстеръ собственноручно билъ работницъ. Арестованныхъ били нещадно по пути въ участки. Всѣ ломбарды въ рабочихъ кварталахъ были, по приказанію полиціи, закрыты, полиція пыталась даже препятствовать подвозу съѣстныхъ припасовъ въ рабочіе кварталы. Рабочіе показали большую солидарность, причемъ прекрасно держали себя женщины, во многихъ фабрикахъ бросавшія первыми работу. Стачки продожались на различныхъ фабрикахъ въ среднемъ 8-10 дней. Конечно, ни о полной, ни о частичной побѣдѣ, при условіи безграничнаго правительственнаго террора, не могло бытъ и рѣчи. Только кое гдѣ фабриканты сдѣлали мелкія уступки. Еще разъ польскіе рабочіе убѣдились, что русское правительство не допуститъ ни въ какомъ случаѣ, торжества рабочихъ надъ капиталистами, и еще разъ имъ пришлось сознать ту истину, что безъ низверженія гнета русскаго правительства имъ не улучшить своей горькой доли. Прокламація Варшавскаго комитета П. П. С., изданная въ концѣ августа, поспѣшила представить всѣмъ польскимъ рабочимъ выводы, сдѣланные на основаніи фактовъ, сопровождавшихъ стачки. Эта прокламація ставила на видъ рабочимъ, что злѣйшій ихъ врагъ русское правительство и что именно съ нимъ слѣдуетъ прежде всего бороться польскому пролетаріату.

Стачечное движеніе 1899 г. не ограничилось Варшавой. Съ самого начала этого года происходили стачки въ Домбровскомъ районѣ въ прядильнѣ Шёни (2000 ч. изъ которыхъ 1200 работницъ), въ прядильнѣ Дишеля, у Гульдшинскаго и т. д. Въ Бѣлостокѣ лѣтомъ въ теченіе 6 недѣль бастовали ткачи, работающіе у лонвеберовъ (слишкомъ 1500 чел.), въ Лодзи были стачки у Шайблера и Познанскаго, кромѣ того бастовали столяры, были стачки въ Ченстоховѣ, Пабьяницахъ и. т. д. Осенью въ Домбровскомъ районѣ происходило нѣчто

подобное тому, что было въ Варшавѣ. Въ концѣ іюля вспыхнула стачка въ копи „Гродзецъ“ (200 ч.), продолжавшаяся 10 дней и окончившаяся весьма ничтожными уступками администраціи. 11 августа забастовала копь „Милевицѣ“, а вскорѣ послѣ этого начинались стачки въ одной копи за другой, какъ по сигналу. 14 августа остановились работы въ „Мотимерѣ“ и въ „Сатурнѣ“, 16-го—въ „Кошелевѣ“, и 17-го — „Парижѣ“ появилась прокламація Домбровскаго комитета П. П. С., формулирующая общія требованія для всѣхъ шахтъ.

Администрація копей, перепуганная вѣстями изъ Варшавы, гдѣ стачки въ это время были въ полномъ разгарѣ, умоляла начальника уѣзда не допустить до всеобщей забастовки. Нагрянули казаки, начались массовые аресты, арестованныхъ горнорабочихъ заковывали въ кандалы и били нагайками. Власти угрожали заграничнымъ подданнымъ высылкой въ Силезію и Галицію. Черезъ какую нибудь недѣлю стачка болѣе чѣмъ 5000 горнорабочихъ была сломлена и горнорабочіе вернулись въ шахты почти безъ всякихъ уступокъ со стороны администраціи, хотя были всѣ данныя на полученіе ихъ, еслибъ не насиліе правительственныхъ властей.

Любопытны нѣкоторые эпизоды этой стачки. Когда въ шахтѣ „Сатурнъ“ вышелъ весь уголь, администрація другой копи „Пяски“, по просьбѣ администраціи „Сатурна“, выслала нѣсколько вагоновъ угля. Когда рабочіе копи „Няски“ узнали объ этомъ, то заявили, что они тотчасъ-же объявляютъ забастовку, если администрація будетъ снабжать углемъ бастующія копи. И администраціи пришлось уступить.

Въ 1899 г. начался промышленный кризисъ, который мало-по малу охватилъ всю Польшу. Въ Варшавѣ, Лодзи, Домбровскомъ округѣ, Бѣлостокѣ и т. д. фабриканты стали сокращать производство и толпами выбрасывать рабочихъ на улицу. Многія фабрики стали работать по 3-4 дня въ недѣлю, многія (особенно въ Лодзи) лопнули. Заработная плата понизилась, а резервная армія безработныхъ увеличилась до максимума. Въ Лодзи стали нерѣдки факты голодной тмерти рабочихъ. Конечно, о стачечной борьбѣ при такихъ условіяхъ нельзя было и думать. Въ періодъ 1899—1902 гг. не было ни одной крупной забастовки, напоминающей стачки 1890 или 1898 гг. Даже мелкихъ стачекъ, въ которыхъ принимали

участіе десятки рабочихъ, было не особенно много, хотя онѣ, конечно, не прекращались въ разныхъ мѣстностяхъ Польши.

Въ заключеніе нѣсколько общихъ данныхъ, касающяся стачекъ въ Польшѣ. Въ своей брошюрѣ „Польская соціалистическая партія въ послѣднемъ пятилѣтіи“ Центральный комитетъ партіи далъ сводъ статистическихъ цифръ, касающихся стачекъ въ періодъ 1895—1899 гг. Конечно значительную часть стачекъ, особенно мелкихъ и въ провинціи, неудалось зарегистрировать, такъ что данныя Центральнаго комитета относятся только къ тѣмъ стачкамъ, о которыхъ упоминалось въ изданіяхъ партіи.

За періодъ 1895—1899 гг. было 186 стачекъ; изъ нихъ 47 обнимали все данное ремесло въ какой нибудь мѣстности т. е. представляли совокупность иногда нѣсколькихъ десятковъ стачекъ въ отдѣльныхъ мастерскихъ. Въ общемъ бастовало до 100000 человѣкъ. Изъ числа 186 стачекъ 153 стремились къ улучшенію условій труда, 33 было вызванныхъ улучшеніемъ этихъ условій, 127 стачекъ окончилось полной или частичной побѣдой рабочихъ; 59 было проигранно. По годамъ стачки распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Въ	1895	г.	22	стачки—	17	выигранныхъ—	5	проигранныхъ.
„	1896	„	11	„	8	„	3	„
„	1897	„	42	„	32	„	10	„
„	1898	„	44	„	36	„	8	„
„	1899	„	67	„	34	„	33	„

Замѣчательно, что требованіе сокращенія рабочаго дня выставляется все чаще. Въ 1895 г. стачекъ съ этимъ требованіямъ была 1; въ 1896—4; въ 1897 — 22; въ 1898 —22; въ 1899 — 41. Въ Варшавѣ въ значительномъ большинствѣ фабрикъ рабочіе добились 10 ч. рабочаго дня, а осенью 1899 г. начались у столяровъ стачки съ требованіемъ 9-часового рабочаго дня.

Въ 127 выигранныхъ стачкахъ принимало участіе 40000 рабочихъ, въ 59 проигранныхъ — 52000. На одну выигранную стачку приходится такимъ образомъ 315 человѣкъ, на одну проигранную — 880. Это показываетъ, что болѣе крупныя стачки обыкновенно проигрываются, потому что при мелкихъ стачкахъ вмѣшательство правительства ограничивалось

появленіемъ фабричнаго инспектора съ полиціей, угрозами и единичными арестами, при крупныхъ же—появляется губернаторъ съ войскомъ и казаками, и начинается настоящая оргія терроризма.

Стачечная борьба становится все труднѣе и труднѣе, несмотря на то, что сознаніе рабочихъ и ихъ солидарность постоянно возростаютъ. Такія мѣры, какъ обязательное увѣдомленіе ближайшей полицейской власти о вспыхнувшей стачкѣ, организація фабричной полиціи, приданіе фабричнымъ инспекторамъ характера шпіоновъ — все это заставляетъ пессимистически смотрѣть въ будущее и не ожидать прочныхъ результатовъ отъ стачечной борьбы. При всякой, даже самой мелкой стачкѣ, польскій рабочій натыкается на своего злѣйшаго врага—русское правительство, поэтому вся борьба польскаго пролетаріата должна, въ концѣ концовъ, свестись къ борьбѣ съ царизмомъ.

Л. Плохоцкій.

ПОДЪ РОЗГОЙ.

Изъ жизни солдата.

I.

По голой, выжженной степи, при 40 градусной жарѣ, цѣлый день маршировали солдаты подъ тактъ барабановъ и громъ музыки. Жара истомила этихъ людей подъ конецъ дня до такой степени, что они еле передвигали ноги. Шагали они цѣлый день въ полной боевой амуниціи. Ранецъ набитый, полагавшимися по закону, вещами, отдавливалъ плечи. Ремни, идущіе отъ ранца черезъ плечи, къ поясу, съ двумя висѣвшими на немъ патронными сумками, оттягивали его вверхъ, къ груди, стягивали ее и стѣсняли свободное дыханіе. Искусно скатанная шинель, серединой своей лежавшая на лѣвомъ плечѣ и проходившая черезъ всю грудь, сдавливали ее и спину. Двѣнадцатифунтовое ружье, лежавшее на переброшенной чрезъ плечо шинели, гнуло къ землѣ.

Степь своимъ однообразіемъ и отсутствіемъ жизни наводила уныніе и вселяла въ сердца людей тоску и скуку, ослаблявшія ихъ еще болѣе. Кое-гдѣ по степи валялись люди, упавшіе во время маневровъ и съ терпѣніемъ ожидавшіе приближенія фургона Краснаго Креста.

Къ нимъ подъѣзжали фургоны Краснаго Креста. Фельдшера со злостью соскакивали съ козелъ и, ругаясь матерными словами, начинали возиться около тяжело дышавшихъ солдатъ. Грубо срывали они амуницію, растегивали мундиръ и, не обращая вниманіе на болѣзненные стоны, втаскивали больныхъ въ фургонъ.

Промаршировавъ цѣлый день подъ палящими лучами солнца, утомленные, голодные солдаты еле добрели до казармы, расположенной въ центрѣ одного изъ южныхъ городовъ.

Казарма состояла изъ нѣсколькихъ громадныхъ комнатъ, по однѣмъ сторонамъ которыхъ, на равномъ разстояніи другъ отъ друга, были разставлены койки.

Вернувшись въ казарму, каждый солдатъ, по обыкновенію, первымъ дѣломъ брался за чистку ружья, патроновъ, котелка, ремней, сапогъ, а затѣмъ, закусивъ пайкомъ, валился на койку и почти моментально засыпалъ. Казарма съ вечера тускло освѣщалась двумя лампами, висѣвшими на искривленныхъ, несоразмѣрно большихъ гвоздяхъ.

Солдаты спали на своихъ койкахъ, раскинувъ руки и ноги, часто ворочаясь и продѣлывая во снѣ различные артикулы, крѣпко засѣвшіе въ ихъ мозгахъ.

— Разъ, два, три, — во снѣ говорилъ какой нибудь молоденькій солдатикъ и въ тактъ билъ по соломенному тюфяку лѣвой и правой ногой.

— Лѣвая, правая, — вторилъ другой, вспоминая часто повторяющуюся команду своего командира.

— О, Боже - жъ мій! — глубоко вздыхалъ молодой хохолъ, съ длинными пушистыми усами, бросавшими на все лицо тонкую тѣнь.

Въ углу у дверей большой комнаты стоялъ столъ, у котораго сидѣлъ дневальный, боровшійся со сномъ, незамѣтно подкрадывавшемуся къ нему. Глаза слипались; голова, точно налитая свинцомъ, тяжело опускалась на грудь и солдатъ забывался. Но какой-нибудь шумъ, врывавшійся извнѣ, будилъ сознаніе, что онъ солдатъ, поставленный на часы, долженъ бодрствовать. Онъ вскакивалъ на ноги, мутными глазами обводилъ казарму, убѣждался, что все „обстоитъ благополучно“ и усаживался снова на табуретъ, давая себѣ слово болѣе не закрывать глазъ. Но черезъ минуты двѣ, три онъ начиналъ продѣлывать тоже самое. Въ иныя минуты ему дѣлалось страшно. Не совсѣмъ внятныя слова, возгласы, стоны, крики, смѣшиваемые съ командой, произносимой солдатами, тишина лѣтней ночи — все это, взятое вмѣстѣ, наводило на него какой-то страхъ. Воспитанный на суевѣріи, сжившійся съ нимъ, дневальный начиналъ въ противоположномъ углу различать *его* — черного съ рогами и хвостомъ, съ оскаленными зубами, смѣющагося. Тогда дневальный вскакивалъ и бросался къ первой попавшейся койкѣ и начиналъ будить спящаго товарища.

— Вставай, чертъ проклятый! У, окаянный!... Дрыхнетъ, морда. Да проснись, дьяволъ!...

— Что-о, — испуганно спрашиваетъ солдатъ, на мигъ приходя въ сознаніе и падая на подушку.

— Ишь, подлецъ, раскрылъ зеньки и ничего не понимаетъ, у!

Дневальный приходилъ въ себя, призракъ вмѣстѣ съ разбуженнымъ человѣкомъ исчезалъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезалъ и необъяснимый страхъ. Солдатъ успокоивался, незамѣтно для самого себя усаживался по удобнѣе на своемъ мѣстѣ, снова начиналъ бороться со сномъ и видѣніемъ и, измученный, часто сдавался на капитуляцію. Сдавшись, онъ засыпалъ крѣпкимъ сномъ и изрѣдка вслухъ произносилъ: „все об...сто..итъ благо...по...“—конецъ послѣдняго слова такъ и застывалъ у него на языкѣ.

Все это по обыкновенію можно было наблюдать каждую ночь... Съ полночи и на этотъ разъ вся казарма спала за исключеніемъ Грицька Блохи.

II.

Грицько Блоха былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей 6-ой роты Минскаго полка. Запѣвало, плясунъ и забавникъ съ прибаутками на каждый случай, Грицько Блоха былъ любимцемъ всей роты, но самъ онъ все же не могъ сжиться съ казарменной обстановкой; его вѣчно влекло къ себѣ, въ деревню, гдѣ его ждала черноокая Оксана.

Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, Грицько исчезъ. Солдатики сначала крѣпко тужили, а потомъ стали уже забывать своего любимчика, какъ вдругъ пронеслась молва, что Грицько арестованъ въ своей деревнѣ и препровожденъ назадъ въ полкъ.

Не хотѣлось вѣрить солдатамъ, что Грицька могли арестовать, но фактъ былъ на лицо. На ротномъ дворѣ показался Грицько въ сопровожденіи полиціи. Солдаты не успѣли даже хорошенько пораспросить его, какъ его тотчасъ увели на гауптвахту и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ снова появился на ротномъ дворѣ, но уже въ качествѣ штрафованнаго.

Грицько Блоха и теперь продолжалъ состоять оффиціальнымъ запѣваломъ и теперь продолжалъ веселить свою роту

и батальонъ, но въ пѣсьняхъ затягиваемыхъ имъ, все чаще и чаще слышались ноты неподдѣльной грусти и тоски. Веселая пѣсня нерѣдко обрывалась на полунотѣ.

Все чаще и чаще приходилось видѣть Грицько скучающимъ, все рѣже слышать его прибаутки и сказки. Поскучалъ Грицько и вдругъ снова исчезъ, но на этотъ разъ надолго.

— Ну, пропалъ солдатъ, — говорили товарищи.

— Да, здоровый парень и залихватскій солдатъ, а баба... —добавлялъ унтеръ.

— Баш-ко-о-ватый парень, — со вздохомъ добавлялъ онъ.—Былъ бы унтеръ, да дуракъ.

Солдатская жизнь пошла своимъ чередомъ и Грицько былъ забытъ. А онъ, сбросивъ съ себя доспѣхи солдатскаго званія, устроился дворникомъ въ сосѣднемъ городѣ и выписалъ свою Оксану и старуху мать. Но недолго пришлось ему наслаждаться свободой. Къ концу года его арестовали и снова отправили въ полкъ. Предали его военно-окружному суду за второй побѣгъ и за разстрату казенныхъ вещей и приговорили, какъ штрафованнаго, къ розгамъ. И впредь, до приведенія приговора въ исполненіе, Грицько былъ переведенъ изъ главной гауптвахты въ ротную.

III.

Вся казарма, задолго до утра спала крѣпкимъ сномъ, за исключеніемъ Грицька Блохи.

Всю ночь ворочался онъ на своемъ твердомъ ложѣ, часто вскакивалъ, всматривался въ темноту своего карцера и въ изнеможеніи падалъ на деревянную подставку, замѣнявшую подушку.

— Грѣхъ, грѣхъ, — часто раздавалось въ ночной тишинѣ, руки Грицько складывались крестъ на крестъ на груди и солдатъ забывался. Но въ его сознаніи крѣпко засѣла мысль, что его должны будутъ высѣчь въ первый же послѣ этой ночи день и не давала ему уснуть. Она тревожила его сонъ, будила въ немъ представленіе о розгѣ и онъ въ ужасѣ падалъ на изголовье, съ головой уходилъ подъ шинель и на нѣсколько мгновеній какъ бы застывалъ.

Въ его измученномъ мозгу вставала плачущая и моля-

щаяся Оксана, а за нею, темнымъ силуэтомъ, виднѣлась мать. Онъ силился прильнуть своею наболѣвшею грудью къ своей „дівчинѣ" и забыться въ ея объятіяхъ, но она исчезала въ темнотѣ, маня его своими руками куда-то вдаль.

Подъ конецъ ночи и Грицько забылся, по крайней мѣрѣ онъ смирно лежалъ подъ своею шинелью, служившей ему и одѣяломъ, и тюфякомъ.

На востокѣ чуть-чуть забрезжило, просыпалось утро. Дневальный, едва не пропустившій время, опрометью бросился къ горнисту и, сорвавъ съ него одѣяло, сталъ сильно дергать его за руку.

— Ну-у, морда цыганская, вставай! Вставай, долго ли до грѣха!...

Горнистъ долго смотрѣлъ на дневальнаго и никакъ не могъ взять въ толкъ, чего отъ него хотятъ, и только когда дневальный ткнулъ трубой ему въ зубы, онъ пришелъ въ себя.

— Стерьва проклятая, — продолжалъ кричать дневальный.—Спитъ, цыганская морда, хоть убей его. Какъ ткнешь въ зубы трубой, тогда просыпается, у!

А горнистъ при первомъ прикосновеніи къ его губамъ трубы, пришелъ въ себя, схватилъ трубу, напрягъ всѣ силы своихъ легкихъ и по казармѣ пронеслись пронзительные звуки.

Тра-та-та! Тра-та-та! — раздавались въ утренней тишинѣ рѣзкіе звуки, непріятно врываясь въ уши.

— Вставать, вставать, — кричалъ дневальный. — Живо, живо,— подтарапливалъ онъ.

У изголовья солдатъ, продолжавшихъ спокойно лежать, горнистъ останавливался, наклонялся къ самому уху ихъ, до красна раздувалъ свои щеки и въ воздухѣ проносились дикіе, рѣзкіе звуки.

Мало кто могъ выдержать такую музыку. Всѣ хватались за уши и начинали ругать горниста самыми отборными словами.

Вскакивая, солдаты быстро накрывали койку одѣяломъ, набрасывали на себя солдатскую одежу, и спѣшили умыться, помолиться и закусить сухарями и дождаться призыва.

Съ первымъ призывомъ горниста проснулся и Грицько.

Его сразу охватила мысль, что его сегодня будутъ с ѣ ч ь. Онъ усѣлся на своей кровати и что то долго обдумывалъ. Часто вздыхая, теребя свою маленькую бородку, успѣвшую отрости за время заключенія,—онъ не могъ дождаться „конца“. Опороченный переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ, къ которому должно будетъ прибавиться такое наказаніе какъ сѣченіе, онъ никакъ не могъ вообразить себѣ, какъ онъ покажется на глаза своей Оксаны и вообще на глаза людей. Ему дѣлалось обидно, а главное стыдно, позорно стыдно. Онъ сваливался на свое ложе и старался подавить горе, принимавшее вмѣстѣ съ приближеніемъ къ вечеру, все большіе размѣры...

Былъ такой моментъ, когда ему пришла въ голову мысль — наложить на себя руки. И эту мысль онъ серьезно обдумывалъ, но инстинктивный страхъ передъ тѣмъ, что ему придется отвѣчать за это на страшномъ судѣ и понесть еще бо̀льшее наказаніе за загубленную душу, дѣйствовалъ на него такъ, что онъ ничего не могъ предпринять.

Къ дверямъ его карцера въ продолженіи дня нѣсколько разъ подходилъ дневальный, но каждый разъ заставалъ его въ одной и той же позѣ. Грицько лежалъ на спинѣ съ закинутыми подъ голову руками, съ устремленными глазами въ одну точку.

— Грицько, а Грицько, брось... гмъ, Грицько, — кричалъ дневальный, но Грицько не шевелился.

Дневальный энергично сплевывалъ черезъ зубы, поводилъ въ недоумѣніе плечами и принималъ болѣе дѣйствующія средства.

— Хлопче, курить небойсь хошь... на, затянись покрѣпче, все горе и пройдетъ...

Но Грицько не шевелился.

Время между тѣмъ шло. Уже успѣли вернуться солдаты съ поля сраженія, гдѣ они разстрѣляли изрядное количество патроновъ по „непріятелю“, успѣли нахлебаться кислыхъ щей и теперь, каждый, сидя у своей койки, занимался кто чѣмъ хотѣлъ. Кто чистилъ патроны, кто ружье, кто чинилъ мундиръ, бѣлье, а кто, раздѣвшись почти до гола, валялся на койкѣ, наслаждаясь полнымъ отдыхомъ...

День былъ субботній и вечерняго ученія, т. е. послѣ-

обѣденнаго, не предстояло, за то предстояло наказаніе Грицька Блохи.

Каждый солдатъ зналъ, что сегодня будутъ сѣчь Грицька, но никто объ этомъ не заговаривалъ, стараясь не дѣлать никакихъ намековъ. И этотъ „вопросъ“ никогда даже не обсуждался ни однимъ изъ солдатъ, хотя всѣ „вопросы“, имѣющіе какое бы то ни было отношеніе къ солдатской жизни, все-таки обсуждались. А объ этомъ наказаніи старались молчать и не вспоминать о немъ....

Въ 5 часовъ вечера раздалась команда:

— Выходи на дворъ! Стройся! Живо! — это кричалъ дежурный по ротѣ.

Люди повскакивали съ своихъ мѣстъ, облачились въ формы и превратились въ солдатъ.

Каждый изъ нихъ хорошо зналъ куда ихъ должны будутъ повести сейчасъ, но никто не заговаривалъ о предстоящемъ зрѣлищѣ и можно сказать, что если не всѣ, то громадное большинство было угрюмо.

IV.

Солнце быстро опускалось. Вдали показался баталіонный командиръ на бѣломъ жеребцѣ, вывезенномъ изъ Турціи.

— Смирно, на пле-чо! — пронеслась команда старшаго офицера.

— На кра-улъ! — раздалась команда въ тотъ самый моментъ, когда голова лошади поравнялась съ право фланговымъ 5-ой роты.

Солдаты, выполнивъ послѣднюю команду, застыли въ своихъ позахъ и старались „не дышать“.

Баталіонный командиръ соколомъ налетѣлъ на правый флангъ 5-ой роты и, закричавъ зычнымъ голосомъ „здорово молодцы!“, пролетѣлъ по всему фронту батальона. Солдаты гаркнули во всю мочь своихъ молодыхъ голосовъ „здравія желаемъ ваше высокородіе“ и провожали глазами начальство.

Строго слѣдилъ баталіонный командиръ за тѣмъ, чтобы послѣднее слово солдатскаго привѣтствія обрывалось въ тотъ самый моментъ, когда задъ лошади былъ на равнѣ съ

лѣво фланговымъ 8-ой роты. Плохо приходилось солдатамъ если это не удавалось. Проскакавъ весь баталіонъ, командиръ обыкновенно сдерживалъ лошадь и шагомъ возвращался обратно по флангу баталіона къ право-фланговому. Сдѣлалъ онъ и сегодня тоже самое.

— Звѣремь смотри! Въ глаза начальству, смотри!—сурово говорилъ старый воинъ, вглядываясь въ глаза своихъ подчиненныхъ.

Солдаты пялили глаза, стараясь придать своему лицу звѣрское выраженіе.

— Ѣшь глазами начальство! — покрикивалъ вояка. — Ѣшь! А ты, сволочь, какъ стоишь, — мимоходомъ замѣтилъ онъ какому то солдату, — Ѣшь!... Ѣшь!...

Солдаты „старались“ превратить выраженіе своего лица въ плотоядное и придать ему выраженіе того момента, когда „звѣрь“ ѣстъ.

По окончаніи объѣзда, баталіонный командиръ отдалъ приказаніе и роты, взявъ предварительно „ружье вольно“, зашли такимъ образомъ, что образовали квадратъ... Предстояла развязка...

V.

Вмѣстѣ съ баталіономъ былъ выведенъ на плацъ и Грицько Блоха. Онъ стоялъ за второй шеренгой на лѣвомъ флангѣ 8-ой роты. Руки его безсильно висѣли по обѣимъ сторонимъ туловища, голова далеко ушла въ плечи, глаза жалко смотрѣли изъ подлобья; полусогнутыя плечи съ упавшей грудью довершали жалкую, бѣдную фигуру Грицька. При объѣздѣ баталіона командиромъ, Грицько старался принять бравый видъ и „звѣремъ“ смотрѣлъ на начальство, но у него изъ этого ничего не вышло. Онъ тоже было началъ отвѣчать на привѣтствіе командира, но изъ его горла вылетѣли первые два-три звука, а потомъ горловыя связки отказались повиноваться.

Когда баталіонъ, по командѣ своего командира, образовалъ квадратъ, то Грицько очутился въ серединѣ его.

— Отъ каждой роты по человѣку, — громко скомандовалъ баталіонный командиръ.

Четыре, заранѣе выбранные солдата, вышли впередъ и подошли къ Грицько. Грицько еще ниже опустилъ голову на грудь и, изрѣдка вздыхая, нервно вздрагивалъ.

— Розги готовы? — прокричалъ кому-то командиръ.

Грицько вздрогнулъ, осмотрѣлся и застылъ въ позѣ чековѣка, ожидающаго удара.

— Точно такъ ваше высокоблагородіе, — отвѣтилъ кто то, громко отчеканивая каждое слово.

— Выноси же, чего ждешь! Экіе остолопы, — продолжалъ не то кричать, не то командовать командиръ.

Какой то солдатъ далеко не солдатскимъ шагомъ тащилъ на плечахъ довольно толстый пукъ прутьевъ.

— Какъ идешь? Тверже ногу... разъ, два... тверже ногу... Какъ держишь подбородокъ... выдерживай тактъ.

Солдатъ старался принять къ свѣдѣнію и руководству весь этотъ наборъ приказаній, но нога отказывалась повиноваться, подбородокъ не убирался назадъ и чѣмъ ближе подходилъ солдатъ къ тому мѣсту, гдѣ находился Грицько, тѣмъ больше выходилъ изъ себя баталіонный командиръ.

Четыре солдата, стоявшіе вблизи Грицько, тоже держали себя не такъ, какъ это подобаетъ ихъ солдатскому званію. Солдаты бросали взгляды по сторонамъ, искоса посматривали на Грицько и часто „поддавали" ступни ногъ.

— Какъ стоишь? — вдругъ набросился командиръ, увидя жалкую, безпомощную фигуру Грицько, который при приближеніи солдата, несущаго розги, еще болѣе съѣжился.

— Смирно! — заоралъ баталіонный, подлетѣвъ къ самому его уху.

— У, баба! Шкодить умѣешь, а какъ дошелъ до дѣла, — испугался. Эхъ ты, паршивая сволочь. Выше голову! Смотри „звѣремъ", смотри молодцомъ! Такъ! — кричалъ командиръ надъ самымъ ухомъ Грицько, держа передъ его лицомъ здоровый кулакъ. Опытный глазъ стараго воякы давно подмѣтилъ, что вызванные солдаты и особенно Грицько, теряютъ обычную стойкость и выдержанность и это выводило его изъ себя.

Грицько старался превратиться въ „молодца". Онъ поднялъ голову, убралъ подбородокъ, выпрямилъ грудь, подобралъ животъ, расправилъ руки, но все это ему очень плохо

удавалось. „Что-то“ давило его и „что-то“ превращало его въ бабу и онъ никакъ не могъ совладать съ собой.

— Да какъ ты смотришь!? Смотри веселѣй, — продолжалъ орать баталіонный командиръ.

Постарался было Грицько посмотрѣть „веселѣй“, вскинулъ было онъ на своего командира глаза, но они, кромѣ горя и страданія, ничего не выражали. Это окончательно вывело командира изъ себя и на голову Грицько посыпался рядъ ударовъ здоровенныхъ кулаковъ.

Послѣ того, какъ Грицько, по мнѣнію командира, сталъ смотрѣть „веселѣй“, онъ обратился къ баталіону:

— Смирно! Баталіонъ, на пле-чо! *)

Баталіонъ дружно, отчетливо исполнилъ команду и продолжалъ стоять, держа „на плечо“.

Началось чтеніе приказа и постановленіе суда относительно наказанія Грицько Блохи. По окончаніи чтенія приказа баталіонъ взялъ „къ ногѣ“.

— Ну, ложись, чего стоишь? — обратился командиръ къ Грицько.

Грицько, еле переводя дыханіе, сбросилъ шинель и остался въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. Шинель была разослана во всю ширину и Грицько сталъ спускать свои подштанники.... Руки у него дрожали и пальцы никакъ не повиновались. Кое какъ справившись съ этимъ дѣломъ, Грицько задралъ рубаху, обнажилъ свое тѣло, перекрестился и довольно рѣшительно опустился на шинель. Лицо его перекосилось, худыя обнаженныя ноги дрожали, точно его сильно била лихорадка. Баталіонъ оставался неподвижнымъ.

Что волновало людей этого баталіона я не знаю. Чувства, одушевлявшія ихъ, какъ людей, скрыты были за солдатскимъ мундиромъ и ихъ лица оставались безстрастными, точно каменныя. Дисциплина сковала у нихъ способность отзываться на такія впечатлѣнія.

Обнаженное тѣло Грицько лежало на шинели, все туловище продолжало нервно вздрагивать. Ожиданіе было мучительно.

---

*) Въ то время, о которомъ ведется разсказъ, ружейные пріемы дѣлались иначе, чѣмъ теперь.

— Садись на ноги, а ты на плечи, — приказалъ командиръ двумъ солдатамъ, раньше вызваннымъ изъ баталіона. Солдаты усѣлись, придавивъ тяжестью своихъ тѣлъ ноги и грудь Грицько. Грицько вцѣпился зубами въ руки и... замеръ.

— Начинай, а ты считай! — отдалъ командиръ приказаніе двумъ солдатамъ, оставшимся стоять.

Одинъ изъ солдатъ взялъ розги въ руки и безсмысленно смотрѣлъ куда то впередъ, а другой переминался съ ноги на ногу и, видимо, не зналъ, что ему дѣлать. Оба они были блѣдны, а по серьезнымъ лицамъ можно было судить, что они въ эту минуту переживаютъ нѣчто очень сложное.

— Ну!...

— Разъ! — какъ-то неестественно громко вскрикнулъ солдатъ, на обязанности котораго лежало считать.

Розга взвилась вверхъ, застыла на одну секунду въ пространствѣ и, сильно разсѣкая воздухъ, изгибаясь въ рукахъ солдата точно змѣя, опустилась на тѣло Грицько и... впилась. Тѣло Грицько вздрогнуло, концы ногъ, оставшіеся свободными, сдѣлали конвульсивное движеніе, зубы, впившіеся въ руку, оторвались отъ посинѣвшей кожи, голова неестественно быстро поднялась вверхъ и тотчасъ опустилась къ землѣ съ перекошеннымъ отъ боли лицомъ. Раздался болѣзненный стонъ. На тѣлѣ остался красно-багровый слѣдъ.

— Два! — тонкимъ фальцетомъ какъ то въ бокъ продолжалъ считать солдатъ.

— Выжидай команду! — строго прокричалъ старый командиръ, завидя что солдатъ, сѣкущій Грицько, не задолго до команды „два“ приподнялъ розгу вверхъ.

Розга снова поднялась вверхъ и снова опустилась. Грицько не выдержалъ, изъ груди его вырвался наболѣвшій стонъ, перешедшій въ крикъ.

— О, мамо! на шожъ ты породила меня на Божій світъ! Мамо! Мамо!

— Молчать, баба! — съ презрѣніемъ кричалъ командиръ. — Мѣняй розгу послѣ каждаго удара, да смотри, не закрывай глазъ... мерзавецъ! — обратился командиръ къ тому кто сѣкъ.

Солдатъ перемѣнилъ розгу и, глубоко дыша, разставивъ ноги, съ испугомъ смотрѣлъ на два красно-багровые слѣда.

Напряженныя, внимательныя лица двухъ солдатъ, сидѣвшихъ на туловищѣ Грицько, съ устремленными въ одну точку глазами, говорили о томъ съ какимъ ужасомъ и отвращеніемъ они слѣдили за тѣмъ, что дѣлалъ каждый ударъ и болѣзненно ждали слѣдующаго...

— Три!...

И опять тоже, но съ нѣкоторой разницей. При первыхъ двухъ ударахъ рука, опускавшая розгу, быстро отдѣляла ее отъ тѣла, теперь она этого не сдѣлала. Лицо солдата, производящаго удары, сдѣлалось теперь болѣе безстрастнымъ, почти безсмысленнымъ. Розга впилась въ тѣло, показалась кровь. Грицько охватила теперь нечеловѣческая боль и онъ во всю силу своихъ легкихъ заоралъ:

— Оксано! Оксано!... Мамо, мамо! О, мамочко моя!...

— Четыре!... Пять!...

Розга дѣлала свое дѣло. Кровь лилась ручьями, покрывъ собою синебагровые слѣды. Грицько послѣ нѣсколькихъ ударовъ пересталъ взывать къ матери, этой утѣшительницѣ и страдалицѣ всякихъ скорбей своихъ дѣтей. Крикъ „мамо!“ „мамо!“ перешелъ теперь въ хрипъ.

Да! въ этотъ ужасный моментъ ни одна мать не выстояла бы. Она бросилась бы, какъ львица, къ своему дѣтищу и старалась бы защитить своимъ старымъ тѣломъ, тѣло своего сына и, быть можетъ, тронула бы сердца этихъ людей.

Солдаты, производившіе экзекуцію, «свято» исполняли свой долгъ. Имъ приказали сѣчь человѣка, своего же брата, солдата, и они сѣкли. Никому изъ нихъ не могла бы прійти въ голову мысль неисполнить приказаніе своего начальства. Другимъ приказано было стоять „смирно“ во время этой казни и любоваться зрѣлищемъ и они стояли „смирно“. Никому, ни солдатамъ, ни офицерамъ не могла прійти въ голову мысль на сколько была позорна и безчестна роль безстрастныхъ и пассивныхъ зрителей этого злостнаго и позорнаго мученія. Никому изъ нихъ не приходила въ голову мысль, что имъ быть можетъ когда нибудь прійдется, вмѣстѣ съ опозореннымъ и обезчещеннымъ ими же Грицько, защи-

щать и проливать кровь за „царя и отечество“ отъ какого нибудь врага!...

Одинъ солдатъ продолжалъ считать, другой сѣчь, два другихъ сидѣть на тѣлѣ Грицько. Грицько!.. Ему было больно, нечеловѣчески больно. Онъ, въ концѣ концовъ, пересталъ кричать. Онъ не въ силахъ былъ даже крикомъ ослабить впечатлѣніе, а только хрипѣлъ и корчился, извиваясь подъ ударами розогъ.

— Сто! — прокричалъ въ послѣдній разъ солдатъ и облегченно вздохнулъ...

Розга въ послѣдній разъ взвилась въ воздухѣ и тяжело опустилась на тѣло Грицько! Рука солдата, отъ непривычнаго движенія, одеревенѣла и ему приходилось дѣлать усиліе, чтобы отнимать ее каждый разъ. Въ послѣдній разъ розга послѣ удара вылетѣла изъ его руки и солдатъ сконфужено смотрѣлъ вокругъ.

— Ну, вставай! скомандовалъ командиръ.

Грицько съ трудомъ поднялся. Ему было больно, стыдно. Еле застегнувъ штаны, накинувъ на себя шинель, блѣдный съ страдающимъ лицомъ стоялъ Грицько. Что онъ думалъ, да думалъ ли онъ вообще что нибудь въ этотъ моментъ?!

— Ну, ступай въ казарму, да будь молодцомъ у меня. Смотри!... — пригрозилъ командиръ.

Грицько хотѣлъ было повернуться по всѣмъ правиламъ выучки, но у него вышло это вяло неуклюже...

— Какъ ворочаешься! — неудержался и въ этотъ разъ командиръ, замѣтивъ неловкость поворота.

— Разъ!.. Два!.. тверже ногу! — кричалъ ему старый вояка.

Грицько шелъ точно пьяный и два солдата, бывшіе при немъ въ качествѣ конвоя, старались его поддерживать, но дѣлали это такъ, чтобы этого не замѣтилъ командиръ..

Баталіонъ, по командѣ своего командира разошелся въ казармы; туда направился и Грицько Блоха, гдѣ и затерялся въ сѣрой солдатской массѣ.

Сдѣлался ли Грицько „молодцомъ“ или онъ не пережилъ такого поруганія, а наложилъ на себя руки, или какъ нибудь свихнулся — этотъ вопросъ никого не могъ интересовать!...

А. *Саникоч.*

Изъ деревенскихъ впечатлѣній.

(Письмо изъ России).

Среди безводныхъ степей Таврической губерніи вдали отъ уѣздныхъ городовъ и желѣзныхъ дорогъ раскинулось большое молоканское село Ново-васильевка. Крестьяне, изъ поколѣнія въ поколѣніе занимаясь земледѣліемъ, всѣ свои мысли сосредоточивали на землѣ, на исправномъ взносѣ податей да на томъ, чтобы съ начальствомъ была „тишь да гладь, да Божья благодать". И живутъ себѣ сельчане тихо, мирно, со всѣми въ ладу до тѣхъ поръ, пока что-либо изъ ряда вонъ выходящее не всколыхнетъ эту тишину. Тогда сектанты зашевелятся, заговорятъ, чаще начинаютъ ходить другъ къ другу и, сидя за самоваромъ, обсуждать вопросъ или явленіе со всѣхъ сторонъ. Обсуждаютъ долго и обстоятельно. Прежде всего ихъ интересуетъ слѣдующее: не хотятъ-ли еще болѣе стѣснить свободу ихъ богослуженія? Поводомъ къ тому служитъ доносъ попа, что Тимоѳей Алексѣевичъ проѣхалъ мимо церкви съ пѣніемъ молоканскихъ пѣсенъ, или же протоколъ урядника и пристава на подобную же тему.

Если всѣ тревоги окончатся благополучно, село снова принимаетъ свой обычный, сонный видъ; въ противномъ случаѣ избираютъ „стариковъ", чтобы они за всѣхъ „перетолковали съ начальствомъ", т. е. по просту дали-бы ему взятку или же подали прошеніе на высочайшее имя о дозволеніи молоканамъ открыто совершать богослуженіе. Послѣ взятки и подачи прошенія снова тихо, снова спокойно.

Однако, въ началѣ девяностыхъ годовъ спокойствіе села надолго было нарушено: Нововасильевка оживилась, приняла даже бойкій видъ; на большой улицѣ часто стояли массы подводъ,—это крестьяне со всего 5 участка Бердянскаго уѣзда съѣзжались на разборъ дѣлъ, желая покончить свои тяжбы

у „мирового“. Да и самъ судья торопился: онъ заканчивалъ дѣла, укладывалъ пожитки, законы, связки дѣлъ за старые годы и отвозилъ ихъ въ Бердянскъ. Казалось, что вмѣстѣ со сводами законовъ отъ крестьянъ увозилась всякая законность, уступая мѣсто беззаконію. Чаще и чаще стали ходить къ судьѣ „старики“, разспрашивая его о „земскомъ“ и сожалѣя объ отмѣнѣ мировыхъ судей. Наконецъ, и судья послѣ торжественныхъ проводовъ, устроенныхъ ему крестьянами, уѣхалъ. На его мѣсто ожидали новаго начальника, который долженъ былъ явиться ему на смѣну: въ Таврической губерніи впервые тогда вводились земскіе начальники. Кое гдѣ они были уже введены, кое-гдѣ начали проявлять свою дѣятельность. Объ этой послѣдней носились среди крестьянъ самые разнообразные толки, одни другихъ противорѣчивѣе, одни другихъ несуразнѣе: то говорили, что земскій это—другъ народа, то изображали его звѣремъ лютымъ, которому отдаются крестьяне въ кабалу: недаромъ ихъ назначаютъ только изъ дворянъ.

Наконецъ, пріѣхалъ давно ожидаемый земскій—Викторъ Викторовичъ Терскій. Пресвитеръ прочелъ на собраніи записку старосты, что земскій начальникъ сзываетъ сходъ. Къ назначенному времени вся площадь передъ „расправой“ была занята народомъ. Толпа плотной стѣной окружила съ 3-хъ сторонъ высокое, большое, въ видѣ помоста, крыльцо, гдѣ стоялъ столъ, покрытый старымъ синимъ сукномъ съ золотыми кистями по краямъ. Ближе къ крыльцу стояли старики, за ними — крестьяне помоложе, но имѣющіе право голоса на сходѣ; молодежь же стала позади всѣхъ. Мальчики забрались даже на деревья: они тоже сочли своимъ долгомъ явиться на сходку, чтобы посмотрѣть на земскаго. Глаза всѣхъ устремлены на крыльцо. Тамъ былъ только писарь со старостой да нѣсколько сотскихъ и десятскихъ. Отъ всей толпы несся сдержанный гулъ; говорили во многихъ мѣстахъ.

— Господа старички!—началъ староста. Всѣ притихли.

— Господа старички! Земскій риказалъ, чтобы всѣ передъ нимъ снимали картузы. Слышайте? Такъ безъ картузовъ и стойте все бремя, пока онъ тутъ будетъ; онъ сейчасъ явится. Да что-бъ всѣ сняли, слышите вы тамъ, молодежь? Десятскій, пойди предупреди ихъ.

Десятскій пошелъ.

— Господа старички! А вы къ земскому лицомъ повернитесь, спиной не стойте!—Въ свою очередь добавилъ писарь.

— Ладно, не учи ужъ, повернемся!—раздался голосъ изъ толпы.

— Земскій, земскій ѣдетъ! Картузы, картузы не забудьте снять! Безъ картузовъ стойте! — заволновались десятскіе.

День удался ясный, солнечный; свѣжій осенній воздухъ подбадривалъ немного; грязи не было; по широкой, только что наѣзженной дорогѣ быстро неслась тачанка: видно, что молодой кучеръ гналъ лошадей, желая угодить „начальству". Противъ сельскаго правленія онъ сразу сдержалъ ихъ. Изъ тачанки вышелъ земскій вмѣстѣ со своимъ письмоводителемъ. Всѣ притихли, молча обнажили головы и расступились, давая дорогу Терскому. Онъ, не торопясь, прошелъ мимо рядовъ, медленно поднялся по ступенькамъ на крыльцо, обошелъ столъ, повернулся лицомъ къ толпѣ и обвелъ ее взглядомъ.

— Здорово, мужички! — громко произнесъ земскій.

— Здравствуйте, ваше высокоблагородіе! Добро пожаловать! Здравствуй!—раздались нестройные голоса. И опять все стихло. Только Терскій все посматривалъ, да поправлялъ золотую цѣпь со знакомъ. Онъ — выше средняго роста. Вся его фигура въ форменной фуражкѣ отчетливо выдѣлялась, точно господствовала надъ всѣми. Узкіе, рысьи глаза самодовольно посматривали сверху внизъ на окружающихъ; продолговатое лицо оканчивалось небольшой бородкой клиномъ; напомаженные усы, точно стрѣлки, торчали въ обѣ стороны. Видно, въ первый разъ въ жизни ему приходилось быть „бариномъ" въ полномъ смыслѣ этого слова.

— Я—земскій начальникъ! — громко сказалъ Терскій:— да, я вашъ начальникъ! И вы должны меня слушаться. Прежде всего я требую, чтобы вы всѣ передъ земскимъ начальникимъ снимали шапки, а кто не будетъ исполнять моего перваго требованія, того на три дня подъ арестъ.

Онъ остановился на минуту, чтобы присмотрѣться къ произведенному впечатлѣнію. Никто не проронилъ ни слова.

— Вы слышали уже—продолжалъ онъ—что земскіе начальники—это крестьянскіе начальники, спеціально для васъ

назначенные, чтобы вамъ лучше было свои дѣла разобрать, а потому волею государя... я—вашъ непосредственный начальникъ, я вашъ судья и защитникъ. Вы хотите знать, какими я правами пользуюсь? Знайте, что по закону я, какъ земскій начальникъ, безъ суда и безъ всякой записи о томъ, могу сажать въ холодную на три дня каждаго, кто только провинится предо мной. Если же кто-либо изъ васъ вздумаетъ на меня жаловаться, еще, на три дня засажу, отсидитъ, еще на три дня, и еще, и еще... въ клоповникѣ заморю! — послѣднія слова онъ почти выкрикнулъ.

— У-ухъ, здорово!—раздалось изъ заднихъ рядовъ. Кое-кто полѣзъ въ затылокъ.

— Вотъ-такъ-такъ!.. Вотъ-те и фу-у-нтъ!

Земскій перевелъ духъ и заговорилъ о томъ, какъ нужно составлять приговоры, какія дѣла подсудны волостному суду, а какія ему. Почти послѣ каждой фразы онъ повторялъ: „я — земскій начальникъ", „я — вашъ начальникъ". Онъ точно смаковалъ эти слова, дающіе ему право руководить людьми по своему произволу.

Мальчишкамъ надоѣло слушать земскаго и они начали глазѣть по сторонамъ.

— Петька, погляди-кась, вонъ-тамъ никакъ нашъ учитель Ѳедыръ Степанычъ тоже безъ картуза стаитъ!

— Гдѣ? Гдѣ?

— А вонъ тамъ, окылъ садушки!

— Развѣ и надъ нимъ „онъ" начальникъ?

— Ни знай...

— Ну, вы, тише тамъ, а то я вотъ васъ палкой живо потурю отсюда!—негромко окрикнулъ ихъ десятскій.

Терскій окончилъ свою рѣчь и отправился по другимъ селамъ своего участка вновь произносить ее. Толпа начала расходиться. Заговорили всѣ разомъ.

— А строгъ, неча сказать!—говорятъ въ одномъ мѣстѣ.

— Много ему воли дали, это вѣрно!—слышится въ другомъ.

— А онъ насъ совсѣмъ за дураковъ считаетъ: вы, молъ, мужики ничего не понимаете, а мы, можетъ быть, больше его все въ десять разъ понимаемъ! — разсуждаютъ старички.

— Ну, теперь ходи, да оглядывайся, картузъ обѣими

руками держи, а то живо въ холодной очутишься!—серьезничаетъ молодежь.

— А по моему, такъ совсѣмъ ему на глаза не показываться, лучше!

— Толкуй! Налетитъ и не увидишь!

— Знаете что? А мы ему днемъ только будемъ сымать, а вечеромъ — дудки!

II.

Однако, желаніе жить въ мирѣ съ „начальствомъ" взяло верхъ: при проѣздѣ земскаго всѣ стояли безъ шапокъ. Кое-кто изъ зѣвакъ уже попадалъ въ холодную. Въ началѣ это даже забавляло нововасильевцевъ: идетъ кто-нибудь послѣ трехъ дней мимо кузницы Порфирія, сейчасъ остановятъ его, попросятъ войти въ кузню и начнутъ подтрунивать:

— Что, братъ, попался?

— А сколько галокъ поймалъ, пока земскаго прозѣвалъ?

Плюнетъ на нихъ попавшійся, выругается и пойдетъ домой.

Кузница Порфирія Свинаренко служила клубомъ почти для цѣлой улицы: сюда въ свободное время стекалась всѣ молодежь. Она толпилась у входа, иногда помогала дуть мѣхи подмастерьямъ, но чаще всего затрогивала проходящихъ.

— А, Петръ Игнатьичъ! Да никакъ ты второй разъ ужъ сидишь? Аль понравилось въ расправѣ сидѣть?

Петръ Игнатьичъ, здоровенный мужикъ съ всклокоченной бороденкой, любившій иногда выпить, останавливается и начинаетъ:

— Ахъ вы, собаки вы эдакія! Ну что зубы-то скалите?

— Нѣтъ, ты скажи: гдѣ лучше дома или въ холодной?

— Эхъ, вы, зубоскалы несчастные; а кто въ кузню прячется, когда земскій ѣдетъ? Какъ собачата вы всѣ отъ него вразсыпную прячетесь, шапченки вамъ лѣнь подержать передъ нимъ, а еще смѣетесь! Молчали-бы ужъ лучше!.... Зайчатишки вы и больше ничего. Тьфу...

И онъ, надвинувъ картузъ и посвистывая шелъ дальше.

Но къ зимѣ исторія съ шапками уладилась: крестьяне стали снимать шапки, чтобы только поздороваться съ Тер-

скимъ, а потомъ снова ихъ надѣвали. Вначалѣ это удивило Терскаго, онъ вскипѣлъ, началъ кричать. Первые попавшіеся спокойно отвѣтили ему, что они не прочь-бы постоять безъ шапокъ, пока онъ проѣдетъ, да боятся простудиться, а потому и не сымаютъ. Противъ такого аргумента онъ ничего не могъ возразить, тѣмъ болѣе, что незадолго передъ тѣмъ все село разомъ перестало исполнять его приказаніе относительно привязыванія собакъ.

Викторъ Викторовичъ очень любилъ охоту и охотничьихъ собакъ. Но въ степи, гдѣ нѣтъ ни рѣкъ, ни лѣса, плохая охота. Это не помѣшало ему, однако, завести охотничью собаку, съ которой онъ и разъѣзжалъ по селамъ. Крестьянскія собаки сначала только обнюхивали невиданную гостью, но очень, скоро первоначальное любопытство перешло въ непріязнь и они, съ чисто собачьей жестокостью, стали преслѣдовать ее: нѣсколько разъ отчаянно кусали ее, забѣгали за нею безъ зазрѣнія совѣсти даже во дворъ земскаго. Видитъ Терскій, что съ собакой нигдѣ показаться нельзя, что ей проходу не даютъ, одни только непріятности изъ-за нея. Какъ облегчить участь своей любимицѣ? Пишетъ тогда Терскій приказъ сельскому старостѣ, чтобы всѣ крестьянскія собаки безъ исключенія были привязываемы на цѣпь. Нарушители же этого распоряженія подвергались бы трехдневному аресту. Смирились и здѣсь крестьяне, благо это было глубокой осенью,—время свободное, можно и съ собаками повозиться. Часть ихъ пришлось уничтожить, но и съ оставшимися трудно было ладить: насидѣвшись за день на цѣпи, собаки такъ дорого цѣнили свободу, что на утро никакого сладу съ ними не было. Для ѣды еще, честь честью, подходятъ, но какъ только замѣтятъ въ рукахъ хозяина веревку, такъ и начнутъ удирать отъ него во всѣ лопатки.

— Ишь-ты, и мы въ земскіе попали! — смѣялись нѣкоторые шутники; — наши собаки-то удираютъ отъ насъ не хуже, чѣмъ мальчишки и ребята отъ земскаго!

Надоѣло имъ бѣгать за собаками; отправились они тогда къ Терскому съ просьбой освободить ихъ отъ этой неволи. Не уважилъ Терскій этой просьбы. Пришлось оставлять собакъ и на ночь на привязи. Вскорѣ по ночамъ въ селѣ стали раздаваться такіе адскіе разноголосые концерты, поды-

мался такой жолобный вой, что у многихъ душа въ пятки уходила.

Тошно стало нововасильевцамъ отъ этихъ концертовъ, жаль имъ стало своихъ дѣтей, да и собакъ тоже. Порѣшили крестьяне, что не слѣдуетъ больше привязывать собакъ, и въ одинъ прекрасный день, увидѣлъ Терскій, что у всѣхъ собаки снова гуляютъ на свободѣ, что они по прежнему выскакиваютъ на улицу, и промолчалъ: видно и ему надоѣли концерты, видно и его тронуло, что собаки, получивъ свободу, отъ радости забыли тревожить его любимицу, а первые дни бѣгали, какъ ошалѣлые.

III.

— Проклятые молокашки! Упрямые, какъ черти — говаривалъ Терскій въ кругу своихъ знакомыхъ.

Скоро онъ убѣдился, что съ „проклятыми“ Нововасильевцами жить не стоитъ. Сдавало Новоспасское общество (молоканское) въ арендное содержаніе Корсакъ-могилу съ желѣзною рудою Русско-Бельгійскому обществу. За эту сдѣлку, совершенную у Мелитопольскаго нотаріуса, Терскій получилъ отъ общества за хлопоты десять тысячъ рублей и со спокойной совѣстью положилъ ихъ въ Азовско-Донской Коммерческій банкъ. Казалось бы, кому какое до этого дѣло? Однако, нашлись „злые люди“, которые говорили крестьянамъ, что сдѣлка, совершенная въ городѣ, не выгодна не только новоспассцамъ, но и всѣмъ крестьянамъ нововасильевской волости вообще: новоспассцамъ она не выгодна потому, что Терскій, получивъ взятку, хлопоталъ, очевидно, не даромъ и не въ убытокъ заводу, а волость, благодаря тому, что договоръ совершенъ не у Нововасильевскаго нотаріуса, а у Мелитопольскаго, лишилась болѣе тысячи рублей сбора, ушедшаго въ пользу города. Недовольнымъ оказался и нотаріусъ, лишившійся громаднаго заработка: вѣдь крупныя сдѣлки такъ рѣдки въ провинціи.

Такимъ образомъ недовольныхъ оказалось много. И это не ускользнуло отъ вниманія Виктора Викторовича. Какъ-то пріѣхалъ въ село товарищъ прокурора. Терскій, въ честь его пріѣзда, устроилъ въ квартирѣ Фефелова обѣдъ, куда было

приглашено и все мѣстное начальство. Былъ тамъ и нотаріусъ. Подвыпившій Викторъ Викторовичъ сталъ приставать къ нему, чтобы тотъ или поборолся съ нимъ или подрался. Долго не унимался Терскій, подбадривая себя стаканчикомъ, пока нотаріусъ, чтобы отдѣлаться отъ него, не вышелъ на дворъ. Но и тамъ Терскій не отставалъ отъ него. Проходившіе крестьяне останавливались, съ удовольствіемъ посматривая какъ баре тѣшатся. Выведенный изъ терпѣнія нотаріусъ схватился съ Терскимъ. Откуда ни возьмись, около изгороди и воротъ, точно по телефону вызванные, явились уже порядочныя кучки сельчанъ. Съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили они за исходомъ борьбы. Всѣ ихъ симпатіи были на сторонѣ нотаріуса: они подбадривали его отдѣльными возгласами. Вотъ земскій, кажется, теряетъ равновѣсіе, падаетъ. По толпѣ пробѣгаетъ общее одобреніе, но побѣдитель не довольствуется этимъ; онъ тащитъ побѣжденнаго къ банѣ и засовываетъ его головою въ отверстіе печки. Отирая выступившій потъ и поправляя смятую манишку, нотаріусъ отошелъ отъ бани. Черезъ минуту вылѣзъ оттуда земскій начальникъ весь въ сажѣ: все лицо, все платье было чернымъ-черно, съ волосъ сыпалась зола; она забралась ему въ ротъ, въ уши... Громкій, ничѣмъ не сдерживаемый, хохотъ раздался со всѣхъ сторонъ при видѣ такого красавца.

— Ахъ, ѣдятъ тебя мухи съ комарами! Ну да и здорово-жъ! Ахъ, какъ хорошо! Ну и ловко! Молодецъ, — несется по адресу нотаріуса.

Взбѣшенный Терскій лишился дара слова. Наконецъ, онъ пришелъ въ себя.

— Вы чего тутъ гогочете? Вонъ отсюда! — закричалъ онъ на крестьянъ.

— Хабарятникъ!—отчетливо, громко кто-то крикнулъ ему въ лицо.

Терскій остановился съ раскрытымъ ртомъ, точно пришибленный.

— Ахъ вы! Ахъ вы!... — и запнулся отъ ярости.

Толпы какъ не бывало.

Съ площадною бранью набросился тогда Терскій на хозяина квартиры, на гостей, на всѣхъ и вся...

Черезъ нѣкоторое время послѣ этого, онъ, отряхнувъ

прахъ отъ своихъ ногъ, перенесъ свою камеру въ село Астраханку, куда давно ужъ приглашалъ его къ себѣ мѣстный богачъ Курьяновъ, уступая ему часть своей квартиры.

IV.

По ровной, гладкой степи отъ Нововасильевки въ Астраханку ведетъ широкая дорога съ земляными турами по краямъ. До Астраханки всего только 12 верстъ, но находясь даже въ полуверстѣ отъ нея все-таки села не видно: въ этой мѣстности степь сдѣлала волнообразное движеніе, образовались двѣ впадины, куда спряталось все село со своими садами и огородами, а надъ нимъ, на гребнѣ волны, за послѣдніе годы господствуетъ маленькая бѣленькая церковь, построенная для того, чтобы „заблудшія овцы“ обратились бы въ лоно православія. Въ одну изъ впадинъ и переселился Терскій. Домъ Курьянова—чаша полная, въ немъ всегда дымъ коромысломъ идетъ: богачъ окружилъ себя цѣлымъ штатомъ всякаго рода людей, съ которыми онъ ведетъ разгульную и распутную жизнь. Терскій очень скоро сошелся съ хозяиномъ и зажилъ, что называется, во всю: вмѣстѣ они предавались кутежамъ, вмѣстѣ и по степи рыскали, желая найти хоть какого-нибудь зайца. Собакъ развели цѣлую свору, — отвели имъ особое помѣщеніе и приставили спеціальнаго служителя. Теперь ужъ отъ собакъ земскаго не стало житья крестьянскимъ: сворой они нападали на какого-нибудь Шарика и душили его, или же изощряли свои охотничьи способности на ловлѣ куръ и отыскиваніи яицъ. Одинъ молодой крестьянинъ поймалъ собаку земскаго на мѣстѣ преступленія и убилъ ее. Вскипѣлъ Терскій, призвалъ крестьянина къ себѣ въ камеру и приказалъ своимъ приближеннымъ „проучить“ его, „да хорошенько, чтобы онъ, сукинъ сынъ, помнилъ, какъ собакъ бьютъ!“ — прибавилъ онъ. Черезъ нѣсколько дней крестьянинъ умеръ отъ побоевъ.

Какъ не учили всѣхъ поступать „шито-крыто“, а слухъ объ убійствѣ парня, быстро распространился. Дошли они и до „высшаго“ начальства. Пока пріѣхалъ слѣдователь, пока вздумали произвести вскрытіе, прошло немало времени. Свидѣтелей избіенія не было, по трупу ничего нельзя было узнать, такъ какъ онъ давно ужъ разложился, и испуганные родители поспѣшили

заявить, что сынъ ихъ умеръ естественною смертью. Изъ всей этой исторіи начальство вывело то заключеніе, что Викторъ Викторовичъ, невинная жертва, на которую набросили тѣнь грубые и невѣжественные мужики. Но не то думали крестьяне: они осуждали его не только за убійство своего односельчанина, но и за кутежи, за то, что, выражаясь ихъ языкомъ, „не удерживаетъ нравственности въ своемъ домѣ: производитъ на свѣтъ созданія и отдаетъ ихъ въ Симферополь въ Сиротскій пріютъ"; ставилась ему въ вину даже дружба съ Курьяновымъ.

— Нѣтъ, не такимъ долженъ быть начальникъ, если онъ блюдетъ нужды крестьянъ, — говорили они, и престижъ Терскаго съ каждымъ днемъ падалъ. Это не ускользнуло отъ его вниманія, и онъ рѣшилъ вновь стать прежнимъ Юпитеромъ-Громовержцемъ. Его бѣсило и то, что прихлебатели Курьянова частенько являлись къ нему въ квартиру запросто, какъ сотоварищи по кутежамъ и обращались съ нимъ безъ всякаго уваженія къ его мундиру.

Онъ рѣшилъ прежде всего порвать съ ними всякое сношеніе. Прямымъ путемъ раздѣлаться съ ними онъ считалъ неудобнымъ для себя. Тогда онъ устроилъ такую комбинацію: пригласилъ къ себѣ въ камеру вліятельныхъ на сельскомъ сходѣ стариковъ и сталъ вести съ ними „политику". Во время разговоровъ онъ задалъ имъ такой вопросъ:

— Почему въ его участкѣ нигдѣ нѣтъ такого разврата, какъ въ селѣ Астраханкѣ? Здѣсь такая распущенность нравовъ, воры до того здѣсь разбаловались, что обокрали даже его, земскаго начальника. Стыдъ и срамъ это старички, и надо положить конецъ такому безобразію, надо найти виновныхъ.

— Да разѣ ихъ найдешь? — И „старички", не имѣя никого опредѣленно въ виду, указали ему, однако, на 17 человѣкъ, порочныхъ, по ихъ мнѣнію, и способныхъ на всякіе неблаговидные поступки.

— Вотъ изъ нихъ може кто и обокралъ васъ, а мы не знаемъ.

Изъ даннаго списка Терскій отмѣтилъ 7 человѣкъ, которыхъ, по его мнѣнію, необходимо было удалить изъ с. Астраханки, какъ вредныхъ членовъ общества. Съ этою цѣлью, по при-

казанію земскаго начальника, былъ созванъ сельскій сходъ, куда онъ не замедлилъ явиться лично. Въ своей рѣчи Терскій говорилъ, что Астраханское общество сильно распущенно, что его нужно подтянуть, очистить немного. При чемъ, указывая на неблагонадежныхъ, сказалъ, что ихъ-то непремѣнно надо удалить. Объ ихъ удаленіи былъ сейчасъ же прочитанъ заранѣе составленный приговоръ. Относительно этого приговора общество долгихъ сужденій не могло имѣть: Терскій объяснилъ, что приговоръ нужно подписать сейчасъ же. Если же кто-либо не захочетъ подписаться, то обязанъ дать въ томъ объясненіе лично ему, Терскому. Такихъ охотниковъ не нашлось, и приговоръ состоялся, т. е. законное число подписей ($^2/_3$) было собрано. Приговоръ этотъ былъ утвержденъ.

Неблагонадежныхъ отправили въ Бердянскій тюремный замокъ ожидать очередной партіи арестантовъ, идущихъ въ Сибирь.

Жены ссылаемыхъ изъявили желаніе отправиться въ ссылку вмѣстѣ со своими мужьями. Онѣ продали наскоро все имущество, забрали своихъ дѣтей и отправились въ Бердянскъ.

Вскорѣ послѣ утвержденія приговора, родственники ссылаемыхъ стали хлопотать о пересмотрѣ его. Въ своемъ прошеніи, поданномъ въ Губернское Присутствіе, они говорили, что общество, если-бъ не земскій начальникъ Терскій, ни за что не сослало бы своихъ односельцевъ. Чтобы ускорить дѣло, два крестьянина поѣхали въ Симферополь. Одинъ изъ нихъ самъ занимался изученіемъ законовъ и вотъ, на основаніи какихъ-то сенатскихъ рѣшеній, они добились того, что губернаторъ обѣщалъ имъ выслать члена Присутствія для провѣрки приговора и распорядился о возвращеніи женъ и дѣтей ссылаемыхъ, пока не разрѣшится возникшее недоразуменіе. Веселые и радостные пріѣхали ходатаи домой и о своемъ успѣхѣ стали разсказывать односельчанамъ.

Слухи объ этомъ дошли и до Терскаго. Онъ чаще сталъ приглашать къ себѣ своихъ фаворитовъ, съ которыми и готовился къ пріему члена на сельскомъ сходѣ. Какъ только пріѣхалъ ожидаемый членъ Губернскаго Присутствія, земскій начальникъ немедленно созвалъ сходъ. И несмотря на то, что членъ съ удовольствіемъ записывалъ все, что служило къ подтвержде-

нію состоявшагося уже Губернскаго постановленія, все-таки нельзя было скрыть слѣдующаго: 10 человѣкъ неграмотныхъ были зачислены въ приговоръ безъ ихъ воли и желанія на сходѣ, при составленіи приговора они не были и ссылать людей не желали; было обнаружено нѣсколько несовершеннолѣтнихъ, нѣкоторые записывались по 2 раза; нашлось 70 человѣкъ, не имѣющихъ права голоса на сходѣ. Объ этомъ сейчасъ же ходатаями было подано члену заявленіе съ приложеніемъ списка домохозяевъ, имѣющихъ право голоса. Они просили сличить этотъ списокъ съ приговоромъ здѣсь же, но членъ, хотя жалобу и принялъ, не обратилъ на нее никакого вниманія. Такимъ образомъ всѣ старанія ходатаевъ оказались тщетными, и приговоръ вторично былъ утвержденъ.

25 іюня 1898 г. въ Астраханку былъ присланъ желтый листъ съ перечисленіемъ всѣхъ членовъ ссылаемыхъ семей. Получивъ листъ, власти распорядились о немедленной заготовкѣ подводъ для ссылаемыхъ. Тщетно беззащитныя семьи просили отсрочки хоть на одинъ день, чтобы приготовиться въ дальнюю дорогу, запастись хоть необходимой провизіей, — у нѣкоторыхъ не было хлѣба, готовились только печь его, — ихъ не слушали, вѣдь объ ихъ вторичномъ согласіи слѣдовать за своими „кормильцами“ никто не спрашивалъ. Теперь и семьи тоже были ссыльные, слѣдовательно, преступники, а съ ними церемониться не слѣдуетъ: ночью посадили всѣхъ на подводы и отправили въ Нововасильевку. А крѣпко теперь ужъ не хотѣлось семьямъ итти въ ссылку, тѣмъ болѣе, что еще недавно передъ этимъ надежда остаться въ родномъ селѣ почти сбывалась. Одна женщина успѣла скрыться, оставивъ четырехлѣтняго сына. Ее поискали и успокоились, а ребенка, вмѣстѣ съ остальными ссыльными, отправили къ отцу.

На разсвѣтѣ ссылаемые прибыли въ Нововасильевку. Вѣсть о ихъ прибытіи быстро разнеслась по селу, и черезъ часъ послѣ ихъ пріѣзда, около зданія волостного правленія, была уже громадная толпа. Тутъ были и родственники ссылаемыхъ, и знакомые, и любопытные, которые „пришли посмотрѣть на ссыльныхъ“. Около порога зданія лежали пожитки ссыльныхъ.

— Да гдѣ же самые ссыльные?—въ недоумѣніи обращались нѣкоторые къ десятскому.

— А развѣ не видите? Вотъ они!—И онъ указывалъ на

группу, расположившуюся около своихъ пожитокъ. Всѣхъ ихъ было 30 до человѣкъ. Среди нихъ были и пожилыя женщины, и дѣвушки, и грудныя дѣти, было и нѣсколько парней. Разочарованіе было полное: вмѣсто звѣрскихъ лицъ, на зрителей уставлялись дѣтскіе глазенки. Ничего не понимая, нѣкоторые изъ любопытныхъ обращались за разъясненіемъ къ самимъ ссылаемымъ. Тѣ отвѣчали очень неохотно, рѣзко, отрывисто, зато дѣти представляли прямую противоположность взрослымъ, они, какъ ни въ чемъ не бывало, весело копошились около своихъ матерей; въ рукахъ у нихъ были лакомства, принесенныя родственниками; они уписывали ихъ за обѣ щеки, а глазенки ихъ въ это время съ любопытствомъ разсматривали окружающихъ, которые смотрѣли на нихъ съ сожалѣніемъ и старались хоть чемъ-нибудь выразить имъ свою симпатію: кто успѣлъ купить имъ конфектъ, кто совалъ въ руку мелкую монету.

Но вотъ необходимый конвой былъ собранъ, подводы запряжены. Пора трогаться въ дальнѣйшій путь. Уложили пожитки. Народу было очень много, чуть-ли не половина села; преобладали женщины.

— Пора, пора трогаться!—говорилъ урядникъ.

На минуту все стихло: мужики обнажили головы; стали прощаться. Тутъ произошло что-то ужасное: ссылные заплакали, стали плакать и ихъ родственники. Кучеръ на подводѣ, безъ картуза, безпокойно задвигался и задергалъ вожжами. Подводы тронулись. Плачъ перешелъ въ громкій крикъ, причитанія Полились сплошной рѣкой...

— Да на кого же вы насъ покидаете! — голосили бабы. Плачъ былъ на столько заразителенъ, что плакали рѣшительно всѣ присутствующіе: плакалъ урядникъ, конвойные, плакали кучера, публика; о ссылныхъ и говорить нечего:—тѣ рыдали грудью, рыдали отчаянно... Процессія медленно двигалась по улицѣ, къ нимъ присоединялись еще и еще...

— Да за что же вы теперь страдаете! — надрывая сердце, раздавались отдѣльные возгласы изъ провожавшей толпы, и все опять сливалось въ одномъ морѣ крестьянскихъ слезъ.

Но и ссылка не подняла престижа Терскаго; напротивъ,

она озлобила только недовольныхъ. Астраханка поперекъ горла стала ему. Вначалѣ еще, пока онъ жилъ въ Нововасильевкѣ, большинство Астраханцевъ обращалось къ нему какъ къ своему непосредственному начальнику, даже съ совѣтами, вѣрило ему, — думали, что онъ на ихъ сторонѣ. — Дѣйствительно одинъ разъ, не зная мѣстныхъ дѣлъ, онъ сталъ на сторону бѣднѣйшихъ. И какъ дорого заплатили потомъ бѣдняки за свою довѣрчивость!

V.

Съ каждымъ годомъ жить становится все труднѣе и труднѣе,—говорятъ повсюду. Чувствовали это и астраханцы, начиная съ трудомъ сводить концы съ концами. Надѣлы уменьшались, земля истощалась, начала давать плохіе урожаи. Призадумались они надъ своимъ положеніемъ и рѣшили купить себѣ землю, чтобы выселить туда часть села. Въ 1890 г. по приговору общества было куплено въ Оренбургскомъ у. у Тимашева 10452 десятины земли за 188136 рублей. Для уплаты денегъ за купленную землю крестьяне отдѣлили отъ своего и безъ того малаго надѣла 2200 десятинъ лучшей земли въ оброчную статью, которую и отдавали съ торговъ въ арендное содержаніе. Цѣна такой десятины земли доходила до 22 р. 50 к. въ годъ. Понятно, что ее забрали только богатые. Бѣднымъ тяжело было, но они крѣпились, надѣясь на то, что скоро часть ихъ переселится, а оставшимся достанутся тогда надѣлы выселившихся. Такъ думали бѣдняки, но не такъ думали и дѣйствовали богачи. Дѣло въ томъ, что для пріисканія земли и покупки ея для общества былъ выбранъ Зиновій Даниловичъ Захаровъ, какъ человѣкъ богатый, а слѣдовательно, свободный, могущій посвятить свое время на пользу общества.

Захаровъ пользовался почетомъ и уваженіемъ не только среди своихъ односельцевъ: не разъ выступалъ онъ въ защиту молоканъ передъ архіереемъ, не разъ красно говорилъ проповѣди „своимъ братьямъ во Христѣ“. А говорить онъ хорошо умѣлъ: отлично зная евангеліе, обладая къ тому же ора-

торскимъ талантомъ и сильнымъ голосомъ, онъ гремѣлъ на собраніи, какъ труба іерихонская. Астраханцы любили его и гордились имъ. Года два спустя послѣ покупки земли Захаровъ заявилъ, что онъ прикупаетъ еще землю для общества. Бѣдняки возстали: они видѣли, что и первая земля легла на нихъ тяжелымъ бременемъ, а тутъ еще вторая — нѣтъ, на вторую покупку они ни за что не согласятся, она раззоритъ ихъ, и они наотрѣзъ отказались отъ новаго пріобрѣтенія земли. Захаровъ настаивалъ; его поддерживали всѣ богатѣи села. Тогда бѣдняки обратились къ Терскому, разсказали ему про свое положеніе и попросили содѣйствія. Тотъ сталъ на ихъ сторону и высказался противъ покупки. Такой поступокъ сильно подкупилъ бѣдняковъ въ пользу земскаго начальника, и они, помня этотъ поступокъ, долго еще вѣрили въ Терскаго, думали, что если разсказать ему все по совѣсти, такъ онъ и будетъ на сторонѣ правыхъ. Послѣ нихъ отправились къ Терскому и богачи. Про это бѣдняки ничего пе знали, не вѣдали. Вскорѣ былъ созванъ сельскій сходъ, куда пожаловалъ и Терскій. Онъ произнесъ длинную и внушительную рѣчь, въ которой доказывалъ необходимоть второй покупки; говорилъ, что онъ вполнѣ надѣется на общество, которое пойметъ, послушаетъ своихъ благоразумныхъ богатыхъ однообщественниковъ и подпишетъ приговоръ законнымъ числомъ. Сходъ диву давался, слушая подобную рѣчь, однако, подчиняясь волѣ земскаго начальника и Захарова, выполнилъ желаніе богатыхъ. Вторая покупка въ 3320 десятинъ за 83000 рублей была произведена. Но съ этого схода все село раздѣлилось на двѣ враждебныхъ партіи: богатыхъ, которыхъ прозвали „куркулями", и бѣдныхъ или „вязенокъ". Вязенки чувствовали, что куркули творятъ что-то неладное, а что именно еще не знали. Захаровъ за все время никакихъ отчетовъ не давалъ, ссылаясь на то, что еще не готовъ къ отчету. Видя растущее недовольство къ себѣ со стороны вязенокъ, онъ поспѣшилъ дать отчетъ. Былъ составленъ учетный актъ, гдѣ обѣ покупки со всѣми расходами опредѣленыболѣе, чѣмъ въ 300000 рублей. Но общество все еще находилось подъ обаяніемъ личности Захарова, все еще вѣрило ему, а потому не только утвердило этотъ отчетъ, но, по желанію Захарова, выразило ему и благодарность. Это была послѣдняя

уступка куркулямъ: было обнаружено, что управляющіе (Бѣловъ и Михаилъ Мамонтовъ), посланные въ Оренбургскую губернію за покупкой земли, сильно злоупотребляютъ тамъ. Для провѣрки ихъ дѣйствій общество избрало трехъ своихъ однообщественниковъ, для чего и былъ составленъ приговоръ. Управляющіе же находились въ близкомъ родствѣ и дружбѣ съ богатыми, въ особенности съ Захаровымъ, который и покровительствовалъ имъ. Весьма понятно, что лица, избранныя бѣдняками для контроля, не могли нравиться Захарову и его друзьямъ и приговоръ былъ опротестованъ ими. Этого было достаточно, чтобы Терскій, несмотря на законность приговора, не утвердилъ его. Онъ приказалъ старостѣ собрать сходъ вторично, надѣясь, что сходъ, подъ вліяніемъ богатыхъ, изберетъ другихъ контролеровъ. Несмотря на то, что передъ сходомъ была прочитана бумага Терскаго, въ которой онъ ясно намекалъ, что избранныя лица ему не нравятся, сходъ вторично избралъ тѣхъ же лицъ. Сейчасъ же послѣ схода воротилы-богачи, возмущенные вязенками, помчались къ земскому начальнику. Такимъ образомъ судьба второго приговора была рѣшена: онъ опять не былъ утверждетъ. По приказанію Терскаго былъ созванъ третій сходъ по тому же дѣлу, куда вмѣсто себя онъ послалъ старшину. Передъ открытіемъ схода была прочитана записка, написанная лично Терскимъ. Въ ней онъ рѣзко укорялъ тѣхъ лицъ, которые стояли на сторонѣ общества, нѣсколько разъ называлъ ихъ „коноводами“, „подстрекателями“, „самоуправниками“; онъ писалъ, что если общество не пожелаетъ слушаться богатыхъ лицъ, которые во много разъ умнѣе бѣдныхъ, то онъ вынужденъ будетъ нѣкоторыхъ изъ крестьянъ, стоящихъ за общество, а не за богачей, засадить въ тюрьму. Въ виду этого онъ вполнѣ надѣется, что такъ какъ въ тюрьму никому не захочется сѣсть, то общество изберетъ другихъ повѣренныхъ, которыхъ укажетъ зять Захарова — Сизовъ. По прочтеніи распоряженія Терскаго старшина и староста раздѣлили сходъ на 2 части, при чемъ оказалось, что за первоначально избранныхъ трехъ повѣренныхъ 217 человѣкъ, а на сторонѣ избранія другихъ лицъ—53 человѣка. Но и послѣ этого земскій начальникъ не нашелъ нужнымъ засвидѣтельствовать приговора.

Только тутъ вязенки поняли, что Терскій не на ихъ сторонѣ и богатые — не друзья имъ. Они ясно увидѣли, что по совѣсти какъ не говори съ начальствомъ, ничего не выйдетъ, разъ оно держитъ руку богачей. Богачи же, имѣя защиту въ лицѣ Терскаго, дѣйствовали въ открытую: они наняли у нѣмцевъ-менонитовъ землю подъ толоку и выпасъ своего скота и уплатили изъ общественныхъ суммъ, вырученныхъ съ оброчной статьи, 3700 рублей. Эти деньги, благодаря старостѣ Балихину, состоявшему въ партіи куркулей, не были взысканы съ богатыхъ. Это открылось тогда, когда мѣсто Балихина занялъ другой староста изъ партіи вязенокъ. Было такъ же обнаружено, что Захаровъ самовольно и безъ вѣдома общества яко-бы „простилъ“ Тимашеву 25000 рублей неустойки.

— На земскаго плохая надежда, — говорили Астраханцы,—къ нему не стоитъ больше обращаться, все-равно ничего не выйдетъ; будемъ лучше дѣйствовать сами.

И такъ, Астраханцы рѣшились добиваться своего, помимо Терскаго. Подали они губернатору слезное прошеніе, въ которомъ просили защитить ихъ отъ произвола богатыхъ однообщественниковъ-кулаковъ, раззоряющихъ ихъ, просили взыскать съ богачей въ пользу общества 3700 рублей, взятыхъ ими изъ общественныхъ суммъ и съ Захарова 25000 р., полученныхъ имъ съ Тимашева въ видѣ неустойки; они просили, чтобы губернаторъ призналъ законнымъ ихъ приговоръ о выборѣ контролеровъ для провѣрки дѣйствій управляющихъ и сдѣлалъ распоряженіе о переучетѣ Захарова по оброчнымъ статьямъ и покупкѣ земли.

Долго боролись вязенки, пока приговоръ объ избраніи контролеровъ былъ утвержденъ. Богачи пришли въ страшное озлобленіе, но подѣлать ничего не могли съ ненавистными имъ вязенками. Послѣдніе радовались своему успѣху, вѣрили въ то, что скоро они окончательно побѣдятъ куркулей, которые со злости создавали имъ всяческія препятствія къ переселенію. Уѣзжавшіе контролеры письмами подтверждали справедливость носившихся слуховъ о злоупотребленіяхъ. О примиреніи между партіями и рѣчи не могло быть теперь. Сходки принимали бурный характеръ. При рѣшеніи какого-нибудь вопроса общество всегда дѣлилось на двѣ части; каждая изъ

нихъ затрагивала другую точь-въ-точь какъ Запорожцы подъ Дубномъ; скажетъ какая-нибудь вязенка мѣткое слово по адресу растолстѣвшаго кулака, благо всю подноготную другъ про друга знаютъ, и зальются всѣ громкимъ хохотомъ. Куркули приходятъ въ бѣшенство, грозятъ бѣднякамъ, обѣщая свернуть ихъ въ три погибели, но тѣ и въ усъ не дуютъ, продолжаютъ издѣваться надъ ними по прежнему. Подымается страшный шумъ, гамъ...

— Куркули!

— Вязенки!

— Почемъ десятокъ? Мы васъ всѣхъ за деньги купимъ!

— За общественные!

— Старички, старички! Успокойтесь! — кричитъ староста.

— Уйми ты этихъ горлановъ! — обращаются къ нему куркули.

— Пожалѣйте куркулей, братцы, не шумите, а то у нихъ пузо лопнетъ отъ крика, вишь, старосту просятъ!

— Ха-ха-ха! — раздается въ отвѣтъ остряку.

Куркули мстили, какъ могли: они сообщали Терскому имена тѣхъ бѣдняковъ, которые успѣли выдѣлиться на сходѣ своими рѣзкими нападками на дѣйствія богатыхъ, изобличая послѣднихъ на каждомъ шагу. На такихъ лицъ Терскій дѣлалъ доносы, обвиняя ихъ въ политической неблагонадежности. Пріѣзжали жандармы, дѣлали обыски, жили переодѣтыми на селѣ, шпіонили и ничего не находили. Это въ свою очередь озлобляло бѣдняковъ. Дошло до того, что дѣла въ обществѣ рѣшались не по убѣжденіямъ, а по партіямъ: если одна говоритъ „да", то другая — обязательно „нѣтъ". Нѣсколько разъ дѣло доходило почти до драки, но староста, писарь и все мѣстное начальство удерживало ихъ во время. Даже въ присутствіи Терскаго, по мѣрѣ того, какъ убѣждались, что онъ всецѣло стоитъ на сторонѣ богатыхъ, начинали ссориться съ враждебной партіей...

Видятъ вязенки, что съ начальствомъ трудно ладить, что даже волостной писарь Гребенниковъ подкупленъ куркулями. Рѣшили они, что-бы всѣ мелкія сельскія должности были заняты людьми изъ ихъ среды. „Свой своему поневолѣ братъ",

говорили они, и проводили свои мысли въ дѣло. Возникла новая борьба, борьба за власть. Избрали вязенки въ старосты Мамонтова, при которомъ были произведены выборы новыхъ управляющихъ. Они должны были замѣстить сторонниковъ богачей, хищнически распоряжавшихся общественной землей. Какъ ни орали куркули противъ избранныхъ, какъ не протестовали, а приговоръ былъ составленъ. Староста представилъ его въ волостное правленіе, гдѣ онъ и былъ положенъ Гребенниковымъ на время подъ сукно. Гребенниковъ поспѣшилъ пріѣхать въ Астраханку; тамъ ожидали его всѣ собравшіеся куркули. Послѣ долгихъ обсужденій онъ посовѣтовалъ имъ подать заявленіе о подложности приговора, отказавшись отъ своихъ подписей. На этомъ собраніи былъ и кандидатъ въ старосты, Цаюковъ, безусловно преданный богачамъ. Совѣтъ Гребенникова былъ тотчасъ же приведенъ въ исполненіе. Слѣдствіемъ этого было увольненіе старосты Мамонтова отъ занимаемой имъ должности и отдача его подъ судъ. Его мѣсто занялъ Цаюковъ, въ числѣ другихъ отказавшійся отъ подписи.

Стали и вязенки собираться сообща, стали и они обсуждать свои дѣла.

Вскорѣ вязенкамъ пришлось убѣдиться, что непосредственной борьбой съ богачами ничего не подѣлаешь, разъ за спиной стоитъ начальство, да еще такое близкое и непосредственное, какъ земскій начальникъ. Фактовъ противъ Терскаго набралось у вязенокъ слишкомъ много; терпѣніе ихъ истощалось, и они рѣшились на послѣднее средство: посыпался цѣлый рядъ жалобъ съ ихъ стороны на злоупотребленія Виктора Викторовича. На его слова на сходѣ не обращали никакого вниманія, его слушали молча и стояли передъ нимъ, понуря головы. Терскій зналъ, что на него жалуются.

Вязенки хорошо помнили, сколько зла принесъ имъ Терскій, знали и чувствовали, что плохо имъ придется, если теперь не выгоритъ ихъ дѣло и Терскій останется оправданнымъ, а потому они всѣ свои силы напрягли на борьбу съ нимъ. Жалобы подавались все чаще и чаще, пока высшее начальство не сочло нужнымъ перевести Терскаго какъ можно скорѣе въ сосѣдній, Покровскій участокъ, даже не произ-

водя предварительнаго „дознанія“ и „разслѣдованія“. Все это стали производить уже потомъ и производятъ, кажется, и до сего дня. Велика была радость астраханцевъ, когда они воочію убѣдились, что нѣтъ у нихъ болѣе ненавистнаго земскаго начальника. Бѣдняки торжествовали побѣду. Богачи, лишившись своего защитника и руководителя, сразу пошли на уступки, а черезъ годъ послѣ перевода Терскаго часть села уже выселилась на купленную 9 лѣтъ тому назадъ землю. Сходы по прежнему были бурные, по прежнему дѣлились на 2 части, по прежнему каждая изъ нихъ затрагивала другую, но уже было не то, что прежде: видно было, что вязенки владѣли сходомъ. Богачи орали неистово; казалось, своимъ крикомъ они хотѣли устранить вязенокъ и обратить ихъ въ бѣгство. На присутствіе новаго земскаго начальника не обращалось накакого вниманія.

— Братцы! братцы! — бѣгая отъ одной стороны къ другой кричитъ молодой земскій начальникъ изъ отставныхъ поручиковъ. Но „братцы“ даже шапокъ не снимаютъ передъ начальствомъ.

— Астраханцы въ шапкахъ стоятъ передъ земскимъ! — разнесла повсюду молва.

Въ Нововасильевкѣ въ первый разъ не повѣрили даже, но это повторилось въ другой, въ третій разъ. Приходилось вѣрить. Нововасильевцы уже давно ставили Астраханцевъ выше себя: послѣдніе и знаютъ больше, и дѣла общества ведутъ лучше, а потому, молъ, съ нихъ нужно брать примѣръ. Вскорѣ послѣ Астраханцевъ и Нововасильевцы уже стояли въ шапкахъ передъ начальствомъ.

Земскіе начальники, слѣдуя примѣру Терскаго, продолжали являться на сельскіе сходы, думая, что безъ ихъ присутствія ничего не выйдетъ. Ихъ перебывало послѣ Терскаго нѣсколько. Они быстро мѣнялись, не желая долго засиживаться въ такомъ скверномъ участкѣ, какъ Нововасильевскій, гдѣ молокане оскорбляли дворянскую амбицію несыманіемъ шапокъ и тѣмъ, что на сходѣ не принимали во вниманіе словъ земскаго, а дѣлали такъ, какъ хотѣли. Но несмотря на это, каждый новый начальникъ продолжаетъ ѣздить въ Астраханку, гдѣ непокорство сказывалось особенно сильно.

— Что ему тутъ нужно? Зачѣмъ онъ пріѣзжаетъ къ намъ? Неужели онъ не догадывается, что онъ лишній на нашихъ сходкахъ? — недоумѣвали Астраханцы. Сознаніе своей силѣ и человѣческаго достоинства все больше укрѣплялось въ вязенкахъ: въ свои дѣла они никому не позволяли вмѣшиваться. Съ сознаніемъ этого достоинства они и заявили однажды явившемуся на сходъ земскому начальнику.

— Ваше благородіе, при васъ ничего не будемъ дѣлать, уходите со схода: свои дѣла мы и сами умѣемъ рѣшать!

И земскій ушелъ....

И. С.

Радостное извѣстіе

(посвящается царю-батюшкѣ)

Сѣрый, пасмурный день... Тяжелое небо, вѣя какою-то неуловимой, все пронизывающей сыростью и тепломъ, низко повисло надъ безконечными, овражистыми полями, съ чернѣющими тамъ и сямъ проталинами и мертвыми, худосочными лѣсами. Потемнѣвшія отъ сырости деревеньки съ раскрытыми — на кормъ скоту — кровлями, безмолвны и печальны. Лишь изрѣдка жалобный ревъ голодной коровы разорветъ эту хмурую тишину, а тамъ опять все тихо, точно на кладбищѣ... Грустью невыразимой, тяжелой, удушливой, вѣетъ отъ всей этой картины...

На покосившейся деревянной колокольнѣ послышался тихій шорохъ, и надъ снѣжными полями, надъ робко притаившимися среди овраговъ деревеньками, понеслись унылые звуки стараго надтреснутаго колокола, звуки, въ которыхъ слышались какіе-то стоны, чья-то робкая мольба о пощадѣ...

И еще грустнѣе стало все вокругъ... И небо, услышавъ этотъ стонъ, эту жалобу земли, уронило на поля нѣсколько тяжелыхъ, крупныхъ слезъ...

Старенькій, бѣлый какъ лунь, отецъ Иванъ, шамкающимъ, едва слышнымъ, голосомъ началъ вечерню.

Оборванные, съ желто-зелеными лицами крестьяне, устремивъ на темные, суровые лики святыхъ взоры, въ которыхъ свѣтилось жестокое страданіе и горячая вѣра, усердно молились. Въ зловѣщемъ сумракѣ церкви слышался набожный шопотъ, осторожное покашливаніе и временами глубокіе тяжелые вздохи...

Вечерня кончилась...

Отецъ Иванъ разоблачился и, отдохнувъ немного въ алтарѣ, прошелъ за истрескавшіяся, изорванныя, поры-

жѣвшія ширмы, поставленныя пономаремъ у праваго клироса, рядомъ съ большимъ потемнѣвшимъ крестомъ, на которомъ висѣлъ худой, окровавленный Христосъ. Крестьяне, съ тоненькими свѣчечками въ рукахъ, а кто и совсѣмъ безъ свѣчи, тихонько переговариваясь и крестясь, одинъ за другимъ шли за ширмочки, на исповѣдь. Другіе въ то время усердно молились, шепча непонятныя имъ слова и все вздыхая. Изъ-за ширмочекъ слышались тихіе, низкіе голоса, въ звукахъ которыхъ было что-то очень серьезное и торжественное...

Послышалась отпустительная молитва, и изъ-за ширмочекъ, тяжело двигая распухшими отъ цынги ногами, вышелъ высокій худой крестьянинъ съ какимъ-то просвѣтлѣвшимъ, сіяющимъ внутреннимъ свѣтомъ, лицомъ. Маленькая, худенькая старушка, вся въ лохмотьяхъ, тихонько вошла за ширмы и помолилась.

— Прости, Христа ради, батюшка, свѣчечки я тебѣ, кормилецъ, не принесла... — шамкая, проговорила она, поднимая на отца Ивана робкіе глаза съ красными воспаленными вѣками.

— Богъ проститъ, бабушка...—отвѣчалъ тихо и грустно отецъ Иванъ.

— Ужъ какъ старалась по сосѣдямъ... — продолжала старушка, — нѣтъ, хоть ты что... Не только семитки и корки хлѣба то не у всѣхъ найдешь...

Отецъ Иванъ молча вздохнулъ и, поправивъ сзади свои жидкіе бѣлые волосы, проговорилъ все также тихо и серьезно:

— Ну, полно объ этомъ... Давай лучше съ Богомъ наши счета сводить... Задолжали, знать, мы Ему, что такъ прогнѣвался...

— Грѣшны, батюшка, охъ, какъ грѣшны... — отвѣчала старушка, горестно качая головой. — По грѣхамъ и терпимъ...

— Разсказывай, въ чемъ грѣшна, бабушка... По совѣсти говори, не криви душой, потому Онъ, Батюшка, все видитъ, все...

— Да что, батюшка, много грѣха, съ чего и начать не знаю...

— Ну, на Бога не роптала ли?... — помогъ ей отецъ Иванъ, задумчиво глядя въ темный уголъ.

— Грѣшна, батюшка, грѣшна, роптала... — отвѣчала старушка и вдругъ лицо ея конвульсивно искривилось и

по сморщеннымъ, ввалившимся щекамъ покатились горячія слезы. — Терпишь, терпишь, батюшка... самъ знаешь, какъ бьемся... ну, и не вытерпишь, и... взропщешь... Ну, мы-то хоть такъ — на ребятъ-то погляди, тѣ за что такъ бьются, ангельскія душеньки?... Ну... ну, и пожалишься эдакъ Господу... Невѣстка, надысь, померла... А за ней сынъ... четверо ребятъ остались, малъ-мала меньше... Ну, куда я съ ними дѣнусь?... Одежды нѣтъ, хлѣба нѣтъ, — что дѣлать, Господи Батюшка?... Ну, и... и возроптала... Убери, дескать, и насъ всѣхъ къ себѣ, а то что эдакъ-то?...

— Знаю, что тяжко, баушка, знаю, а терпѣть все надо... — кротко проговорилъ священникъ. — Его святая воля... Волосъ съ головы не спадетъ безъ Его воли... Терпѣть надо, баушка, молиться... Всѣмъ тяжко, не одной тебѣ... Молись, авось, Господь и помилуетъ и взыщетъ милостью своей...

Старушка, всхлипывая легонько, вытирала концомъ грязнаго платка обильно текущія слезы. Отецъ Иванъ, испытывая какую-то холодную тяготу на душѣ, искалъ, о какихъ грѣхахъ спросить бы ее еще, и не находилъ... Мелькнула было мысль спросить, соблюдаетъ ли посты, но онъ зналъ, что кромѣ хлѣба да воды, — да и то не каждый день, — крестьяне давно уже ничего не видали.

— Сердца на кого не имѣешь ли?... — спросилъ онъ послѣ небольшого молчанія.

— Грѣшна, батюшка... иной разъ и посердишься. и побранишься... чтобъ сердце-то облегчить хоть маленько...

— Грѣхъ это, баушка... Надо воздерживаться, помнить о Христѣ, который за враговъ намъ молиться заповѣдалъ, а не то, чтобы сердиться...

— Грѣшна, грѣшна, батюшка, что говорить... — вздыхала старушка.

— Въ церковь Божію ходить не лѣнишься ли?

— Грѣшна, батюшка... Иной разъ и надо-бы, глядишь —то, другое, и не пойдешь... Да и ребятъ не на кого покинуть... А съ собой взять — всѣ почитай нагишомъ... Одни валенки на всѣхъ, да и то худые... Грѣшна, батюшка, да что подѣлать...

Помолчавъ, отецъ Иванъ накрылъ склоненную голову старушки своей истертой эпитрахилью, поднявъ свои старческіе глаза въ темный, закоптѣлый куполъ, съ чувствомъ глубокой вѣры прочелъ молитву, прося Бога отпу-

стить всѣ прегрѣшенія старушки, и благословилъ ее своей дряхлой, мозолистой, растрескавшейся рукой...

За старушкой шелъ бѣлоголовый мальчикъ въ разбитыхъ лаптяхъ и заплатанной мамкиной куцавейкѣ, за нимъ маленькая беременная женщина съ острымъ носикомъ, большими страдальческими глазами и припухшими окрававленными деснами. За женщиной ширококостный, но худой старикъ, съ широкой, сѣдой бородой и лысиной во всю голову... Потомъ слѣдовали двѣ оборванныя дѣвочки, съ выраженіемъ не то испуга, не то недоумѣнія на блѣдныхъ, осунувшихся и прозрачныхъ, точно восковыхъ, личикахъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ высокій рябой мужикъ съ козлиной бѣлесоватой бородкой и темными кругами подъ глазами. Онъ усердно молился на иконостасъ и временами, сердито хмуря брови и задыхаясь, упорно и глухо кашлялъ.

— Не подать ли тебѣ испить, кормилецъ?—спрашивала шопотомъ его сосѣдка, высохшая старушка съ потухшими глазами,—Можетъ, полегчаетъ...

— Нѣтъ... ничего не... помогаетъ... — хрипя, сквозь кашель отвѣчалъ мужикъ. — Видно... помирать... по...ра пришла...

Старушка глубоко вздохнула...

И всѣ эти люди одинъ за другимъ входили за ширмочки къ отцу Ивану и каялись ему въ своихъ грѣхахъ. Всѣ они одинаково были убѣждены въ томъ, что они великіе грѣшники, всѣ они жестоко раскаивались, что иногда «не стерпитъ сердце-то, и взропщешь», многіе горько, съ жгучей болью въ сердцѣ, плакали; всѣ они искали, опоры силъ для своей многотрудной жизни—подвига, искали слова любви, утѣшенія... И отецъ Иванъ,—такой же темный, обманутый, загнанный, какъ и они, также трудящійся, также вѣрующій, — какъ могъ, утѣшалъ ихъ, говорилъ о терпѣніи, о любви, о Христѣ...

И надъ этой сѣрой, оборванной, изстрадавшейся кающейся толпой, среди таинственнаго молчанья старенькой церкви, въ сыромъ печальномъ свѣтѣ умирающаго дня, висѣлъ на крестѣ страдающій окровавленный Христосъ и съ нѣмымъ упрекомъ, поднявъ къ небу глаза полныя слезъ, казалось, молился о страдальцахъ.

И темная ночь окутала деревни, лѣса, поля и старую церковку и скрыла подъ своимъ тяжелымъ, зловѣщимъ покровомъ страданія и скорбныя слезы великихъ грѣш-

никовъ... И все затихло,—только разыгравшійся вѣтеръ, носясь надъ полями, жалобно плакалъ о чемъ-то и иногда, въ порывѣ жестокой тоски, вдругъ начиналъ биться и рыдать въ оголенныхъ стропилахъ избъ, сараевъ и разоренныхъ дворовъ...

II

Къ одному изъ боковыхъ подъѣздовъ необъятнаго великолѣпнаго дворца подъѣхала блестящая карета, запряженная парой дорогихъ рысаковъ. Изъ подъѣзда быстро выскочилъ высокій, сытый ливрейный лакей въ чулкахъ и лакированныхъ туфляхъ и отворилъ дверцу экипажа. Высокій сытый священникъ, въ шелковой рясѣ, украшенной на груди разными жестянками, вышелъ, поддерживаемый лакеемъ, изъ кареты и, оставляя за собой тонкій, пріятный запахъ духовъ, скрылся въ подъѣздѣ...

Быстрыми шагами онъ прошелъ по длинному, устланному коврами корридору, и вошелъ въ небольшую часовенку, похожую на бонбоньерку,—такъ было въ ней свѣтло, весело, такъ играла она своимъ мраморомъ, золотомъ, драгоцѣнными камнями и свѣтлыми, живыми тонами стѣнной живописи...

На рѣзномъ, мраморномъ клиросѣ переговаривались пѣвчіе, потихоньку пробуя голоса, два дьяка, такіе же чистые, сытые, приличные, какъ и священникъ, зажигали свѣчи и дорогія, изъ массивнаго золота, лампады.

Тяжелыя двери, ведущія во внутреннія комнаты дворца, безшумно растворились, и въ часовню вошелъ въ мундирѣ офицера — т. е. наемнаго убійцы, — повелитель распухшихъ съ голоду мужиковъ,—царь. Рядомъ съ нимъ шла царица; сзади великіе князья — тоже наряженные убійцами,—великія княгини, придворные пажи...

Тотчасъ же началась вечерня. Стройно возглашалъ священникъ, красиво пѣли пѣвчіе, все кругомъ блестѣло и играло, пахло дорогимъ ладономъ и духами. Одѣтые убійцами люди и ихъ жены молились, т. е. мотали предъ собой руками и слегка кланялись. Царица мотала рукой довольно нескладно, такъ какъ не успѣла еще выучиться этому искуству. Чтобы надѣть корону русской царицы, эта женщина годъ тому назадъ отреклась отъ своей вѣры и теперь, сознавая въ душѣ всю глупость, всю мерзость этой комедіи, махала и рукой кланялась золоченнымъ идо-

ламъ, также, какъ это дѣлали, съ такимъ же отвращеніемъ, съ насмѣшкой въ душѣ, другіе ренегаты и ренегатки, стоящіе сзади ея и такъ же, какъ она, продавшіе свою совѣсть, свой разумъ, свое человѣческое достоинство за разные титулы, побрякушки и золото.

Слѣва отъ царя, нѣсколько позади, стоялъ его дядя, Владиміръ, тупоумный, злой интригантъ и повѣса. Махая рукой, онъ думалъ о парижскихъ кокоткахъ, которымъ онъ возитъ русское золото, добытое пòтомъ и кровью голодныхъ мужиковъ, и раскидывалъ умомъ, какъ бы устроить такъ, чтобы опять выбраться туда, на свободу, поскорѣе, и сердился на тѣхъ смутьяновъ, которые, дерзко нарушая покой помазанниковъ божьихъ, съ красными знаменами ходятъ по улицамъ городовъ, и требуютъ свободы, и заставляютъ Владиміра, царева совѣтника, сидѣть вдали отъ своихъ кокотокъ... Рядомъ съ Владиміромъ стояла его достойная супруга и, замышляя какую-то новую интригу противъ молодой царицы, махала рукой и кланялась, также какъ и ея сосѣдъ, молодой князекъ, только что вступившій во владѣніе бывшей царской наложницы, танцовщицей Кшесинской. Развратный Сергѣй, царевъ дядя, и не менѣе развратная Ксенія, царева сестра, и цѣлая дюжина достойныхъ его родственниковъ,— всѣ были тутъ и, думая обо всемъ,—только не о молитвѣ и о Богѣ, махали руками и кланялись...

Хотя духовенство, какъ будто и не торопилось, тѣмъ не менѣе вечерня кончилась очень быстро. Въ группѣ молящихся зашевелились, послышались сдержанные разговоры... Нѣкоторые, перекрестившись, вышли...

Послѣ небольшого перерыва, царь,—одѣтый убійцей, — прошелъ въ алтарь и, перекрестившись, поцѣловалъ лежавшее на аналоѣ золотое изображеніе распятаго нищаго-революціонера, Іисуса. Душистый, приличный священникъ приступилъ къ исповѣди помазанника божія.

Священникъ этотъ, — очень образованный и умный человѣкъ,—продавшій свою душу за металлическія побрякушки, за кареты, дорогія вина, сигары, шелковыя рясы и пр., — зналъ о милліонахъ голодающихъ, разоренныхъ царями крестьянъ, зналъ о тысячахъ, томящихся въ одиночномъ заключеніи и ссылкѣ самоотверженныхъ людяхъ, по заповѣди Христа беззавѣтно положившихъ животъ свой за ближнихъ, зналъ объ избіеніи пьяными казаками беззащитныхъ женщинъ и юношей на улицахъ, зналъ, что

не было ни одного самаго гнуснаго преступленія, которое не было бы совершено этимъ стоящимъ передъ нимъ человѣкомъ или его именемъ, но — онъ былъ ученый, умный человѣкъ и поэтому съумѣлъ *не спросить* отчета въ этихъ ужасныхъ убійствахъ и насиліяхъ и, удовольствовавшись той жалкой ерундой, которую сказалъ ему, весь залитый человѣческой кровью и слезами, божій помазанникъ, накрылъ его душистой эпитрахилью и, именемъ Бога, безъ всякаго затрудненія простилъ ему всѣ его грѣхи... И помазанникъ, совсѣмъ довольный, снова поцѣловалъ изображеніе замученнаго на крестѣ-нищаго-революціонера и вышелъ изъ алтаря...

Также легко свела свои счеты съ Богомъ и царица, — хотя и совершила то преступленіе — вѣроотступничество, — за которое, по русскимъ законамъ, ссылаютъ въ Сибирь, за которое, будь она простой крестьянкой, Побѣдоносцевъ отдалъ бы ее въ распоряженіе пьяныхъ казаковъ, и они изнасиловали бы ее, какъ насиловали они, били плетьями, гноили въ тюрьмахъ женъ, матерей, дочерей христіанъ-духоборовъ...

Послѣ этого царь съ женой плотно пообѣдалъ, выпилъ и, охраняемый сотнями тысячъ сабель, штыковъ, ружей и пушекъ,—защита, болѣе нужная, чѣмъ мазанье какого-то бога,—легъ спать.

На утро, едва онъ всталъ, какъ ему доложили, что одинъ изъ его рабовъ, министръ, — убитъ. Испуганный, взволнованный, ничего не понимающій въ томъ, что его окружаетъ, царь не зналъ, что дѣлать. Побѣдоносный ангелъ-хранитель помазанниковъ успокоилъ своего игрушечнаго повелителя и сказалъ, что, царскимъ именемъ, имъ приказано уже назначить для вида слѣдствіе и судъ, а затѣмъ повѣсить злодѣя для устрашенія другихъ. Царь кивнулъ въ знакъ согласія головой и, немножко успокоенный, вмѣстѣ съ разряженной въ бѣлое платье, съ голой грудью женой, сопровождаемый пышной, нѣсколько смущенной сегодня свитой, опять пошелъ въ нарядную часовню.

Тамъ, подъ звуки красиваго пѣнія, приличный упитанный дьяконъ, крича предъ закрытыми дверями алтаря, просилъ у Бога погибели всякаго царскаго врага и супостата — того самаго врага, котораго по завѣту Іисуса, нужно прощать, за котораго нужно молиться, — просилъ здоровья царю, царицѣ, дядямъ и теткамъ его, и синоду,

и штыкамъ, и нагайкамъ, просилъ мира всему міру, — не включая однако, въ этотъ міръ китайцевъ Благовѣщенска, финляндцевъ, студентовъ, рабочихъ, — просилъ какого-то «благорастворенія воздуховъ» и изобилія плодовъ земныхъ, т. е. картофеля, яблоковъ, хлѣба, овса, рѣпы, апельсиновъ и другихъ фруктовъ и овощей... И царь, думая объ убитомъ рабѣ и дѣлая видъ, что онъ проситъ у Бога здоровья синоду и хорошаго урожая гороха и капусты, махалъ рукой и кланялся...

Но вотъ хоръ запѣлъ что-то очень торжественное, двери растворились, и царь съ царицей, сопровождаемые пажами—т. е. лакеями, выбранными среди юношей самыхъ знатныхъ фамилій, — взошли на амвонъ, гдѣ уже стоялъ приличный, душистый священникъ съ золотымъ кубкомъ въ рукахъ.

Внятно, «съ душой», одинъ изъ пастырей началъ причастную молитву.

— ...Пришедшій въ міръ грѣшниковъ спасти...

Царь приблизился къ золотому кубку.

— ...*Изъ нихъ же первый есмь азъ...* — внятно говорилъ благовоспитанный пастырь.

— ...Изъ нихъ же первый есмь азъ... — повторилъ про себя царь и, ничуть не смущаясь, проглотилъ кусочекъ тѣла бродяги-анархиста и выпилъ глотокъ его пріятно тепловатой крови. . . . .

— ...Изъ нихъ же первый есмь азъ... — машинально и нетвердо повторила про себя вѣроотступница-нѣмка и, думая о сильно встревожившемъ ее убійствѣ, поглядѣла на глотающаго человѣческую кровь и тѣло мужа, и вдругъ ей показалось, что онъ — въ крови. Она вздрогнула и вглядѣлась... Нѣтъ, это красный воротникъ мундира, красные обшлага.

Съ сильно бьющимся сердцемъ, смущенная, она подошла къ золоченой чашкѣ и слегка склонилась въ ожиданіи. Голая полная грудь ея,—по которой невольно скользнулъ взглядъ душистаго духовника, —тревожно подымалась, и на шеѣ, и на головѣ, на рукахъ, какъ чистыя, безцѣнныя слезы замученныхъ ея мужемъ страдальцевъ, ихъ дѣтей, матерей, женъ, — чуть сверкали драгоцѣнные камни.

Съѣвъ кусочекъ революціонера и выпивъ глотокъ его тепловатой крови, царица вмѣстѣ съ царемъ спустилась съ амвона, и цѣлый рядъ мужчинъ въ костюмахъ убійцъ и

полуголыхъ женщинъ потянулись къ золотой чашкѣ, точно торопясь доѣсть остатки анархиста.

Скоро обѣдня кончилась. и всѣ, съ праздничными лицами, очень довольные, ничуть не смущаясь, стали поздравлять царя, царицу и другъ друга съ тѣмъ, что они съѣли все мясо убитаго революціонера и выпили всю его кровь.

Принявъ поздравленія, царь ушелъ въ свои комнаты, гдѣ уже ждалъ его побѣдоносный ангелъ-хранитель, министры и дядя, заботливый опекунъ парижскихъ кокотокъ и,—когда есть время,—своего вѣнценоснаго племянника.

И они начали обсуждать мѣры, которыя необходимо было принять въ видахъ охраненія общественной безопасности. Поговоривъ, они рѣшили, что для охраненія этой безопасности, нужно замучить и убить нѣсколько десятковъ, а если понадобится, то и сотенъ и тысячъ людей,—тѣхъ людей, которые, страдая страданьемъ милліоновъ голодныхъ и холодныхъ, какъ и галилеянинъ Іисусъ, добровольно шли на мученія и смерть, чтобы спасти эти милліоны.

И спокойно, хладнокровно, только что поздравившіе другъ друга со съѣденіемъ нищаго революціонера, они обсуждали, какъ лучше выпить кровь другихъ, замученныхъ ими милліоновъ нищихъ и какъ лучше распять тысячи другихъ, истерзанныхъ ими революціонеровъ...

. . . .

На другое утро всѣ газеты повѣдали православной и вѣрноподанной Россіи радостное извѣстіе о томъ, что «вчера въ домовой церкви Зимняго дворца Государь Императоръ и Государыня Императрица всемилостивѣйше соизволили пріобщиться Св. Тайнъ» — т. е. съѣсть революціонера.

Человѣкъ.

ПЯТЬ ОБВИНИТЕЛЬНЫХЪ АКТОВЪ.

I.

Обвинительный актъ по дѣлу крестьянина Никиты Чепегина.

Въ десятомъ часу вечера 12 мая настоящаго года въ городѣ Кіевѣ отставной генералъ-лейтенантъ Вейссе, идя въ садъ купеческаго собранія, передъ вторымъ входомъ въ этотъ садъ, услышалъ крикъ: «Да здравствуетъ святая революція!» Въ это время неизвѣстный человѣкъ, оказавшійся крестьяниномъ Никитою Чепегинымъ, сбилъ его съ ногъ, нанесъ ему ударъ ножемъ въ лѣвую сторону груди, въ области сердца, и концемъ ножа проткнулъ пальто и китель Вейссе, но поврежденія тѣлу не причинилъ, потому что конецъ ножа попалъ на стальную пряжку подтяжки; затѣмъ Чепегинъ вторично ударилъ ножемъ въ лѣвую руку выше локтя и снова не причинилъ поврежденія, а только оставилъ вдавленье ножа въ рукавѣ пальто и кителя. Послѣ этого Чепегинъ запустилъ ножъ между лѣвой рукой и лѣвымъ бокомъ генерала Вейссе и, полагая, что вонзилъ въ него ножъ, поворачивалъ его тамъ, какъ бы желая причинить кадъ можно больше поврежденія. Нанося же удары и осматриваясь по сторонамъ, Чепегинъ кричалъ: «вотъ тебѣ!», и, отойдя отъ генерала Вейссе и будучи увѣренъ, что убилъ его, остановился въ торжествующей позѣ и, держа въ поднятой рукѣ ножъ, кричалъ: «всѣмъ вамъ смерть, кровопійцамъ! пьете кровь рабочихъ!» Когда генер. Вейссе поднялся съ земли, то Чепегинъ, увидѣвъ это, удивился и бросилъ со злости ножъ на землю. Тутъ же Чепегинъ былъ задержанъ. Всѣ эти обстоятельства подтверждаются ука аніями ген. Вейссе, который заявилъ, что онъ напавшаго на него человѣка никогда раньше не видалъ.

Признавая себя виновнымъ въ томъ, что напалъ на генер.-лейтенанта Вейссе съ намѣреніемъ лишить его жизни, крестьянинъ Ники... Чепегинъ объяснилъ, что онъ читалъ прокламаціи и соціалдемократическій романъ «XX-ый вѣкъ», что изъ чтенія ихъ онъ убѣдился ... необходимости соціальной реорганизаціи общества и что у него, Чепегина, сама собой явилась мысль объ убійствѣ сытыхъ людей, а ... кими людьми онъ считалъ всѣхъ, кто въ состояніи позволить се... роскошь, развлеченія въ то время, когда другіе люди голодны.

ство сытыхъ людей, какъ способъ реорганизаціи общества, есть его, Чепегина, идея, появившаяся у него подъ вліяніемъ безработицы, тяжелаго положенія, въ которомъ онъ находился. Чтобы осуществить эту мысль на дѣлѣ, онъ, Чепегинъ, 12-го мая отправился въ садъ купеческаго собранія; здѣсь, остановивъ свой выборъ на ген. Вейссе, онъ, съ цѣлью лишить его жизни, нанесъ ему одинъ ударъ ножемъ, но отъ непривычки владѣть ножемъ, дрогнула рука; послѣ этого, онъ, Чепегинъ, закричалъ: «Да здравствуетъ революція! Да здравствуетъ равенство!» Городовой Дмитрій Кукса объяснилъ, что при задержаніи Чепегинъ говорилъ, что хотѣлъ убить генерала и высказывалъ сожалѣніе, что неудачно попалъ въ него. По показанію пристава Ракиты, Чепегинъ, по задержаніи его 12-го мая, высказывалъ сожалѣніе, что не удалось убить Вейссе. При осмотрѣ брошеннаго Чепегинымъ ножа, оказалось, что ножъ этотъ кухонный, стальной, фабричной работы; длина лезвія его около $3^1/_2$ вершковъ, а ширина около полувершка. Свободный конецъ лезвія отточенъ подъ угломъ и кончикъ лезвія имѣетъ старый изломъ. Лезвіе не особенно гибко. Производившіе освидѣтельствованіе эксперты, профессора: И. А. Сикорскій и Н. А. Оболенскій нашли, что въ настоящее время Никита Чепегинъ какимъ-либо душевнымъ разстройствомъ не страдаетъ и что дѣянія, учиненныя Чепегинымъ 12-го мая въ саду кіевскаго купеческаго собранія, не было результатомъ какого-либо стойкаго или скоропреходящаго душевнаго разстройства и есть результатъ одностороннихъ взглядовъ на вещи и связаннаго съ этимъ чувства раздраженія противъ болѣе его обезпеченныхъ въ матерьальномъ отношеніи людей. По паспорту значится, что Никита Кузьмичъ Чепегинъ, крестьянинъ села Снагости, Снагостской волости, Рыльскаго уѣзда, Курской губерніи, родился 26-го мая 1882 года; по ремеслу столяръ, холостъ. По вѣдомостямъ справокъ о судимости Никита Чепегинъ не значится.

На основаніи вышеизложеннаго крестьянинъ Никита Кузьминъ Чепегинъ обвиняется въ томъ, что желая привести въ исполненіе назрѣвшую мысль объ убійствѣ людей, матерьяльно обезпеченныхъ, съ цѣлью преобразованія общественнаго строя, онъ, Чепегинъ, 12 мая сего года въ саду купеческаго собранія бросился на шедшаго отставного генералъ-лейтенанта Вейссе съ намѣреніемъ лишить его жизни, нанесъ два удара ножемъ въ лѣвую сторону груди въ область сердца и затѣмъ нанесъ два удара ножемъ: одинъ въ лѣвую руку Вейссе, а другой между лѣвой рукой и лѣвымъ бокомъ. Но лишенія жизни г. Вейссе не послѣдовало по независящимъ отъ его воли, Чепегина, обстоятельствамъ. За это преступное дѣянье, предусмотрѣнное статьей девятой, 115 и 1454 уложенія о наказаніяхъ уголовн. и испр., крестьянинъ Никита Чепегинъ на основаніи т. I и ст. 17, приложенія I къ статьѣ I (примѣч. II) Уст. о предупр. и пресѣченіи преступленій т. XIV Свода Закон. Росс. имперіи, изд. 1890 г., преданъ кіевскому военно-окружному суду Кіевскимъ, Подольскимъ, Волынскимъ генералъ-губернаторомъ.

Кіевъ, 1-го іюня 1902 г.

Свидѣтели:

I) отставной генералъ-лейтенантъ Вейссе, Готфридъ Ѳедоровичъ, II) городовой Дмитрій Ерофеевичъ Кукса, III) Иванъ Пантелемоновичъ Ракита.

Подлинный подписалъ военный прокуроръ
генералъ-маіоръ *Иллюстровъ.*

Съ подлиннымъ вѣрно.
Военный судья ген.-маіоръ (подпись).
Свѣрилъ помощникъ секретаря *Щупинъ.*

II

Обвинительный актъ о мѣщанинѣ Василіи Платоновѣ Ефимовѣ и др., обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи.

5-го мая 1902 г., въ 11 часу дня, въ г. Саратовѣ, на такъ называемомъ толкунѣ Верхняго базара, гдѣ производится торговля разными старыми вещами, начали собираться въ значительномъ количествѣ барышни и молодые люди, видимо не принадлежавшіе къ обычнымъ посѣтителямъ этого рынка; при чемъ въ рукахъ у нихъ были какіе-то свертки. Одни изъ означенныхъ лицъ останавливались группою около лавки Черномашенцева, а другіе кучками въ 2—3 человѣка, — безъ опредѣленной цѣли гуляли по базару, сходились между собою о чемъ-то разговаривали между собою и снова расходились, какъ будто кого-то поджидая и къ чему то готовясь. Около 12 часовъ изъ группы, стоявшей возлѣ лавки Черномашенцева раздался свистокъ и по этому сигналу отдѣльныя кучки упомянутыхъ лицъ присоединились къ означенной группѣ, среди которой появились флаги: 3 красныхъ и 1 черный. Затѣмъ всѣ лица, составлявшія эту группу, первоначально раздѣлились на двѣ части, изъ коихъ одна въ количествѣ, приблизительно въ 100 человѣкъ, — пошла къ Театральной площади, а другая, менѣе многочисленная, къ Цыганской улицѣ. Однако послѣдняя группа скоро возвратилась назадъ и присоединилась на Театральной площади къ первой, послѣ чего шествіе обогнуло городской театръ, вышло на Александровскую и направилось по ней и главной улицѣ города — Нѣмецкой. Во все время этого шествія лица, принимавшія участіе въономъ, разбрасывали прокламаціи, пѣли пѣсни революціоннаго содержанія, кричали «ура», плясали, хлопали въ ладоши и размахивали шляпами. — Процессія демонстрантовъ привлекла на пути ея слѣдованія большое количество публики, часть коей, состоявшая преимущественно изъ мелкихъ торговцевъ, приказчиковъ и мастеровыхъ, по достиженіи демонстрантами Нѣмецкой ул., преградила имъ дальнѣйшее движеніе, вслѣдствіе чего съ обѣихъ сто-

ронъ началась свалка, во время которой были пущены въ ходъ палки, балясины и доски, выломанныя изъ ограды около деревъ и изъ забора у гостинницы «Россія». Въ этой дракѣ нѣкоторые изъ демонстрантовъ, чиновъ полиціи и посторонніе лица, получили легкія поврежденія и раны, но она вскорѣ была прекращена явившейся на мѣсто происшествія полиціей, и, по распоряженію полицмейстера, часть демонстрантовъ удалось загнать во дворъ Рыбкина, находящійся на Нѣмецкой улицѣ, гдѣ они и были арестованы.

Изложенныя обстоятельства послужили основаніемъ къ производству формальнаго дознанія и при этомъ выяснено слѣдующее: По показанію свидѣтеля Конст. Царева, 15-апрѣля 1902 г. на Зеленомъ островѣ, расположенномъ на рѣкѣ Волгѣ, близъ города Саратова, состоялась сходка, на которой присутствовало около 60 чел., и сначала говорились рѣчи о положеніи рабочихъ заграницей, а потомъ обсуждался вопросъ объ устройствѣ въ Саратовѣ уличной демонстраціи. Предлагалось устроить ее 1-го мая, а если это число придется въ будничный день, то перенести демонстрацію на слѣдующій послѣ 1 мая праздничный день. За симъ 4 и въ ночь на 5 мая 1902 г. въ разныхъ мѣстахъ города были разбросаны въ значительномъ количествѣ печатныя воззванія, подъ заглавіемъ; «1 мая — изданіе Парт. соціалистовъ-революціонеровъ». Въ этомъ воззваніи рабочіе приглашались 1 мая толпой выходить на улицы съ красными знаменами и громкими криками: «долой капиталистовъ! долой полицію! долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода для всѣхъ!!!» Независимо отъ сего, въ упомянутыхъ прокламаціяхъ рабочимъ внушалось добиваться: отмѣны самодержавной царской власти, уничтоженія полицейскаго своеволія и насилія, уравненія всѣхъ сословій въ правахъ, политическая свобода для всѣхъ гражданъ русскаго царства, свобода сходокъ, собраній, союзовъ, право свободно исповѣдывать всякую вѣру, свободы печати и слова и восьмичасового рабочаго дня. На оборотѣ этихъ воззваній была сдѣлана, повидимому, шрифтомъ «побѣда» надпись такого содержанія: «Саратовскіе рабочіе переносятъ празднованіе 1 мая на воскресенье. Въ этотъ день (5 мая) они приглашаютъ всѣхъ товарищей, всѣхъ безправныхъ и угнетенныхъ на демонстрацію на Соборной площади въ 12 час. дня. Сарат. Ком. Рос. С.-Д. Раб. Партіи. Объединенная группа соц.рев. и соц.-дем. Саратовскій ремесленный соц.-дем. союзъ».

Въ виду распространенія этихъ прокламацій, находившіеся 5 мая по дѣламъ службы на Верхнемъ базарѣ околодочный надзиратель Плаксинъ, унт.-офиц. Ильинъ и городовой Турулинъ, ожидая демонстрацію въ г. Саратовѣ, обратили особое вниманіе на собравшихся на «толкунѣ» барышень и молодыхъ людей, часть которыхъ равнымъ образомъ хорошо запомнили находившіеся тамъ же крестьяне Поздѣевъ, Черкасовъ, Окуневъ и запасный рядовой Купріяновъ.

По предъявленіи имъ лицъ заподозрѣнныхъ въ качествѣ участниковъ демонстраціи, указанные свидѣтели въ совокупности удостовѣрили, что въ числѣ необычныхъ посѣтителей толкуна, видимо чего-то поджидавшихъ, а затѣмъ образовавшихъ группу демонстрантовъ они замѣтили мѣщ. Василія Платонова *Ефимова*, дворян. Сергѣя Митроф.

Фофанова, ветеринарнаго врача Ивана Петров. *Бочкарева*, мѣщанина Петра Иван. *Воеводина*, окончившаго курсъ университета Василія Абрамова *Фоминыхъ*, бывш. студента Станислава Игнатьева *Косовича*, дворян. Дмитрія Самуиловича *Штейнберга*, мѣщ. Анисью Александр. *Чубаровскую*, дочь статск. совѣтн. Надежду Алексѣеву *Архангельскую*, двор. Варвару Александровну *Дьякову*, учен. фельдшерской школы Пелагею Егорову *Бударину*, учен. той же школы Евдокію Гермогеновну *Сарапулову*, двор. Амалію Карлову *Григорьеву*, учен. фельдшерск. школы Елену Николаевну *Ошанину* и учен. фельдшерск. школы Александру Михайлову *Рылову*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ допрошенный въ качествѣ свидѣтеля унт.-офиц. отдѣльнаго корп. жандарм. Гринюшинъ показалъ, что онъ также видѣлъ принимавшими участіе въ демонстраціи упомянутыхъ Ефимова, Фофанова, Бочкарева, Фоминыхъ, Косовича, Штейнберга, Чубаровскую, Надежду Архангельскую Дьякову, Григорьеву, Ошанину.

При ближайшемъ разслѣдованіи степени участія въ демонстраціи отдѣльныхъ лицъ, показаніемъ Ивана Купріянова установлено, что въ началѣ шествія Василій Ефимовъ и Иванъ Бочкаревъ выставили флаги: первый — красный, а второй — черный. Этотъ флагъ Иваномъ Бочкаревымъ былъ затѣмъ переданъ кому то другому и, впослѣдствіи, свидѣтель Гринюшинъ видѣлъ черный флагъ у Надежды Архангельской. Красные флаги во время шествія также передавались изъ рукъ въ руки. Такъ флага, который развернулъ Ефимовъ при началѣ шествія, потомъ у него уже не было и, по удостовѣренію свидѣтелей Турулина, Поздѣева, Окунева, Купріянова, Гринюшина, красные флаги во время демонстраціи несли Евдокія Сарапулова, Пелагея Бударина, Варвара Дьякова, Амалія Григорьева, и Анисья Чубаровская. Послѣдней, согласно объясненію Гринюшина, флагъ былъ переданъ уже на Нѣмецкой улицѣ Сергѣемъ Фофановымъ и, когда Гринюшинъ, одѣтый въ штатское платье, хотѣлъ отнять у Чубаровской означенный флагъ, на него напалъ Василій Фоминыхъ и вырвалъ таковой, а при попыткѣ свидѣтеля Поздѣева отнять флагъ у Григорьевой, послѣдняя вмѣстѣ съ какимъ-то мужчиной, — личность котораго осталась необнаруженной, — нанесли Поздѣеву побои балясиной. Затѣмъ свид. Ильинъ, Окуневъ и Купріяновъ видѣли, какъ Петръ Воеводинъ, Пелагея Бударина, Анисья Чубаровская и Елена Ошанина во время описаннаго выше шествія разбрасывали въ значительномъ количествѣ прокламаціи. Кромѣ того свид. Гринюшинъ показалъ, что, когда толпа демонстрантовъ вышла съ верхняго базара и пѣла пѣсню, изъ коей Гринюшинъ разобралъ только слова: «вставай, подымайся, черный народъ» — пѣніемъ управлялъ Косовичъ; когда же демонстранты подошли къ Нѣмецкой ул., то дирижировать сталъ Сергѣй Фофановъ, каковое обстоятельство въ отношеніи Фофанова подтвердилъ и свидѣтель Ильинъ. Наконецъ, во время драки, происшедшей на Нѣмецкой улицѣ, Ефимовъ сначала ударилъ два раза балясиной городового Ильина, а затѣмъ выхватилъ у него изъ ноженъ шашку и сталъ наносить ею удары окружающимъ. При этомъ Ефимовъ причинилъ рану въ голову крестьянину Петру Черкасову, ударилъ по головѣ коннаго стражника Тимофѣева и ранилъ руку го-

родовому Турулину, который хотѣлъ его обезоружить. Вас. Фоминыхъ, по показанію свид. Гринюшина, также принималъ участіе въ свалкѣ, при чемъ дрался большою балясиной, выломанной имъ изъ ограды около дома Санина. -- Изъ четырехъ флаговъ, которые несли демонстранты, и воззваній, разбрасывавшихся во время шествія, два красныхъ флага были отняты и вмѣстѣ съ 20 экземплярами воззваній пріобщены къ дознанію въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ. При осмотрѣ этихъ двухъ флаговъ, на нихъ обнаружены надписи золотыми буквами -- на первомъ съ одной стороны: «пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! Долой постоянныя арміи! 1 мая 1902 г.» и съ другой стороны: «работы для безработныхъ!», -- а на второмъ -- съ одной стороны: «Долой самодержавіе!» и съ другой: «Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь! Да здравствуетъ народное правленіе!» На третьемъ красномъ флагѣ по показанію свидѣтелей Купріянова и Подколоднова, было написано: «8 часовой рабочій день!», -- на черномъ же флагѣ свид. Купріяновъ разобралъ лишь конецъ надписи бѣлыми буквами: «Вѣчная память герою!» Эти слова относились, повидимому, къ казненному государственному преступнику Балмашеву, такъ какъ по объясненію обвиняемаго Штейнберга онъ видѣлъ эту фамилію на томъ же флагѣ.

Разбросанныя демонстрантами прокламаціи были отпечатаны на пишущей машинѣ и воспроизведены при помощи миміографа. Эти воззванія озаглавлены: «Соціализмъ и народныя права», имѣетъ подпись: «Объединенной группы соціалистовъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ» и содержитъ въ себѣ требованія соціалистическаго устройства общества, сверженія самодержавія и установленія народнаго демократическаго правленія, свободы собраній и союзовъ, свободы слова и печати, свободы совѣсти, уничтоженіе постоянныхъ армій и 8 часоваго рабочаго дня.

На основаніи изложенныхъ данныхъ Ефимовъ, Фофановъ, Бочкаревъ, Воеводинъ, Фоминыхъ, Косовичъ, Штейнбергъ, Чубаровская, Архангельская, Дьякова, Бударина, Сарапулова, Григорьева, Ошанина и Рылова были привлечены къ дознанію по обвиненію въ участіи въ демонстраціи политическаго характера, произведенной 5 мая 1902 г. въ г. Саратовѣ, а Ефимовъ, кромѣ того, въ оказанномъ толпой, соединенномъ съ насиліемъ, сопротивленіи чинамъ полиціи, приступившимъ къ прекращенію упомянутаго преступнаго дѣянія.

При допросѣ *Ефимовъ* совершенно отказался давать какія либо объясненія.

Фофановъ и *Бочкаревъ*, не признавая себя виновными, показаній давать не пожелали.

Остальные обвиняемые также себя виновными не признали и изъ нихъ:

Рылова признала, что принимала участіе въ демонстраціи и пѣла пѣсни, но другихъ показаній давать не пожелала.

Дьякова и *Ошанина* показали, что онѣ были на демонстраціи, но другихъ показаній дать не пожелали.

Чубаровская заявила, что она шла на демонстрацію, и также отъ дальнѣйшихъ объясненій отказалась.

Фоминыхъ показалъ, что не помнитъ, какъ онъ провелъ день 5 мая.

Косовичъ, — что зная о предполагавшейся 5 мая демонстраціи, пошелъ ее посмотрѣть и, когда проходилъ по Московской улицѣ, то увидѣлъ бѣгущую толпу народа и услышалъ крики. Онъ побѣжалъ къ этой толпѣ и пошелъ вмѣстѣ съ нею, но были-ли это демонстранты или посторонніе зрители, не знаетъ.

Воеводинъ объяснилъ, что зналъ о предполагавшейся демонстраціи, пошелъ ее посмотрѣть и настигъ демонстрантовъ на Александровской улицѣ; толпа увлекла его къ Нѣмецкой ул. и здѣсь произошла драка между демонстрантами и публикой. Въ это время его обвиняемаго, совершенно напрасно арестовали.

Сарапулова, — что увидѣвъ на Театральной площади группу лицъ съ флагами, за которыми шелъ народъ, направилась изъ любопытства за послѣдними и на Александровской улицѣ толпа втиснула ее въ группу демонстрантовъ. Съ ними она, Сарапулова, дошла до Нѣмецкой улицы и здѣсь выбралась изъ толпы на тротуаръ, но была затѣмъ арестована.

Штейнбергъ и *Григорьева*, — что 5 мая около 12 часовъ дня они вмѣстѣ были на Верхнемъ базарѣ за покупками. Въ это время группа лицъ съ флагами двинулась съ базара къ Театральной площади. Штейнбергъ, по его объясненію, пошелъ за этой группой изъ любопытства, по показанію же Григорьевой, ее подхватила толпа и увлекла на Нѣмецкую улицу; здѣсь началась драка и Григорьева пыталась остановить мужика, который хотѣлъ кого-то ударить, но ее въ это время арестовали. Тогда Штейнбергъ, увидавъ, что Григорьева задержана, выдалъ себя за мужа ея и пошелъ за нею.

Бударина, — что 5 мая въ 12 ч. дня, она вмѣстѣ съ своей подругой по фельдшерской школѣ Солямской была у Колпаковой, на демонстраціи же не присутствовала и задержана по окончаніи безпорядковъ на Нѣмецкой улицѣ. Допрошенная въ разъясненіе сего Солямская, по мужу Селаври, не отрицая того обстоятельства, что она 5 мая, вмѣстѣ съ Бударинои, была у Колпаковой, показала, что во сколько часовъ это было, — не помнитъ, что когда онѣ разстались съ Бударинои на Московской улицѣ близь биржи, демонстрація еще не начиналась и на этой улицѣ было все спокойно.

Архангельская показала, что она не принимала участія въ демонстраціи, такъ какъ въ этотъ день съ 11 до часу дня была у своей знакомой Серафимы Оболдуевой, а затѣмъ пошла къ своимъ родителямъ. Оболдуева на дознаніи объясненіе Архангельской подтвердила, однако участіе Архангельской въ демонстраціи удостовѣрили Купріяновъ, Поздѣевъ и Гринюшинъ, причемъ послѣдній, зная ранѣе сего Архангельскую, съ положительностью свидѣтельствовалъ, что видѣлъ, какъ она несла во время шествія черный флагъ.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній усматривается, что Ефимовъ, Фофановъ, Бочкаревъ, Чубаровская, Архангельская, Ошанина, Фоминыхъ, Воеводинъ, Косовичъ и Штейнбергъ ранѣе сего привлекались къ дознаніямъ о государственныхъ преступленіяхъ, а именно:

Ефимовъ въ 1898-99 г. г. обвинялся въ С.-Петерб. Губерн. Жанд.

Управленіи по дѣламъ о принадлежности къ преступнымъ сообществамъ и по высочайшему повелѣнію, воспослѣдовавшему 25 дек. 1900 г. подчиненъ гласному надзору полиціи на 3 года, а въ 1901 г. былъ вновь привлеченъ къ дознанію при Саратовскомъ Губерн. Жанд. Упр. по обвиненію въ распространеніи революціонныхъ изданій, каковое дознаніе еще не разрѣшено.

Фофановъ привлекался въ Саратовѣ къ дознанію: 1) въ 1895 г. по обвиненію въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 252 ст. ул. о нак., при чемъ дознаніе въ отношеніе Фофанова было прекращено; 2) въ 1898 г. по обвиненію въ распространеніи среди учащейся молодежи революціонныхъ сочиненій, въ устройствѣ нелегальныхъ чтеній и въ сборѣ денегъ въ пользу политическихъ сообществъ, за что, согласно высочайшему повелѣнію, воспослѣдовавшему 7 апр. 1899 г., по вмѣненіи въ наказаніе предварительнаго содержанія подъ стражей, подвергнуть гласному надзору полиціи на 2 года внѣ столицъ, столичныхъ губ., университетскихъ городовъ и Саратовской губ., и 3) въ 1899г. по дѣлу о Сарат. соц.-дем. раб. группѣ служащихъ въ мастерскихъ на Ряз.- Ур. жел. дор. Разсмотрѣніе этого дознанія пріостановлено для совмѣстнаго его разрѣшенія со вновь возбужденнымъ о Фофановѣ дознаніемъ въ г. Ростовѣ-на-Дону. По этому послѣднему дѣлу Фофановъ въ октябрѣ 1900 г. привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1 ч. 252 и 318 ст. ул. о нак. и дознаніе еще не разрѣшено.

Бочкаревъ въ 1900 г. привлекался къ дознанію при Моск. Губ. Жанд. Упр. по обвин. въ преступл., предусмотр. 252 и 318 ст. ул. о нак., и, на основаніи высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 9 янв. 1902 г., по вмѣненіи въ наказаніе предварительнаго заключенія, подчиненъ гласному надзору полиціи на одинъ годъ въ избранномъ имъ мѣстѣ жительства, внѣ столицъ, столичныхъ губ., университетскихъ гор. и всѣхъ фабричныхъ мѣстъ, гдѣ пребываніе его М. В. Д. будетъ признано вреднымъ.

Чубаровская была привлечена къ производившемуся въ 1901 г. при Сарат. Губ. Жанд. Упр. дознанію по обвиненію ея въ храненіи нелегальной литературы и, по высочайшему повелѣнію отъ 13 февраля 1902 г., подвергнута аресту при тюрьмѣ на 1 мѣс., съ подчиненіемъ затѣмъ гласному надзору полиціи на 1 г., внѣ столицъ, столичныхъ губ., университетскихъ городовъ и всѣхъ фабричныхъ мѣстностей, гдѣ пребываніе ея будетъ признано вреднымъ со стороны М. В. Д.

Архангельская въ 1899 г. обвинялась по дѣлу о преступной пропагандѣ среди рабочихъ, производившемуся при С.-Петерб. Губ. Жанд. Упр. и, по высочайшему повелѣнію, воспослѣдовавшему 25 декабря 1900 г., подчинена гласному надзору полиціи въ г. Саратовѣ на 3 года.

Ошанина въ 1900 г. была привлечена къ дознанію при Сарат. Губ. Жанд. Упр. по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 252 ул. о нак., за что, по высочайшему повелѣнію отъ 13 октября 1901 г., подвергнута тюремному заключенію на 3 мѣсяца.

Воеводинъ привлекался къ дознанію, производившемуся въ 1901 г. при Екатерин. Губ. Жанд. Упр. по дѣлу о тайномъ революціонномъ

кружкѣ, именующемъ себя Екатерин. Комитетомъ Соц.-Дем. Рабочей Партіи, каковое дознаніе еще не разрѣшено.

Фоминыхъ въ 1899 г. обвинялся С.-Петерб. Губ. Жанд. Упр. по дѣлу о преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 250 Ул. о наказ. и, по высочайшему повелѣнію, воспослѣдовавшему 13 окт. 1900 г., подчиненъ гласному надзору полиціи на 3 года.

Косовичъ въ 1900 г. привлекался въ г. Одессѣ къ дознанію по дѣлу студенческаго союза, за что по высочайшему повелѣнію подчиненъ гласному надзору полиціи на 3 г.

Штейнбергъ привлекался къ дознанію въ 1897г. по дѣлу объ устройствѣ тайной типографіи въ въ г. Саратовѣ, каковое дознаніе по отношенію къ Штейнбергу было прекращено.

Кромѣ того *Дьяковой* за участіе въ безпорядкахъ въ Сарат. город. театрѣ во время представленія пьесы «Контрабандисты», по постановленію М. В. Д., было воспрещено жительство въ столицахъ, столичныхъ губ. и въ г. Саратовѣ съ 8 мая 1901 г. на одинъ годъ.

На основаніи выше изложенныхъ данныхъ, мѣщанинъ г. Кронштадта Василій Платоновъ Ефимовъ 22 л., ветеринарный врачъ изъ крестьянъ Иванъ Петровъ Бочкаревъ 29 л., дворянинъ Сергѣй Митрофановичъ Фофановъ 24 л., мѣщанинъ г. Сумы Харьковской губ. Петръ Ивановъ Воеводинъ 18 л., окончившій курсъ университета изъ крестьянъ Василій Абрамовъ Фоминыхъ 27 л., бывшій студентъ университета изъ крестьянъ Станиславъ Игнатьевъ Косовичъ, дворянинъ Димитрій Самуиловичъ Штейнбергъ 25 л., дочь статскаго совѣтника Надежда Алексѣевна Архангельская 25 л., крестьянка села Макарова Балашевскаго уѣзда Сар ат. губ. Пелагея Егорова Бударина 19 л., дворянка Амалія Карлова Григорьева 30 л., дворянка Варвара Александрова Дьякова 21 г., мѣщанка гор. Сердобска Сарат. губ. Анисья Александрова Чубаровска я23 л., крестьянка села Бешеки, Мензелинскаго у. Уфимской губ. Евдокія Гермогенова Сарапулова 25 л., дворянка Ел. Ник. Ошанина 27 л. и мѣщанка г. Слободского Вятской губ. Александра Михайлова Рылова 24 л., обвиняются въ томъ, что 5 мая 1902 г., завѣдомо приняли участіе въ публичномъ шествіи по улицамъ г. Саратова толпою, собравшейся съ цѣлью дерзостнаго порицанія установленнаго закономъ образа правленія, какова цѣль и была выражена выставленіемъ флаговъ съ революціонными надписями: «долой самодержавіе», «да здравствуетъ народное правленіе» и др., разбрасываніемъ преступнаго содержанія воззваній и пѣніемъ противоправительственныхъ пѣсенъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 252 ст. ч. 2 ул. о нак. и 2) упомянутый Ефимовъ, сверхъ сего, въ томъ, что 5 мая 1902 г. въ г. Саратовѣ участвовалъ въ оказанномъ толпой, соединенномъ съ насиліемъ, сопротивленіи чинамъ мѣстной полиціи, приступившимъ, въ силу возложенной на нихъ по закону обязанности, къ прекращенію публичнаго шествія, организованнаго съ цѣлью дерзостнаго порицанія установленнаго закономъ образа правленія, при чемъ два раза ударилъ городового Ильина балясиной, вырвалъ у него шашку и ранилъ ею городового Турулина, который хотѣлъ его, Ефимова, обезоружить, т. е. въ преступленіи предусмотрѣнномъ 264 ст. того же уложенія.

Вслѣдствіе сего и на основаніи 2 п. 1030 ст. уст. угол. суд. означенныя лица подлежатъ суду Сарат. Судебной Палаты въ усиленномъ составѣ съ участіемъ сословныхъ представителей.

Составленъ 23 августа 1902 г. въ гор. Саратовѣ.

Прокуроръ Судебной Палаты *Макаровъ*.

Съ подлинным верно:

Секретарь *Б. Храпковскій*.

Списокъ лицъ, подлежащихъ вызову въ судебное засѣданіе.

Обвиняемые:

Василій Платоновъ Ефимовъ, Иванъ Петровъ Бочкаревъ, Сергѣй Митрофановъ Фофановъ, Петръ Ивановъ Воеводинъ, Василій Абрамовъ Фоминыхъ, Станиславъ Игнатовъ Косовичъ, Надежда Алексѣева Архангельская, Пелагея Егорова Бударина, Елена Николаевна Ошанина, Евдокія Гермогенова Сарапулова, Анисья Александрова Чубаровская — содержатся въ самарской тюрьмѣ. Дмитрій Самуиловичъ Штейнбергъ, Амалія Карлова Григорьева — въ г. Самарѣ. Варвара Александрова Дьякова — въ имѣніи. Александра Михайлова Рылова — въ г. Саратовѣ.

Свидѣтели:

Саратовскій полицмейстеръ Ф. Ю. Зацвиховскій, приставъ 2 ч. г. Саратова Н. Н. Леопольдовъ, городовой 3 ч. г. Саратова Ф. И. Лоркинъ, А. Ф. Кольбовъ, околод. надзиратель 1 ч. г. Саратова, С. В. Плаксинъ, околод. надзиратель 3 ч. г. Саратова, С. Н. Ильинъ, В. Л. Турулинъ, Н. Е. Поздѣевъ, П. Г. Черкасовъ, Е. Т. Окуневъ, И. Е. Купріановъ, Е. Г. Гринюшинъ, К. М. Царевъ, Сер. Степ. Селаври.

III

Обвинительный актъ о нижепоименованныхъ лицахъ, обвиняемыхъ въ преступленіи, предусмотр. 252 ст. Улож. о наказ.

Съ осени 1901 г. въ Н.-Новгородѣ стали распространяться различнаго рода воззванія преступнаго содержанія, которыя появлялись, большей частью, подъ общимъ названіемъ «летучихъ листковъ», за послѣдовательными номерами, озаглавленныя, однако, различно, соотвѣтственно своему содержанію. Такъ, въ разное время чинами полиціи на улицахъ Н.-Новгорода были обнаружены разбрасывающія-

ся, преимущественно по ночамъ, листки подъ заглавіемъ: «Воззваніе къ обществу», «Къ Нижегородскому Обществу», «Ко всѣмъ Нижегородцамъ», «Ко всѣмъ русскимъ рабочимъ», «Резолюція сходки учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ», «Нижегородская Рабочая Газета», «Наборщикамъ и другимъ Нижегородскимъ рабочимъ», «1-ое мая. Ко всѣмъ Нижегородскимъ рабочимъ», «Къ русскимъ товарищамъ-рабочимъ отъ Центральнаго Комитета». Въ видахъ обнаруженія лицъ, причастныхъ къ составленію и распространенію означенныхъ противоправительственныхъ произведеній, нижегородскій полицмейстеръ усилилъ наблюденіе за состоявшими подъ полицейскимъ надзоромъ лицами. Когда вслѣдъ за этимъ по одному изъ произведенныхъ обысковъ были обнаружены и отобраны подлежащею властью разнаго рода принадлежности для печатанія, то появленіе въ Н.-Новгородѣ печатныхъ воззваній почти совершенно прекратилось и лишь періодически въ разныхъ мѣстахъ обнаруживались въ незначительномъ количествѣ гектографированные листки подобнаго же содержанія. Затѣмъ уже въ ночь на 1-ое мая въ разныхъ частяхъ города были найдены воззванія, воспроизведенныя на гектографѣ о 1-мъ маѣ въ количествѣ 65 экземп., три подъ заглавіемъ «1 мая», гектографир., и четыре, печатанныя въ типографіи газеты «Искра» прокламація «ко всѣмъ русскимъ рабочимъ». Вслѣдъ за этимъ, въ ночь на 5-ое мая полиціей было найдено на нижегородскихъ улицахъ 37 экземп. гектографир. листковъ, призывающихъ къ устройству демонстраціи 5 мая въ 3 часа дня.

Первыя изъ этихъ прокламацій заключали въ себѣ дерзостное порицаніе самодержавной власти и существующаго порядка государственнаго правленія, приглашали всѣхъ ремесленниковъ 1 мая, т. е. въ день, назначенный Нижегородскимъ Комитетомъ Р. С.-Д. Р. П. для демонстраціи, оставить работу, выйти на улицу и пройтись съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ подъ красными знаменами, на которыхъ выставить свои требованія: «да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день, да здравствуетъ политическая свобода, долой царское самодержавіе. Да здравствуетъ всемірная соціалъ-демократія». Найденные же въ ночь на пятое мая листки заключали въ себѣ слѣдующее: «Собраніе рабочихъ, ремесленниковъ и соц.-демокр. организація просятъ прійти *всѣхъ* въ воскресенье 5 мая въ 3 часа дня на Большую Покровку (между Дворянскимъ собраніемъ и Благовѣщенской площадью).»

Приведенныя обстоятельства вызвали среди мѣстныхъ властей принятіе особыхъ мѣръ предосторожности, въ видахъ предупрежденія готовившейся первоначально на 1 мая демонстраціи. Въ этотъ день, хотя и замѣчалось по улицамъ усиленное движеніе лицъ, находящихся подъ полицейскимъ надзоромъ, тѣмъ не менѣе, порядокъ никѣмъ нарушенъ не былъ. Усиленное наблюденіе за порядкомъ въ городѣ было установлено равнымъ образомъ и 5 мая. Въ этотъ день у Кремлевскаго бульвара появилась группа лицъ, которая при пѣніи противуправительственныхъ пѣсенъ открыла шествіе, но быстро окруженная полиціей, была задержана и направлена на Кремлевскую военную гауптвахту. На произведенномъ по поводу этой демонстраціи дознаніи, допросомъ въ качествѣ свидѣтелей нижнихъ чиновъ Нижегор. Жанд.

Управленія Ивана Ассауляка, Степана Дементьева, Ефима Петрова и Димитрія Прикащикова, установлено слѣдующее:

5 мая Прикащиковъ, находясь съ наблюдательной цѣлью вмѣстѣ съ унт.-офиц. Петровымъ на Б.-Покровкѣ, замѣтилъ извѣстныхъ ему бывш. студента С. Моисеева, Н. Синеву и А. Доброхотову, одѣтыхъ простолюдинами. У Осыпной улицы они разошлись: А. Доброхотова пошла по Осыпной, а Моисеевъ съ Синевой направились къ бульвару. Здѣсь, около откоса, Моисеевъ и Синева подошли къ сидѣвшимъ на лавкѣ неизвѣстнымъ свидѣтелю рабочимъ и вступили съ ними въ разговоръ. Выяснивъ путемъ разспроса свидѣтеля Мальцева, что означенные рабочіе служащіе у Петра Комолова, Прикащиковъ поручилъ Мальцеву немедленно сообщить приставу полицейской конной стражи Кевдину о мѣстонахожденіи Синевой и Моисеева, розыскивающихся полиціей для заключенія подъ стражу согласно предписанію Нижегородскаго губернатора. Вслѣдъ за этимъ минутъ черезъ пять Моисеевъ и сидѣвшіе съ нимъ на той же и ближайшихъ скамейкахъ лица встали одновременно, какъ выяснили свидѣтели В. Осиповъ и А. Саловъ, по данному свисткомъ сигналу, образовали группу человѣкъ въ 10-12, и двинулись по направленію къ Б. Покровкѣ съ пѣніемъ извѣстнаго революціоннаго гимна: «собирайся рабочій народъ подъ знамя свободы». На пути своемъ группа возрастала и скоро составила толпу въ 30 приблизительно человѣкъ. Впереди всѣхъ шли Моисеевъ, между Доброхотовой и Синевой. Первый изъ нихъ особенно выдѣлялся, поощряя толпу и настаивая на продолженіи преступнаго шествія. Когда указанная толпа въ началѣ 6-го часа вечера достигла Георгіевской башни, къ мѣсту происшествія явился помощникъ полицмейстера Игнатьевъ, приставъ Пѣвицкій, приставъ Кевдинъ, пом. пристава Лавровъ и околодочный надзиратель Баровъ. Свидѣтельскими показаніями названныхъ чиновъ полиціи выяснилось слѣдующее: приставъ Кевдинъ показалъ, что въ то время, когда онъ прибылъ на мѣсто безпорядковъ, преступное скопище, двигавшееся съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, достигало количества 25 человѣкъ, въ числѣ коихъ были извѣстные свидѣтелю обвиняемые Моисеевъ, Дертевъ, Георгіевскій, Лубоцкій, Кислова, Доброхотова, Михайловъ, Лѣнивова, Синева. Всѣ поименованныя лица, а равно и остальные участники шествія, несмотря на неоднократныя требованія полиціи разойтись,— подчиниться этому законному распоряженію не пожелали и продолжали пѣніе, направляясь къ губернаторскимъ воротамъ крѣпости. Затѣмъ полиціи удалось задержать дальнѣйшее движеніе толпы недалеко отъ крѣпостныхъ воротъ. Здѣсь бывшій впереди означенныхъ лицъ, мастеровой Михайловъ вынулъ изъ кармана красный флагъ съ дерзостной надписью: «Долой самодержавіе!» Знамя это, взвившееся надъ толпою въ рукахъ Михайлова и помогавшаго ему въ этомъ Лубоцкаго, было немедленно отнято пом. полицмейстера Игнатьевымъ и пом. пристава Лавровымъ. При этомъ, какъ Михайловъ, такъ Лубоцкій, а равно и остальные участники демонстраціи вступили съ Игнатьевымъ, Лавровымъ и другими полицейскими чинами въ борьбу, — что является вполнѣ установленнымъ всѣми вышеперечисленными свидѣтелями. Во время этой борьбы Игнатьевъ и отбивавшійся палкою Михайловъ упа-

ли. Свидѣтель Пѣвницкій видѣлъ, какъ Михайловъ и Лубоцкій наносили удары палками Игнатьеву, между тѣмъ, какъ Моисеевъ пытался высвободить Михайлова, а Синева, Лѣнивова, Доброхотова и Кислова наступали на полицейскаго чиновника. Наблюдавшіе за происходившимъ изъ квартиры *инженера Майдановича* на Семинарской площади свидѣтели Александръ Майдановичъ и *инженеръ Антоновичъ*, подтверждая объясненія полицейскихъ чиновъ относительно общаго характера безпорядковъ, удостовѣряютъ, что во время борьбы, происходившей между обѣими сторонами, нападающими, несомнѣнно, являлись демонстранты, при чемъ полиція вела себя осторожно и спокойно.

Дополняя съ фактической стороны вышеприведенныя показанія Кевдина, пом. полицмейстера Игнатьевъ объяснилъ, кромѣ того, слѣдующее: въ то время, когда онъ явился къ мѣсту безпорядковъ, толпа сопровождала свое преступное пѣніе криками: «Долой самодержавіе!». Съ тѣмъ же дерзостнымъ призывомъ выкинулъ свое красное знамя и Михайловъ, слова котораго, по заявленію Пѣвницкаго, повторяли и остальныя тѣ лица, которыя были впослѣдствіи задержаны и препровождены на гауптвахту, составляя собою ядро общей толпы и не подчиняясь никакимъ требованіямъ полиціи.

Между тѣмъ, какъ по предложенію Игнатьева разойтись, обращенной всей группировавшейся на бульварѣ толпѣ, большинство ея повиновалось, лица эти продолжали свое шествіе, при чемъ Моисеевъ, Синева и Доброхотова останавливали удалившихся, чтобы никто не смѣлъ расходиться. Изъ показаній пристава Кевдина и околодочн. надзирателя усматривается, что во время задержанія Игнатьевымъ и Лавровымъ Михайлова, Лубоцкій выкинулъ изъ кармана пачку воззваній, поднятыхъ Кевдинымъ и Баровымъ. Нижегородскій полицмейстеръ Таубе объяснилъ, что на кремлевскій бульваръ онъ явился въ то время, когда надъ толпой поднялся въ рукахъ Михайловъ красный флагъ съ бѣлой надписью: «Долой самодержавіе!». Видя, что у многихъ изъ толпы имѣются палки, которыми наносились удары полицейскимъ чинамъ, полицмейстеръ распорядился отнять палки, что и было исполнено послѣ упорнаго сопротивленія со стороны Лубоцкаго и Георгіевскаго, который, по показанію унт.-офицера Петрова, ударилъ палкой Игнатьева.

При появленіи достаточнаго наряда городовыхъ полицмейстеръ отдалъ приказъ оцѣпить манифестантовъ и препроводить ихъ на главную военную гауптвахту. Между тѣмъ, толпа продолжала двигаться далѣе съ пѣніемъ преступныхъ пѣсенъ на мотивъ марсельезы. Моисеевъ, Михайловъ, Синева, Доброхотова, Дертевъ, Кислова и Лѣнивова, приглашая окружающихъ, говорили: «товарищи, присоединяйтесь, мы сегодня справляемъ вмѣсто перваго мая рабочій праздникъ, требуемъ восьмичасовой рабочій день; подходите къ намъ, помогайте, мы за народъ!» Обращенія эти сопровождались и заканчивались криками: «Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!» Однако, никто къ задержанной группѣ не присоединялся, и когда оцѣпленные въ сопровожденіи полиціи подошли къ губернаторскимъ воротамъ, всѣхъ оказалось лишь 12 чел., такъ какъ изъ первоначаль-

ной массы большая часть отпала вслѣдъ за требованіемъ полиціи о прекращеніи безпорядковъ, другая же часть впослѣдствіи успѣла скрыться. Далѣе тѣми же вышеперечисленными свидѣтелями, а равно и показаніями полицейскаго служителя Онуфріева, жандармскаго унт.-офицера Володина и ночного сторожа Веселовскаго устанавливается слѣдующее: когда окруженная полиціей группа изъ 12 чел. поровнялась съ крѣпостными воротами, куда она по распоряженію полицмейстера должна быть введена для направленія на гауптвахту, А. Доброхотова крикнула, чтобы всѣ бѣжали, послѣ чего сквозь цѣпь прорвалась какъ она сама, такъ равно Детревъ и Лубоцкій. Детревъ былъ однако, остановленъ Онуфріевымъ при содѣйствіи трехъ жандармовъ, а Доброхотова и Лубоцкій были задержаны Володинымъ. Кромѣ того, какъ установлено свидѣтелями Игнатьевымъ и Петровымъ, изъ числа задержанныхъ пытался также скрыться и Георгіевскій, который ударилъ Игнатьева палкой. Изъ показаній Таубе, Кевдина, Володина, Веселовскаго и др., усматривается, что при направленіи черезъ губернаторскія ворота на гауптвахту особенно сильное сопротивленіе оказалъ Моисеевъ. Ухватившись руками за ограду, отъ сталъ отбиваться ногами, а когда Кевдинъ хотѣлъ отнять его руки, онъ ударилъ пристава въ нижнюю часть живота съ такой силой, что тотъ едва устоялъ, тѣмъ не менѣе, при помощи жандармовъ Володина и Всеволовскаго, Моисеевъ былъ введенъ въ крѣпостныя ворота. Хотя задержанные полиціей и продолжали сопротивляться, не желая направиться по указанному имъ пути, въ крѣпость, тѣмъ не менѣе они, наконецъ, были введены въ ворота и здѣсь особенно громко воскликнули: «Долой самодержавіе!»

По прибытіи на гауптвахту, полицмейстеръ обратился къ караульному офицеру съ просьбой вызвать караулъ для задержанныхъ. Тутъ Моисеевъ, Дертевъ и Доброхотова крикнули ему: «что, Таубе, доволенъ? но не много удалось задержать!» Въ числѣ арестованныхъ и доставленныхъ въ Кремль, оказались: Моисеевъ, Доброхотова, Синева, Лубоцкій, Михайловъ, Кислова, Лѣнивова, Дертевъ и Георгіевскій.

Допрошенный въ качествѣ свидѣтеля по этому дѣлу начальникъ караула подпоручикъ Устимовичъ показалъ: согласившись исполнить просьбу полицмейстера о временномъ помѣщеніи арестованныхъ на гауптвахтѣ, онъ вызвалъ третью часть караула отъ Клязменскаго резервнаго батальона и добавилъ еще 10 чел., затѣмъ задержанные, не прекращавшіе пѣнія антиправительственныхъ пѣсенъ, были окружены нижними чинами. Едва его распоряженіе было исполнено, Моисеевъ обратился къ солдатамъ и, указывая имъ на полицію, сказалъ: «и вы, русскіе воины, противъ насъ! не смотрите на этихъ грабителей; а не лучше-ли долой самодержавіе, да здравствуетъ свобода! Черезъ два года — продолжалъ онъ — вы будете такими же крестьянами, какъ и были, а мы всецѣло проливаемъ кровь за крестьянъ и рабочій народъ! Заступитесь за насъ!» Въ это время Синева обратилась къ свидѣтелю со словами: «и вы, подпоручикъ, тоже хотите насъ обидѣть, хотя носите погоны русскаго войска?» Съ своей стороны, Доброхотова повторила то же, добавивъ: «И охота вамъ служить и

быть подвластнымъ, не лучше-ли свобода?» Синева, Доброхотова, Лѣнивова, Кислова, Дертевъ и тотъ же Моисеевъ, до размѣщенія по камерамъ, кричали солдатамъ: «Бросьте оружіе! Зачѣмъ вы насъ окружаете? Что вы стрѣлять ходите въ насъ? въ вашихъ братьевъ? Вѣдь вы крестьяне, а мы стараемся для народа. Насъ заставляютъ работать 12 час. въ сутки, а мы хотимъ работать 8 часовъ.» Изложенное нашло себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ свидѣтелей: Таубе, старшаго унт.-офицера Кулакова, рядовыхъ Литвиненко, Федосѣева и Ремизова. Далѣе, изъ показаній того же Устимовича выяснилось, что первоначально всѣ задержанные были помѣщены въ одну общую камеру, откуда сейчасъ же раздались противоправительственныя пѣсни, при чемъ въ окнѣ камеры нѣкоторые изъ заключенныхъ по очереди махали красными платками. Свидѣтели Таубе, Литвиненко, Назаровъ, Ремизовъ объяснили, что въ окно гауптвахты махали красными платками, крича при этомъ: «Долой самодержавіе!» слѣдующія лица: Синева, Доброхотова, Моисеевъ, Лѣнивова, Кислова, Дертевъ. Усматривая, что задержанные продолжаютъ свои преступные возгласы и дѣйствія даже въ мѣстѣ своего заключенія, Устимовичъ приказалъ отдѣлить женщинъ, а мужчинъ отвести въ отдѣльныя камеры. Для исполненія этого распоряженія, въ виду отказа арестованныхъ исполнить таковое добровольно, пришлось вызвать военный караулъ. Выходя изъ общаго помѣщенія, Моисеевъ, въ присутствіи нижнихъ чиновъ, закричалъ Устимовичу: «Вы думаете, солдаты васъ послушаютъ! Никогда! Никогда! Вы пользуетесь властью надъ каждымъ нижнимъ чиномъ, и вамъ не стыдно гнуть человѣка и не давать ему свободы», но послѣ этихъ словъ онъ былъ силою удаленъ изъ камеры.

Оставшіяся вчетверомъ задержанныя женщины не переставали пѣть запрещенныя пѣсни и обращались къ публикѣ, собравшейся противъ гауптвахты, вслѣдствіе чего у оконъ ихъ были разставлены часовые, а внутри камеръ порядокъ водворялся начальникомъ караула. Въ полночь арестованные были препровождены изъ гауптвахты въ тюрьмы. Когда пришла очередь отправленія Михайлова, оставшіеся еще въ камерахъ гауптвахты кричали черезъ окно: «Михайловъ, благодаримъ васъ за помощь; до свиданія!» Въ ту же ночь были произведены обыски у Михайлова, Дертева, Лѣнивовой.

Наведенными справками установлено, что Синева, Моисеевъ и Доброхотова неоднократно привлекались къ отвѣтственности на основаніи положенія объ усиленной охранѣ. Кромѣ того, тѣ же лица привлечены къ дознанію въ порядкѣ 1035 ст. Уст. угол. суд. при Нижегородскомъ Жандармскомъ Упр. по обвиненію: Моисеевъ, въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 250 ст. Улож. о наказ., Синева и Доброхотова по обвиненію, предусмотрѣнному 2 ч. 252 ст. Дознаніе еще не разрѣшено.

На основаніи вышеизложеннаго, *Моисеевъ, Дертевъ, Лубоцкій, Михайловъ, Синева, Доброхотова, Георгіевскій, Лѣнивова, Кислова* — обвиняются въ томъ, что 5 мая 1902 г. въ Н.-Новгородѣ, съ цѣлью дерзостнаго порицанія самодержавной власти и установленнаго закономъ образа правленія, учинили шествіе по городскому бульвару съ

пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, выкинувъ красное знамя (флагъ) съ надписью: «Долой самодержавіе!» и дозволили себѣ неоднократно кричать: «Да здравствуетъ политическая свобода! Долой самодержавіе!», каковые преступные крики продолжали и во время содержанія ихъ на военной гауптвахтѣ, т. е. въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 1 и 2 ч. 252 ст. Улож. о наказ.

Моисеевъ, Дертевъ, Доброхотова, Лѣнивова, Кислова обвиняются, кромѣ того, еще въ томъ, что въ то же время и въ томъ же городѣ у военной гауптвахты въ Кремлѣ дозволили себѣ неоднократно обращаться къ военному караулу 238 Клязьменскаго резервнаго пѣхотнаго батальона съ рѣчами, въ которыхъ, дерзостно порицая самодержавіе и установленный закономъ образъ правленія, призывали нижнихъ чиновъ бросить оружіе и оказать содѣйствіе имъ, обвиняемымъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 252 ст. Улож. о наказ.

Вслѣдствіе сего и согласно 2 п. 1030 ст. Уст. угол. суд. всѣ означенныя лица подлежатъ суду Моск. Суд. Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей.

Москва, 19 сентября 1902 г.

Свидѣтели:

Осиповъ, отдѣльн. корпуса жандармовъ полковникъ. Таубе, полицмейстеръ. А. А. Игнатьевъ, А. А. Лавровъ, И. М. Кевдинъ, Я. Я. Баровъ, С. И. Пѣвницкій, И. Я. Серебровскій, И. А. Ассауляхъ, А. М. Володинъ, С. Ф. Дементьевъ, Е. А. Петровъ, Д. С. Прикащиковъ, П А. Мальцевъ. Н. А. Рудольфъ, А. В. Майдановичъ, Н. А. Антоновъ, А. И. Хашкинъ, В. Д. Онуфріевъ, С. П. Миронычевъ, С. М. Веселовскій, В. О. Осиповъ, А. Т. Саловъ, С. И. Устимовичъ, Кулалаковъ, Ремизовъ, Усанинъ, Литвиненко, Желѣзновъ.

IV

Обвинительный актъ по дѣлу о сормовской демонстраціи

О крестьянинѣ слободы Кошелевки, Ельнинской волости, Нижегородскаго уѣзда Петрѣ Андреевѣ Заломовѣ, 25 лѣтъ; мѣщанахъ города Лукоянова Алексѣѣ Ивановѣ Быковѣ, 22 лѣтъ и Михаилѣ Ивановѣ Быковѣ, 24 лѣтъ; горнозаводскомъ мастеровомъ Воткинскаго завода Вятской губ. Егорѣ Григорьевѣ Наумовѣ, 25 лѣтъ; крестьянинѣ села Сормова, Балахинскаго уѣзда Петрѣ Даниловѣ Дружкинѣ, 26 лѣтъ; крестьянинѣ Ниже-Сергинской волости, Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи Никифорѣ Васильевѣ Фроловѣ, 28 лѣтъ; горнозаводскомъ рабочемъ Воткинскаго завода Вятской губ., Михаилѣ Егоровѣ Богатыревѣ, 27 лѣтъ; крестьянинѣ села Сормова, Балахинскаго уѣзда Алексѣѣ Паладьевѣ Ляпинѣ (Буренкинѣ), 26 лѣтъ; горнозаводскомъ мастеровомъ села Выксы, Ардатовскаго уѣзда, Михаилѣ Ивановѣ Самылинѣ,

24 лѣтъ; горнозаводскомъ мастеровомъ завода Дощатаго, Меленковскаго уѣзда, Владимирской губ. Иванѣ Ѳедоровѣ Сутягинѣ, 19 лѣтъ; крестьянинѣ села Масловки, Васильскаго уѣзда Иванѣ Дмитріевѣ Шибаевѣ, 24 лѣтъ; крестьянинѣ села Пиловальни, Курмышскаго уѣзда, Симбирской губ. Василіи Николаевѣ Солдатовѣ, 29 лѣтъ; крестьянинѣ села Козина, Балахинскаго уѣзда Алексѣѣ Петровѣ Барановѣ, 17 лѣтъ и крестьянинѣ села Бахаревки, Курмышскаго уѣзда, Симбирской губ. Яковѣ Семеновѣ Полозовѣ, 25 лѣтъ, обвиняемыхъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 252 ст. Улож. о Наказ.

Въ концѣ 1901 года, въ селѣ Сормовѣ, Балахинскаго уѣзда и на Сормовскихъ заводахъ, въ различное время, были найдены преступныя воззванія, обращенныя къ рабочимъ. Съ наступленіемъ 1902 г. появленіе такихъ прокламацій возрасло и особенно усилилось въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Запрещенные листки, изданные типографскимъ способомъ или воспроизведенные посредствомъ мимеографа и гектографа, разбрасывались первоначально въ чертѣ заводовъ, между пятью и шестью часами утра, послѣ окончанія ночной работы, и мастеровые находили ихъ на станкахъ и въ ящикахъ. Заводскою администраціею и полиціею было учреждено неослабное наблюденіе за цехами, вслѣдствіе чего появленіе воззваній въ нихъ прекратилось, но было замѣчено въ Сормовскомъ поселкѣ, преимущественно, на тѣхъ улицахъ, которыя ведуть къ заводу. Не ограничиваясь этимъ, неизвѣстные злоумышленники расклеивали иногда свои произведенія на стѣнахъ, заборахъ и столбахъ. Такимъ образомъ, въ заводахъ и въ селѣ Сормовѣ было найдено: утромъ 27-го ноября 1901 года нѣсколько воззваній «Нижегородскаго комитета россійской соціалдемократической рабочей партіи» отъ 25 ноября «Къ вагоннымъ кузнецамъ» съ приглашеніемъ заявить требованія объ введеніи нарядовъ повышеній и объявленіи расцѣнокъ и вѣжливомъ съ рабочими обращеніи мастера, при чемъ указывалось что путемъ массовыхъ забастовокъ и бунтовъ рабочіе добились изданія законовъ о штрафахъ, расцѣнкахъ и введенія одиннадцатичасового рабочаго дня. Въ этомъ же воззваніи обращается вниманіе рабочихъ на то, что имъ нечего разсчитывать на поддержку со стороны губернскихъ властей. Тамъ же обнаружена 6-го, 7-го, 8-го и 9-го декабря «Нижегородская рабочая газета» № 1, 11-го декабря воззваніе «Ко всѣмъ нижегородскимъ рабочимъ», 5-го и 6-го марта 1902 года «Нижегородская рабочая газета» № 2, 31-го марта та же газета № 3, въ количествѣ болѣе 1000 экземпляровъ, 11-го апрѣля «Нижегородская газета» № 3, а 26 апрѣля та же газета № 5, съ заголовкомъ «Первое мая». Характеръ этихъ изданій постепенно видоизмѣнялся; авторы не ограничились только экономическими требованіями, но призывали рабочихъ къ политическимъ демонстраціямъ, имѣющимъ конечною цѣлью ниспроверженіе существующаго порядка управленія. Почти всѣ листки заканчиваются требованіями: «Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ восьмичасовый рабочій день!» Кромѣ такихъ преступныхъ подстрекательствъ, въ нѣкоторыхъ изданіяхъ помѣщены пѣсни революціоннаго содержанія: «Дружно товарищи въ ногу», «Бѣснуйтесь тираны; глумитесь надъ нами». Въ № 5, озаглавленномъ «Первое мая», Нижегородскій коми-

теть россійской соціалдемократической партіи, объясняя рабочимъ значеніе этого дня, приглашаетъ всѣхъ бросить работу, выходить на улицу и итти толпой съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и съ красными знаменами, на которыхъ должны быть изображены перечисленныя выше дерзостныя восклицанія. Независимо отъ преступной пропаганды, путемъ воззваній, на заводахъ стали распространяться слухи о готовящихся безпорядкахъ, при чемъ съ 1-го января по 1-ое мая назначались для таковыхъ тѣ или другіе дни. Всѣ описанныя дѣйствія злоумышленниковъ вызвали къ 1-му мая тревожное настроеніе среди рабочихъ, нѣкоторые изъ коихъ, дня за три до этого числа, получали приглашенія отъ своихъ товарищей, какъ, напримѣръ, отъ крестьянина Алексѣя Быкова, бросить 1-го мая работу.

Совокупностью показаній свидѣтелей очевидцевъ: Крылова, Высоцкаго, Мещерскаго, Комарова, Вдовиченко, Тихонова, Старцева, Лазарева, Зеленецкаго, Плеханова, Сергѣя Тихонова, Сырина, Матвѣевскаго, Козлова, Дыдалина, Заварицкаго, Колина, Имерли-Швили, Потапова, Рогалева, Гольдгамеръ, Архипова, Логинова, Яшерова, Горбутова, Андреянова, Шалина, Пискунова и Лаврова установлено, что 1-го мая работы на заводахъ начались въ полномъ порядкѣ, послѣ 12 часовъ часть мастеровыхъ, согласно ихъ просьбѣ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, была освобождена отъ занятій, при чемъ на работахъ оставалось около 5400 человѣкъ. До 2-хъ часовъ дня въ Сормовѣ все было спокойно. Часу въ третьемъ, на Большой улицѣ, по направленію отъ Дарьинскихъ выселковъ и Дарьинскаго лѣса, стали появляться отдѣльныя группы рабочихъ, среди которыхъ слышались игра на гармоніяхъ, брань и пѣніе фабричныхъ пѣсенъ. Бывшій въ нарядѣ полицейскій надзиратель Высоцкій пытался остановить тѣхъ изъ упомянутыхъ лицъ, которыя наиболѣе шумѣли, при чемъ обратилъ вниманіе, что крестьянинъ Егоръ Наумовъ, собравъ около себя толпу рабочихъ, шелъ по названной улицѣ, играя на гармоникѣ и особенно громко выкрикивая какую то пѣсню. Въ другой группѣ выдѣлялся крестьянинъ Осипъ Матвѣичевъ, который, находясь въ нетрезвомъ состояніи, бранился и кричалъ. Вскорѣ онъ отдѣлился отъ своихъ товарищей послѣ чего и былъ задержанъ. При обыскѣ въ арестантской у Матвѣичева оказалось въ карманѣ воззваніе «Ко всѣмъ русскимъ рабочимъ», отпечатанное въ типографіи революціоннаго журнала «Искра» и заключающее въ себѣ требованіе устроить 1-го мая демонстрацію. Отдѣльныя группы рабочихъ соединялись между собою, толпа стала увеличиваться и настроеніе ея дѣлалось все болѣе и болѣе возбужденнымъ. Въ толпѣ начали раздаваться крики: «Долой царя! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ дружина соціалистовъ!» Въ рукахъ и на палкахъ появились красные платки и, по показанію полицейскаго урядника Архипова, былъ выкинутъ красный флагъ съ какою-то надписью, которую онъ не могъ разобрать, такъ какъ въ него, свидѣтеля, бросили камнемъ. Флагъ этотъ то поднимался, то опускался, и Архиповъ въ числѣ стоящихъ около него рабочихъ замѣтилъ мастерового Михаила Самылина. Среди шумѣвшей толпы находились Никифоръ Фроловъ, приглашавшій стоящихъ на улицѣ присоединиться, Михаилъ Богатыревъ, Петръ Друж-

кинъ, Петръ Заломовъ, Алексѣй Быковъ, Иванъ Сутянцевъ, Иванъ Шибаевъ, который махалъ краснымъ флагомъ, прикрѣпленнымъ къ палкѣ, и кричалъ: «Собирайтесь сюда», а также Василій Солдатовъ и Алексѣй Барановъ. Всѣ эти лица расхаживали по улицѣ съ криками: «Долой Самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!» Въ это время на Большой улицѣ собралось около 2000 человѣкъ. Старанія полиціи водворить порядокъ оказались безуспѣшными, — и толпа двигалась сплошною массою, на всѣ просьбы разойтись отвѣчала бранью и бросала камни; при чемъ получилъ ударъ въ лицо жандармскій унтеръ-офицеръ Иванъ Рогалевъ. Возбужденіе толпы постепенно росло и оскорбленія наносились не только полиціи, но даже священнику который, проходя съ иконой Владимірской Божіей Матери, подвергся глумленію. Въ 6 1/2 ч. на заводѣ окончилась денная работа и послѣ свистка къ толпѣ примкнула значительная часть находившихся до этого на заводѣ мастеровыхъ. Участники безпорядка нѣсколько разъ прошлись по Большой улицѣ, имѣя на палкахъ и въ рукахъ красные платки, распѣвая революціонныя пѣсни: «Собирайся народъ подъ знамя свободы», и «Дружно товарищи въ ногу». Это пѣніе, которое, какъ удостовѣрилъ свидѣтель Рогалевъ, начиналъ Михаилъ Самылинъ, неоднократно покрывалось криками Алексѣя Быкова, Наумова и другихъ: «Долой самодержавіе! Долой Царя! Да здравствуетъ политическая свобода!». На углу Александро-Невской улицы, на поворотѣ къ заводу, толпа, во главѣ которой шли Алексѣй Быковъ, Заломовъ, Дружкинъ и Наумовъ, остановилась, повидимому, для обсужденія дальнѣйшихъ дѣйствій. Раздались требованія «настоящаго знамени», на что Заломовъ отвѣтилъ: «успѣемъ». Они предлагали итти къ заводу и заявить свои требованія объ увеличеніи заработной платы и уменьшеніи рабочаго дня, а Заломовъ, Самылинъ и Михаилъ Быковъ, по показанію свидѣтеля Колина, уговаривали продолжать демонстрацію. Послѣ этого толпа раздѣлилась, и часть ея человѣкъ въ 100, съ тѣми же преступными возгласами направилась къ заводской конторѣ. Среди этой части участниковъ безпорядковъ крестьянинъ Сергѣй Тихоновъ замѣтилъ красный флагъ, который несъ на палкѣ какой-то неизвѣстный человѣкъ, а рядомъ съ нимъ шли Петръ Дружкинъ и Алексѣй Ляпинъ, кричавшіе: «Долой царя! Долой самодержавіе!» Въ это же время Алексѣй Быковъ, заподозривъ въ Швили полицейскаго агента, ударилъ его палкой по головѣ. Незадолго передъ нападеніемъ на заводъ полицейскій надзиратель Высоцкій и урядникъ Комаровъ, замѣтивъ, что безпорядки принимаютъ угрожающій характеръ, передали объ этомъ дирекціи завода и распорядились запереть и укрѣпить всѣ ворота и входныя двери, а мѣстный исправникъ сообщилъ начальнику губерніи о возникшей опасности, вслѣдствіе чего къ заводу былъ немедленно отправленъ 238-й Клязьминскій резервный батальонъ. Несмотря на то, что Заломовъ и Самылинъ продолжали настаивать на спокойномъ объявленіи заводской администраціи своихъ домогательствъ, часть безчинствовавшихъ съ крикомъ: «бей!» «долой самодержавіе!» «да здравствуетъ политическая свобода!» приступила послѣ 8-ми часовъ вечера къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Въ заводской конторѣ и въ канцеляріи полицейскаго пристава были выбиты окна.

Нѣсколько камней были брошены въ окна директорскаго кабинета, расположеннаго во второмъ этажѣ, и, наконецъ, безчинствовавшіе рабочіе пытались выбить ворота, но были остановлены своими же товарищами, которыхъ завѣдующій матеріальнымъ отдѣломъ Матвѣевскій и инженеръ Заварицкій успѣли собрать для защиты завода.

Несолидарность товарищей и раздавшійся барабанный бой, указывавшій на появленіе войска, подѣйствовали на толпу, которая стала разбѣгаться. Во время безчинствъ у завода большая часть манифестантовъ оставалась на Большой улицѣ, къ ней присоединились и возвращавшіеся отъ завода рабочіе и толпа съ криками: «Долой самодержавіе! да здравствуетъ политическая свобода!» подняла красное знамя, на которомъ бѣлой краской былъ написанъ тотъ же дерзостный призывъ, и съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ направилась къ Дарьинскому выселку. Знамя несъ на древкѣ Заломовъ; Алексѣй Быковъ, по показанію свидѣтеля Имерли-Швили, поддерживалъ другой его конецъ, чтобы яснѣе видна была надпись, около нихъ шелъ Михаилъ Самылинъ, а Яковъ Полозовъ выкинулъ красный флагъ меньшаго размѣра съ надписью: «да здравствуетъ 8-часовой рабочій день!» Едва всѣ эти лица стали приближаться къ Дарьинской проходной, какъ показалась 1-ая рота Клязьминскаго баталіона. По командѣ ротнаго командира, штабсъ-капитана Крылова, нижніе чины, взявъ ружье «на руку», устремились на участниковъ демонстраціи, но послѣдніе съ крикомъ стали наступать на солдатъ, вслѣдствіе чего и были окружены.

Вырвавъ у Заломова знамя, штабсъ-капитанъ Крыловъ задержалъ его и Дружкина, который, по показанію этого свидѣтеля, растягивалъ свободный конецъ флага, при чемъ Заломовъ сказалъ: «что вы меня держите, я вѣдь не убѣгу?» Нижніе чины роты успѣли взять изъ толпы человѣкъ 15—17, а остальные разбѣжались по сторонамъ. Когда рота съ арестованными двинулась дальше, въ нее были брошены три или четыре камня, изъ которыхъ одинъ попалъ въ ногу фельдфебеля. Послѣ предупрежденія, что будутъ стрѣлять, бросаніе камней прекратилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и самые безпорядки. Въ тотъ же вечеръ, по показанію свидѣтеля Лазарева, крестьянинъ Иванъ Шибаевъ, вернувшись домой, высказывалъ удовольствіе по поводу того, что ему удалось ускользнуть отъ солдатъ и что они не всѣхъ задержали, вслѣдствіе чего онъ, Шибаевъ, и былъ арестованъ. По показанію управляющаго завода, инженера Мещерскаго, въ 1901 и 1902 г., до дня безпорядковъ, никто изъ рабочихъ не обращался къ нему съ требованіями объ увеличеніи заработка и уменьшеніи часовъ рабочаго дня. По удостовѣренію же свидѣтелей Старцева, Матвѣевскаго и Заварицкаго, во все время безпорядковъ безчинствовавшіе рабочіе не требовали повышенія рабочей платы и не жаловались на заводскіе порядки. Событія 1-го мая не оказали никакого вліянія на ходъ работъ, такъ какъ на другой день на работу вышли всѣ люди, во всѣхъ мастерскихъ. 5-го мая былъ разбросанъ листокъ, сообщающій о бывшихъ 1-го мая безпорядкахъ, съ указаніемъ на вредъ, вызванный разгромомъ заводской конторы, послужившій поводомъ къ вызову войскъ, на доблестное поведеніе небольшой толпы,

ограничившейся политической манифестацiей, и на геройское поведенiе несшаго красное знамя, который одинъ, не боясь солдатскихъ штыковъ, твердо стоялъ на своемъ посту. Сообщенiе заканчивалось выраженiемъ надежды, что примѣръ этого знаменосца возбудитъ въ рабочихъ неудержимое, твердое желанiе бороться за свободу, и что къ будущей демонстрацiи присоединится большая часть сормовскихъ рабочихъ, — а также призывомъ къ пожертвованiямъ въ пользу арестованныхъ.

При допросѣ въ качествѣ обвиняемаго крестьянинъ Яковъ Полозовъ призналъ себя виновнымъ въ приписываемомъ ему преступленiи и объяснилъ, что, выйдя 1-го мая послѣ 5 часовъ вечера на Большую улицу, онъ увидѣлъ на ней нѣсколько группъ рабочихъ, гулявшихъ взадъ и впередъ. Среди этихъ группъ онъ замѣтилъ красные платки, привязанные къ палкамъ, и слышалъ изрѣдка возгласы: «долой самодержавiе! да здравствуетъ политическая свобода!» Въ числѣ кричавшихъ были Егоръ Наумовъ и Михаилъ Быковъ. Кромѣ того, въ толпѣ былъ Михаилъ Самылинъ, а когда она значительно увеличилась, появились Михаилъ Богатыревъ и Петръ Заломовъ. Безчинствовавшiе съ тѣми же преступными возгласами и съ пѣнiемъ революцiонныхъ пѣсенъ продолжали двигаться по Большой улицѣ, при чемъ въ числѣ кричавшихъ Полозовъ замѣтилъ Богатырева. Подтверждая изложенныя выше показанiя свидѣтелей о разгромѣ заводской конторы и канцелярiи пристава, появленiе у Заломова краснаго знамени съ преступными надписями и арестѣ Заломова, Полозовъ добавилъ, что въ концѣ 1901 г. до него дошли слухи, что въ Сормовѣ организовалась партiя социалистовъ. Желая знать, что у нихъ дѣлалось, Полозовъ стремился попасть въ возникшiй кружокъ. Это ему удалось и съ января 1902 года онъ сталъ уплачивать по 2 коп. съ каждаго заработнаго рубля, каковыя деньги, какъ онъ слышалъ отъ представителя кружка, рабочаго Дмитрiя Углева, поступили къ казначею ассоцiацiи Михаилу Самылину. Передъ масляной недѣлей, въ 10 час. вечера, въ деревнѣ Починкахъ, Балахнинскаго уѣзда, было общее собранiе членовъ кружка; на собранiи этомъ среди другихъ лицъ присутствовали: Заломовъ, Самылинъ и Богатыревъ. Обсуждался вопросъ объ устройствѣ 1-го мая въ селѣ Сормовѣ демонстрацiи, при чемъ было высказано желанiе, чтобы она носила «мирный характеръ». Предполагалось пройтись по Большой улицѣ съ пѣнiемъ революцiонныхъ пѣсенъ, имѣя при себѣ красныя знамена съ надписями: «долой самодержавiе! да здравствуетъ политическая свобода!», «да здравствуетъ восьмичасовой рабочiй день! да здравствуетъ социал-демократическая партiя!»

Остальные обвиняемые, отрицая безусловно свою виновность, объяснили: Петръ Заломовъ, — что онъ признаетъ фактъ несенiя имъ краснаго знамени, но утверждаетъ, что таковое дано было ему неизвѣстнымъ человѣкомъ, такъ что онъ даже не зналъ, что на немъ было написано, а видѣлъ только бѣлыя буквы. Точно также онъ не былъ освѣдомленъ куда и зачѣмъ шла толпа рабочихъ, въ которой былъ и онъ. Алексѣй Быковъ, — что совсѣмъ не былъ въ толпѣ манифестантовъ, а стоялъ въ сторонѣ, въ числѣ другихъ зрителей; пре-

ступныхъ возгласовъ среди толпы не слышалъ, палкой никого не билъ, такъ что урядникъ Комаревъ задержалъ его неправильно. Егоръ Наумовъ, — что онъ ничего не помнитъ, такъ какъ послѣ 4-хъ часовъ былъ настолько пьянъ, что не знаетъ даже, гдѣ повредилъ себѣ руку.

При вторичномъ, однако, допросѣ, черезъ 10 дней, Егоръ Наумовъ припомнилъ, что 1-го мая, въ часъ дня, выпивъ у Михаила Богатырева водки, отправился съ нимъ и его женою въ лѣсъ, гдѣ они пробыли около двухъ часовъ. Когда жена Богатырева ушла, они присоединились къ другой компаніи, человѣкъ двѣнадцать, съ которой опять пили пиво и водку.

Но разошлась и эта компанія. Михаилъ Богатыревъ куда-то ушелъ, а онъ, Наумовъ, съ оставшимися 4-мя неизвѣстными отправился сдавать посуду въ винную и пивную лавки. На вырученныя деньги они выпили еще 10 бутылокъ пива и вышли на Большую улицу, гдѣ онъ сталъ играть на гармоніи. Пройдя по этой улицѣ нѣсколько разъ, Наумовъ, уже только съ однимъ изъ своихъ спутниковъ, встрѣтилъ толпу рабочихъ, человѣкъ въ сорокъ, которая пѣла незнакомую ему пѣсню. Наумовъ присоединился къ этой толпѣ, продолжая играть, но его оттуда вытолкали, сказавъ, что онъ мѣшаетъ пѣть. Отойдя отъ пѣвчихъ, Наумовъ началъ играть «русскую», кто-то принялся плясать, а затѣмъ у него закружилась голова и онъ болѣе ничего не помнитъ. Очнулся онъ дома, когда за нимъ пришелъ полицейскій. Въ его же квартирѣ арестовали и Богатырева.

Петръ Дружкинъ, — что послѣ часа дня настолько сильно напился, что совершенно не помнитъ, что съ нимъ было и какимъ образомъ онъ очутился въ лѣсу за церковнымъ кладбищемъ, гдѣ въ 9 часовъ вечера проснулся.

Никифоръ Фроловъ, — что 1-го мая онъ былъ на Большой улицѣ въ четвертомъ и въ седьмомъ часу вечера; хотя въ это время тамъ было и много народу, но онъ особеннаго ничего не видѣлъ и преступныхъ возгласовъ не слышалъ; у завода во время разгрома конторы и канцеляріи пристава онъ не былъ. Въ подтвержденіе своихъ объясненій Фроловъ сослался на свидѣтелей Степана Рымзина, Андрея Болонкина и Агафью Котяеву.

Михаилъ Богатыревъ, подтверждая показаніе Егора Наумова о совмѣстномъ пребываніи 1-го мая въ лѣсу, добавилъ, чло тамъ были вмѣстѣ съ ними Василій Рогалевъ и Яковъ Полозовъ. Въ 8-мъ часу вечера Полозовъ пошелъ провожать его жену, а онъ съ Рогалевымъ отправился на Большую улицу. Здѣсь они разстались, а затѣмъ онъ, Богатыревъ, послѣдовалъ за народомъ къ заводу, гдѣ человѣкъ около 25-ти громила канцелярію пристава и контору завода, выбрасывали изъ канцеляріи какія-то бумаги и бросали каменьями въ окна завода и въ ворота, изъ-за которыхъ имъ отвѣчали тѣмъ-же. Среди нападавшихъ онъ красныхъ флаговъ не видалъ, а криковъ разобрать не могъ. Отъ завода онъ пошелъ къ Наумову, гдѣ и былъ арестованъ.

Алексѣй Ляпинъ, — что 1-го мая до 4-хъ часовъ онъ былъ дома, послѣ чего пошелъ на Большую улицу посмотрѣть на народъ, пробылъ здѣсь часъ, сходилъ на базаръ и вернулся къ себѣ между 7-ью

и 8-ью часами вечера. На улицѣ онъ ходилъ за толпой, въ которой замѣтилъ Петра Дружкина. Въ толпѣ слышались крики и пѣніе. Самъ онъ ничего не кричалъ, и что именно кричали и пѣли, разобрать не могъ, такъ какъ былъ сильно пьянъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ Ляпинъ сослался на полицейскаго надзирателя Зеленецкаго и какого-то стоявшаго рядомъ съ нимъ городового.

Михаилъ Быковъ, — что 1-го мая до обѣда онъ былъ на работѣ. Послѣ обѣда на заводъ не пошелъ, потому что вмѣстѣ съ зятемъ хотѣлъ уѣхать въ Нижній-Новгородъ, такъ какъ въ Сормовѣ ожидались въ этотъ день безпорядки, о чемъ неоднократно говорилось среди рабочихъ и было напечатано въ разбросанныхъ, какъ онъ слышалъ, въ Сормовѣ листкахъ. Такъ какъ зять не пріѣхалъ, то, просидѣвъ дома до свистка, онъ, Быковъ, отправился на Большую улицу, гдѣ встрѣтилъ Льва Скопина и Михаила Вилкова, съ которыми и пробылъ до того времени, когда бушевавшая толпа направилась къ заводу. Самъ онъ въ толпѣ не былъ, но видѣлъ, какъ человѣкъ 50 расхаживали по Большой улицѣ и махали привязанными къ палкамъ красными платками, при чемъ кричали: «Долой самодержавіе, да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день». Къ заводу онъ не ходилъ, а оставался на Большой улицѣ, гдѣ разговаривалъ сначала съ прикащикомъ Иваномъ Петровичемъ, а затѣмъ опять присоединился къ Скопину и Вилкову, съ которыми отправился домой ранѣе прибытія войскъ. Красныхъ флаговъ съ бѣлыми надписями въ толпѣ не видалъ.

Михаилъ Самылинъ, — что 1-го мая до 12-ти часовъ дня былъ дома; съ 12-ти до 7-ми гулялъ въ лѣсу; въ 7 часовъ вечера, возвращаясь домой, видѣлъ на Большой улицѣ ходившую взадъ и впередъ толпу рабочихъ, среди которой замѣтилъ нѣсколько красныхъ и бѣлыхъ платковъ, привязанныхъ къ палкамъ. Слышалось пѣніе революціонныхъ пѣсенъ и преступные возгласы; краснаго знамени съ бѣлой надписью не видѣлъ; самъ въ толпѣ не былъ, въ крикахъ и пѣніи не участвовалъ. Во время разгрома канцеляріи пристава стоялъ недалеко и видѣлъ, какъ толпа съ громкими криками, которыхъ нельзя было разобрать, бросала камни въ окна завода. При появленіи солдатъ всѣ разбѣжались, а онъ отправился домой.

Иванъ Сутягинъ, — что 1-го мая съ 5-ти часовъ дня былъ съ своей матерью Татьяной Николаевной. При самомъ началѣ разгрома завода проходилъ мимо, но никакого участія въ безпорядкахъ не принималъ, что могутъ подтвердить сотскій Шалинъ и мастеръ Фроличевъ.

Иванъ Шибаевъ, — что 1-го мая на работахъ не былъ, а сидѣлъ съ 12 часовъ дня до 6 часовъ вечера въ квасномъ заведеніи Алексѣя Иванова, что, кромѣ супруговъ Ивановыхъ, можетъ подтвердить рабочій Петръ Козловъ. Изъ квасной онъ, Шибаевъ, прямо пошелъ домой и на Большой, а равно и на Александро-Невской, улицахъ не былъ.

Василій Солдатовъ, — что 1-го мая пришелъ въ 4-мъ часу дня въ пивную лавку въ домѣ Алферова въ Сормовѣ, откуда направился домой, когда ее стали запирать; до дому его проводилъ торговецъ Вин-

теръ. На Большой улицѣ и у завода во время разгрома не былъ и никакихъ безпорядковъ не видѣлъ.

Наконецъ, Алексѣй Барановъ объяснилъ, что 1-го мая работалъ весь день на заводѣ и только послѣ вечерняго свистка, зайдя домой, вышелъ на Большую улицу, гдѣ увидѣлъ идущую навстрѣчу большую толпу, которая отъ угла Александро-Невской улицы свернула къ заводу; что дѣлала толпа на Большой улицѣ, не знаетъ, пѣнія и криковъ не слышалъ, красныхъ флаговъ и платковъ не видѣлъ и самъ въ безпорядкахъ никакого участія не принималъ. На Большой улицѣ онъ пробылъ около 15-ти минутъ, послѣ чего вернулся домой.

Допрошенные по ссылкѣ обвиняемыхъ свидѣтели показали: Болонкинъ и Рымзинъ, что они встрѣтили Фролова въ 7-мъ часу вечера на Большой улицѣ, а Котяева, что идя по той же улицѣ, она замѣтила, какъ Фроловъ въ 8-мъ часу вечера вошелъ въ свой домъ, послѣ чего она его болѣе не видала.

Свидѣтели: Климовъ, Савинъ, Вилковъ и Скопинъ сдѣланной на нихъ Михаиломъ Быковымъ ссылки не подтвердили, при чемъ первые двое показали, что они всѣ трое уходили изъ дома порознь, и Быкова увидѣли только вечеромъ, когда онъ въ 9-мъ часу вернулся на квартиру, а послѣдніе двое добавили, что, встрѣтившись съ Быковымъ на Большой улицѣ между 2 и 4 часами дня, они вскорѣ разошлись и болѣе вмѣстѣ не ходили.

Свидѣтели Шалинъ и Фроличевъ объяснили: первый, что онъ былъ очевидцемъ того, какъ Сутягинъ разбилъ локтемъ окно въ конторѣ завода, а Фроличевъ, что 1-го мая онъ обвиняемаго Сутягина не видѣлъ.

Содержатель пивной лавки Алексѣй Лавреновъ, жена его Дарья и крестьянинъ Петръ Козловъ заявили: первые двое, что обвиняемый Шибаевъ заходилъ 1-го мая къ нимъ въ лавку 2 раза, между 12 и 7 часами, а послѣдній, что въ теченіе этого дня онъ Шибаева не видѣлъ.

Свидѣтель Винтеръ подтвердилъ объясненіе обвиняемаго Солдатова, съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что по его словамъ они ушли изъ пивной около 5 часовъ, и выходилъ ли Солдатовъ послѣ этого изъ дому—ему неизвѣстно.

Наконецъ, полицейскій приставъ Зеленецкій не только не подтвердилъ ссылки на него обвиняемаго Ляпина, но удостовѣрилъ, что тотъ былъ однимъ изъ главныхъ руководителей одной изъ группъ гулявшихъ рабочихъ, а затѣмъ отъ 4 до 7 часовъ разгуливалъ по Большой улицѣ въ числѣ безчинствовавшихъ.

Наведенными справками установлено, что обвиняемый Михаилъ Самылинъ въ 1896 году привлекался въ качествѣ обвиняемаго по политическому дознанію при Нижегородск. Губ. Жанд. Управл., при чемъ былъ высланъ въ село Выксу подъ гласный надзоръ полиціи на одинъ годъ.

На основаніи вышеизложеннаго (слѣдуетъ перечисленіе лицъ) обвиняются въ томъ, что 1-го мая 1902 года въ селѣ Сормовѣ, Балахнинскаго уѣзда, съ цѣлью дерзостнаго порицанія самодержавной власти и установленнаго законами образа правленія учинили шествіе

по Большой и Александро-Невской улицамъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, выкинувъ красные флаги, на одномъ изъ которыхъ имѣлась надпись: «Долой Самодержавіе! да здравствуетъ политическая свобода!» и дозволили себѣ, какъ во время шествія, такъ и при совершеніи насильственныхъ дѣйствій у Сормовскаго завода неоднократно кричать: «Долой Царя! Долой Самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!», т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1 и 2 ч. 252 ст. Ул. о Нак.

Вслѣдствіе сего и согласно 2 п 1030 ст. Уст. Угол. Судопр. всѣ вышепоименованныя лица подлежатъ суду Московской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей.

Составленъ сентяб я 19 дня 1902 г., г. Москва.

Товарищъ Прокурора Судебной Палаты (подпись).

Съ подлиннымъ вѣрно: Секретарь (подпись).

Съ подлиннымъ читалъ Помощникъ Секретаря (подпись).

Списокъ лицъ, подлежащихъ вызову въ судебное засѣданіе по дѣлу о крестьянинѣ Петрѣ Заломовѣ, мѣщанинѣ Алексѣ Быковѣ и другихъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи.

Обвиняемые (см. выше).

Свидѣтели:

1) Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Подполковникъ Осиповъ; 2) Алексѣй Павловичъ Мещерскій; 3) Николай Георгіевичъ Лавровъ; 4) Өедоръ Өедоровичъ Высоцкій; 5) Тимофей Кондратьевъ Комаровъ; 6) Даніилъ Петровичъ Вдовиченко; 7) Василій Григорьевичъ Пушкаревъ; 8) Николай Александровичъ Зеленецкій; 9) Константинъ Николаевичъ Гольдгаммеръ; 10) Михаилъ Өедоровичъ Архиповъ; 11) Александръ Петровичъ Крыловъ; 12) Иванъ Васильевичъ Матвѣевскій; 13) Борисъ Дмитріевичъ Заварицкій; 14) Петръ Ивановъ Тихановъ; 15) Василій Гавриловъ Старцевъ; 16) Өедоръ Васильевъ Лазаревъ; 17) Михаилъ Фроловъ Плехановъ; 18) Сергѣй Никифоровъ Тихоновъ; 19) Павелъ Алексѣевъ Сыринъ; 20) Семенъ Петровъ Козловъ; 21) Семенъ Васильевъ Дыдалинъ; 22) Алексѣй Тимофеевъ Колинъ; 23) Давидъ Александровичъ Имерли-Швили; 24) Иванъ Григорьевъ Потапаевъ; 25) Иванъ Николаевъ Рогалевъ; 26) Николай Ильинъ Логиновъ; 27) Алексѣй Владиміровъ Ящеровъ; 28) Романъ Мартыновъ Горбутовъ; 29) Егоръ Степановъ Андріяновъ; 30) Клементій Захаровъ Шалинъ; 31) Петръ Өедоровъ Козловъ; 32) Иванъ Ивановъ Фроличевъ; 33) Павелъ Петровичъ Пискуновъ; 34) Андреянъ Яковлевъ Болонкинъ; 35) Степанъ Павловъ Рымзинъ; 36) Агафія Семенова Котяева; 37) Петръ Гавриловъ Климовъ; 38) Иванъ Васильевъ Савинъ; 39) Михаилъ Гавриловъ Вилковъ; 40) Левъ Ивановъ Скопинъ; 41) Алексѣй Ивановъ Лавреновъ; 42) Дарья Петровна Лавренова; 43) Александръ Дмитріевъ Артемьевъ (мѣщанинъ).

V.

Обвинительный актъ по дѣлу о Батумскихъ безпорядкахъ.

О Теофилѣ Гогиберидзе, Михаилѣ Хиримьянцѣ, Іессе Хундадзе, Алексѣѣ Замбахидзе, Геронтіи Калададзе, Теофилѣ Тевзадзе, Герасимѣ Тодуа, Бартломѣ Пайчадзе, Варнавѣ Долидзе, Этумѣ (Евтимѣ) Пертія, Самсонѣ Гагуа, Арутюнѣ Арбарцуміанцѣ, Андреѣ Шанидзе, Егорѣ Бахтадзе, Мелитонѣ Чангвеладзе, Авксентіи Надарейшвили, Іосифѣ Чантурія, Моисеѣ Хомерики, Ильѣ Каладзе, Григоріѣ Копалейшвили и Петрѣ Ннидзе.

26 февраля 1902 г. въ гор. Батумѣ на керосино-нефтяномъ заводѣ Ротшильда (Каспійско-Черноморское Нефтянопромышленное общество) по окончаніи вечернихъ работъ по распоряженію директора завода Ваншейдта было вывѣшено объявленіе объ увольненіи съ 12 марта, за сокращеніемъ спроса на керосинъ въ жестянкахъ, 389 рабочихъ изъ всего наличнаго числа ихъ 900 и приложенъ поименно списокъ лицъ, предназначенныхъ къ увольненію.

Это распоряженіе явилось толчкомъ къ общей забастовкѣ рабочихъ на заводѣ Ротшильда.

На другой день т. е. 27 февраля, рабочіе явились на заводъ и, ознакомившись съ объявленіемъ, всѣ бросили работу и ушли.

Затѣмъ дальнѣйшіе переговоры съ ними не дали никакихъ результатовъ. Они требовали, чтобы никого не увольняли, а если работы на всѣхъ не хватаетъ, то чтобы заводъ установилъ ихъ очередную смѣну, причемъ тѣмъ, которые были заняты работами, получали бы полную рабочую плату, внѣочередные, остающіеся безъ работы, получали бы половину этой платы.

По распоряженію прибывшаго въ Батумъ Кутаисскаго Военнаго Губернатора 3 марта были собраны, хотя и съ большимъ трудомъ, рабочіе. Его увѣщанія не имѣли никакого успѣха, несмотря даже на то, что имъ было объявлено, что всѣ тѣ, кто не станетъ на работы 4-го марта, будутъ считаться забастовщиками и какъ таковые вышлются этапомъ на родину.

Во исполненіе этого распоряженія полиціей по указаніямъ администраціи завода Ротшильда въ ночь на 8 марта было арестовано для высылки этапомъ 32 человѣка и заключены въ Батумскую тюрьму.

8 марта послѣ полудня толпа, главнымъ образомъ, рабочихъ, человѣкъ въ 4000 явилась въ Батумскому Полицейскому Управленію и заявила требованіе объ освобожденіи задержанныхъ ихъ товарищей.

Отъ Полицейскаго Управленія толпа направилась къ зданію тюрьмы, гдѣ къ прибывшему помощнику Военнаго Губернатора Полковнику Дрягину предъявила то-же требованіе объ освобожденіи заключенныхъ или же о задержаніи съ ними и ихъ всѣхъ.

По распоряженію полковника Дрягина была вызвана рота 7-го Кавказскаго Стрѣлковаго Баталіона, и когда по его распоряженію стрѣлки хотѣли разъединить толпу, нѣкоторые изъ нея стали хватать

солдатъ за ружья, предполагая, видимо, что на нихъ идутъ въ атаку и изъ находящагося противъ тюрьмы городского сада въ солдатъ полетѣли камни, но въ общемъ настроеніе толпы было миролюбивое и все ограничивалось переговорами съ полковникомъ Дрягинымъ.

Наконецъ, Дрягинъ, послѣ предупрежденія, что не разошедшіеся будутъ арестованы, заявилъ, что освободить заключенныхъ онъ не можетъ, не можетъ также всю толпу помѣстить въ тюрьму по недостатку въ ней мѣста, но согласенъ, какъ заключенныхъ въ тюрьмѣ, такъ и толпу препроводить въ пересыльныя казармы.

Послѣ этого было выведено изъ тюрьмы 32 задержанныхъ въ ней рабочихъ и вмѣстѣ съ толпой, окруженной солдатами, отправили въ пересыльную часть.

Въ пересыльныхъ казармахъ оказалось задержанныхъ 348 человѣкъ и для охраны ихъ туда была наряжена рота Михайловскаго Крѣпостного Баталіона.

9-го марта въ девятомъ часу утра въ пересыльной части, когда тамъ находился Помощникъ Военнаго Губернатора, подошла со стороны Безъимяннаго переулка огромная толпа рабочихъ съ вожаками впереди, шествуя правильными рядами съ пѣснями, шумомъ и свистомъ. На улицѣ около пересыльной части полковникъ Дрягинъ остановилъ толпу. Находившійся во главѣ толпы рабочій на заводѣ Ротшильда Михаилъ Беровъ Хиримьянцъ по прозванію Галданели и также рабочій Теофилъ Алмасхановъ Гогиберидзе заявили Помощнику Губернатора отъ имени толпы требованіе объ освобожденіи заключенныхъ въ пересыльную часть забастовщиковъ или о совмѣстномъ заключеніи съ ними. Полковникъ Дрягинъ отвѣтилъ, что рѣшеніе участи заключенныхъ необходимо ждать со стороны Главноначальствующаго и предложилъ толпѣ разойтись, но толпа не согласилась. Михаихъ Хиримьянцъ во время переговоровъ велъ себя вызывающе и дерзко а Гогиберидзе то появлялся для переговоровъ, то исчезалъ въ толпѣ. Въ виду отказа толпы удалиться отъ пересыльнаго пункта Помощникъ Губернатора распорядился о немедленномъ вызовѣ роты 7-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона на помощь находившимся на мѣстѣ солдатамъ Михайловскаго крѣпостного баталіона. Командиръ роты стрѣлковъ Капитанъ Антадзе привелъ роту на Одесскую улицу со стороны Электрическаго переулка и когда ему передали распоряженіе Помощника Губернатора очистить отъ толпы улицу возлѣ ограды пересыльной части, онъ, оставивъ полуроту подъ командой поручика Гусакова, самъ двинулся съ другой полуротой впередъ, приказавъ солдатамъ тѣснить рабочихъ и когда это не поможетъ, отстранять ихъ прикладами. Первый взводъ прошелъ около воротъ пересыльной части и къ нему присоединился второй взводъ. Въ это время одинъ изъ заключенныхъ забастовщиковъ съ ограды пересыльнаго пункта началъ говорить рѣчь: «братья, не бойтесь, они стрѣлять не могутъ; ради Бога, освободите насъ». Стоявшая вокругъ Помощника Губернатора, Помощника Начальника Жандармскаго Управленія Зейдлица, Пристава Арсенишвили и другихъ должностныхъ лицъ толпа пришла въ возбужденное состояніе и, замѣтивъ двигающихся развернутымъ фронтомъ солдатъ стрѣлковаго баталіона, съ крикомъ, швыряя камнями въ

стрѣлковъ, бросилась съ Теофилемъ Гогиберидзе въ переднихъ рядахъ на солдатъ, а часть толпы, сломавъ предварительно расположенные напротивъ пересыльной части заборы, съ досками въ рукахъ напали также на стрѣлковъ. Рабочіе пытались отнять ружья у солдатъ и слышны были крики: «бей ихъ, бери ружья, они не могутъ стрѣлять». Камни и доски летѣли въ солдатъ со всѣхъ сторонъ, а черепицы съ крышъ домовъ. Унтеръ-офицеръ 4-й роты Кавказскаго баталіона Михаилъ Петренко получилъ царапину на правой щекѣ отъ пролетѣвшаго камня и три человѣка изъ толпы уцѣпились за его ружье, но другой рядовой ударилъ ихъ прикладомъ и они отстали. У унтеръ-офицера Василія Акишина, четверо изъ толпы старалися отнять винтовку и онъ получилъ ударъ по рукѣ коломъ. 4 или 5 человѣкъ изъ толпы схватили за штыкъ унтеръ-офицера Ираклія Квачантирадзе, камнями сбили ему съ головы шапку и отбили металлическій гребень у курка винтовки. Камни летѣли на столько часто, что Штабсъ-капитану Имнадзе постоянно приходилось нагибаться и отстраняться отъ нихъ. Солдаты 4 роты начали отступать и снова прошли назадъ мимо воротъ пересыльной части. Многіе заключенные въ пересыльную часть, находясь на оградѣ, бросали камнями въ солдатъ, а затѣмъ стали спрыгивать на улицу въ помощь толпѣ. Наконецъ, заключенные растворили ворота пересыльнаго пункта и въ числѣ около ста человѣкъ хлынули на улицу и, отбросивъ стоявшаго около воротъ околодочнаго надзирателя Кардашева на середину улицы, присоединились къ толпѣ, стали бросать камни въ солдатъ и пытались отнять у нихъ ружья. Человѣкъ 15 изъ нихъ наскочили на старшаго унтеръ-офицера Трепетуна и трое схватили его за винтовку, но унтеръ-офицеръ Потоцкій, ударивъ одного прикладомъ, отогналъ ихъ. Много камней попадало въ рядовыхъ перваго взвода Іосифа Ухановскаго, Петра Елисѣева, Ивана Шульгина, Николая Лубенка, Кресона Вознаго и другихъ. Послѣ присоединенія заключенныхъ толпа еще пріободрилась и стала наступать. Рабочіе хватали за ружья и бросали камни также въ стоявшихъ противъ воротъ пересыльнаго пункта вдоль забора дома Туфана Бека солдатъ Михайловскаго крѣпостного баталіона. Капитанъ Антадзе получилъ удары камнями въ спину, лѣвую руку, и голову. причемъ послѣдній ударъ причинилъ ему ссадины на головѣ. Одинъ рабочій замахнулся на штабсъ-капитана Михайловскаго баталіона, Александра князя Вечнадзе, но солдатъ ударилъ его прикладомъ ружья: другой изъ толпы потрясалъ револьверомъ и произвелъ изъ него выстрѣлы, причемъ одна пуля разорвала рукавъ пальто капитана Антадзе. Штабсъ-капитанъ Имнадзе получилъ удары камнями въ лѣвое плечо и когда повернулся къ капитану Антадзе съ вопросомъ, не нужно ли стрѣлять, второй ударъ въ спину. Солдаты подъ напоромъ толпы отступили шаговъ 30 и тогда Антадзе скомандовалъ, что отступать нельзя. Съ разрѣшенія капитана Антадзе, штабсъ-капитанъ Имнадзе приказалъ солдатамъ стрѣлять одиночнымъ порядкомъ, рѣдко, выше. Солдаты начали стрѣлять выше, но выстрѣлы на воздухъ никакого впечатлѣнія на толпу не произвели. Отъ удара камня въ щеку упалъ рядовой Романъ Польскій. Штабсъ-капитанъ Имнадзе отдалъ приказъ стрѣлять ниже и послѣ этихъ выстрѣловъ начали падать раненные и

убитые. Толпа сейчасъ же обратилась въ бѣгство и стрѣльба была прекращена. Всѣ убитые и раненные лежали вблизи солдатъ около пересыльнаго пункта. На мѣстѣ происшествія было поднято 7 труповъ, 5 человѣкъ сейчасъ же скончались по доставленіи ихъ въ госпиталь и двое умерли отъ ранъ нѣсколько дней спустя. Раненные были доставлены въ городскую больницу и военный госпиталь, а нѣкоторые ушли домой. При осмотрѣ слѣдователемъ мѣста происшествія, заборы расположенныхъ противъ пересыльной части домовъ Михаила Давидова и Измаила Эфенди оказались разрушенными и на улицѣ было найдено много щепокъ, досокъ и камней. По повѣркѣ сейчасъ же послѣ происшествія заключенныхъ въ пересыльной части забестовщиковъ не оказалось 92 человѣкъ и изъ этого числа найдены въ больницахъ раненными рабочіе Бартломъ Пайчадзе, Андрей Шинидзе, Варнава Долидзе, Егоръ Бохтадзе, Мелитонъ Чангвелидзе, Алексѣй Замбахидзе, и Авксентій Надарейшвили. У Бартлома Пайчадзе входное отверстіе пули находилось на передней поверхности голени, у Андрея Шенидзе на серединѣ задней поверхности икры, у Варнавы Долидзе на серединѣ колѣнной чашки, у Егора Бахтадзе два входныхъ отверстія на переднихъ поверхностяхъ праваго и лѣваго бедра, у Мелитона Чангвеладзе на внутренней поверхности лѣвой голени. Алексѣй Замбахидзе раненъ въ бокъ пулей, а у Авксентія Надарейшвили входное отверстіе пули оказалось на наружной сторонѣ лѣвой голени. Всѣ эти рабочіе, въ числѣ другихъ 348 человѣкъ, были заключены 8 марта въ пересыльномъ пунктѣ и попали подъ пули солдатъ, выскочивъ оттуда на помощь толпѣ съ цѣлью оказать сопротивленіе войскамъ. Другой цѣли у этихъ рабочихъ не могло быть, такъ какъ 348 человѣкъ, охраняемые въ ночь на 9-е марта 4-мя городовыми, могли бѣжать, если у нихъ было такое намѣреніе. Кромѣ того, какъ видно изъ протокола осмотра мѣста, заключенные могли бѣжать изъ пересыльнаго пункта въ сторону, противоположную Одесской улицѣ, въ поле, гдѣ пришлось бы спрыгнуть съ саженной ограды, поднявшись по лежащимъ у ограды бревнамъ, или въ сторону Комендантскаго дома, перепрыгнувъ заборы вышиною въ аршинъ. Согласно показанію переводчика Михаила Кидякова, заключенные, даже выбѣжавъ на улицу, могли уйти, взявъ вправо отъ воротъ по канавѣ, но они всѣ, открывъ ворота, согласно показанію того же Кидякова, околоточнаго надзирателя Кардашева, и унтеръ-офицера Трепетута, присоединились къ толпѣ и начали хватать солдатъ за оружіе и бросать въ нихъ камни. Присутствіе изъ числа этихъ рабочихъ Бартлома Пайчадзе, Варнавы Долидзе и Алексѣя Замбахидзе въ толпѣ во время нападенія на солдатъ удостовѣрилъ, кромѣ того, приставъ Арсенишвили. При предъявленіи ихъ въ числѣ другихъ лицъ, Арсенишвили показалъ, что Бертломъ Пейчадзе былъ въ толпѣ 8-го марта около Полицейскаго Управленія и тюрьмы и 9 марта около пересыльнаго пункта впереди другихъ, вмѣстѣ съ Варнавой Долидзе, а Алексѣй Замбахидзе также участвовалъ въ толпѣ 9 марта, причемъ послѣдній, а также Варнава Долидзе 8 марта были переведены въ пересыльную часть. Тотъ же приставъ Арсенишвили при предъявленіи ему рабочихъ, заключенныхъ въ пересыльномъ пунктѣ, указалъ на

Петра Нинидзе, Григорія Копалейшвили, Илью Келадзе и Моисея Хомерики, заявивъ, что видѣлъ ихъ 9 марта въ толпѣ около воротъ пересыльнаго пункта, откуда они, какъ заключенные, вышли и присоединились къ толпѣ, нападавшей на солдатъ. Рабочаго Моисея Хомерики видѣлъ 9 марта въ толпѣ унтеръ-офицеръ Митрофановъ. Хомерики, по его словамъ, перескочилъ черезъ ограду пересыльнаго пункта и, погрозивъ кулакомъ околодочному надзирателю, скрылся въ толпѣ. Изъ числа заключенныхъ въ пересыльный пунктъ были признаны присоединившимися 9 марта къ толпѣ рабочіе Іосифъ Чантурія, и Іессей Хундадзе. Іосифа Чантурія видѣлъ околодочный надзиратель Филимоновъ 8 марта вечеромъ въ пересыльной части и разговаривалъ съ нимъ, какъ съ избраннымъ рабочими артельщикомъ, а 9 марта Іосифъ Чантурія вмѣстѣ съ толпою выскочилъ изъ воротъ пересыльной части на Одесскую улицу. Филимоновъ удерживалъ его, но онъ не послушался. Одѣтъ былъ тогда Чантурія въ пальто и фуражку, а не въ черкеску и, повернувшись послѣ выстрѣловъ къ пересыльной части, сталъ рвать на себѣ волосы. Іосифъ Чантурія, при предъявленіи его Филимонову, призналъ, что онъ, состоя артельщикомъ, разговаривалъ съ Филимоновымъ и 9 марта, находясь въ пересыльной части, былъ одѣтъ въ пальто и переодѣлся въ черкеску 10 марта, но думаетъ, что Филимоновъ говоритъ неправду, Іессей Хундадзе, рабочій на заводѣ Ротшильда, былъ препровожденъ въ пересыльную часть 8 марта въ числѣ 32 изъ тюрьмы. Околодочный надзиратель, Кардашевъ видѣлъ, какъ Хундадзе выскочилъ 9 марта изъ пересыльной части и присоединился къ толпѣ, нападавшей на солдатъ. Во время схватки солдатъ съ толпой, Хундадзе бросился вмѣстѣ съ другими на пристава Арсенишвили и тотъ для самообороны ударилъ его револьверомъ по лицу и тогда Хундадзе присоединился къ убѣгавшей толпѣ. Въ числѣ 32 заключенныхъ сначала въ тюрьму, а затѣмъ въ пересыльную часть, находился также рабочій на заводѣ Ротшильда Теофилъ Гогиберидзе. Послѣдній, по агентурнымъ свѣдѣніямъ пристава 4-го участка Чхиквадзе, подстрекалъ рабочихъ 9 марта вмѣстѣ съ Михайломъ Хиримьянцомъ къ нападенію на солдатъ стрѣлковаго баталіона. При предъявленіи Теофила Гогиберидзе и Михаила Хиримьянца полковнику Дрягину, Ротмистру Зейдлицу, приставу Арсенишвили, капитану Кидіашвили и околодочному надзирателю Кардашеву свидѣтели эти показали: полковникъ Дрягинъ, что какъ Гогиберидзе, такъ и Хиримьянцъ, 9 марта около пересыльной части вели съ нимъ переговоры отъ имени толпы и Гогиберидзе объяснялся возбужденнымъ тономъ, капитанъ Кидіашвили, Кардашевъ, и Арсенишвили подтвердили показаніе полковника Дрягина, причемъ Арсенишвили заявилъ, что Хиримьянцъ находился во главѣ толпы, подошедшей 9 марта къ пересыльной части и послѣ переговоровъ съ помощникомъ губернатора вмѣстѣ съ толпой подался въ сторону солдатъ. Ротмистръ же Зейдлицъ видѣлъ, какъ по приходѣ солдатъ стрѣлковаго баталіона, Гогиберидзе, находясь въ переднихъ рядахъ, бросился съ крикомъ на стрѣлковъ.

Изъ числа незаключенныхъ въ пересыльную часть, но раненыхъ 9 марта, приставъ Арсенишвили призналъ Геронтія Каландадзе, Тео-

фила Тевдзадзе и Герасима Тодуа, заявивъ, что эти трое находились въ толпѣ 8 марта около тюрьмы и 9 марта около пересыльной части, выступили для переговоровъ отъ имени рабочихъ, держали себя вызывающе и особенно обращалъ на себя вниманіе Каландадзе. Околодочный надзиратель Кардашевъ при предъявленіи ему раненыхъ 9 марта рабочихъ указалъ на Этума Портія, удостовѣривъ, что послѣдній былъ 9 марта около пересыльной части въ толпѣ, имѣвшей схватку съ солдатами и во время нападенія. Унтеръ-офицеръ Петренко и рядовые Шульгинъ и Возный удостовѣрили, что раненый 9 Марта около пересыльной части сторожъ Закавказкой желѣзной дороги Самсонъ Гагуа, служившій раньше въ ихъ баталіонѣ, находился 9 Марта въ первыхъ рядахъ толпы, кричалъ, бросалъ все время камни въ солдатъ и хваталъ ихъ за ружья. При судебно-медицинскомъ освидѣтельствованіи указанныхъ раненыхъ рабочихъ оказалось, что Геронтію Калададзе причинены спереди двѣ огнестрѣльныя раны, первая на лѣвомъ предплечіи на сгибательной сторонѣ ниже локтевого сустава и вторая на томъ же плечѣ. У Теофила Тевзадзе оказалась огнестрѣльная рана, нанесенная спереди со входнымъ отверстіемъ пули на правомъ плечѣ и со слѣдами ожоговъ, а выходное отверстіе оказалось по серединѣ правой лопатки. Герасиму Тодуа причинена огнестрѣльная рана на правой икрѣ; у Эрума Портія входное отверстіе пули находится спереди на лѣвомъ плечѣ на палецъ ниже плечеваго сустава. У Самсона Гагуа входное отверстіе пули находится спереди на лѣвой сторонѣ верхней губы, а выходное на лѣвой сторонѣ шеи.

Затѣмъ 18 марта урядникъ полицейской стражи Асланъ Бекъ Абашидзе арестовалъ армянина, который 9 марта около пересыльной части, находясь въ толпѣ во время схватки, бросалъ въ солдатъ камни и хотя Абашидзе его гналъ, но онъ не уходилъ. Армянинъ этотъ оказался рабочимъ на заводѣ Хачатурова, Артюномъ Степановичемъ Амбарцуміянцемъ.

Изъ протоколовъ судебно-медицинскаго освидѣтельствованія рядового Романа Польскаго, Капитана Антадзе и другихъ нижнихъ чиновъ видно, что у Польскаго находится легкая разсѣченная рана, причиненная камнемъ въ области лѣвой брови, соединенная двумя швами, кровоподтеки около лѣваго глаза и глазного яблока съ воспаленіемъ лѣвой половины лица; у Капитана Антадзе обнаружены на наружномъ покровѣ правой темянной кости 4 ссадины; у унтеръ-офицера Петренко царапина на лѣвой щекѣ и ссадина на рукѣ: у рядового Лубена ссадина на рукѣ; у Ивана Шульгина ушибъ и припухлость пальца.

На 10 винтовкахъ, бывшихъ у нижнихъ чиновъ Кавказскаго баталіона 9 марта около пересыльной части оказались при осмотрѣ на деревянныхъ и металлическихъ частяхъ выбоины и царапины отъ удара камней, и у винтовки № 439031 отбитъ металлическій кусокъ гребня курка.

Изложенное нашло себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ Помощника Кутаисскаго Военнаго губернатора Полковника Михаила Николаевича Дрягина л. д. 6 об., 143 об., 213 об., помощника Начальника Кутаисскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія Ротмистра Владиміра Эдвиновича Зейдлица л. д. 55, 214, капитана 7 стрѣлковаго баталіона

Евстафія Антадзе л. д. 10, 27, Шт.-капитана Николая Имнадзе л. д. 27 об., Шт.-капитана Александра кн. Вачнадзе л. д. 8, 186, капитана Михайловскаго крѣпостного баталіона Давида Кадіашвили л.д. 4-, поручика 7 стрѣлковаго баталіона Ивана Гусакова л. д. 35, переводчика при Помощникѣ Начальника Жандармскаго Управленіи Михаила Кидикова л. д. 38, помощника полиціймейстера г. Батума Ивана Курдюмова л. д. 170, пристава 2 участ. г. Батума Ильи Аршенишвили л. д. 5 об., 32 об., 34, 110, 136 об., и 213 об., пристава 4-го участка города Батума Григорія Чхиквадзе л. д. 172 об., околодочнаго надзирателя Ужрана Бекъ Кардашева л. д. 60 об., 61 61., 68, 142, 213, околодочнаго надзирателя Григорія Филимонова л. д. 144, 146 об., 110, урядника полицейской стражи Аслана Бека Абшидзе л. д. 126, 156, рядового 7-го Стрѣлковаго баталіона Романа Польскаго л. д. 9, унтеръ-офицера 4 роты 7 баталіона Михаила Петренко л. д. 43, рядового Ивана Шульгина л. д. 46 об. и Кресана Вознаго л. д. 26, унтеръ-офицера Василія Ак шина л. д. 44, Теофила Потоцкаго л. о. 44 об., Ираклія Квачантирадзе л.д. 44 об.,рядовыхъ Николая Лубена л. д. 45 об., Петра Елисѣева л. д. 47, старшаго унтеръ-офицера 7 стрѣлковаго баталіона Онисима Трепетуна л. д, 48, ефрейтора 3 роты 7 баталіона Андрея Хорошева л. д. 143, унтеръ-офицера Михайловскаго крѣпостного баталіона Луки Колесникова л. д. 187 об., рядового Петра Коваленко л. д. 190, старшаго унтеръ-офицера Саперчой роты Петра Митрофанова л. д, 192 и Томаса Попова л.д, 193, протоколахъ осмотра мѣста происшествія 3 и 57 об., спискѣ 348 арестованныхъ въ пересыльной части л. д. 206, въ спискѣ 32 заключенныхъ въ тюрьму рабочихъ л. д. 212, спискѣ 92 рабочихъ, бѣжавшихъ изъ пересыльной части л. д. 105, и протоколахъ судебно-медицинскаго освидѣтельствованія раненыхъ 9 марта л. д. 76 об., 121, 132, 134, 135, 150, 178 об. и 213 и освидѣтельствованія Самсона Гогуа л. д, 150, Романа Польскаго л. д. 17, капитана Антадзе л. д. 30 и нижнихъ чиновъ л. д. 42 и 48, а также протоколѣ осмотра винтовокъ л. д. 41 и 47.

Привлеченные въ качествѣ обвиняемыхъ въ сопротивленіи съ насиліемъ военной власти, призванной для разсѣянія толпы, Феофилъ Алмасхановъ Гогиберидзе, Михаилъ Хиримьянцъ, Іессе Хундадзе, Алексѣй Замбахидзе, Геронтій Каландадзе, Теофилъ Тевдадзе, Герасимъ Тодуа, Бартломъ Пайчадзе, Варнава Долидзе, Этумъ (онъ же Евтимъ) Портія, Самсонъ Гагуа, Арутюнъ Амбарцумьянцъ, Андрей Шанидзе, Егоръ Бахтадзе, Мелитонъ Чангвеладзе, Авксентій Надарейшвили, Іосифъ Чантурія, Моисей Хомерики, Илья Каладзе, Григорій Капалейшвили и Петръ Нинидзе, не признавая себя виновными, объяснили: Гогиберидзе, что онъ былъ предназначенъ къ увольненію съ завода Ротшильда и 9 марта спросилъ только Помощника Губернатора, отпускаетъ ли онъ заключенныхъ или задерживаетъ также пришедшихъ съ нимъ Гогиберидзе, рабочихъ, и сейчасъ же ушелъ л. д. 218; Хиримьянцъ, что онъ былъ предназначенъ къ увольненію съ завода и просилъ Помощника Губернатора отъ имени толпы освободить заключенныхъ, а затѣмъ ушелъ л. д. 73; Хундадзе, что онъ былъ заключенъ въ тюрьму въ числѣ 32 въ качествѣ забастовщиковъ и 8 марта переведенъ въ пересыльную часть, а 9 марта, когда онъ вы-

шелъ изъ части послѣ стрѣльбы, Приставъ Арсенишвили ударилъ его револьверомъ по скулѣ л. д. 72; Замбахидзе, что былъ предназначенъ къ увольненію съ завода Ротшильда, заключенъ въ тюрьму въ числѣ 32 человѣкъ рабочихъ, переведенъ въ пересыльную часть и 9 марта, когда ворота открыли, онъ вышелъ на улицу и былъ раненъ въ лѣвый бокъ, а послѣ пораненія сломалъ вмѣстѣ съ другими заборъ и ушелъ л. д. 99; Каландадзе, что онъ былъ предназначенъ къ увольненію съ завода Ротшильда и 8 марта былъ около тюрьмы, но въ пересыльную часть не попалъ и 9 марта находился около пересыльной части, хотѣлъ уйти, когда пришли войска, но не могъ, стали ломать заборъ, чтобы уйти, но онъ опоздалъ и былъ раненъ, въ солдатъ камнями и досками не бросали л. д. 54, 78; Тевзадзе, что онъ состоялъ рабочимъ на заводѣ Ротшильда и былъ 6 марта около пересыльной части, къ толпѣ не подходилъ, но капитанъ Антадзе оттѣснилъ его и другихъ, когда раздались выстрѣлы, онъ побѣжалъ и былъ раненъ сзади; Тодуа, что онъ былъ заподозрѣнъ въ покушеніи на убійство механика на заводѣ Ротшильда, Штюбнера, и послѣ окончанія слѣдствія освобожденъ изъ тюрьмы; 9 марта около пересыльной части онъ искалъ Прокурора и былъ раненъ л. д. 53 и 92; Пайчадзе, что онъ работалъ на заводѣ Ротшильда и, узнавъ, что невинно арестовано 30 человѣкъ, требовалъ вмѣстѣ съ другими освобожденія арестованныхъ, но ихъ всѣхъ заключили въ пересыльную часть, 9 марта толпа въ 1000 человѣкъ требовала ихъ освобожденія, какой-то приставъ открылъ ворота пересыльной части, онъ вышелъ и былъ раненъ въ ногу л. д. 20 и 84; Долидзе, что онъ содержался въ числѣ 32 рабочихъ въ тюрьмѣ, былъ переведенъ въ пересыльную часть и 9 марта утромъ вышелъ за хлѣбомъ, когда на улицѣ уже стояла толпа, и на серединѣ улицы былъ раненъ въ ногу л. д. 18 и 88; Пертія, что онъ прекратилъ работу на заводѣ Ротшильда, и когда его двоюроднаго брата, нынѣ убитаго Алексѣя Пертія, заключили въ пересыльную часть онъ пошелъ провѣдать его, и его ранили въ плечо л. д. 52 и 162; Гагуа что онъ служитъ сторожемъ на Зак. жел. дор., 9 марта около пересыльной части искалъ двоюроднаго брата и былъ раненъ л. д. 167; Амбарцумьянцъ, что онъ былъ въ толпѣ 9 марта около пересыльной части, впереди его бросали камни, но онъ не бросалъ, и урядникъ Абашидзе ошибся л. д. 157; Шанидзе, что онъ былъ въ числѣ рабочихъ, предназначенныхъ къ увольненію съ завода Ротшильда, его заставили угрозами пойти 8 марта къ тюрьмѣ, освободить заключенныхъ рабочихъ на улицу, и былъ раненъ въ ногу л. д. 19 и 86; Бахтадзе, что онъ былъ въ числѣ предназначенныхъ къ увольненію съ завода Ротшильда, около тюрьмы 8 марта его арестовали и отправили въ пересыльную часть, когда ворота открыли 9 марта, онъ вышелъ вмѣстѣ съ другими на улицу и былъ раненъ въ ногу л. д. 22 об.. 92; Чангвеладзе, что онъ пошелъ 8 марта къ тюрьмѣ, чтобы провѣдать двоюроднаго брата, и попалъ въ пересыльную часть, когда 9 марта открыли ворота, онъ вышелъ и былъ раненъ въ ногу; Наларейшвили, что онъ присоединился къ толпѣ 8 марта, когда толпу вели въ пересыльную часть, и былъ заключенъ вмѣстѣ съ другими, а утромъ 9 марта пошелъ за хлѣбомъ искать работы; когда толпа

шла къ пересыльной части, присоединился къ ней и былъ раненъ, находясь далеко отъ воротъ пересыльной части, л. д. 18 об. и 94; Чантурія, что онъ 8 марта былъ около тюрьмы и попалъ въ пересыльную часть, а во время схватки находился въ пересыльной части л. д. 114; Хомерики, что онъ въ числѣ 32 рабочихъ былъ переведенъ 8 марта изъ тюрьмы въ пересыльную часть и во время схватки толпы съ солдатами не выходилъ изъ пересыльной части, а вышелъ послѣ, въ подтвержденіе чего просилъ допросить капитана Кадіашвили, но послѣдній показалъ, что Хомерики онъ видѣлъ во дворѣ пересыльной части послѣ окончанія столкновенія, и онъ кричалъ, что убили его брата л. е. 116 и 137; Каладзе, что онъ просилъ около тюрьмѣ 8 марта объ освобожденіи заключенныхъ рабочихъ и былъ отведенъ въ пересыльную часть, откуда 9 марта вышелъ только послѣ окончанія стрѣльбы л. д. 117; Надарейшвили, что 8 марта былъ около тюрьмы и его препроводили въ пересыльную часть, откуда во время столкновенія толпы съ солдатами не выходилъ л. д. 118; Нинидзе, что 8 марта былъ около тюрьмы и попалъ въ пересыльную часть, откуда не выходилъ во время схватки л. д. 119. Объясненія обвиняемыхъ опровергаются вышеприведенными данными. Обвиняемые находились въ толпѣ во время сопротивленія вблизи солдатъ, такъ какъ свидѣтели Арсонишвили, Филимоновъ, Кардашевъ и Абашидзе не могли бы ихъ видѣть, и были ранены около воротъ пересыльной части, на улицѣ, гдѣ послѣ града камней и выстрѣловъ на воздухъ любопытныхъ не могло быть. Всѣ же рабочіе, выбѣжавшіе изъ воротъ пересыльной части во время схватки, присоединились, согласно показаніямъ свидѣтелей, въ толпѣ, нападавшей на солдатъ и участвовали въ сопротивленіи. Обвиняемые изъ заключенныхъ въ пересыльной части уличены въ томъ, что они выбѣжали во время схватки изъ воротъ и участвовали въ нападеніи, показаніями очевидцевъ и ранами, причиненными имъ на улицѣ. На основаніи вышеизложеннаго крест. села Басилети Озургетскаго уѣзда Теофилъ Алмасхановъ Гогиберидзе 26 л., кр. сел. Глдани, Тифлисскаго уѣзда, Михаилъ Беровъ Хиримьянцъ 31 г., дв. житель с. Саджевахо Озургетскаго уѣзда Іессе Александровъ Хундадзе 27 л., кр. с. Амаглеба Озургетскаго уѣзда Алексѣй Гавриловъ Замбахидзе 20 л., кр. с. Василети того же уѣзда Геронтій Ираклієвъ Калападзе 18 л., кр. с. Земохети того же уѣзда Теофилъ Георгіевъ Тевзадзе 20 лѣтъ, кр. с. Маранъ Сенакскаго уѣзда Герасимъ Лукичъ Тодуа 34 л., кр. с. Еркети Озургетскаго уѣзда Бартломъ Максимовъ Пайчадзе 22 л., кр. с. Амаглеби Озургетскаго уѣзда Варнава Алмасхановъ Долидзе 23 лѣтъ, кр. с. Абаша Сенакскаго уѣзда Этумъ (Евтимъ) Ивановъ Пертія 28 л., кр. с. Джуруквети Озургетскаго уѣзда Самсонъ Давидовъ Гагуа 25 л., турецко-подданный житель Байбурта Арутюнъ Степановъ Амбрацумьянцъ 19 л., почетный гражданинъ, житель с. Нанейшвили Озургетскаго уѣзда Андрей Малакіевъ Шанидзе 22 л., кр. с. Чкуши Кутаисскаго уѣзда Егоръ Теодоровъ Бахтадзе 17 л., кр. с. Майдани Кутаисскаго уѣзда Мелитонъ Георгіевъ Чангваладзе 36 л., кр. с. Озетона Сенакскаго у. Авксентій Давидовъ Надарейшвили 21 г., кр. с. Ецири Сенакскаго у. Іосифъ Михайловъ Чантурія 20 л., кр. с. Ваке Озургетскаго у. Моисей Максимовъ Хо-

мерики 22 л., кр. с. Ецери Кутаисскаго у. Илья Николаевъ Каладзе 20 л., кр. с. Ецери того же у. Григорій Квеліевъ Копалейшвили 24 л., кр. с. Аскана Зугдидскаго уѣзда Петръ Бежановъ Нинидзе, 30 л., обвиняются: Гогиберидзе и Хиримьянцъ въ томъ, что по предварительному соглашенію съ прочими обвиняемыми, управляя дѣйствіями толпы рабочихъ, направленными на явное противодѣйствіе мѣстной административной власти съ цѣлью принудить ее освободить рабочихъ завода Ротшильда, арестованныхъ въ пересыльной части въ административномъ порядкѣ въ качествѣ забастовщиковъ, явились 9 марта 1902 г. въ г. Батумѣ къ пересыльной части въ сопровожденіи огромной толпы рабочихъ и первые заявили указанныя требованія объ освобожденіи арестованныхъ Помощнику Кутаисскаго Военнаго Губернатора Полковнику Дрягину, отказываясь уйти и очистить улицу, а также подстрекая толпу къ насиліямъ и безпорядкамъ, сопровождавшимъ означенное противодѣйствіе и выразившимся въ томъ, что толпа вмѣстѣ съ ними бросилась на войска роты Кавказскаго Стрѣлковаго баталіона, призванные помощникомъ губернатора для охраны заключенныхъ забастовщиковъ и разсѣянія толпы, швыряла въ офицеровъ и солдатъ камни, черепицы, доски отъ сломанныхъ заборовъ, хватала солдатъ за винтовки, пытаясь таковыя отнять, и причинила камнями легкія поврежденія капитану Антадзе, рядовому Польскому и другимъ нижнимъ чинамъ; а остальные обвиняемые въ томъ, что по предварительному съ Гогиберидзе и Хиримьянцомъ соглашенію, или вмѣстѣ съ ними по ихъ подстрекательству приняли участіе въ вышеозначенномъ явномъ противодѣйствіи властямъ и насиліямъ противъ войска, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 13, 264 и I ч. 266 ст. Улож. о нак.

Въ виду сего и согласно 200 и 1260 ст. У. У. Суд. названные обвиняемые подлежатъ суду Кутаисскаго Окружного Суда.

Составленъ 12 апрѣля 1902 г. въ г. Батумѣ.

Товарищъ Прокурора *Орловскій.*

Списокъ лицъ, подлежащихъ вызову въ судебное засѣданіе:

Обвиняемые: 1) Теофилъ Алмасхановъ Гогиберидзе, 2) Михаилъ Беровъ Хиримьянцъ, 3) Іессе Александровъ Хундадзе, 4) Алексѣй Гавріиловъ Замбахидзе, 5) Геронтій Ираклієвъ Каландадзе, 6) Теофилъ Георгіевъ Тевзадзе, 7) Герасимъ Лукичъ Тодуа, 8) Бартломъ Максимовъ Пейчадзе, 9) Варнава Алмасхановъ Долидзе, 10) Этумъ (Евтимъ) Ивановъ Пертія, 11) Самсонъ Давидовъ Гагуа, 12) Арутюнъ Степановъ Амбарцумьянцъ, 13) Андрей Малакіевъ Шанидзе, 14) Егоръ Теодоровъ Бахтадзе, 15) Мелитонъ Георгіевъ Чангвелдзе, 16) Авксентій Давидовъ Надарейшвили, 17) Іосифъ Михайловъ Чантурія, 18) Моисей Максимовъ Хомерики, 19) Илья Николаевъ Коладзе, 20) Григорій Квеліевъ Копалейшвили, 21) Петръ Бежановъ Нинидзе.

Свидѣтели: 1) Помощникъ Кутанскаго Военнаго Губернатора полковникъ Михаилъ Николаевичъ Дрягинъ, 2) помощн. Нач. Кутанс. Губ. Жан. Управл. Ротмистръ Владиміръ Эдвиновичъ Зейдлицъ: 3) Капитанъ ст. б. Евстафія Антадзе, 4) шт.-капитанъ Николай Имнадзе, 5) шт.-капитанъ Александръ кн. Вачнадзе, 6) капитанъ Михайловскаго крѣп. баталіона Давидъ Кадіашвили, 7) поручикъ 7 стр. баталіона Иванъ Гусковъ, 8) переводчикъ при помощникѣ Начальника Жанд. Управл. Михаилъ Кидиковъ, 9) помощникъ Полицеймест. г. Батума Иванъ Курдюмовъ, 10) приставъ 2 уч. г. Батума Илья Арсенишвили, 11) приставъ 4 участка г. Батума Григорій Чхиквадзе, 12) околодочный надзиратель Ужранъ Бекъ Кардашевъ, 13) околодочный надзир. Григорій Филимоновъ, 14) урядникъ полиц. стр. Асланъ Бекъ Абшидзе, 15) рядовой 7 стр. бат. Романъ Польскій, 16) унтеръ-офицеръ 4 роты 7 бат. Михаилъ Петренко, 17) рядовой Иванъ Шульгинъ, 18) рядовой Кресанъ Возный, 19) унтеръ-офицеръ Василій Акишинъ, 20) унтеръ-офицеръ Теофилъ Потоцкій, 31) унтеръ офицеръ Ираклій Квачантирадзе, 22) ряд. Николай Лубенъ, 23) ряд. Петръ Елисѣевъ, 24) старшій унтеръ-офицеръ Стрѣлков. бат. Онисимъ Трепетунъ, 25) ефрейторъ 3 роты 7 бат. Андрей Хорошевъ, 26) унтеръ-офицеръ крѣп. бат. Лука Колесниковъ, 27) рядов. Петръ Коваленко, 28) старш. унт. офицеръ Саперной роты Петръ Митрофановъ, 29) стр. унт.-офицеръ Томасъ Поповъ.

Товарищъ прокурора *Орловскій.*

Вѣрно: — за Секретаря (подпись неразобрана).

Свѣрилъ: И. д. Помощн. Секретаря *Каландадзе.*

УТРАТА

Пять дней, какъ безъ вѣсти пропалъ
Работникъ Яковъ молодой.
Старикъ-отецъ все ждалъ и ждалъ,
Нейдетъ ли сынъ его домой.
Но сынъ не шелъ... Нѣтъ больше силъ!
Изныло сердце старика,
Тяжелый страхъ его давилъ;
Съѣдала тайная тоска.
«Мой сынъ!» Нигдѣ, ни у кого
Не находилъ его старикъ.
«Здѣсь нѣтъ ли сына моего?»
Твердилъ одно его языкъ:
«Пять дней, какъ безъ вѣсти пропалъ
«Мой сынъ, мой Яковъ дорогой...
«Скажите, кто его встрѣчалъ?
«Скажите, гдѣ-же Яковъ мой?»
Но всѣ молчатъ предъ старикомъ...
Вдругъ кто-то крикнулъ: «онъ въ тюрьмѣ!»
И мысль, внезапная какъ громъ,
Мелькнула вдругъ въ его умѣ.
«Впередъ, скорѣй!» И онъ спѣшитъ,
Стучится, просится въ тюрьму.
«Пустите!» — стражѣ говоритъ, —
«Пустите къ сыну моему...
«Онъ здѣсь, за этою стѣной,
«Мой сынъ, мой Яковъ дорогой!...»
Но грубъ и рѣзокъ былъ отвѣтъ:
«Ступай назадъ! Здѣсь сына нѣтъ!»
Тогда старикъ, что было силъ,
Скорѣй къ жандармамъ поспѣшилъ...

Невольнымъ ужасомъ объятъ
И злымъ предчувствіемъ томимъ,
Онъ въ нихъ вперилъ безумный взглядъ
И говорилъ безсвязно имъ:
«Онъ здѣсь, онъ живъ, онъ невредимъ?
«Неправда-ль, я найду его?
«Скажите: да? Скажите, съ нимъ
«Тутъ не случилось ничего?
«О посмотрите! Я въ огнѣ,
«Я весь измучился душой...
«Я старъ и слабъ... Скажите мнѣ,
«У васъ ли, живъ ли Яковъ мой?»
— «Ступай назадъ!» — гремитъ отвѣтъ:
«Сынъ до двѣнадцати лишь лѣтъ
«Твоимъ считался, — а потомъ
«Ужъ мы заботимся о немъ.
«Онъ нашъ. Ступай!» И старика
Схватила звѣрская рука
И грубо вытолкнула вонъ...
И вновь къ себѣ вернулся онъ,
Гдѣ, наконецъ, въ кругу друзей
Добился правды роковой:
Руками подлыхъ палачей
Замученъ Яковъ молодой.
Какъ звѣри лютые они
Въ тюрьмѣ бросались на него,
Морили голодомъ всѣ дни
И жаждой мучили его.
Онъ изнемогъ, бродилъ, какъ тѣнь
И молча пытки выносилъ.
Но, наконецъ, на пятый день
Ударилъ въ дверь, что было силъ.
«Воды! — кричалъ онъ имъ, — скорѣй!»
И вотъ мучители его,
Какъ псы голодные съ цѣпей,
Сорвались прямо на него
И въ тѣло бѣдное впились,
И били, били безъ конца,
Покуда всласть не напились

Ихъ кровожадныя сердца,
Покуда онъ въ рукахъ у нихъ
Весь трепеталъ отъ ранъ и мукъ,
Покуда къ ночи не затихъ
Въ его груди послѣдній звукъ...
А ночью... бережно... во тьмѣ
Его на кладбище свезли,
Сказавъ, что мертваго нашли,
Что онъ повѣсился въ тюрьмѣ...
Туда бросается старикъ.
«Пустите!» — молитъ онъ съ тоской:
«Здѣсь сынъ мой, Яковъ дорогой!»
Но сторожъ мраченъ и суровъ
И гонитъ прочь безъ дальнихъ словъ.
«Ступай назадъ!» — онъ говоритъ, —
«Здѣсь только мертвымъ входъ открытъ!»
— «Ступай!» — твердитъ за нимъ старикъ,
Не понимая ничего.
И вдругъ безумный, страшный крикъ
Изъ сердца вырвался его.
А вслѣдъ за нимъ раздался смѣхъ,
Потомъ рыданіе... А потомъ
Безумный спрашивалъ у всѣхъ
О бѣдномъ Яковѣ своемъ...
Вездѣ, кого бы не встрѣчалъ
Тоской измученный старикъ,
Съ тревогой тайною шепталъ.
Твердилъ одно его языкъ.
Глубокой грустью у него
Всегда горѣлъ безумный взоръ:
«Здѣсь нѣтъ ли сына моего?»
Онъ всюду спрашивалъ съ тѣхъ поръ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
ВЯТСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ ХОМУТОВУ.

Обстоятельства (мой побѣгъ заграницу) задержали это письмо больше, чѣмъ на мѣсяцъ. За это время, по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, Вами сдѣлано все, чтобы, по возможности, замазать дѣло, придавъ ему характеръ личнаго столкновенія между мною и орловскимъ исправникомъ. Еще когда я былъ въ предѣлахъ Вятской губерніи, до меня доходили распускаемые администраціей слухи, будто все дѣло было только въ томъ, что исправникъ своимъ грубымъ и нетактичнымъ поведеніемъ настолько вывелъ меня изъ себя, что я не сдержался и далъ ему, по его личному адресу, пощечину.

Въ настоящемъ письмѣ я съ своей стороны постараюсь выяснить истинныя причины и содержаніе моего поступка, показать, за что и противъ кого я хотѣлъ выразить этимъ свой протестъ и кому, въ дѣйствительности, предназначалась данная мною пощечина.

Для этого я долженъ буду отчасти разсказать, отчасти лишь напомнить Вамъ хотя бы небольшую часть тѣхъ оскорбленій, беззаконій и насилій, какія творила, какъ лично надо мной, такъ и надъ моими товарищами по ссылкѣ, администрація и которыя, накопляясь капля за каплей за $4^{3}/_{4}$ года, прожитые мною въ вятской ссылкѣ, совершенно логическимъ путемъ привели меня къ сознанію необходимости отвѣтить вамъ на нихъ пощечиной. Конечно, если бы я захотѣлъ совершенно исчерпать всѣ тѣ беззаконіи, какія вы творили надъ нами во всѣхъ ссылкахъ, тюрьмахъ и на волѣ и свѣдѣнія о которыхъ доходили за это время до меня,—мнѣ пришлось бы черезчуръ затянуть свое письмо. Поэтому я ограничусь жизнью одной только вятской ссылки, другихъ же фактовъ буду касаться лишь постольку, поскольку они иллюстрируютъ и допол-

няютъ событія вятской ссылки, хотя многія изъ нихъ, какъ напр. дѣло Ергина, представляютъ собой такія вопіющія безобразія администраціи, какихъ не знала наша Вятская губернія.

Свой разсказъ я начну, правда, немного раньше, а именно разскажу кое-какіе факты изъ своего этапного путешествія изъ тульской тюрьмы въ Вятку. Дѣло въ томъ, что при отправкѣ насъ (меня и моего товарища по дѣлу М. П. Бойкова) на мѣсто ссылки, въ бумагахъ, съ которыми мы препровождались, „забыли" помѣтить, что мы политическіе, („забывается" это очень часто, особенно въ маленькихъ этапахъ политическихъ, когда съ ихъ стороны сопротивленіе труднѣе) и стало быть имѣемъ право на нѣкоторыя льготы сравнительно съ уголовными: насъ не могутъ заковывать, на пѣшихъ этапахъ намъ должны давать лошадей, помѣщать насъ не въ общихъ баракахъ, а въ отдѣльныхъ камерахъ, при остановкахъ насъ не должны обыскивать и проч. Мы шли просто, какъ пересыльные арестанты. Поэтому уже съ самаго начала у меня стали выходить постоянныя пререканія съ конвоемъ и тюремными властями; но сперва все какъ-нибудь улаживалось, хотя и приходилось переживать случаи вродѣ того, какой произошелъ у насъ на перегонѣ между Рязанью и Нижнимъ, когда вслѣдствіе покражи, произведенной кѣмъ-то изъ арестантовъ въ трюмѣ, въ которомъ мы ѣхали, конвой грозилъ намъ, въ числѣ другихъ арестантовъ, избить насъ, какъ сидорову козу, и распять, приковавъ къ балкѣ трюма, того у кого будутъ найдены украденныя вещи. Въ Рязани я встрѣтился съ московскимъ этапомъ, въ которомъ шло еще трое политическихъ: изъ нихъ двое (Ароцкеръ и Дзержинскій) шли на томъ же положеніи пересыльныхъ, какъ и я, а Ароцкеръ, какъ принадлежащій кромѣ того къ податному сословію, шелъ черезъ Москву, закованный въ наручни. Когда мы пришли къ нижегородской тюрьмѣ, мы рѣшили потребовать, чтобы насъ не обыскивали и помѣстили не въ общій баракъ, а въ башню. Въ отвѣтъ на это требованіе насъ изругали, обыскали силой и двоихъ (Ароцкера и Дзержинскаго) за шиворотъ сволокли въ баракъ (меня почему то помѣстили въ башню). Двое изъ насъ (я и Дзержинскій) рѣшили жаловаться, причемъ жалобы наши были очень скромны: мы жаловались только на то, что насъ ру-

гали и тащили за шиворотъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы оба получили короткій отвѣтъ, что наши жалобы на грубое обращеніе съ нами въ нижегородской тюрьмѣ признаны незаслуживающими уваженія. Таковъ былъ успѣхъ нашей первой попытки законнаго протеста противъ совершеннаго надъ нами насилія.

Интересно разсказать и о четвертомъ шедшемъ съ нами политическомъ. Это былъ бывшій офицеръ Эверсенъ. Шелъ онъ въ западную Сибирь изъ Риги, причемъ долженъ былъ продѣлать такой путь: изъ Риги онъ прошелъ въ Москву, изъ Москвы въ Нижній, изъ Нижняго опять въ Москву, изъ Москвы опять въ Нижній и, наконецъ, черезъ Пермь въ Сибирь, проведя въ дорогѣ мѣсяца полтора лишнихъ. Случилось же это такимъ образомъ: въ первый свой пріѣздъ въ Нижній, когда его привели на пароходъ для отправки въ Пермь, онъ высказалъ конвойному офицеру свое возмущеніе его грубымъ обращеніемъ съ арестантами. Въ отвѣтъ на это конвойный офицеръ отправилъ его обратно въ тюрьму, говоря, что онъ долженъ отправляться черезъ Москву и Самару, и при этомъ прибавилъ, что онъ его научитъ возмущаться и что, если Эверсенъ повторитъ это еще разъ, то онъ и еще разъ повторитъ такую же прогулку. Вскорѣ, при посѣщеніи тюрьмы тюремнымъ инспекторомъ, Эверсенъ заявилъ ему жалобу на эту задержку. Инспекторъ обѣщалъ разобрать дѣло, и дѣйствительно, въ тотъ же день далъ свой отвѣтъ: Эверсену заперли дверь въ башню (камеры въ нижегородскихъ башняхъ представляютъ собою круглую комнату, шага въ 4 въ діаметрѣ, часть которой занята нарами; для того же, чтобы арестованному можно было шевелиться, ему обыкновенно оставляютъ открытой дверь въ темный корридорчикъ, ведущій изъ общаго корридора въ камеру, и запираютъ только наружную дверь въ общій корридоръ: Эверсену же заперли и внутреннюю дверь въ самую камеру). А черезъ нѣсколько дней его отправили въ Москву, а изъ Москвы снова прислали въ Нижній, такъ какъ путь въ западную Сибирь въ то время шелъ черезъ Нижній и Пермь, а не черезъ Самару. Не знаю уже, повторилъ ли Эверсенъ послѣ свою жалобу, но если повторилъ, то, вѣроятно, получилъ тотъ же отвѣтъ, что и мы.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ избили въ одной изъ

сибирскихъ тюремъ шедшаго въ Сибирь Махова; года два тому назадъ тоже сдѣлали съ Лузинымъ; въ 1898 году въ Вятской губерніи при переходѣ черезъ Нолинскъ изругали и заковали въ наручни политическаго Александрова; въ томъ же году въ Иркутской губерніи разстрѣляли въ этапѣ нѣсколько человѣкъ уголовныхъ за то, что они, голодные, выведенные изъ себя грубостью офицера осмѣлились выразить недовольство, причемъ правительство имѣло наглость въ особомъ правительственномъ сообщеніи даже отвергать ходившіе слухи, что сдѣлано это пьянымъ офицеромъ, и признало его дѣйствія правильными. и проч. и проч.—безъ конца. *)

А я уже не говорю о томъ, что дѣлается въ тюрьмахъ. Я взялъ только нѣсколько первыхъ попавшихся мнѣ случаевъ, но вездѣ, гдѣ избитые или изруганные пробовали прибѣгать къ законнымъ способамъ протеста, къ жалобамъ, они получали отвѣты тѣже, какіе получили мы съ Дзержинскимъ: вездѣ жалобы на насиліе или беззаконіе надъ арестантомъ признава-

*) Офицеръ этой партіи своимъ грубымъ обращеніемъ съ арестантами довелъ ихъ до крайняго раздраженія противъ себя. Тогда политическіе, шедшіе въ этомъ этапѣ, протестуя противъ поведенія офицера и желая заставить его держаться лучше, хотѣли послать телеграммой жалобу на него генералъ-губернатору. Офицеръ, испугавшись такой телеграммы, уговорилъ ихъ не посылать ея, обѣщая за то измѣнить къ лучшему свое обращеніе съ арестантами; тѣ повѣрили и не послали, а офицеръ отъ себя послалъ телеграмму о бунтѣ въ этапѣ и получилъ отвѣтъ, что онъ можетъ примѣнять въ такомъ случаѣ самыя суровыя мѣры пресѣченія, до употребленія въ дѣло оружія включительно. Тогда офицеръ, пользуясь такимъ полномочіемъ, расправился съ партіей. Гдѣ-то около Киренска во время установки партіи, озлобленные имъ арестанты начали его высмѣивать. Услышавъ какое-то замѣчаніе, офицеръ потребовалъ, чтобы назвали того, кто это сказалъ. Изъ партіи вышелъ арестантъ, и офицеръ отвелъ его въ сторону, а солдатамъ велѣлъ зарядить ружья. Одинъ изъ арестантовъ, стоявшихъ въ партіи, закричалъ отведенному: „не бойся, не выдадимъ!“ Офицеръ отвелъ и его, а потомъ велѣлъ солдатамъ ихъ разстрѣлять. Затѣмъ онъ далъ еще залпъ въ толпу и положилъ еще одного. Послѣ въ особомъ правительственномъ сообщеніи (по обычаю, конечно, исказившемъ до неузнаваемости дѣло) опровергались ходившіе слухи, что офицеръ сдѣлалъ это съ пьяну, и дѣйствія его признавались правильными. (Подробнѣе объ этомъ см. письмо одного изъ арестантовъ въ „Русскомъ Рабочемъ“ № 2 —февраль 1899 г.)

лись, въ лучшемъ случаѣ, только „не заслуживающими уваженія“. И вотъ, извѣстно ли Вамъ, что среди моихъ товарищей существуетъ мнѣніе, что безопасно можно итти только въ большихъ этапахъ, т. е. когда на насилія мы можемъ отвѣчать не жалобами, а сопротивленіемъ, угрозамъ противопоставлять угрозы?

Теперь я перейду къ ссылкѣ. Пріѣхавъ въ Малмыжъ, я встрѣтился тамъ со своимъ товарищемъ Зерновымъ, уже прожившимъ годъ въ ссылкѣ, и узналъ отъ него, что съ нимъ произошла такая непріятность: когда онъ по пріѣздѣ явился къ губернатору, то на пріемѣ у губернатора онъ, не зная, что посѣтители должны все время пріема стоять, сѣлъ, дожидаясь, когда до него дойдетъ очередь. Такая непочтительность такъ разсердила губернатора, что онъ, кромѣ грубаго окрика на дерзкаго, рѣшилъ наказать его ссылкой въ глухое село Поломъ, и Зернову понадобилось обращаться къ чьему-то заступничеству, чтобы избавиться отъ этой мести всесильнаго губернатора, обрекавшей его на одиночество и голодъ только за то, что Зерновъ по невѣдѣнію недостаточно почтительно отнесся къ его губернаторской особѣ. Однако и послѣ онъ не могъ, до окончанія Зерновымъ срока ссылки, забыть этой дерзости и мстилъ этому, попавшему въ его „распоряженіе“ человѣку при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ, напримѣръ, онъ упорно отказывалъ ему въ теченіе двухъ лѣтъ ссылки ходатайствовать передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о снятіи контроля надъ его перепиской. Такіе важные поводы направляли въ гнѣвъ или милость пресловутое губернаторское право „распоряженія“ нами.

Въ декабрѣ того же 1898 года у насъ проходилъ большой, человѣкъ въ 20 политическихъ, этапъ. Узнавъ о его прибытіи, мы позаботились снабдить ихъ деньгами, пищей и одеждой, такъ какъ время было очень холодное. То же дѣлали ссыльные и другихъ попутныхъ до Вятки городовъ: Уржума и Нолинска. И вотъ за это-то преступленіе двое нолинскихъ товарищей — Дзержинскій и Якшинъ — были отправлены въ Кай. На запросъ же Дзержинскаго о причинѣ высылки, губернаторъ отвѣтилъ ему, что, такъ какъ Дзержинскій присланъ въ его распоряженіе, то онъ, губернаторъ, никакихъ объясненій ему давать не обязанъ. Все это произошло на осно-

ваніи какого-то неизвѣстнаго доноса, чѣмъ-то выдѣлившаго Дзержинскаго и Якшина изъ среды другихъ товарищей; но въ чемъ состояла эта ихъ вина, такъ и осталось губернаторской тайной. Они должны были ѣхать только потому, что такъ хотѣлъ губернаторъ; а когда они отказались ѣхать до полученія отъ губернатора какихъ-либо объясненій о причинѣ ихъ высылки, городовые насильно вынесли ихъ въ повозку и увезли въ Кай.

Въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ дѣйствія губернатора никому не обжаловались. Да и трудно было жаловаться, такъ какъ, въ силу объявленнаго намъ министерскаго циркуляра, мы должны были направлять всѣ свои жалобы и ходатайства черезъ самого же губернатора: когда этотъ циркуляръ нами нарушался, то вмѣсто отвѣта на ходатайство намъ либо объявляли выговоръ за нарушеніе циркуляра, либо происходили случаи вродѣ слѣдующихъ. Котельническая колонія по какому-то поводу (кажется, по поводу отказовъ въ выдачѣ пособій) жаловалась на губернатора въ министерство и при этомъ отправила свою жалобу помимо губернатора. Министерство какъ-то забыло о циркулярѣ и удовлетворило жалобу, но губернаторъ поправилъ эту ошибку: котельническая колонія получила одновременно двѣ бумаги, одну изъ министерства объ удовлетвореніи ходатайства, а другую отъ губернатора о томъ, что, въ виду нарушенія порядка представленія ходатайствъ, настоящее ходатайство не можетъ быть удовлетворено. Другой случай былъ съ сосланнымъ въ Нолинскъ врачемъ Ситниковымъ. Онъ долго хлопоталъ у губернатора о разрѣшеніи ему права практики, но все получалъ отказы. Наконецъ, онъ обратился въ министерство. Министерство удовлетворило его просьбу, но губернаторъ, передавая ему разрѣшеніе министерства, снова запретилъ ему практику. На замѣчаніе Ситникова, что, въ виду разрѣшенія министерства, губернаторъ не имѣетъ права ему запрещать, губернаторъ отвѣтилъ вопросомъ: „Вы желаете спорить со мною о моихъ правахъ или просите меня о разрѣшеніи Вамъ права практики“. Но таковы уже права ссыльнаго передъ губернаторомъ (губернаторъ можетъ безъ объясненія причинъ во всякое время запретить ссыльному всякое разрѣшенное занятіе), что Ситниковъ предпочелъ просить, на что опять получилъ отказъ. Здѣсь я привелъ два рѣдкихъ случая, когда

министерство вопреки желанію губернатора удовлетворяло ходатайства. Обыкновенно же такого разногласія не бываетъ, и самыя возмутительныя проявленія губернаторскаго произвола санкціонируются министерствомъ. Это будетъ ясно изъ цѣлаго ряда слѣдующихъ случаевъ.

Въ 1899 году во время сессіи земскаго собранія въ Малмыжѣ ожидались и происходили очень некрасивыя разоблаченія по поводу дѣятельности администраціи во время продовольственной компаніи истекшаго голоднаго года. Ожидая этого. администрація приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы эти разоблаченія не проникли въ печать, и, желая устранить возможность корресподенцій, выслала безъ всякого непосредственнаго повода, а только потому, что она сама дѣлала гадости и боялась ихъ разоблаченія, меня въ Нолинскъ на двѣ недѣли, а троимъ товарищамъ запретила подъ угрозой высылки въ деревни, посѣщеніе земскаго собранія — распоряженіе, конечно. возмутительное по своей беззаконности и произволу. Трое товарищей, которымъ было запрещено посѣщеніе земскаго собранія, протестовали противъ этого распоряженія жалобами въ министерство; одинъ изъ нихъ три раза повторялъ свою жалобу, посылая ее то помимо губернатора, то черезъ него. и ни на одну не получилъ отвѣта до сихъ поръ.

Я уже сказалъ, что это запрещеніе посѣщать земское собраніе было подкрѣплено угрозой высылки въ деревню. Эту угрозу администрація постоянно пускаетъ въ ходъ, когда настаиваетъ на какомъ-нибудь совершенно незаконномъ требованіи. которое ничѣмъ инымъ подкрѣпить не можетъ. Такъ, недавно полиціей было обнаружено, что одинъ изъ ссыльныхъ постоянно нарушаетъ установленную для этого города губернаторомъ черту, часто выходя за нее. Полиція попробовала пригрозить ему, что привлечетъ его къ суду, но онъ отвѣтилъ, что это пустая угроза, такъ какъ самое установленіе для насъ губернаторомъ черты совершенно произвольно, и никакой судъ не станетъ съ нимъ считаться, какъ съ незаконнымъ. Тогда ему отвѣтили, что въ такомъ случаѣ къ нему примѣнятъ административную мѣру, т. е. высылку въ деревню. Тутъ уже, конечно. ни о какой законности говорить не приходится: самое незаконное требованіе сопровождается столь же незаконной угрозой. Въ случаѣ отказа подчиниться, тебя, все равно, поло-

жать въ повозку и увезутъ, а твои жалобы ни къ чему не приведутъ.

Въ 1900 году намъ пришлось пережить одно за другимъ два тяжелыхъ событія. Первымъ изъ нихъ была смерть нашего товарища Л. П. Радина. Мы совершенно привыкли къ тому, что наши самыя законныя просьбы о самыхъ необходимыхъ нуждахъ не удовлетворяются, или,если и удовлетворяются, то разрѣшенія приходится ждать цѣлые мѣсяцы. Кромѣ того, если и дается тебѣ разрѣшеніе, то дается оно не потому, что оно тебѣ нужно, а лишь какъ особая милость за хорошее поведеніе; а то такъ, особенно если губернаторъ не въ духѣ, чиновники не успѣваютъ писать отказы, и они гектографируются (какъ это было, напримѣръ, въ прошломъ маѣ, когда въ одномъ Малмыжѣ сразу получилось пять гектографированныхъ отказовъ на давно уже поданныя прошенія). Такъ говорилъ мнѣ и орловскій исправникъ при нашемъ разговорѣ 3 октября, убѣждая меня, что я плохо проникаюсь благодарностью къ губернатору за данное мнѣ разрѣшеніе проводить по непроѣзднымъ дорогамъ 70-лѣтнюю старуху мать, такъ какъ, въ виду моего дурного поведенія, разрѣшенія мнѣ могли и не дать, и что для полученія такого разрѣшенія понадобилось особенное его, исправника, ходатайство за меня передъ губернаторомъ. Когда годъ тому назадъ въ Малмыжѣ судили Горбачева за то, что онъ поѣхалъ безъ разрѣшенія (котораго пришлось бы ждать мѣсяцы) въ Казань отвезти укушенную бѣшеной собакой жену, то намъ удалось на слѣдствіи нарисовать такую яркую картинку того, какъ самодурствуетъ надъ нами администрація при выдачѣ намъ всякаго рода разрѣшеній, что прокуроръ не счелъ возможнымъ поддерживать обвиненіе, несмотря на всю наличность состава преступленія. Но въ данномъ случаѣ — съ Л. П. Радинымъ — администраціи показалось мало простого отказа: ей надо было еще глумиться, шутить надъ умирающимъ. Радинъ былъ боленъ чахоткой въ такой сильной степени, что врачи настаивали на необходимости для него немедленнаго переѣзда въ Ялту. За полгода до срока онъ подалъ снабженное необходимыми медицинскими свидѣтельствами прошеніе въ министерство о разрѣшеніи ему выѣхать въ Ялту. Отвѣтъ онъ получилъ черезъ полгода и за 8 дней до смерти, когда ужъ кончилъ срокъ и, слѣдовательно, ни въ какихъ разрѣшеніяхъ

не нуждался. Тѣмъ не менѣе министръ имѣлъ возмутительную наглость отвѣтить ему, что „въ виду окончанія имъ срока, министерство ничего не имѣетъ противъ его переѣзда въ Ялту“.

Другимъ событіемъ была смерть нолинской ссыльной Дьяконовой. Товарищи не приняли во вниманіе возможности отдать хоронить своего товарища вашимъ городовымъ, что вамъ, очевидно, было бы болѣе желательно, и хоронили сами. Это, а особенно присутствіе вѣнка съ красными лентами и „преступными надписями“, т. е. надписями на человѣческомъ, а не на вашемъ пошломъ языкѣ, ваши опричники сочли за демонстрацію, и, когда процессія шла изъ церкви къ кладбищу, исправникъ налетѣлъ на гробъ съ намѣреніемъ сорвать ленты. Произошла безобразная свалка, во время которой едва не повалили гробъ, но исправника все-таки оттѣснили. Товарищи жаловались прокурору Казанской Судебной Палаты, и тотъ потребовалъ отъ губернатора увольненія исправника. Какъ же отнеслась къ этому администрація? Исправника, въ виду требованія прокурора, она, конечно, должна была уволить, но затѣмъ она обрушилась на ссыльныхъ: прежде всего были произведены обыски съ цѣлью найти ленты, а потомъ шесть человѣкъ были этапнымъ порядкомъ отправлены по деревнямъ, а остальныхъ стали различными способами тѣснить.

Я не говорю здѣсь ничего о постоянно повторявшихся то здѣсь, то тамъ обыскахъ, по большей части безъ всякой причины и повода,съ единственной цѣлью провѣрки, насколько тщательно слѣдитъ за нами полиція (сама полиція такъ даже и называла эти обыски ревизіями), не говорю о постоянныхъ разсылкахъ насъ по губерніи, въ Кай и другія мѣста — они шли все время царствованія у насъ Клингенберга. Конецъ его управленія губерніей завершился огромнымъ развитіемъ въ Вяткѣ шпіонства и провокатуры, въ результатѣ котораго большинство ссыльныхъ безъ всякихъ объясненій и поводовъ было разогнано изъ Вятки, многіе арестованы по нелѣпому, ничѣмъ не кончившемуся дѣлу. Былъ даже одинъ случай, когда губернаторъ воспользовался своимъ правомъ „распоряженія“ нами и выслалъ человѣка въ угоду темнымъ обывательскимъ силамъ, вопившимъ о немъ, какъ о корреспондентѣ. И противъ всего этого мы такъ привыкли не видѣть никакой возможности протеста, что предпочитали молча покоряться всему и позволяли

швырять себя, какъ только хотѣло этого его самодурство.

Но вотъ вступили въ управленіе губерніей Вы. Чего только не разсказывали о Васъ! Говорили и о Вашей личной простотѣ и о Вашихъ симпатіяхъ земству, о Вашей мягкости и о Вашемъ либерализмѣ. Едва только появились Вы въ Вяткѣ, Вы громко осудили многія мѣропріятія Клингенберга, выразили свое неудовольствіе на произведенную въ Ваше отсутствіе вице-губернаторомъ порку въ арестанскихъ ротахъ и на данное имъ разрѣшеніе къ постановкѣ „Контрабандистовъ". Вмѣсто короткаго клингенберговскаго „нѣтъ!" Вы цѣлыми часами разговаривали съ просителями, обсуждая ихъ нужды. Даже мы, ссыльные, прослышавъ, какъ легко Вы переводите изъ деревень въ города и изъ уѣздныхъ городовъ въ Вятку, подумали было, что на смѣну мрачному клингенберговскому времени настала пора, когда хоть немного можно будетъ отдохнуть отъ произвола администраціи, перебраться изъ медвѣжьихъ угловъ куда-нибудь посвѣтлѣе, вродѣ Вятки. Но такова ужъ ваша губернаторская доля, что черезъ 2—3 мѣсяца Вы не хуже солдата Клингенберга уже пороли воткинскихъ и ижевскихъ стачечниковъ, окружили Вятку новой сѣтью шпіоновъ, Ваши долгіе разговоры съ просителями стали принимать характеръ шпіонскихъ допросовъ, ссыльныхъ Вы начали снова расшвыривать по губерніи, отнимать у нихъ заработки, глумиться надъ ними и самодурствовать съ выдачей имъ разрѣшеній, и произволъ администраціи начался чуть ли не большій, чѣмъ было при Клингенбергѣ.

Однимъ изъ первыхъ городовъ пострадалъ Малмыжъ. Въ концѣ апрѣля этого года было получено Ваше распоряженіе о высылкѣ въ деревни пяти человѣкъ. Причиной высылки былъ, говорятъ, какой-то доносъ малмыжскаго исправника Кошурникова. И вотъ безъ всякой провѣрки доноса, безъ всякаго слѣдствія, если мы совершили какое-нибудь преступленіе, безъ объясненій, изъ малмыжской колоніи было выхвачено пять человѣкъ для отправки въ деревни. Къ чему тутъ какія-нибудь объясненія, если ссыльные находятся, по мнѣнію губернаторовъ, въ ихъ полномъ распоряженіи? Хочу такъ — и все тутъ. И губернаторы привыкли не церемониться съ ссыльными, да и ссыльные привыкли къ этому: велятъ ѣхать невѣдомо за что и зачѣмъ на другой конецъ губерніи и поѣдутъ, а не поѣ-

дутъ — свезутъ. Никакого отвѣта ни тебѣ и никому губернаторъ все равно не обязанъ давать. И какъ бы ты не возмущался такимъ произволомъ надъ тобой, все равно защиты искать негдѣ, а на твои протесты губернаторъ только выработалъ у себя „привычку не отвѣчать.“ Можетъ, конечно, оказаться, что и высылать то не за что, какъ это было съ высылкой Вами трехъ человѣкъ изъ Вятки, такъ развѣ это важно? Вѣдь, это ссыльные, которыхъ губернаторъ и безъ всякой нужды можетъ переставлять, какъ шашки. Словомъ, пяти человѣкамъ было приказано безъ всякихъ объясненій собираться куда-то (даже не сочли нужнымъ объявить куда), одного сейчасъ же увезли съ урядникомъ, а остальные должны были итти даже этапомъ (объявили коротко и ясно: завтра въ 8 часовъ утра такимъ-то садиться въ тюрьму). Потомъ съ такимъ же самодурствомъ, какъ раньше объявили высылку, ее вдругъ пріостановили на неопредѣленное время (двое въ Малмыжѣ и сейчасъ ждутъ, что ихъ каждую минуту могутъ выслать) и, наконецъ, въ половинѣ мая меня и Андреева отвезли въ глухія инородческія села. Должны же были живые люди хоть какъ-нибудь отозваться на такое третированіе ихъ, словно деревянныхъ чурбановъ? Но чѣмъ отозваться? Все прошлое хотя бы одной вятской ссылки должно было убѣдить насъ, что никакихъ законныхъ способовъ протеста противъ губернаторскаго произвола, никакой защиты противъ него нѣтъ. Тѣмъ не менѣе мы рѣшили еще разъ перепробовать всѣ законные пути всякаго рода бумажныхъ протестовъ и жалобъ, такъ какъ даже съ точки зрѣнія русскихъ законовъ, (положенія о полицейскомъ надзорѣ) такой произволъ является совершеннымъ беззаконіемъ. Я заявилъ свой протестъ Вамъ, другіе—въ министерство и въ сенатъ. Мы доказывали, что ни одна власть не имѣетъ права примѣнять какія-либо мѣры наказанія, не предъявивъ предварительно обвиненія и не давъ хотя бы самой формальной возможности защиты, что это и незаконно и нелѣпо, что ни одинъ русскій законъ не предоставляетъ губернаторамъ этого права административныхъ высылокъ, что дисциплинарная власть губернатора, по положенію о полицейскомъ надзорѣ, ограничивается правомъ подвергать насъ недѣльному аресту, да и то только за нарушеніе точно опредѣленныхъ правилъ о полицейскомъ надзорѣ, и тре-

бовали указанія намъ причины нашей высылки и возвращенія насъ въ Малмыжъ. Отвѣтъ получилъ одинъ я и только о томъ, что причиной моей высылки было мое участіе въ демонстраціи. Когда же я потребовалъ отъ Васъ снова возвращенія меня въ Малмыжъ и назначенія законнаго слѣдствія, какъ о новомъ политическомъ преступленіи, то отвѣта уже не получилъ. Не получили никакого отвѣта и остальные товарищи. Послѣ того я еще одинъ разъ обращался къ Вамъ, когда мѣстная полиція, заподозривъ меня въ желаніи бѣжать, устроила на меня безобразную облаву въ селѣ. Я потребовалъ отъ Васъ разслѣдованія дѣла, обѣщая въ случаѣ Вашего отказа обратиться къ прокурору Казанской Судебной Палаты. Вы поручили произвести слѣдствіе орловскому исправнику, но оно велось такимъ образомъ, что сама же полиція руководила приводомъ свидѣтелей, угрозами заставляла всѣхъ давать такія показанія, какія хотѣла, и разслѣдованіе дѣйствій мѣстной полиціи обратилось въ слѣдствіе надо мной-же. Таковъ былъ успѣхъ всѣхъ нашихъ попытокъ легальнаго протеста противъ такихъ безобразій администраціи, какъ описанныя выше. А я привелъ здѣсь лишь ничтожную часть того, что пришлось пережить за эти 4½ года; всякаго же рода проявленій самого возмутительнаго и самого оскорбительнаго произвола со стороны администраціи въ мелочахъ повседневной жизни, при полной невозможности защититься отъ него, было несравненно больше. Всего этого было слишкомъ достаточно, чтобы при новомъ насиліи прійти наконецъ, къ сознанію необходимости отвѣтить Вамъ иначе, не обращаясь съ жалобами на администрацію къ самой же администраціи, отвѣтить самому. Вѣдь, наше молчаніе на всѣ Ваши гадости только мучительно пакостило намъ душу, пріучая насъ къ покорности, васъ же, наоборотъ, дѣлало все смѣлѣе и развязнѣе. И случай новаго нелѣпаго насилія надо мной не заставилъ себя долго ждать.

Возвращаясь изъ разрѣшенной мнѣ отлучки въ Малмыжъ, я запоздалъ противъ назначеннаго мнѣ срока на недѣлю. Въ то же время малмыжскій исправникъ Кошурниковъ, на основаиіи ложныхъ показаній своихъ шпіоновъ, донесъ Вамъ, будто, по слухамъ, ходящимъ среди малмыжскихъ ссыльныхъ, я уѣхалъ въ Харьковъ. Тогда Вы, не разобравъ дѣла, признали меня бѣжавшимъ и велѣли произвести обо мнѣ розыскъ. Когда я на пути въ

Слудку пріѣхалъ въ Орловъ, меня арестовали и объявили мнѣ, что дальше меня отправятъ этапомъ. При объясненіи по поводу моего задержанія исправникъ сказалъ мнѣ, что задерживаетъ онъ меня на основаніи Вашего распоряженія о розыскѣ меня, какъ бѣжавшаго. Когда я ему указалъ, что я нахожусь на пути изъ Малмыжа въ Слудку и, слѣдовательно, о побѣгѣ не можетъ быть и рѣчи, до доносовъ же Кошурникова мнѣ нѣтъ никакого дѣла, и что, съ другой стороны, у него даже нѣтъ никакихъ данныхъ, что мною сдѣланы какія-нибудь уклоненія отъ маршрута, онъ отвѣтилъ: „но у меня нѣтъ данныхъ и за то, что такія уклоненія Вами не сдѣланы; если же Вы нарушили маршрутъ, то меня могутъ спросить въ губерніи, почему я Васъ не задержалъ; а почемъ я знаю, Вы, можетъ быть, и еще хотите нарушить маршрутъ? Нѣтъ, ужъ лучше я Васъ задержу, а Вы, если хотите, жалуйтесь на меня.“ Т. е. положеніе такое, что тебя можно задержать, даже не считаясь съ тѣмъ, есть ли для этого достаточныя основанія и какая-нибудь необходимость, а просто на всякій случай, чтобы не спросили изъ губерніи, почему не задержалъ, если губернатору придетъ въ голову такая блажная мысль. Съ тобой же считаться нечего, потому что жаловаться тебѣ все равно некому. Это онъ съ удивительной откровенностью и высказалъ дальше, убѣждая меня лучше все-таки не жаловаться, потому что жаловаться на администрацію безполезно, такъ какъ она все можетъ дѣлать, и иллюстрируя это такими примѣрами: „вѣдь, вотъ, по закону въ Россіи пороть нельзя, а административно воткинскихъ стачечниковъ выпороли,—кому же тутъ жаловаться? Или, вотъ, Вы протестовали противъ своей высылки въ деревню. Что же, получили Вы какой-нибудь отвѣтъ отъ губернатора?“ На мой отвѣтъ, что не получилъ, онъ отвѣтилъ: „Да губернаторъ и не имѣетъ привычки отвѣчать на такіе протесты.“

Когда я потомъ попытался было освободиться отъ своего задержанія, написавъ просьбу товарищу прокурора (я не зналъ, что въ Орловѣ нѣтъ представителя прокурорскаго надзора) явиться въ полицію и разобрать законность моего задержанія, исправникъ только засмѣялся и отвѣтилъ слѣдующей фразой: „Да какой же прокуроръ рѣшится Васъ освободить, если мы, администрація, хотимъ Васъ задержать?“ Это, конечно, тоже

была правда, и мнѣ самому извѣстно достаточно случаевъ, когда при самой очевидной незаконности дѣйствій администраціи прокурорскій надзоръ отказывался вмѣшиваться или даже хоть разобрать законность дѣйствій администраціи. Онъ является строгимъ защитникамъ закона только тогда, когда хотя бы самый темный и не подозрѣвающій существованія этого закона обыватель его нарушаетъ; а когда администрація совершаетъ беззаконіе надъ этимъ самымъ обывателемъ, прокурорскій надзоръ трусливо бездѣйствуетъ и отказываетъ въ своей защитѣ. Словомъ, несмотря на всю незаконность задержанія, не смотря даже на то, что мнѣ въ глаза говорили, что это незаконно, но дѣлается такъ просто потому, что такъ хотятъ, не справляясь ни съ какими законами, оставалось только покориться. Жаловаться опять было, дѣйствительно, некому, да и черезчуръ достаточно я былъ знакомъ съ оскорбительностью положенія человѣка, жалующагося на администрацію ей же самой. Поэтому, на повторенное мнѣ нѣсколько разъ предложеніе исправника жаловаться на него я отвѣтилъ, что лучше покорюсь этому молча, но жаловаться не буду.

Въ это время я узналъ, что у того товарища, у котораго я остановился въ Орловѣ, производился обыскъ. Неосновательность и безцѣльность обыска меня возмутила. Чѣмъ могъ онъ быть вызванъ? Вѣдь, только моимъ пріѣздомъ къ нему? Что же было тутъ преступнаго? Вообще, никакихъ слѣдовъ чего-либо, что могло бы дать поводъ къ обыску, не было, и, дѣйствительно, при обыскѣ ни у меня, ни у него ничего ни было найдено. Для чего же онъ производился? Я потребовалъ объясненій у исправника. Тотъ отвѣтилъ, что обыскъ, дѣйствительно, вызванъ моимъ пріѣздомъ, а основаніемъ для него служитъ то, что „мы всегда можемъ произвести у Васъ обыскъ: я, мой надзиратель, городовой, шпіонъ, — вообще, всякій полицейскій чиновникъ, просто чтобы убѣдиться, что у Васъ ничего преступнаго нѣтъ“. Производится же обыскъ на всякой случай, если его, исправника, спросятъ изъ губерніи, производилъ ли онъ у меня обыскъ (очевидно, губернаторамъ отъ нечего дѣлать часто приходятъ такія блажныя мысли въ голову, если исправники ихъ такъ боятся). Вопроса же о надобности или ненадобности обыска онъ просто не понимаетъ: можетъ быть, что-нибудь и будетъ найдено; а если не

найдется ничего, то онъ будетъ только радъ этому, потому что тогда онъ лишній разъ будетъ имѣть возможность сказать, что у него въ уѣздѣ спокойно; значитъ, вотъ и цѣль, для которой производится обыскъ, одинаково желательная и для него, исправника, и для меня (отчего же для такой цѣли не пошарить у такого безправнаго существа, какъ ссыльный? Не правда ли?). И онъ рѣшительно не понимаетъ, чѣмъ этотъ обыскъ можетъ меня оскорблять: вѣдь это такая обычная вещь, что я наоборотъ, долженъ желать, чтобы полиція время отъ времени производила у меня обыски и убѣждалась, что у меня ничего нѣтъ преступнаго. Если же мнѣ не нравятся его дѣйствія, то я могу, вѣдь, опять-таки на него жаловаться; только онъ не совѣтуетъ, потому что это безполезно. Вообще онъ совѣтуетъ мнѣ оставить всякіе протесты противъ дѣйствій администраціи, потому что они вовсе не нуждаются въ оправданіи: администрація можетъ дѣлать все, что находитъ нужнымъ, и всякіе протесты противъ ея дѣйствій — особенно, же ссыльнаго, по отношенію къ которому ея власть больше,— безсильны. Это, конечно, совершенная правда, только обыкновенно администрація, творя свои безобразія, топча ногами всякіе, даже россійскіе законы, скромно умалчиваетъ объ этомъ, а здѣсь человѣкъ прямо говорилъ, что онъ дѣлаетъ надъ тобой насиліе, не имѣющее ничего общаго съ законностью, но дѣлаетъ его потому, что можетъ, а ты предъ нимъ безсиленъ.

Послѣ, когда меня везли въ Слудку, у меня произошла такая исторія. Везъ меня полицейскій надзиратель. Какъ только мы выѣхали, я спросилъ его, куда онъ меня везетъ. Онъ отвѣтилъ, что въ Слудку и что единственная данная ему на счетъ меня инструкція состоитъ въ томъ, чтобы довезти меня до моихъ воротъ и тамъ освободить. Между тѣмъ исправникъ говорилъ, что, на основаніи Вашего распоряженія о моемъ розыскѣ, онъ далъ приказъ Верховскому становому произвести обо мнѣ розыскъ, понимая подъ этимъ прежде всего произвести у меня въ селѣ, въ мое отсутствіе, обыскъ. Становой этого не понялъ и обыска не произвелъ. Когда мы узнали объ этомъ еще дорогой, то мой спутникъ говоритъ мнѣ: „въ такомъ случаѣ я у Васъ произведу обыскъ.“ На мое замѣчаніе, что онъ на это не имѣетъ права, такъ какъ Слудка

находится даже не въ его районѣ, а спеціальной инструкціи насчетъ обыска, по его же собственнымъ словамъ, исправникъ ему не давалъ, онъ отвѣтилъ: „нѣтъ, исправникъ поручилъ мнѣ, если становой не произвелъ у Васъ обыска, произвести его." Это была ложь, и никакого письменнаго предписанія онъ мнѣ показать, конечно, не могъ, потому что у него не было его. Но если бы когда-нибудь послѣ возникла рѣчь о предписаніи. оно бы, конечно, явилось: къ подлогамъ Вамъ не привыкать стать, и предписаніе дали бы и заднимъ числомъ (въ дѣлѣ „Новаго Слова" заднимъ числомъ было дано даже высочайшее распоряженіе). Но даже и въ этомъ не было надобности, и онъ лишь по неопытности заговорилъ о предписаніи: „дѣйствія администраціи не нуждаются ни въ какомъ оправданіи". Ему было достаточно показать лишь на свой полицейскій мундиръ; всякій наѣзжій опричникъ только потому, что онъ опричникъ, могъ ворваться въ мою квартиру и произвести у меня обыскъ (расправлялся же Оболенскій въ Полтавской губерніи, и его только похвалили за это). Съ Вашей точки зрѣнія, откровенные разговоры со мной орловскаго исправника были нетактичны: гадости свои вы должны творить, но какъ всегда дѣлать ихъ молча. Но не станете, конечно, отрицать и Вы, что они были безусловно правдивы. Я же долженъ былъ какъ-нибудь отвѣтить на то насиліе, которое производилось надо мной, притомъ отвѣтить такъ, чтобы не возбуждать въ Васъ только смѣхъ и желаніе еще разъ обнаружить свою „привычку не отвѣчать" на обращенные къ Вамъ протесты. Вы слишкомъ достаточно убѣдили меня, что никакихъ законныхъ формъ протеста въ видѣ обращенія къ какой бы то ни было власти у насъ нѣтъ. Слѣдовательно, приходилось отвѣчать самому. А чѣмъ самъ я могъ, при данныхъ обстоятельствахъ, отвѣтить инымъ, кромѣ пощечины лицу, совершавшему надо мной насиліе, какъ ни противенъ мнѣ такой способъ отвѣта? Но далъ я ее ему, только какъ исполнителю надо мной Вашихъ беззаконныхъ распоряженій (что я тогда же и заявилъ ему), и, слѣдовательно, въ несравненно большей степени она предназначалась Вамъ, какъ и вообще всей администраціи съ ея произволомъ надъ нами, начиная съ вашихъ министровъ и кончая послѣднимъ урядникомъ, сообразно заслугамъ каждаго изъ васъ.

Въ заключеніе скажу, что жаль, конечно, тратить силы на такіе протесты противъ вашихъ беззаконій въ ссылкѣ: есть много болѣе нужной, общей революціонной работы. Поэтому, часто самыя грубыя насилія вамъ будутъ сходить съ рукъ, какъ сходили они часто и раньше. Но, какъ бы вы ни давили въ насъ сознаніе своего человѣческаго достоинства, вамъ никогда не обратить насъ въ покорныхъ овецъ. И если мы часто отмалчиваемся на проявленія самаго грубаго произвола со стороны администраціи, то все же вы должны постоянно помнить, что время отъ времени, когда переполнится уже всякая мѣра терпѣнія, вамъ придется получать подобный отпоръ. Никакихъ законныхъ способовъ протеста, сколько нибудь чувствительныхъ для васъ, при существующихъ условіяхъ разгула административнаго произвола, у насъ нѣтъ, и вы вынуждаете насъ отвѣчать вамъ такъ или иначе самимъ. Мало того, вы даже хвастаетесь, что вы такъ всемогущи, что „не нуждаетесь ни въ какихъ оправданіяхъ своихъ дѣйствій законностью". А разъ вы такимъ образомъ прекращаете всякую рѣчь и вашемъ правѣ дѣлать все то, что вы дѣлаете, и съ наглымъ безстыдствомъ указываете на одну только вашу голую силу, попирающую всѣ, даже ваши собственные, законы, то ссылка вынуждена отвѣчать, какъ она всегда и дѣлала, на ваши насилія прямымъ сопротивленіемъ, въ какихъ бы то ни было формахъ. Этимъ я лишь констатирую неизбѣжный, вызываемый вами самими фактъ: противъ голой грубой силы и обороняться приходится силой. А обороняться противъ вашихъ оскорбленій ссылка всегда будетъ, потому что никакимъ глумленіемъ вамъ не задавить въ ней сознанія своего человѣческаго достоинства.

Н. Величкинъ.

P. S. Я только что получилъ извѣстіе, что орловскій исправникъ Сырцевъ переведенъ въ городъ Мамадышъ, Казанской губерніи. Смыслъ этого перехода, вѣроятно, тотъ, что Вы хотите, какъ я уже говорилъ, свалить все дѣло на личное столкновеніе между мною и имъ. Но Вы напрасно стараетесь объ этомъ, потому что настоящимъ письмомъ и его возможно болѣе

широкимъ распространенiемъ я постараюсь лишить Васъ возможности обманыватъ людей. Я повторяю: Сырцевъ былъ лишь точнымъ исполнителемъ Вашихъ беззаконныхъ распоряженiй и вѣрнымъ проводникомъ общей, царящей у насъ, системы административнаго произвола. Въ своемъ поведенiи онъ ничѣмъ не выдѣлялся изъ среды остальной администрацiи. Пощечина, которую я ему далъ, была вызвана вовсе не личнымъ его грубымъ обращенiемъ со мной и предназначалась не лично ему, а лишь какъ представителю администрацiи, непосредственно совершавшему насилiе надо мной; въ его лишь лицѣ я далъ пощечину всей системѣ административнаго произвола, отъ котораго я оборонялся все время своей ссылки, и всѣмъ его представителямъ. Этимъ переводомъ Вы никого не обманете и ничего не замажете, а только лишнiй разъ обнаружите подпольный, трусливый, боящiйся всякаго свѣта характеръ россiйскаго царизма, который такъ незаконенъ, что можетъ поддерживаться только грубымъ насилiемъ и произволомъ, и такъ дряблъ, что, боясь, какъ бы люди не разглядѣли его незаконности, долженъ открещиваться отъ солидарности съ своими же собственными вѣрными слугами, особенно когда они бываютъ такъ откровенны, какъ былъ со мною Сырцевъ... Но, можетъ быть, Вы просто не захотѣли служить съ человѣкомъ, получившимъ пощечину? Ну, откуда такая щепетильность? Вѣдь, прежде всего и пощечина то въ несравненно большей степени относилась къ Вамъ, инициатору насилiя, чѣмъ къ нему, лишь исполнителю Вашего распоряженiя. А потомъ развѣ Вамъ къ этому привыкать стать? Развѣ вы не слышите каждый день и каждый часъ самыхъ тяжелыхъ проклятiй и не получаете самыхъ оскорбительныхъ пощечинъ, такъ что бросили даже привычку утираться послѣ нихъ. И тѣмъ не менѣе, всѣми проклятые и оплеванные, не смѣщаете же вы другъ друга и безъ особаго омерзѣнiя смотрите другъ на друга? Да о какой чести говорить вамъ, когда все ваше существованiе покоится на сплошномъ обманѣ, насилiи, предательствѣ, когда вы только шайка разбойниковъ съ большой дороги, да и то самаго худшаго разбора? Сырцевъ, съ его откровенностью, должно быть, еще недостаточно подлъ для васъ: вотъ развѣ единственная истинная причина его перевода. Повторяю, что Вы напрасно стараетесь этимъ открещиваньемъ кого-нибудь обмануть: даже

лично для Васъ, г. Хомутовъ, воткинской расправой кончилась та пора, когда хоть вятскіе чиновники то съ тайными надеждами поглядывали на Ваше „либеральное“ самодурство и вѣрили ему.

Меня спрашиваютъ, зачѣмъ я бѣжалъ, не дожидаясь суда? О какомъ судѣ между мною и вами можно говорить? Да развѣ есть у насъ какой-то судъ третьихъ лицъ, который сталъ бы разбирать, кто изъ насъ правъ, кто виноватъ? Въ Россіи это дѣлается гораздо проще: вы лишь для виду перемѣнили бы свои полицейскіе мундиры на судейскіе для того только, чтобы написать мнѣ приговоръ — суровый или слабый, смотря по тому, что вамъ самимъ (администраціи) въ настоящую минуту выгоднѣе. Это блестяще доказываютъ теперъ всѣ наши „суды“ въ послѣднихъ политическихъ процессахъ, съ позорнымъ успѣхомъ замѣнившіе жандармское „судопроизводство“ и лишь превзошедшіе еще его въ звѣрствѣ: они дѣлали все, что угодно, только не судили. Подчиняться же новому насилію со стороны все той же администраціи, хотя бы и одѣтой въ судейскіе мундиры, я не хотѣлъ, а потому предпочелъ бѣжать и передать дѣло на дѣйствительный „судъ“ читателей этого письма: они произнесутъ справедливый приговоръ надъ вами не за одну только вятскую ссылку, а и за всѣ ваши насилія, — а когда нибудь дождетесь вы и исполненія этого приговора.

Н. В.

Къ психологіи нѣмецкаго рабочаго

*Переводъ съ рукописи *)*

Въ теченіе цѣлаго поколѣнія нѣмецкій рабочій маршируетъ во главѣ международной пролетарско-революціонной арміи. Еще больше времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкіе рабочіе проявляютъ наиболѣе ясное пониманіе научнаго соціализма. Онъ помогъ имъ преодолѣть всѣ внѣшнія преслѣдованія и всѣ внутреннія заблужденія, побѣдоносно расширить и упрочить свою организацію и все болѣе и болѣе выяснить свои принципы. Поэтому сознающіе интересы своего класса пролетаріи всего міра съ полнымъ правомъ обращаютъ на немѣцкаго рабочаго свои взоры, хотя онъ этого и не добивается. И по истинѣ трудно найти международному соціализму болѣе прочный и болѣе выдающійся центръ, чѣмъ нѣмецкое рабочее движеніе. Вездѣ, гдѣ только выбрасывается какой нибудь новый якорь нашего движенія, или гдѣ нужно упрочить брошенный уже якорь, перемѣстить его, или по какимъ нибудь причинамъ даже поднять его, — вездѣ при этомъ обращаются взоры на нѣмецкое движеніе. Какъ ни гордится нѣмецкій рабочій этимъ обстоятельствомъ, онъ все таки далекъ отъ того, что бы зазнаваться: не тѣмъ, что онъ уже совершилъ, онъ опредѣляетъ свое положеніе въ международной солидарности рабочихъ, а тѣмъ, что ему еще предстоитъ совершить великаго и важнаго. Никогда нѣмецкій рабочій не пытался повліять рѣшающимъ образомъ на дѣла рабочихъ партій другихъ странъ, по крайней мѣрѣ со-

---

*) Статья написана спеціально для «Жизни».

знательно онъ никогда этого не дѣлалъ, но онъ всегда старался имъ помогать, на сколько это было въ его силахъ и на сколько такая помощь казалась желательной, точно также какъ и рабочіе всѣхъ другихъ странъ всегда помогали рабочимъ Германіи. Если нѣмецкому рабочему удалось сдѣлать больше, чѣмъ рабочимъ другихъ странъ, то это объясняется своеобразнымъ историческимъ развитіемъ Германіи и въ связи съ этимъ и нѣмецкимъ рабочимъ движеніемъ, равно какъ и своеобразной психологіей нѣмецкаго рабочаго, которая главнымъ образомъ, конечно, обусловливается своеобразнымъ исторически - экономическимъ, но затѣмъ въ болѣе узкомъ смыслѣ и *національнымъ* вліяніемъ. Объ этомъ послѣднемъ будетъ здѣсь рѣчь, но не въ смыслѣ и не съ намѣреніемъ апологетики, простого восхваленія хорошихъ и достойныхъ подражанія качествъ нѣмецкаго рабочаго, а въ смыслѣ фактическаго анализа, короткаго изложенія того, что есть на самомъ дѣлѣ.

Прежде всего бросаются въ глаза и легче всего объяснимы тѣ психологическія качества нѣмецкаго рабочаго, которыя обусловливаются специфически нѣмецкимъ историко - экономическимъ развитіемъ, въ особенности развитіемъ нѣмецкой фабричной системы на капиталистической основѣ. Эти качества мы встрѣчаемъ, конечно, отчасти и у рабочихъ другихъ странъ, которые имѣли подобное развитіе или только еще начинаютъ развиваться въ этомъ направленіи, но при всемъ возможномъ однообразіи остается все - таки частичка, которая носитъ специфически « нѣмецкій » и « національный » характеръ, но не въ смыслѣ тупого шовинизма, а въ болѣе высокомъ смыслѣ естественной дифференціаціи между націями и народами міра, обусловливаемой культурой и природой.

Принудительная общая работа на капиталистической фабрикѣ вызываетъ у пролетарскихъ рабочихъ сильное чувство общности, настолько сильное, что ни разу еще не приходилось наблюдать въ исторіи, чтобы даже самая воодушевляющая общая идея породила что-нибудь подобное. Какъ колеса и винты, цѣпи и ремни соединяютъ составныя части машины, такъ машина *сама* сковываетъ всѣхъ рабочихъ въ одно цѣлое, такъ фабрика объединяетъ всѣхъ своихъ рабо-

чихъ въ одинъ общій солидарный кругъ. Если эта солидарность направляется общимъ желаніемъ и болѣе или менѣе яснымъ сознаніемъ, она порождаетъ *организацію*.

Организація же болѣе способствуетъ развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ рабочаго, чѣмъ самая лучшая школа или самое лучшее домашнее воспитаніе. Въ организаціи слѣпая дисциплина фабричнаго феодализма превращается въ добровольное подчиненіе болѣе правильному взгляду и общимъ высшимъ цѣлямъ. При отдѣльныхъ политическихъ вопросахъ и мѣропріятіяхъ рабочихъ союзовъ это обуславливаетъ практическій успѣхъ, является практической необходимостью, но на каждаго рабочаго въ отдѣльности это производитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и огромное идеалистическое вліяніе. Именно этимъ и объясняется альтруистическое развитіе характера рабочаго. Рабочій по своему характеру, если онъ дѣйствительно сознаетъ интересы своего класса и обладаетъ чувствомъ солидарности, никогда не будетъ въ состояніи одобрять или даже совершать тѣ ужасныя дѣла, которыя безчеловѣчный капиталистъ или босякъ одобряетъ и совершаетъ, не моргнувъ глазомъ. Мы напомнимъ только въ самыхъ общихъ словахъ, и то касаясь только нѣмецкаго рабочаго, что именно тамъ, гдѣ имѣется самое большее число соціалдемократическихъ избирателей, тамъ и число преступленій меньше всего, и наоборотъ: наибольшее число преступленій замѣчается тамъ, гдѣ меньше всего соціалдемократическихъ избирателей. Въ организаціи характеръ сознательнаго рабочаго закаливается противъ всѣхъ деморализирующихъ тенденцій капитализма и дѣлается идеальнѣе. Вырожденія капиталистическаго господства классовъ перерождается въ немъ въ свою прямую противоположность, равно какъ и его классъ находится въ постоянномъ внутреннемъ противорѣчіи съ классомъ предпринимателей. Притомъ у рабочаго всѣ впечатлѣнія и вліянія находятъ вполнѣ дѣвственную почву, въ немъ онѣ могутъ развиваться гораздо непосредственнѣе, чище и здоровѣе, чѣмъ въ членахъ всѣхъ слоевъ общества. Поэтому мы наблюдаемъ въ жизни сознательныхъ рабочихъ всѣхъ странъ такіе выдающіеся примѣры отваги, самоотверженія, любви и силы, что

они смѣло могутъ быть поставлены рядомъ съ самыми величайшими примѣрами изъ всемірной исторіи, эти подвиги совершаются ради подвиговъ, а не ради награды, наживы, или даже признанія. И какъ каждое дѣло, которое совершается ради него самого, такъ и эти дѣла рабочихъ приносятъ пользу не только тѣмъ, ради которыхъ они совершаются, но и самимъ рабочимъ, ихъ совершившимъ. Они даютъ имъ внутреннюю смѣлость, надежду и твердую увѣренность, которая имъ помогаетъ переносить безъ содраганія всѣ тяжелыя минуты борьбы, а въ спокойныя времена доставляетъ имъ глубокое удовлетвореніе и внутреннее равновѣсіе, съ которымъ они смотрятъ на всѣ происшествія дня какъ будто они отодвинуты отъ нихъ на цѣлые вѣка. Все это даетъ сильный толчокъ подражанію среди товарищей ихъ класса. Старые исполины изъ временъ нѣмецкаго позорнаго закона (исключительнаго закона противъ соціалистовъ) могутъ служить самымъ яркимъ примѣромъ: они пользуются огромнымъ вліяніемъ въ кругу своей дѣятельности.

Но гораздо шире и прежде всего въ болѣе общемъ видѣ, чѣмъ въ моральномъ отношеніи, организація вліяетъ на умственное развитіе рабочихъ. Дѣятельность въ организаціи и вмѣстѣ съ организаціей расширяетъ умственный кругозоръ рабочихъ и учитъ ихъ лучше понимать хозяйственный и политическій механизмъ, чѣмъ это могутъ понимать капиталисты и среднее сословіе, потому что рабочіе въ нѣкоторомъ смыслѣ гораздо менѣе непосредственно заинтересованы во всѣхъ этихъ дѣлахъ и обстоятельствахъ и могутъ поэтому къ нимъ относиться гораздо объективнѣе. Поэтому рабочій видитъ и разсматриваетъ вещи не только съ точки зрѣнія интересовъ своего класса, хотя эта точка зрѣнія и преобладаетъ. Общая же совмѣстная работа въ организаціи и взаимный при этомъ обмѣнъ мыслей развиваетъ выдающіяся способности быстро и складно выражать свои мысли, и въ этомъ отношеніи среди нѣмецкихъ рабочихъ вырабатываются нерѣдко прямо блестящіе ораторы. Далѣе организаціонная работа вырабатываетъ среди рабочихъ административныхъ лицъ, которые могли бы послужить истиннымъ украшеніемъ для любого капиталистическаго крупнаго производства. Мы имѣли въ Германіи въ подтвержденіе этому поло-

жительные примѣры. Наконецъ, работа въ рабочихъ союзахъ и политическихъ организаціяхъ даетъ рабочимъ значительную долю юридическаго образованія. Практическій опытъ еще поясняетъ и расширяетъ эти познанія, такъ что рабочіе въ этомъ отношеніи нерѣдко далеко превосходятъ нѣмецкихъ «академиковъ» съ ихъ формальнымъ юридическимъ образованіемъ. Мы имѣемъ рабочихъ секретарей, должностныхъ лицъ рабочихъ союзовъ, которые прежде были простыми рабочими, но теперь отличаются такой юридической проницательностью, такими юридическими успѣхами, что смѣло могутъ быть поставлены рядомъ съ самыми блестящими профессіональными адвокатами Германіи.

Не удивительно и вполнѣ понятно, что столько свѣта немыслимо безъ нѣкоторой тѣни. И дѣйствительно нужно признаться, что поразительно быстрый ростъ классового сознанія среди нѣмецкихъ рабочихъ особенно при искуственно ускоряющемъ вліяніи исключительнаго закона противъ соціалистовъ, породилъ цѣлый рядъ не особенно пріятныхъ явленій. Какъ богатырь, который внезапно открываетъ свои необъятныя силы и потомъ часто не знаетъ, что съ ними дѣлать, такъ и нѣмецкій рабочій классъ имѣетъ отчасти несомнѣнную тенденцію уклоняться отъ концентраціи своей борьбы и, разбрасываясь, понапрасну терять силы. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что нѣмецкій рабочій, умственныя способности котораго еще недавно только пробудились, не въ состояніи ихъ вполнѣ оцѣнить и нерѣдко ожидаетъ отъ нихъ бо́льшаго, чѣмъ они могутъ дать ему при существующемъ физическомъ игѣ работы, наваленномъ на него капитализмомъ. Но это приходится наблюдать сравнительно рѣдко. Гораздо чаще и особенно среди молодого поколѣнія мы встрѣчаемъ теперь весьма печальное явленіе, что оно считаетъ изученіе объемистыхъ историческихъ и теоретическихъ сочиненій излишней роскошью. Это явленіе легко объяснимо. Прежде всего процвѣтаніе промышленности въ концѣ истекшаго столѣтія въ значительной степени облегчало нѣмецкимъ рабочимъ многія стороны борьбы, особенно борьбы экономической, и много успѣховъ выпало на долю пролетаріата безъ особыхъ съ его стороны усилій. Это обстоятельство породило у значительной

части нѣмецкаго пролетаріата ошибочное представленіе, что можно вести политическую и экономическую борьбу и обезпечить даже успѣхъ на болѣе продолжительное время, не слишкомъ заботясь о принципіальныхъ положеніяхъ и знаніяхъ. Къ тому же процвѣтаніе народнаго хозяйства породило такъ называемую «ревизію» (пересмотръ) положеній научнаго соціализма Эта ревизія нападала отчасти съ наивностью, отчасти съ легкомысліемъ на глубочайшія проблемы и основы научнаго познанія вообще и соціализма въ особенности и вызвала такое замѣшательство, что сдѣлалось подъ конецъ противно разбираться въ всѣхъ этихъ «ревизіяхъ». Но у болѣе молодыхъ рабочихъ эта апатія распространилась не только на ревизіонисткую литературу, но была перенесена на всю литературу вообще, разъ она выходила за предѣлы злобы дня и отдѣльнаго случая изъ ежедневной практики. Цифры о продажѣ и распространеніи нашей старой и болѣе глубокой соціалистической литературы, прочитанныя кассиромъ нашей партіи на партейтагѣ въ Любекѣ, могли дѣйствительно вызвать безпокойство. Какъ не менѣе печальное явленіе слѣдуетъ отмѣтить упадокъ интереса со стороны части нѣмецкаго пролетаріата къ политической исторіи своей партіи. Не будемъ спорить о поучительномъ значеніи исторіи вообще, но несомнѣнно то, что слова величайшаго нѣмецкаго поэта объ исторіи науки, что эта *сама* наука, относятся и къ политической исторіи каждой партіи. Несомнѣнно и то, что вся эта ревизія не произвела бы даже у части нѣмецкаго пролетаріата замѣшательства, если бы только эта часть знала исторію партіи, если бы она знала, что многое, если не сказать бо̀льшая часть изъ всего того, что имъ предлагалось, какъ новое открытіе и оригинальная мысль, — въ сущности уже давно извѣстный и никуда негодный хламъ. Многіе рабочіе придавали сначала этому хламу большое значеніе и убѣдившись потомъ въ его непригодности, обобщили, какъ уже сказано, свое сужденіе.

Въ виду всего этого одной изъ самыхъ главныхъ задачъ настоящей политики нѣмецкой партіи является возбужденіе всеобщаго и неугасающаго интереса къ историческимъ и принципіальнымъ вопросамъ. Неожиданнымъ помощникомъ тутъ являются жестокія поу-

ченія, которыя въ данный моментъ преподаютъ нѣмецкому рабочему экономическій кризисъ и попраніе политическихъ правъ рабочихъ, составляющіе теперь въ Германіи «порядокъ дня». Такъ и въ Германіи враги рабочаго уже издавна являются его лучшими помощниками.

Всѣ эти отмѣченные недостатки, которые на моментъ въ состояніи затемнить свѣтлую картину нѣмецкаго рабочаго движенія, однако легко побѣдимы, такъ какъ нѣмецкій рабочій обладаетъ естественными, національными свойствами, неуклонно направляющими его на путь серьезнаго отношенія къ дѣлу. Къ этимъ свойствамъ принадлежитъ прежде всего его основательность и прямо поразительная добросовѣстность во всѣхъ случаяхъ жизни, а также его непоколебимая привязанность къ товарищамъ своего класса и къ своей партіи.

И такъ мы видимъ нѣмецкаго рабочаго, на рубежѣ двухъ столѣтій и въ борьбѣ двухъ міровъ, во всемъ существенномъ все-таки сильнымъ и великимъ и полнымъ надежды и увѣренности въ свѣтлое будущее. Укрѣпленный въ моральномъ и духовномъ отношеніи организаціями и своими естественными, развитыми соціализмомъ способностями, онъ готовъ принять наслѣдство стараго міра, какъ вождь, чтобы умножить его, не только для себя, но и для сознательныхъ рабочихъ всего міра въ мирномъ соревнованіи и въ братской солидарности. Это желаніе и это сознаніе ведутъ его въ развитіи его организацій и въ развитіи его личности отъ ступени къ ступени: вверхъ и впередъ!

Max Grunwald.

Иностранное Обозрѣніе.

Окончаніе пенсильванской стачки. — Всеобщая стачка въ Женевѣ. — Буржуазный судъ и пролетарская рѣчь.—Буржуазный терроръ.— Пролетарское движеніе и парламентская борьба. — Смерть Э. Золя

Истекающій годъ — глубоко знаменателенъ, ибо для развитія рабочаго движенія онъ имѣетъ едва-ли не бо́льшее значеніе, чѣмъ годъ парижской коммуны.

Буржуазный строй во всѣхъ концахъ цивилизованнаго міра дрожалъ и колебался подъ могучею поступью рабочаго класса, рѣшительно вступившаго на путь «всеобщихъ стачекъ», которыми даже при ихъ временныхъ неудачахъ куются и сплачиваются силы пролетаріата, готоваго приступить къ коренному переустройству общественной жизни.

Въ предыдущихъ обозрѣніяхъ мы говорили о всеобщихъ стачкахъ испанской, бельгійской и шведской; о причинахъ пенсильванской углекопной стачки и ея первомъ періодѣ писалъ изъ Америки въ №⁰ 5 «Жизни» товарищъ Вл. Мурановъ; исторію французской всеобщей стачки углекоповъ разсказываетъ въ этой (№⁰ 6) книжкѣ «Жизни» товарищъ Л—ка; намъ остается изложить событія заключительнаго періода сѣверо-американской стачки и дать отчетъ о въ высшей степени характерномъ и поучительномъ женевскомъ столкновеніи между трудомъ и капиталомъ.

Изъ «Лѣтописи американскаго рабочаго движенія», помѣщенной въ прошлой книжкѣ «Жизни», мы уже знаемъ, какое сильное впечатлѣніе на широкія массы американскаго народа производила необычайно упорная пенсильванская стачка; это впечатлѣніе росло вмѣстѣ съ усиленіемъ и увеличеніемъ многообразныхъ послѣдствій остраго недостатка въ каменномъ углѣ,

безъ котораго въ большинствѣ современныхъ промышленныхъ государствъ немыслима производительная жизнь страны. Въ зависимости отъ стачки лопались одно за другимъ промышленныя предпріятія, въ банковыхъ операціяхъ начиналось замѣшательство, цѣна угля страшно повысилась, и народныя массы въ большихъ городахъ съ тревогой ожидали зимнихъ холодовъ.... Требованія углекоповъ были до очевидности справедливы, и общественное мнѣніе совершенно основательно возлагало отвѣтственность за бѣдствіе, вызываемое стачкой, не на рабочихъ, а на капиталистовъ, на милліонеровъ, составляющихъ угольный трестъ. Углекопная стачка заняла центральное мѣсто не только въ экономической, но и политической жизни С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. При городскихъ выборахъ въ Нью-Іоркѣ демократы внесли въ свою программу требованіе національзаціи угольныхъ копей; въ Детруа собралась конференція губернаторовъ различныхъ штатовъ и городскихъ головъ крупныхъ городовъ для обсужденія мѣръ противъ общественной опасности, вызванной стачкой и т. д.

На сцену пришлось выступить, наконецъ, и самому президенту Рузвельту, который считается самымъ популярнымъ гражданиномъ С. Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Рузвельтъ, обратился одновременно къ представителямъ угольныхъ компаній и къ стачечной комиссіи, во главѣ которой стоялъ президентъ союза углекоповъ Митчель и пригласилъ обѣ стороны явиться къ нему для примирительныхъ переговоровъ.

Попытка Рузвельта сначала окончилась полной неудачей. Представители угольныхъ компаній явились, правда, на зовъ президента, но не для примирительныхъ переговоровъ, а для жалобы на пенсильванскаго губернатора, который, будто-бы, не выполняетъ въ достаточной мѣрѣ своей обязанности защищать жизнь и собственность гражданъ, не принимаетъ «надлежащія мѣръ» противъ стачечниковъ, этихъ нарушителей «свободы труда»: будь онъ «рѣшительнѣе» работа въ шахтахъ давно бы снова началась. Вмѣшательство президента представители компаній допускали только въ смыслѣ посылки войскъ для «усмиренія» стачечниковъ. Вступать же въ переговоры съ Митчелемъ, этимъ «атаманомъ разбойничьей шайки», представители ком-

паній находили ниже своего достоинства. Высказавъ все это, угольные милліонеры сѣли въ свой по царски устроенный поѣздъ, и укатили домой, предоставивъ президенту объясниться съ Митчелемъ.

Рузвельтъ обратился тогда къ Митчелю съ просьбой побудить стачечниковъ приняться за работу на старыхъ условіяхъ при чемъ онъ, президентъ Рузвельтъ, давалъ свое честное словъ употребить всѣ усилія, чтобы союзный конгрессъ, проявлялъ бы въ будущемъ болѣе заботливости о народѣ вообще и о рабочемъ классѣ въ частности. Митчель на эту милую просьбу отвѣтилъ очень сдержанно; онъ указалъ, что не уполномоченъ рѣшать вопросъ объ окончаніи стачки, но что онъ передастъ предложеніе президента съѣзду стачечныхъ делегатовъ.

Съѣздъ былъ, дѣйствительно, собранъ, но предложеніе президента удовольствоваться его честнымъ словомъ было рѣшительно отклонено.

Тогда Рузвельтъ снова обратился къ представителямъ капитала. Онъ сумѣлъ оказать сильное давленіе на знаменитаго промышленнаго императора Моргана, и тотъ приказалъ угольнымъ компаніямъ согласиться на третейскій судъ.

Назначеніе третейскихъ судей было предоставлено президенту Рузвельту. Судьями были назначены: союзный судья Жоржъ Грей, отставной генералъ союзной арміи Вильсонъ, горный инженеръ и редакторъ «Журнала Угольной Промышленности» Паркеръ, торговецъ углемъ Ваткинсъ, предсѣдатель союза желѣзно-дорожныхъ кондукторовъ Кларкъ, католическій эпископъ Шпальдингъ, пользующійся въ широкихъ массахъ огромной популярностью и уваженіемъ и начальникъ союзнаго бюро для рабочей статистики Райтъ.

Третейскій судъ прежде всего призналъ Митчеля офиціальнымъ представителемъ углекоповъ, и Митчель съ своей стороны выбралъ себѣ въ помощники для защиты передъ судомъ интересовъ стачечниковъ, соціальнаго статистика Альберта Вейла и извѣстнаго чикагскаго адвоката Дарау, человѣка съ совершенно опредѣленными соціалистическими взглядами.

Моментъ назначенія третейскаго суда, или точнѣе, третейской комиссіи, былъ въ то же время и моментомъ прекращенія стачки. Согласно постановленія

своихъ делегатовъ, 147000 стачечниковъ, стойко державшихся въ теченіи пяти мѣсяцевъ, сразу принялись за работу. Они питаютъ полное довѣріе къ третейской комиссіи, и Митчель выражаетъ увѣренность, что третейскій судъ окончится повышеніемъ заработной платы на 10% и уменьшеніемъ рабочаго дня до 9-ти часовъ. Это будетъ для углекоповъ успѣхомъ значительнымъ, хотя и не полнымъ, такъ какъ, начиная стачку, они требовали 8-ми часового рабочаго дня и увеличенія заработной платы на 20%.

Изъ телеграфныхъ сообщеній о ходѣ занятій третейской комиссіи видно, что углепромышленники дѣйствительно «склонны» увеличить заработную плату на 10% и сократить рабочій день до 9 часовъ. Они принуждены будутъ, повидимому, отказаться и отъ запрещенія работающимъ у нихъ заключать договоры съ тредъ-юніонами; это запрещеніе, послужившее одной изъ причинъ стачки, имѣло въ виду яко-бы охрану пресловутой «свободы труда», въ дѣйствительности же являлась для рабочихъ препятствіемъ къ пользованію коалиціонной свободой, къ организаціи планомѣрной борьбы за свои рабочіе интересы. Показанія Митчеля произвели на членовъ комиссіи, необычайно благопріятное впечатлѣніе, которое не могли ослабить увертки углепромышленниковъ. Произвело впечатлѣніе и удостовѣреніе врачей, что 90% углекоповъ страдаетъ астмою и что громадное большинство ихъ умираетъ въ возрастѣ, который для углепромышленниковъ является «расцвѣтомъ силъ».

Во всякомъ случаѣ уже одно *вынужденное* согласіе угольныхъ милліонеровъ на рѣшеніе спора съ углекопами третейскимъ судомъ, является важной нравственной побѣдой рабочихъ.

По разсчету нѣкоторыхъ газетъ потери, понесенныя во время стачки самими стачечниками равняются 55 милліонамъ рублей (неполученная заработная плата); убытки владѣльцевъ шахтъ опредѣляются лишь въ 13 милліоновъ рублей; наконецъ, торговцы углемъ и другіе лица, участвующіе въ добычѣ и распространеніи угля, понесли убытокъ въ 52 милліона рублей.

Эта грандіозная стачка оставитъ послѣ себя глубокій слѣдъ въ американскомъ рабочемъ движеніи: она расчистила широкій путь для соціалистическихъ идей,

а главное, укрѣпила среди рабочихъ вѣру въ силу товарищеской солидарности.

Вліяніе стачки сказалось уже при американскихъ выборахъ, происходившихъ въ началѣ ноября. Число соціалистическихъ голосовъ необычайно возросло. Такъ, напримѣръ, въ Чикаго два года тому назадъ кандидаты соціалистической рабочей партіи получили 6700 голосовъ, при выборахъ же этого года они собрали уже болѣе 15000 голосовъ. Такое-же увеличеніе замѣчается и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ штатѣ Массачуссетѣ за соціалистовъ въ общемъ подано 35000 голосовъ, въ Пенсильваніи свыше 20000, въ Нью-Іоркѣ тоже свыше 20000 и т. д.

Конечно, соціалистическая партія въ Сѣв. Америкѣ только еще нарождается, а депутатскія мѣста въ союзномъ конгрессѣ пока все еще распредѣляются исключительно между «республиканцами» и «демократами». Но въ Америкѣ все совершается съ головокружительной быстротой, и, быть можетъ, недалеко то лучшее будущее, когда во главѣ С.-Американскаго союза мы увидимъ соціалистическаго президента.

Сравнительно съ американской борьбой углекоповъ, октябрская всеобщая стачка въ Женевѣ на первый взглядъ кажется совершенно ничтожной, но, если въ нее вдуматься, если принять во вниманіе всю совокупность явленій, ее сопровождавшихъ, то въ ней, какъ и во всеобщихъ стачкахъ барцелонской, бельгійской и шведской, можно замѣтить одно изъ яркихъ проявленій міровой борьбы пролетаріата, одну изъ первыхъ стычекъ рѣшительной войны труда съ капиталомъ, войны, которая неминуемо окончится соціальной революціей, т. е. превращеніемъ классового государства въ свободное соціалистическое общество равноправныхъ тружениковъ.

Женева — городъ электрическихъ трамваевъ, они носятся чуть ли не по всѣмъ улицамъ и соединяютъ центръ съ окраинами и съ ближайшими мѣстечками и деревушками; общая длина рельсъ этой городской электрической дороги превосходитъ 100 верстъ. Дорога принадлежитъ англо-американской акціонерной компаніи, но часть акцій находится въ рукахъ также и женевскихъ капиталистовъ. Акціонеры жалуются,

что дорога приноситъ мало дохода, что проценты ростутъ недостаточно быстро. Директору Лавалю пришлось выйти въ отставку. Его заступаетъ мексиканецъ Брадфордъ, и тотчасъ находитъ способъ увеличить доходы акціонеровъ. Чѣмъ меньше получаютъ кондуктора и другіе служащіе на трамваяхъ, тѣмъ больше — разсуждаетъ Брадфордъ — будутъ пополучать владѣльцы-акціонеры. Но старымъ, заслуженнымъ служащимъ, успѣвшимъ уже организоваться въ товарищескій союзъ, понизить плату было неудобно, и вотъ Брадфордъ цѣлой системой прижимокъ старается избавиться отъ организованныхъ служащихъ, чтобы замѣнить ихъ дешевыми новичками. Начались «недоразумѣнія» и столкновенія между служащими и правленіемъ компаніи. Служащіе обратились съ жалобой въ промысловый судъ, тотъ высказался въ ихъ пользу, но компанія не захотѣла считаться съ его рѣшеніемъ и сразу уволила 44 человѣка, которыхъ Брадфордъ считалъ наиболѣе безпокойными. Служащіе отвѣтили провозглашеніемъ стачки, она началась съ рѣдкимъ единодушіемъ. Движеніе по всѣмъ линіямъ сразу прекратилось. Публика, оказавшись безъ обычнаго средства передвиженія, стала терпѣть неудобства и заволновалась, виня не служащихъ, а компанію, которая и по отношенію къ пассажирамъ не проявляла особенной предупредительности.

При полномъ единодушіи стачечниковъ и подъ давленіемъ публики компанія должна бы была скоро сдаться, но стачечники, по совѣту нѣкоторыхъ черезчуръ умѣренныхъ руководителей, предложили покончить дѣло третейскимъ судомъ, составленнымъ изъ членовъ кантональнаго совѣта.

Для компаніи это было удобнымъ случаемъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія и она съ своей стороны тоже согласилась на третейскій судъ. Кантональный совѣтъ, разобравъ дѣло, рѣшилъ его въ пользу стачечниковъ, и стачка тотчасъ прекратилась. Но «компанія», конечно, и не думала честно подчиниться третейскому рѣшенію; ей нужно было лишь выиграть время, чтобы набрать и подготовить новый составъ служащихъ.

Прижимки усилились, «подстрекателей» перевели на низшія должности и т. д.

Это было въ серединѣ сентября. Къ концу мѣсяца вспыхнула новая стачка, но на этотъ разъ къ ней приступила лишь половина служащихъ; движеніе уменьшилось, но не прекратилось.

Буржуазная публика, недовольная новымъ нарушеніемъ «порядка и спокойствія», перестала симпатизировать стачечникамъ; но за то за нихъ вступились ихъ братья-рабочіе.

Федерація рабочихъ союзовъ, для поддержки забастовавшихъ служащихъ электрическихъ трамваевъ, объявила въ среду 8-го октября всеобщую стачку. Въ четвергъ утромъ около 15000 рабочихъ различныхъ профессій прекратили работу. Закрылись фабрики, мастерскіе, пріостановился выходъ газетъ, прекратилось и движеніе трамваевъ, но городскіе электротехники, газо и водопроводчики, въ рукахъ которыхъ въ сущности лежало рѣшеніе дѣла, къ стачкѣ, къ сожалѣнію, не примкнули.

Во всякомъ случаѣ буржуазія страшно переполошилась, и ея представители, засѣдающіе въ «кантональномъ совѣтѣ», и именующіе себя демократами, либералами и радикалами, поспѣшно принялись «спасать отечество». Мѣры были приняты «радикальныя», какъ съ усмѣшкой замѣтилъ въ кантональномъ собраніи предсѣдатель кантональнаго совѣта «радикалъ» Фази.

Надъ свободною республикой повисла туча буржуазнаго террора, едва-ли не худшаго чѣмъ терроръ самодержавный.

Народное ополченіе (милиція) было призвано къ оружію, и городъ принялъ видъ военнаго лагеря: повсюду отряды солдатъ, барабанный бой, пикеты конныхъ «гидовъ», солдаты-велосипедисты и т. д.

«Терроръ» достигъ своего высшаго произвола, своей высшей жестокости послѣ того, какъ стачечники устроили мирную процессію, превращенную войсками въ бойню безоружныхъ рабочихъ, женщинъ и дѣтей. Молча, безъ пѣсенъ и криковъ, двигались рабочіе съ своими женами и дѣтьми, группируясь вокругъ своихъ знаменъ, двигались изъ квартала бѣдняковъ въ кварталы богачей; на ронскомъ мосту военные велосипедисты преградили процессіи дорогу, пѣхота же со штыками на перевѣсъ стала тѣснить ее сзади. Одинъ изъ рабочихъ, обнаживъ свою грудь, бросился къ сол-

датамъ и воскликнулъ: «Бейте теперь, чтобы можно было видѣть, люди вы или нѣтъ!»

Солдаты невольно отступили.

Избѣгнувъ на мосту столкновенія, процессія такъ же тихо, также серьезно двинулась дальше....

«Она была печальна эта толпа рабочихъ» — говорилъ одинъ изъ руководителей женевскихъ рабочихъ анархистъ Бертони передъ буржуазнымъ судомъ присяжныхъ 13 ноября 1902 г. — «она покрыла крепомъ свои знамена, чувствуя торжественность минуты. Всѣ оставили работу торжественно и тихо, толкаемые непреодолимою силою неяснаго еще идеала, коренящагося скорѣе въ глубокомъ, таинственномъ инстинктѣ, чѣмъ въ мысли, развитію которой мѣшаетъ тяжелая каждодневная работа, коренящагося въ желаніи неопредѣленномъ, но повелительномъ, влекущемъ всѣ существа, всѣ вещи къ высшимъ формамъ жизни.

Процессія двинулась въ путь. Забыты всѣ мелкія разногласія и обиды, забыты непріязнь и зависть, забыто все, что до сихъ поръ такъ часто раздѣляло людей, составляющихъ эту огромную толпу. Сердца бьются въ униссонъ. Ни жеста, ни крика. Нѣсколько голосовъ начинаютъ пѣсню скорѣе по привычкѣ, чѣмъ по внутреннему желанію; но они тотчасъ смолкаютъ, не находя отклика. Какая-то болѣзненная тяжесть заставляла содрогаться души всѣхъ: что будетъ дальше? Не присоединится-ли новая страница къ книгѣ мученій рабочихъ? Хозяева перепуганы, они сознаютъ, что они попирали ногами элементарнѣйшую равноправность, что противились малѣйшей уступкѣ идеѣ справедливости и потому имѣютъ всѣ основанія ждать народнаго мщенія. Не захотятъ-ли они поспѣшить спасти себя жестокимъ насиліемъ? Въ оружейныхъ магазинахъ въ этотъ день можно было видѣть массу этихъ негодяевъ, которые предпочитаютъ вмѣсто хлѣба дать народу свинецъ! Ахъ, если-бъ было доказано, что оружіе покупали рабочіе, то они, конечно, были-бы брошены на эту скамью обвиняемыхъ, но это были богатые, и правосудіе ихъ, конечно, не станетъ искать. Процессія двигалась дальше. Вдругъ протяжный крикъ крикъ скорѣе безропотной покорности, чѣмъ возмущенія. Народъ, послѣ стольких лѣтъ рабства, дошелъ до того, что находитъ естественнымъ насиліе своихъ

господъ. Это была первая атака, руководимая Шенуа который заявилъ, въ качествѣ свидѣтеля, что на мосту было много криковъ и свистковъ, но не было настоящихъ насилій, направленныхъ противъ солдатъ. Вотъ неопровержимое доказательство, что въ наши намѣренія не входило никакого насилія. Мы продолжали нашъ путь все болѣе и болѣе печальные и озабоченные. Конечно, никто изъ насъ не ощущалъ страха въ собственномъ значеніи слова, но каждый изъ насъ въ предвидѣніи чего-то важнаго болѣлъ душою за тѣ несчастья, которыя можетъ-быть ожидаютъ невинныхъ женщинъ и дѣтей. Несмотря на проливной дождь, процессія двигалась все дальше и дальше, толкаемая необъяснимою силою, быть можетъ тою самою силою, которую древніе называли fatum (судьба), управлять которою не могъ самъ Юпитеръ. Еще остановка, крики, аплодисменты, легкое замѣшательство, затѣмъ снова тишина и шествіе подъ потоками дождя.

Народъ, твоя душа въ извѣстные часы величава и прекрасна: вы угнетенные, вы изгнанные, вы лишенные всѣхъ благъ, вы идете впередъ, хотя васъ ожидаетъ тюрьма, ссылка и нѣчто еще болѣе ужасное — безработица и нищета.

И все-же впередъ! Не для осуществленія идеала (онъ, увы, еще очень далекъ!), но для того, чтобы отъ насъ не ускользнула наша мечта, чтобъ мы-бы могли еще ею наслаждаться. Да, среди нашихъ рабочихъ союзовъ мы больше всего чувствуемъ возможность лучшей жизни; еслибъ они исчезли, мы потеряли-бы наши лучшія надежды, мы бы напрасно искали на что-бы опереться. Стойте прямо, работники, стойте прямо, чтобъ ихъ защищать. Это они, главнымъ образомъ, даютъ намъ силу итти на завоеваніе будущаго. Во мракѣ среднихъ вѣковъ союзы ремесленниковъ завоевали первыя волности, имъ мы обязаны блестящей исторіей городскихъ общинъ. Нѣтъ прошлаго болѣе славнаго, какъ прошлое рабочихъ союзовъ. Они умѣли одновременно работать для прогресса и бороться за свободу. Дѣло цивилизаціи создано не войсками, а ремесленниками.

...Отчаянные крики, внезапный безпорядокъ, сумятица, и я вижу передъ собой солдатъ блѣдныхъ, какъ трупы.... Они атаковали толпу, и ихъ командиръ ви-

димо хвалится лоскутьями знамени, которые болтаются на концѣ его шпаги. Печальный трофей! Я никогда не забуду этой сцены.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія, часть процессіи вновь образовалась. Солдаты пытаются еще разъ ее разсѣять, но толпа держится компактно, и мы имѣемъ возможность продолжать нашу дорогу, чтобы собраться въ томъ-же домѣ, изъ котораго мы вышли.»

Въ тотъ-же день Бертони, Штейнегеръ, Кроазье и другіе члены стачечной комиссіи были арестованы. Арестовано было и много стачечниковъ. Около сотни иностранцевъ были высланы не только изъ предѣловъ кантона, но и изъ предѣловъ Швейцаріи на отечественныя границы, гдѣ многихъ изъ нихъ ждало тюремное гостепріимство. Буржуи въ солдатской формѣ забавлялись ловлей рабочихъ, казавшихся имъ неблагонадежными; кавалеристы, состоящіе исключительно изъ богатыхъ гражданъ, такъ какъ они сами должны содержать своихъ лошадей, держали себя не лучше русскихъ казаковъ. Вотъ какъ, напримѣръ, описываетъ подвиги этихъ кавалеристовъ, такъ называемыхъ «гидовъ», Зандмейеръ въ письмѣ къ редактору женевской газеты «Le Socialiste Démocrate»: «Мы встрѣчаемъ,— разсказываетъ Зандмейеръ, описывая свою прогулку 10-аго октября вечеромъ,—довольно многочисленную публику, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, видимъ даже дѣтскую коляску; всѣ медленно двигались, какъ вдругъ внезапно я увидѣлъ дюжину кавалеристовъ, съ саблями на голо, которые неслись на насъ, галлопируя по мостовой и тротуарамъ, посреди толпы, рубя своими саблями направо и налѣво.

Я едва успѣлъ съ своей сестрой скрыться въ ворота одного изъ домовъ, какъ три кавалериста пронеслись въ карьеръ мимо. Изъ открытыхъ дверей я увидѣлъ тогда вещь возмутительную, невѣроятную: по тротуару бѣжала обезумѣвшая толпа, главнымъ образомъ, женщины; открытъ былъ только одинъ корридоръ, который быстро заполнился. Остальныя женщины столпились передъ домомъ, а «гиды», въѣхавъ на тротуаръ, отрѣзали имъ отступленіе и начали бить своими саблями. Я видѣлъ, какъ удары сабель сыпались въ корридоръ, наполненный народомъ, я видѣлъ, какъ пять или шесть лицъ, смотрѣвшихъ изъ нижняго

этажа этого дома, получили удары саблей за то, что не смогли удержаться, чтобы не крикнуть этимъ звѣрямъ: «разбойники!»

Я видѣлъ, какъ жандармы выбрасывали изъ коридоровъ мужчинъ и женщинъ и какъ за ними охотились «гиды». Мимо меня проѣхалъ офицеръ, я не могъ удержаться, чтобы не крикнуть ему: «Да арестуйте же, наконецъ, этихъ дикарей!» Онъ измѣрилъ меня взглядомъ и крикнулъ мнѣ: «Вы швейцарецъ?» Я не успѣлъ отвѣтить ему: «О, да! и я стыжусь въ это время быть имъ.» А онъ, тихо проѣхалъ дальше и продолжалъ распоряжаться этой «охотой на людей».

Да, при видѣ этихъ буржуазныхъ звѣрей, которые всегда неизмѣримо отвратительнѣе звѣрей дикихъ, Зандмейеръ могъ стыдиться быть гражданиномъ Швейцаріи, гдѣ все еще хозяйничаетъ буржуазія, но и въ въ ней, наряду съ буржуазными звѣрями, есть люди будущаго. Къ нимъ принадлежатъ тѣ 15 представителей рабочаго класса, которые отказались явиться «на призывъ», которые отказались выйти, въ качествѣ солдатъ, противъ своихъ братьевъ-стачечниковъ.

Всѣхъ ополченцевъ *), не явившихся на призывъ для водворенія порядка, яко бы нарушеннаго стачкой, было около 400; но только 15 изъ нихъ заслуживаютъ быть занесенными въ исторію, ибо они не искали никакихъ предлоговъ для оправданія своего отсутствія, не проявили никакого раскаянья, какъ до суда, такъ и на судѣ они безъ всякихъ оправданій заявляли, что убѣжденіе запрещаетъ имъ итти противъ своихъ согражданъ-рабочихъ.

Увы, такихъ убѣжденныхъ людей пока еще слишкомъ мало, увы, и солидарность рабочихъ пока еще не достигла той высоты, при которой всеобщія стачки могли бы не только пугать, но и побѣждать буржуазію. Женевская «всеобщая стачка» продолжалась всего три дня и не принесла никакой непосредственной пользы служащимъ на электрическихъ трамваяхъ, но она показала тотъ путь, на которомъ будетъ побѣждена буржуазія, будетъ побѣждена тогда, когда солидарность и организованность рабочихъ приблизится

*) Въ Швейцаріи, какъ извѣстно, нѣтъ постояннаго войска, его замѣняетъ милиція или ополченіе.

къ всеобщности, когда только единицы, жалкія единицы изъ солдатъ-рабочихъ, будутъ соглашаться поднимать оружіе противъ своихъ братьевъ стачечниковъ, когда не будетъ ни одной группы рабочихъ, ни одной профессіи, которая бы рѣшилась измѣнить общему дѣлу и поддерживать своей работой буржуазію въ моментъ битвы труда съ капиталомъ...

Нѣтъ, никакихъ сомнѣній, что женевская «всеобщая стачка» сильно двинула впередъ классовое сознаніе женевскихъ рабочихъ и побудила ихъ плотнѣе сплотиться и организоваться...

Преслѣдованія, которыми женевская буржуазія подвергла главныхъ дѣятелей стачки, освятили ихъ борьбу, разнесли вѣсть о ней по всему міру, заставили сильнѣе биться сердца пролетаріевъ всѣхъ странъ и національностей.

«Побѣжденные» рабочіе полны бодрости, побѣдители же дрожатъ отъ страха... Не бойтесь, у пролетаріевъ нѣтъ вашей буржуазной жестокости, вашей буржуазной мстительности, ибо у нихъ нѣтъ собственности, страхъ за которую изъ человѣка дѣлаетъ буржуазнаго звѣря.

Изъ всѣхъ участниковъ «всеобщей стачки» больше всѣхъ поплатился анархистъ Бертони. При арестѣ его жестоко избили, а за тѣмъ предали вмѣстѣ съ Штейнеггеромъ и Кроазье суду присяжныхъ, обвиняя въ цѣломъ рядѣ преступленій противъ общественнаго порядка. Обвинители не могли представить ни одного доказательства, напротивъ. на судѣ выяснилось, что обвиняемые не возбуждали, а успокаивали толпу, тѣмъ не менѣе всѣмъ тремъ былъ вынесенъ обвинительный приговоръ. Кроазье присужденъ къ 3 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, Штейнеггеръ къ 8 мѣсяцамъ, Бертони къ году; но къ первымъ двумъ примѣненъ законъ объ условномъ осужденіи и они освобождены отъ наказанія подъ условіемъ, что въ теченіе года не совершатъ новаго преступленія. Къ Бертони условное освобожденіе не примѣнено, ибо онъ—слишкомъ чистый, слишкомъ яркій типъ пролетарія, слишкомъ видный гражданинъ будущаго строя, чтобы современный судъ могъ проявить къ нему снисхожденіе.

«Признаете ли вы» — спрашиваетъ его предсѣдатель суда — «что совершили преступленіе, упомя

нутое въ первомъ пунктѣ обвиненія (попытка нарушить государственную безопасность)?»

Бертони. Нѣтъ, господинъ предсѣдатель.

Предсѣдатель. Развѣ вы не пытались то рѣчами, то статьями въ газетахъ вызвать употребленіе незаконныхъ средствъ чтобы воспрепятствовать правильному дѣйствію законовъ?

Бертони. Насиліе употреблялось во всѣ времена, это доказываетъ исторія, но я думаю, что революція такая, о какой я мечтаю, еще не готова, и я рѣшительно противъ того, чтобы призывать инертную толпу къ аттакѣ на войска; это было бы сумашествіемъ, впрочемъ, что я этого не дѣлалъ, доказано всѣмъ слѣдствіемъ.

Предсѣдатель. Вы отвергаете и всѣ остальные пункты обвиненія?

Бертони. Разумѣется.

Предсѣдатель. Признаете ли вы, что устроили процессію?

Бертони. Да.

Предсѣдатель. Вы — тессинецъ и вы были воспитаны въ своей семьѣ въ Тессинѣ?

Бертони. Нѣтъ, я воспитывался въ школахъ Италіи, а мой отецъ, бывшій хорошимъ республиканцемъ и «борцомъ за культуру», воспиталъ меня въ своей школѣ, внушивъ ужасъ къ монархіи; не моя вина, что я сдѣлался анархистомъ. Я былъ рабочимъ, я пріѣхалъ въ Женеву двѣнадцати лѣтъ и у меня не было еще опредѣленныхъ идей; я поэтому подчинялся воспитанію своего отца. Въ Тессинѣ я былъ радикаломъ и принялъ участіе въ революціи. Въ Женевѣ я изучалъ. читалъ изслѣдованія о рабочихъ союзахъ, читалъ и «Journal de Genève», не соглашаясь съ нападеніями этой газеты на соціалистовъ. Если я и находилъ оппозицію противъ соціализма справедливой съ точки зрѣнія индивидуальной свободы, то съ другой стороны мнѣ казалось, что во всякомъ случаѣ необходима матеріальная солидарность между всѣми людьми, и я, въ концѣ концовъ, пришелъ къ убѣжденію, что эта индивидуальная свобода можетъ существовать только при коммунистическомъ строѣ.

Предсѣдатель. Вы редактируете газету?

Бертони. Да.

Предсѣдатель. Вы привлекались къ суду передъ союзнымъ трибуналомъ по поводу «Almanaco socialista anarchico»?

Бертони. Да, но мы были оправданы.

Предсѣдатель. Вы редакторъ «Reveil» и вы написали статью, которая повела за собою разрывъ дипломатическихъ сношеній между Швейцаріей и Италіей.

Бертони. Я не долженъ здѣсь давать отчета объ этой статьѣ, которая къ тому же была очень невинная и была даже воспроизведена итальянскими газетами, не подвергшимися за это преслѣдованію.

Спокойный дѣловой тонъ, какимъ Бертони отвѣчалъ на каверзные вопросы предсѣдателя, смѣнился во время защитительной рѣчи тономъ почти пророческаго одушевленія.

«Я» — сказалъ между прочимъ Бертони — «обвиняюсь въ томъ, что вызвалъ зловредную агитацію: — это совершенно невѣрно. Безъ сомнѣнія, я употребилъ всѣ свои силы на то, чтобы воспламенить умы и заставить ихъ заняться великою проблемою рабочаго освобожденія; я внесъ въ обсужденіе этой проблемы и свое замѣчаніе, которое никому не нравится, но которое расширило преніе, которое придало имъ желательную полноту. Я—рабочій—и я думалъ и думалъ основательно, что намъ, какъ наиболѣе заинтересованнымъ принадлежитъ въ этомъ спорѣ первое слово. Не является-ли въ настоящее время первымъ условіемъ возможности говорить къ народу, это—не быть народомъ? Въ моментъ опасности много-ли находится людей среди такъ называемыхъ народныхъ представителей, которые имѣли-бы храбрость слиться съ защищаемымъ ими дѣломъ? Я счастливъ, что мнѣ удалось къ словамъ присоединить дѣла. Прежде, чѣмъ кончить, я хочу протестовать во имя всѣхъ тѣхъ изгнанниковъ, противъ которыхъ отчасти справедливо, отчасти несправедливо было выставлено обвиненіе, что они принадлежали къ моимъ знакомымъ, ибо это кажется наиболѣе тяжкое преступленіе изъ всѣхъ преступленій, предусмотрѣнныхъ кантональными и федеральными законами. Около сотни несчастныхъ отведены на границу ихъ странъ; я получилъ раздирающія душу письма отъ мужей, которыхъ волочили по тюрьмамъ, подвергали всевозможнымъ униженіямъ и лише-

ніямъ, въ то время, какъ ихъ жены и дѣти находились въ полной нищетѣ. Одинъ несчастный старикъ, человѣкъ религіозный, который много разъ тщетно пытался заставить меня понять всѣ красоты святой библіи, былъ изгнанъ, какъ опасный революціонеръ. Я удивляюсь, что не былъ также изгнанъ итальянскій пасторъ въ Коружѣ. который подарилъ мнѣ прекрасный итальянскій переводъ Евангелія, онъ подвергалъ себя опасности быть замѣченнымъ, что онъ посѣщалъ меня.

Господа, великій итальянскій поэтъ сказалъ, что негодованіе переходитъ иногда въ горькій смѣхъ. Безсмыслица обвиненія такъ велика, что я не могъ отвѣчать въ формѣ столь серьезной, какъ мнѣ это бы хотѣлось, но прежде, чѣмъ кончить свою защиту, я хочу еще разъ подчеркнуть, что я не раскаиваюсь ни въ чемъ, что я сдѣлалъ, такъ какъ я убѣжденъ, что я дѣйствовалъ въ интересахъ рабочаго дѣла. И такъ, если я сказалъ въ этой залѣ что-нибудь, что по вашему мнѣнію похоже на оправданіе, то прошу васъ вѣрить, что слова не соотвѣтствовали моей мысли. Единственный судъ, который я признаю, это — судъ моей совѣсти и этотъ судъ ни въ чемъ меня не упрекаетъ.

Мнѣ, врагу представительной системы, вы сдѣлали честь, избравъ меня представителемъ рабочаго класса. Хотя этотъ мандатъ обязателенъ, я его все-же принимаю и я стараюсь прежде всего показать, что, въ противуположность другимъ представителямъ, у меня лишь одинъ языкъ, которымъ я говорю одинаково, какъ на судѣ, такъ и въ народномъ собраніи. Здѣсь, какъ и тамъ, я высказываю свою ненависть и свою любовь, свои мысли и свои намѣренія, свою волю и свои надежды, высказываю, ничего не скрывая. Обладаете-ли вы, господа, духомъ достаточно либеральнымъ чтобы признать законнымъ открытое исповѣданіе всякой идеи? Верховная власть народа признана: я требую, чтобы этому воображаемому властелину можно было все говорить и я предлагаю, чтобъ мнѣ доказали, что я ему лгалъ. Никогда я не говорилъ ему, что я призванъ создавать его благополучіе, нѣтъ, напротивъ, я говорилъ, что онъ долженъ спасти себя отъ всѣхъ спасителей и надѣяться только на тотъ прогрессъ, котораго онъ самъ является творцомъ. Обвинять, осуждать кого-нибудь, это такъ отвратительно, что быть можетъ и вы этого не сдѣ-

лаете, но меня поддерживаетъ глубокая увѣренность, что мои братья по борьбѣ, всѣ сознательные рабочіе меня не осудятъ. Что мнѣ за дѣло до вашего осужденія, когда я увѣренъ, каково будетъ сужденіе огромной массы, которая подымается въ чудномъ блескѣ солидарности. Мое сердце бьется въ этотъ моментъ, какъ въ тотъ счастливый день, когда мы, рабочіе, тѣсными рядами, слившись въ одну единую душу, шли впередъ, не обращая вниманія на угрозы и гнѣвъ господъ, шли, чтобы доказать, что идея справедливости не умираетъ въ лонѣ народа, всегда готоваго къ жервамъ за нея. Сколько сердецъ бьются въ этотъ часъ сильнѣе, охваченныя бóльшею тоскою, чѣмъ наши, ибо любовь нашихъ братьевъ по борьбѣ не умѣетъ отказываться отъ надежды и находитъ наши испытанія болѣе тяжелыми, чѣмъ они есть въ дѣйствительности.

Братья, впередъ! Никакая вооруженная сила не въ состояніи будетъ разсѣять могучей толпы, двигающейся во имя справедливости! Несмотря на свои жестокія войны, свои темныя бѣдствія человѣчество безпрерывно двигается впередъ. Въ глубинѣ нашихъ душъ медленно вырабатывается идея, которая не находитъ еще ни словъ, ни звуковъ, чудная идея радужнаго будущаго.

Всѣ наши кличи, наиболѣе прекрасные—лишь его неопредѣленное и отдаленное эхо. Мы еще не знаемъ тебя, возвышенное слово, крылатая гармонія, но наша мысль предвидя тебя, полна высшаго утѣшенія, поддерживающаго насъ среди всѣхъ испытаній. Въ глубокой ночи мы живемъ мечтой о зарѣ, и ея идеальный блескъ достаточенъ, чтобы освѣтить всю нашу реальную жизнь.

Господа присяжные! Справедливость желаетъ прежде всего побѣды труда и тружениковъ; пусть вашъ вердиктъ будетъ одухотворенъ этой идеей».

Буржуазные присяжные исполнили свой буржуазный долгъ. Выслушавъ рѣчь Бертони, эту могучую обвинительную рѣчь противъ современнаго строя, они произнесли гражданину строя будущаго обвинительный вердиктъ безъ снисхожденія.

Буржуазія не можетъ быть снисходительна къ такимъ пролетаріямъ, какъ Бертони. Въ своей могучей пролетарской рѣчи, изъ которой мы привели лишь

окончаніе. Бертони безжалостно, безъ всякаго снисхожденія обнажаетъ буржуазную душу, онъ срываетъ съ буржуазіи укращающія ее слова о свободѣ, равенствѣ, и братствѣ, онъ показываетъ, что съ перваго же дня своей побѣды, своей «великой революціи», она стала ковать оружіе противъ пролетаріата, противъ трудящихся и неимущихъ, стараясь затушить первые проблески классовой солидарности.

«Принципы, которые Адоры и Ришары*) въ своей ненависти къ народу хотятъ нынѣ провозгласить, ничѣмъ не отличаются» — говоритъ Бертони — «отъ принциповъ, которые буржуазія провела въ жизнь на другой же день послѣ революціи. Новые законодательные акты, которыми намъ теперь угрожаютъ, являются лишь точнымъ воспроизведеніемъ знаменитаго закона, который, по словамъ Бернара Лазара — «экономически говоря, основной законъ конституанты (учредительнаго собранія) — закона 14-го іюня 1791 года, который запрещалъ рабочіе союзы и отказывалъ рабочимъ въ свободѣ защищать свои общіе интересы. Докладъ Шапелье, предшествовавшій голосованію этого закона, содержитъ всю экономическую доктрину промышленной буржуазіи, доктрину, которая въ теченіе ста лѣтъ неизмѣнно прошла черезъ всѣ политическія революціи.

«Гражданамъ извѣстныхъ профессій» — говорилъ Шапелье — «не должно быть позволено собираться вмѣстѣ ради ихъ воображаемыхъ общихъ интересовъ. Въ государствѣ нѣтъ болѣе корпорацій, существуетъ только частный интересъ каждаго отдѣльнаго лица по отношенію къ интересу общему. Никому не позволяется внушать гражданамъ интересъ посредническій, лишь свободнымъ соглашеніямъ одного лица съ другимъ предоставляется устанавливать продолжительность рабочаго дня для каждаго рабочаго, а рабочій долженъ съ своей стороны поддерживать соглашеніе, заключенное съ нанимателемъ.»

Бертони — совершенно правъ. Уже во французской революціи буржуазія проявила всю свою ненависть къ трудящемуся пролетаріату, хотя онъ тогда только еще нарождался, ея «революціонная» психологія могла

*) Женевскіе реакціонеры.

находить откликъ у «санкюлотовъ», этихъ предковъ современныхъ «оборванцевъ», современнаго «Lumpenproletariat», который всегда являлся и является врагомъ пролетаріата трудящагося, пролетаріата, призваннаго создать новое царство справедливости и труда.

«Терроръ» революціонной буржуазіи, терроръ, однимъ изъ наиболѣе яркихъ представителей котораго являлся тщеславный лицемѣръ Робеспьеръ, былъ отвратителенъ тогдашнимъ французскимъ *рабочимъ*, онъ долженъ быть отвратителенъ и всякому современному сознательному и трудящемуся пролетарію.

Посмотрите, какъ описываетъ робеспьеровскій терроръ извѣстный нѣмецкій соціалдемократъ Блосъ въ своей пролетарской «Исторіи французской революціи».

«Пестрою толпою» — пишетъ Блосъ — «падали (во время террора) жертвы; послѣ генерала Бирона погибли три женщины и между ними одна веселая вѣнка Розалія Альбертъ...; за маршаломъ Люкнеромъ слѣдуетъ одинъ бѣдный мыловаръ; 5 и 8 января пали головы двухъ женщинъ: одна изъ нихъ г-жа Лекенжъ изъ Брюсселя была казнена за то, что подписалась на роялистическій журналъ. 16-аго января казнены двѣ женщины, одинъ парикмахеръ и одинъ писецъ: послѣдній за то, что смѣялся надъ конвентомъ. Въ февралѣ на эшафотѣ умираютъ 9 женщинъ, между ними 2 монахини, одна маркиза и одна крестьянка. Въ февралѣ жертвы состоятъ, кромѣ дворянъ, изъ кондитеровъ, ветошниковъ, кучеровъ, солдатъ, парикмахеровъ, поденщиковъ и крестьянъ; 2 марта казнены изъ одной и той же деревни священникъ, мэръ, два крестьянина, мельникъ, кузнецъ и сапожникъ; 6 марта съ генералами Шанселемъ и Девономъ на эшафотъ всходитъ и 60 лѣтній крестьянинъ. Такая пестрая смѣсь идетъ и дальше. 17 марта гильотинируютъ бѣдную служанку, двухъ крестьянъ и двухъ кавалеровъ ордена Людовика. 21 марта обезглавлена г-жа Шанъ Лорье за то, что она назвала казнь своего мужа дѣломъ тираніи. Послѣ казни геберистовъ и дантонистовъ трибуналъ вышелъ изъ всякихъ границъ. Жертвы перемѣшиваются самымъ страннымъ образомъ. Нѣмецкому ученому Евлогію Шнейдеру даютъ въ товарищи помощника одного бакалейщика. 13 апрѣля казнятъ Шометта, Гобеля, а вмѣстѣ съ ними Гебера и Камилла Демулена.

Чудная Люсиль Демуленъ, дѣти которой играли на колѣняхъ Робеспьера, съ античнымъ мужествомъ положила подъ топоръ свою кудрявую голову. 24 апрѣля казнятъ 33 жителей Вердона за то, что они нѣкогда съ радостью встрѣтили пруссаковъ: кромѣ лицъ, начальствовавшихъ тогда въ городѣ, казнены были 12 женщинъ, одна жена сапожника 70 лѣтъ, одна старая дѣва 75 лѣтъ; затѣмъ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ отъ 18 до 22 лѣтъ: эти милыя существа не могли тронуть ни судью, ни палача, *но онѣ тронули народъ, проявившій отвращеніе къ подобной бойнѣ* *). 5 мая казнены 3 молодыхъ модистки; 8 мая — 28 генеральныхъ откупщиковъ и между ними знаменитый химикъ Лавуазье: *онъ просилъ отсрочки казни на 4 недѣли, чтобы окончить одно важное открытіе, на что президентъ трибунала Кофеиналь отвѣтилъ ему: «намъ не надо ученыхъ»* *).

«Народъ» — говоритъ Блосъ въ другомъ мѣстѣ своей книги — «никогда не проявлялъ особенныхъ симпатій къ революціонному трибуналу. *Онъ прекрасно понималъ, что эти избіенія, для которыхъ жертвы набирались преимущественно изъ него же, не могли улучшить его положенія.* Поэтому за похоронными колесницами часто слышались свистки и крики, а обитатели тѣхъ улицъ, по которымъ слѣдовали печальныя шествія къ эшафоту, закрывали ставни. Тогда правительство распорядилось, чтобы позорныя колесницы направлялись черезъ Сентъ-Антуанское предмѣстье въ той надеждѣ, что революціонные рабочіе этого предмѣстья станутъ одобрять казни. Но и рабочіе встрѣчали позорныя колесницы выраженіями отвращенія, которыя относились не къ осужденнымъ, и также закрывали ставни. Они даже не позволяли своимъ любопытнымъ женамъ смотрѣть на казни.

Среди 2750 жертвъ гильотины въ Парижѣ людей состоятельныхъ, вліятельныхъ и высокопоставленныхъ было 650; остальные 2100 человѣкъ — все люди бѣдные. Такимъ образомъ, бѣдные, трудящіеся классы дали значительно бо̀льшую часть той крови, которую люди добродѣтели выпустили изъ французскаго народа. *Они не могли понять, зачѣмъ это для отраженія*

---

*) Курсивомъ всюду выдѣлено нами. В. П.

союзныхъ европейскихъ державъ нужно проливать кровь бѣдныхъ безвѣстныхъ рабочихъ, крестьянъ, поденщиковъ, дѣвушекъ, швей и прачекъ. И когда впослѣдствіи въ трудную минуту агенты Робеспьера явились въ предмѣстья и призывали народъ явиться на помощь этому человѣку добродѣтели, то имъ здѣсь злобно отвѣтили : « *мы умираемъ отъ голода, а вы хотите накормить насъ казнями* »*).

Такъ пишетъ о террорѣ французской революціи и ея «людяхъ добродѣтели», (изъ нихъ же первый Робеспьеръ, нѣмецкій соціалдемократъ, представитель современнаго сознательнаго пролетаріата.

Безсмысленную жестокость этого террора должны признать всѣ вообще безпристрастные историки, каковъ, напр., профессоръ Сарбонны Оларъ, бывшій постоянный сотрудникъ «Justice» газеты крайняго радикала Клемансо.

«Въ общемъ послѣ 22 преріаля» — говоритъ Оларъ — «это было избіеніе виновныхъ и невинныхъ, достойное инквизиціи, *избіеніе, лишенное всякаго оправданія въ глазахъ историка*, такъ какъ успѣхъ національной защиты былъ тогда уже обезпеченъ.»

Мы останавливаемся на характеристикѣ террора французской революціи такъ долго,такъ какъ имѣемъ основаніе думать, что среди русскихъ соціалдемократовъ есть люди, готовые прославлять этотъ періодъ, готовые считать Робеспьера и другихъ «людей добродѣтели» «лучшими образцами революціонныхъ дѣятелей всѣхъ временъ», готовые считать « задачей русскаго революціонера подготовлять россійскій народъ къ русскому народному террору», люди, заявляющіе, что они террористы à la Робеспьеръ, что такими только террористами могутъ и должны быть русскіе соціалдемократы.

Мы совсѣмъ иного мнѣнія. По нашему мнѣнію надо стараться спасти народъ отъ террора «людей добродѣтели», по нашему мнѣнію, соціалдемократъ, если и не долженъ, то можетъ быть террористомъ, поподобнымъ Карповичу, Балмашеву и Лекерту, но онъ не долженъ и не можетъ быть террористомъ à la Робеспьеръ.

*) Курсивъ Блоса.

По нашему мнѣнію, къ поступкамъ Балмашева, Лекерта, Карповича и другихъ не слѣдуетъ даже примѣнять слово «террорь», опозоренное людьми «добродѣтели».

Выстрѣлы Карповичей и Лекертовъ — выраженіе негодованія за нарушеніе всѣхъ человѣческихъ правъ, за попраніе свободы и справедливости, эти выстрѣлы идутъ изъ нѣдръ народа, направляясь въ тирановъ, казни же Робеспьера были сами выраженіемъ попранія свободы и всѣхъ правъ человѣка, онѣ исходятъ отъ правительства и тирановъ, онѣ брали свои жертвы изъ народа.

Между терроромъ французской революціи и современнымъ русскимъ такъ называемымъ «терроромъ» нѣтъ ничего общаго, они противуположны другъ другу.

Правительственный терроръ 1792—95 годовъ былъ прежде всего пріостановкой основныхъ принциповъ 1789 года, былъ *отрицаніемъ началъ закона и свободы.*

По закону 22 преріаля, редактированному Робеспьеромъ и предложенному Кутономъ, у обвиняемыхъ были отняты защитники и были устранены свидѣтельскія показанія, матерьяльныя доказательства были замѣнены нравственнымъ убѣжденіемъ судей. Осужденные приговаривались исключительно къ смертной казни; составъ присяжныхъ произвольно пополнялся фанатическими сторонниками Робеспьера.

И за что только не грозили смертною казнью робеспьеровскіе террористическіе законы!

Современнымъ соціалдемократамъ, провозглашающимъ себя террористами à la Робеспьеръ, надо помнить, что декретъ конвента 4-го декабря 1792 года угрожаетъ смертной казнью «всякому, кто предложилъ бы аграрный законъ или какой-либо другой способъ ниспроверженія земельной, торговой или промышленной собственности».

Нѣтъ, мы глубоко убѣждены, что пролетарская революція обойдется безъ террора, безъ диктаторовъ, безъ массовыхъ казней...

Пролетарская революція это торжество свободы и гуманности, торжество любви къ ближнему, пролетарская революція — это уничтоженіе всѣхъ формъ насилія человѣка надъ человѣкомъ, это уничтоженіе казней и тюремъ.

Революціонеры-пролетаріи, революціонеры-соціал-демократы не могутъ брать себѣ за образцы буржуазныхъ революціонеровъ, подобныхъ Робеспьеру, который является духовнымъ отцомъ Кавеньяка, Тьера и другихъ палачей пролетаріата.

Не потоками крови, не войнами и казнями уничтожитъ пролетаріатъ современное царство насилія человѣка надъ человѣкомъ, нѣтъ, его средства освобожденія новы, какъ нова его возвышенная исторія, какъ новъ его чудный идеалъ.

Онъ побѣдитъ великой тройственной стачкой: стачкой рабочихъ, стачкой солдатъ, стачкой плательщиковъ налоговъ.

Вопросъ о всеобщей стачкѣ, какъ объ одномъ изъ средствъ освобожденія рабочаго класса, не разъ поднимался на международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ, но до сихъ поръ не встрѣчалъ опредѣленнаго сочувствія со стороны большинства. На Лондонскомъ международномъ конгрессѣ меньшинство «комиссіи экономическихъ и промышленныхъ дѣйствій» представило докладъ очень сочувственный всеобщей стачкѣ. Докладъ сводился къ слѣдующему предложенію: «Принимая во вниманіе, что на многихъ національныхъ конгрессахъ Франціи: въ Марселѣ (1892), Парижѣ (1893), Нантѣ (1894) и Лиможѣ (1895) организованные рабочіе высказывались въ пользу общей стачки всѣхъ производствъ, какъ средства освобожденія;

что въ Бельгіи, даже неудовлетворительно организованная всеобщая стачка значительно помогла вырвать у буржуазіи право голоса;

что въ Швеціи и Австріи рабочіе, борясь за полученіе того-же права, пользовались тѣмъ-же средствомъ;

что если, апріорно, международная всеобщая стачка и кажется невыполнимой, то по отношенію къ національной всеобщей стачкѣ это можетъ оказаться невѣрнымъ;

и что до настоящаго времени, вопросъ о всеобщей стачкѣ не достаточно изслѣдованъ во всѣхъ странахъ;

конгрессъ предлагаетъ рабочимъ всѣхъ національностей, а въ частности синдикатамъ, изслѣдовать столь важный вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ на слѣдующемъ международномъ конгрессѣ.»

Предложеніе это было отвергнуто огромнымъ боль-

шинствомъ, которое признало, что, «хотя стачка и бойкотъ являются необходимыми средствами для осуществленія задачъ рабочаго класса, но при дѣйствующихъ условіяхъ международная всеобщая стачка не представляется возможной».

Парижскій конгрессъ 1900 года лишь подтвердилъ мнѣніе большинства лондонскаго конгресса. Надо надѣяться, что предстоящій въ 1904-мъ году амстердамскій конгрессъ отнесется къ вопросу о всеобщей стачкѣ нѣсколько иначе.

Не слѣдуетъ запугивать себя невозможностью международной стачки всѣхъ рабочихъ всѣхъ производствъ. Это—идеалъ и, какъ всякій идеалъ, онъ во всей своей полнотѣ неосуществимъ. Надо исходить изъ фактовъ, изъ происходящихъ уже въ настоящее время «всеобщихъ стачекъ», которыя неизбѣжно должны принять международный характеръ, и нельзя, какъ это не разъ высказывалось на международныхъ конгрессахъ, отклонять вопросъ о «всеобщихъ стачкахъ» указаніями на недостаточную организованность рабочихъ. Конечно, для успѣшныхъ всеобщихъ стачекъ необходима организованность рабочаго класса, но сама эта организованность развивается скорѣе всего «всеобщими стачками».

Во всякомъ случаѣ развитіе капиталистическаго строя съ его милитаризмомъ, съ его усовершенствованными орудіями человѣкоубійства, скорострѣльными ружьями и пушками, по мнѣнію цѣлаго ряда видныхъ соціалдемократическихъ вожаковъ, убиваетъ возможность уличныхъ революцій, но тоже развитіе, отдавая въ руки организованныхъ рабочихъ распоряженіе всѣми удобствами даже домашней жизни каждаго буржуа, дѣлаетъ, прибавимъ мы отъ себя, всеобщую стачку все болѣе и болѣе дѣйствительнымъ и могучимъ орудіемъ въ рукахъ пролетаріата *).

*) Характерно, что конгрессъ «соціалистической партіи Франціи», состоявшійся этою осенью въ Комментри, принялъ постановленіе, сочувственное «всеобщей стачкѣ». «Соціалистическая партія Франціи» состоитъ изъ бланкистовъ и гедистовъ (марксистовъ).

Въ 1894-мъ году гедисты ушли съ нантскаго конгресса, отказавшись включить всеобщую стачку въ средства дѣйствія соціалистической партіи. Всеобщестачечное теченіе среди пролетаріата заставило ихъ теперь измѣнить свой взглядъ.

Въ рукахъ рабочихъ все болѣе и болѣе сосредоточиваются нити передвиженія (желѣзныя дороги, электрическіе трамваи и т. д.), сообщенія по телеграфу и телефону, освѣщенія улицъ и квартиръ (электричество), снабженіе водой (водопроводъ), снабженіе газомъ для кухни и пр.

Забастовка электротехниковъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, телеграфистовъ и телефонистовъ, водопроводчиковъ и газовщиковъ, пекарей, извощиковъ, и т. д., можно сказать, прекращаетъ буржуазную жизнь, останавливаетъ возможность пользованія тѣми удобствами, безъ которыхъ буржуа не можетъ обойтись и долженъ «сдаться».

Въ извѣстной драмѣ Бьернсона «Свыше нашихъ силъ» изображается, какъ рабочіе, страданія которыхъ превысили ихъ терпѣніе, взрываютъ собраніе издѣвающихся надъ ними капиталистовъ. Въ дѣйствительной борьбѣ пролетаріата съ капиталистами такихъ взрывовъ не было и не будетъ, но въ ней, навѣрное, будутъ и до нѣкоторой степени уже были случаи, когда улицы и дома погрузятся въ мракъ, когда все движеніе въ городахъ и между городами остановится, когда капиталисты напрасно будутъ ждать привычныхъ телефонныхъ звонковъ, когда имъ придется оставаться безъ обѣда, такъ какъ притокъ газа, на которомъ въ Европѣ готовятъ и въ ресторанахъ и частныхъ домахъ, будетъ остановленъ.

Рабочему привычно оставаться безъ обѣда, но для буржуа остаться безъ обѣда — это почти смертельный ударъ!

Чѣмъ чаще будутъ повторяться подобные случаи, тѣмъ больше будутъ рабочіе сознавать свою силу, сознавать, что ими движется вся жизнь, тѣмъ скорѣе совершится окончательный переворотъ.

Вмѣстѣ съ развитіемъ этихъ «всеобщихъ стачекъ» будетъ развиваться и отказъ солдатъ выходить противъ своихъ братьевъ-рабочихъ. Въ этомъ отношеніи открытый отказъ 17 женевскихъ ополченцевъ явиться для усмиренія стачечниковъ чрезвычайно знаменателенъ. Изъ этихъ семнадцати — 15 даже на судѣ не пожелали выразить никакого сожалѣнія. Въ 1898 году при подобныхъ же условіяхъ открыто отказался отъ явки къ выполненію своей «воинской обязанности»,

одинъ только Сиггъ, нынѣ не явилось въ общемъ около 400 человѣкъ, и17 изъ нихъ въ томъ числѣ снова Сиггъ, открыто заявили о своихъ убѣжденіяхъ, не позволяющихъ имъ итти противъ «внутреннихъ враговъ» буржуазіи.

Военный судъ всѣхъ ихъ осудилъ, приговоривъ къ годовому лишенію политическихъ правъ и тюремному заключенію на разные сроки до 4-хъ мѣсяцевъ; но это лишь усилило ихъ популярность, сдѣлало ихъ настоящими героями дня и принесло огромную пользу антимилитаристической, антивоенной проповѣди.

Приведемъ изъ женевской газеты «Peuple» краткія характеристики пятнадцати, твердо оставшихся вѣрными своимъ убѣжденіямъ.

1. *Виссъ, Карлъ.* Столяръ, солдатъ 10-го баталіона, женевецъ. Отказался итти по требованію совѣсти. «Стачка было мирной. Рабочихъ возбудилъ лишь призывъ войскъ. Я — рабочій, моя совѣсть противится тому, чтобы итти противъ братьевъ». Въ частной жизни — говоритъ обвиненіе — поведеніе Висса было хорошее, онъ хорошій отецъ семейства. До октября онъ правильно выполнялъ свои военныя обязанности.

Приговоръ: 2 мѣсяца тюрьмы. Годъ лишенія политическихъ правъ.

2. *Излеръ, Эдуардъ,* 29 лѣтъ, счетоводъ, изъ Цюриха, солдатъ 10-аго баталіона. Отказался итти, такъ какъ это противорѣчитъ его убѣжденіямъ. До сихъ поръ всегда несъ воинскую повинность. Не былъ ни разу наказанъ. Превосходный отецъ семейства, хорошій служащій.

Приговоръ: 7 недѣль тюрьмы, годъ лишенія политическихъ правъ

3. *Бернаръ, Луи,* 24 лѣтъ, ремесленникъ, нейшателецъ, солдатъ 10 баталіона.

Явился на первый призывъ, на второй отказался. Среди стачечниковъ былъ его родной братъ. Былъ избитъ солдатами въ толпѣ.

Приговоръ: 1 мѣсяцъ тюрьмы, 10 мѣсяцевъ лишенія политическихъ правъ.

4. *Цаугъ, Эдуардъ,* 23 лѣтъ, служащій въ типографіи, изъ Берна, холостой, капралъ 13-й «элиты».

Не чувствовалъ себя свободнымъ итти противъ

стачки. Если бы было возстаніе анархистовъ, пошелъ-бы.

Приговоръ: 3 мѣсяца тюрьмы, разжалованіе въ рядовые, годъ лишенія политическихъ правъ.

5. *Бланшаръ, Карлъ,* 22 лѣтъ, изъ кантона Водъ, солдатъ 13 баталіона.

Честный и работящій рабочій, принадлежитъ къ синдикату, принявшему участіе въ стачкѣ. Совѣсть не позволила ему послѣдовать приказу властей. Онъ полагалъ, что нарушитъ свой долгъ, налагаемый духомъ солидарности, если подниметъ оружіе противъ стачечниковъ.

Приговоръ: 2 мѣсяца тюрьмы, 1 годъ лишенія политическихъ правъ.

6. *Флери, Карлъ,* 20 лѣтъ, печатникъ, женевецъ, солдатъ 13 баталіона.

Предпочелъ повиноваться своимъ убѣжденіямъ, чтобы избѣжать возможности стрѣлять въ своихъ товарищей. Честный и работящій рабочій.

Приговоръ: 2 мѣсяца тюрьмы, 1 годъ лишенія политическихъ правъ.

7. *Ниггли, Альфредъ,* 31 года, изъ Арго, служащій на электрическомъ трамваѣ, капралъ 13 баталіона.

Чувствовалъ, что былъ бы неправъ, если бы поднялъ оружіе противъ своихъ товарищей. По свидѣтельству обвинительной власти честный человѣкъ, хорошій мужъ, хорошій отецъ семейства.

Приговоръ: 9 недѣль тюрьмы, разжалованіе въ рядовые, годъ лишенія политическихъ правъ.

8. *Метралье, Вильгельмъ,* 23 лѣтъ, изъ кантона Водъ солдатъ 13 баталіона.

Не явился на призывъ, такъ какъ ему этого не позволяла совѣсть. «Я обвиняюсь въ дезертирствѣ»— сказалъ онъ. — «Вотъ очень грубое слово для факта очень тонкаго».

Приговоръ: 2 мѣсяца тюрьмы, 1 годъ лишенія политическихъ правъ.

9. *Годенъ Фридрихъ,* 27 лѣтъ, рабочій въ цѣпочной мастерской, изъ кантона Водъ, отецъ 2-хъ дѣтей, солдатъ 13 баталіона. Его отецъ былъ среди трамвайныхъ стачечниковъ.

На вопросъ главнаго судьи: «Почему онъ не явился

на призывъ?» Годенъ просто отвѣтилъ: «Я не иду противъ своихъ братьевъ по нищетѣ. Мой отецъ просилъ хлѣба, а не свинца».

На вопросъ, пошелъ ли бы онъ на границу противъ врага отечества онъ отвѣтилъ: «Я не хочу отвѣчать. Пусть раньше мнѣ отвѣтятъ, будутъ ли мои дѣти имѣть завтра хлѣбъ?»

Приговоръ: 7 недѣль тюрьмы. Годъ лишенія политическихъ правъ.

10. *Роша, Францискъ,* капралъ 2 баталіона, 27 лѣтъ, работающій въ типографіи, изъ кантона Водъ, холостой.

Защитникъ, соціалистъ Бейлеръ, произноситъ блестящую рѣчь. «Роша не явился на призывъ властей, потому что хотѣлъ итти рука въ руку съ своими товарищами. Его совѣсть не позволила ему итти противъ стачечниковъ. Смѣлость, искренность и стойкая увѣренность въ своей правотѣ, выказанная Роша, заслуживаютъ не осужденія, а поздравленія». Защитникъ напоминаетъ исторію женевскихъ аристократовъ, которые во время войны Зондербунда перешли границу, чтобы не итти противъ врага швейцарской свободы; они оставили только своихъ лакеевъ, и по окончаніи войны могли спокойно вернуться въ свои роскошные дома; теперь же осуждаютъ, теперь наказываютъ бѣдныхъ рабочихъ, отцовъ семей, честныхъ и работящихъ за то, что они имѣли отвагу поступить согласно съ своими убѣжденіями.

Приговоръ: 20 дней тюрьмы, разжалованіе.

11. *Декрезъ, Эдмундъ,* 25 лѣтъ, изъ Нейшателя, механикъ, холостой, капралъ 2 баталіона.

Обвиненіе называетъ его честнымъ малымъ, хорошимъ сыномъ, добросовѣстнымъ работникомъ.

Приговоръ: 20 дней тюрьмы, разжалованье.

12. *Рену, Рафаилъ,* женевецъ, шляпочникъ, карабинеръ 2 баталіона.

Онъ не явился на призывъ, потому что былъ сторонникомъ стачки, потому что солдаты принуждены столкнуться съ его братьями по несчастью.

Приговоръ: 20 дней тюрьмы и судебныя издержки.

13. *Купферъ, Августъ,* женевецъ, рабочій въ цѣпочной мастерской, солдатъ 105 баталіона.

«Никогда не пойду противъ стачечниковъ, моихъ согражданъ!»

Приговоръ: 6 недѣль тюрьмы годъ лишенія политическихъ правъ, судебныя издержки.

14. *Сиггъ, Жанъ,* депутатъ кантональнаго собранія, рабочій секретарь, стрѣлокъ 105 баталіона, изъ Шафхаузена, 37 лѣтъ, отецъ 3-хъ дѣтей.

Выясняетъ, что, какъ въ 1898 году, такъ и теперь онъ повиновался своей совѣсти. Войско было на службѣ у капитала и противъ стачечниковъ. Обязанности рабочаго секретаря заставляли его быть среди стачечниковъ.

Въ случаѣ нападенія враговъ на швейцарскую территорію, Сиггъ пошелъ бы на войну, но со смертью въ душѣ, думая, что, можетъ быть, онъ встрѣтится лицомъ къ лицу съ рабочими другой страны, которые такъ часто являлись жертвами притязаній немногихъ. Во время стачки онъ исполнялъ лишь свою обязанность; онъ пытался успокоить обѣ стороны, самымъ рѣшительнымъ образомъ принимая въ разсчетъ интересы рабочихъ.

Приговоръ: 4 мѣсяца тюрьмы, годъ лишенія политическихъ правъ, судебныя издержки.

16. *Херни, Альбертъ,* изъ Берна, столяръ, канонеръ.

Не явился, повинуясь своей совѣсти. Не хотѣлъ поднять оружіе противъ товарищей.

Приговоръ: 2 мѣсяца тюрьмы, годъ лишенія политическихъ правъ.

Читая всѣ эти краткія характеристики пролетаріевъ, которые предпочли повиновеніе своей совѣсти повиновенію приказамъ начальства, характеристики, сопровождающіяся приговорами, посылающими этихъ людей въ тюрьму и лишающими ихъ политическихъ правъ, невольно задаешь себѣ вопросъ: а какой приговоръ произнесли самимъ себѣ судившіе ихъ буржуи въ офицерскихъ мундирахъ?

Не лишили-ли они себя... не политическихъ правъ на годъ, а человѣческой совѣсти на всю жизнь?!

Вамъ же смѣлые пролетаріи маленькой республики, вамъ истинно свободнымъ гражданамъ съ чистою пролетарскою совѣстью да раздастся братскій привѣтъ отъ рабочихъ обширной русской имперіи, отъ рабочихъ, которымъ вѣрность своимъ убѣжденіямъ нерѣдко приходится запечатлѣть не только лишеніями и страданіями, но и самою смертью!

Стачка солдатъ почти необходима для успѣха всеобщей стачки рабочихъ; стачка плательщиковъ налоговъ не является необходимостью. но и она все же можетъ имѣть большое значеніе въ борьбѣ рабочаго класса за свое освобожденіе.

Мы не думаемъ, конечно, что стачка плательщиковъ могла бы непосредственно пошатнуть финансы современныхъ государствъ, бюджетъ которыхъ въ значительной степени опирается на косвенные налоги и государственныя монополіи, мы разсматриваемъ стачку плательщиковъ, лишь какъ могучую манифестацію противъ классового правительства, манифестацію, въ корнѣ *подрывающую его авторитетъ*.

Стачка плательщиковъ налоговъ, по крайней мѣрѣ. *въ своей возможности* является необходимымъ условіемъ парламентской борьбы. Знаменитый конфликтъ между «прогрессистскимъ» большинствомъ прусскаго ландтага и прусскимъ правительствомъ имѣлъ такъ мало значенія, окончился такъ печально для «прогрессистовъ», главнымъ образомъ потому. что «прогрессисты» не хотѣли или не могли подкрѣпить свою парламентскую борьбу массовымъ отказомъ отъ уплаты налоговъ.

Мы, конечно, признаемъ важность парламентской борьбы представителей рабочаго класса, но исключительно этою борьбою, при существованіи даже всеобщаго избирательнаго права, пролетаріатъ, не можетъ достигнуть не только своей конечной цѣли, но и сколько нибудь существеннаго улучшенія своего настоящаго положенія.

Нѣмецкимъ соціалдемократамъ, слишкомъ, если такъ можно выразиться, опьяненнымъ своими избирательными успѣхами, придется скоро подумать о перенесеніи центра тяжести борьбы изъ рейхстага, изъ народнаго представительства непосредственно въ народныя массы и серьезно взвѣсить вопросъ о всеобщей стачкѣ и объ отказѣ отъ уплаты налоговъ.

Ихъ обструкціонная парламентская борьба съ ростовщическимъ тарифомъ, затрагивающимъ самымъ жестокимъ образомъ насущнѣйшіе интересы пролетаріата, борьбу, на которую они положили массу энергіи, видимо. терпитъ полное фіаско.

Слѣдя за этой борьбой, читая безконечныя рѣчи

соціалдемократическихъ депутатовъ, читая ихъ пламенныя, но тщетные протесты противъ парламентскаго насилія большинства, невольно вспоминаешь извѣстную рѣчь В. Либкнехта «О политическомъ положеніи соціалдемократіи», произнесенную имъ 31 мая 1869 г.

Въ этой рѣчи, какъ ни какъ, а много правды.

„«Прекрасныя», «сильныя» оппозиціонныя рѣчи прусской прогресистской партіи" — говорилъ между прочимъ Либкнехтъ — «создали почву для крови и желѣза, — *онѣ были похоронными рѣчами для самой прогрессистской партіи. Прогрессистская партія въ собственномъ значеніи слова заговорила себя до смерти.*»

Соціалдемократія, конечно, не въ состояніи заговорить себя до смерти, ибо за ней стоитъ пролетаріатъ, полный силъ и жизни, но «прекрасныхъ» и «сильныхъ» оппозиціонныхъ рѣчей въ настоящее время мало, слишкомъ мало.

«Я не хочу утверждать» — говоритъ въ той же рѣчи Либкнехтъ — «что парламентскую борьбу всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ слѣдуетъ отвергать. Въ періодъ хроническаго разслабленія, когда кровь лѣниво, тинообразно ползетъ въ политическомъ тѣлѣ, когда придавленный народный духъ на цѣлыя десятилѣтія впередъ не видитъ никакого спасенія, въ такіе періоды можетъ быть полезно въ какомъ-нибудь парламентѣ поддерживать въ маленькой лампадкѣ свободы огонекъ, бросающій свои свѣтлые лучи въ окружающую ночь.

И когда народъ, когда «рабочіе батальоны» въ полномъ вооруженіи стоятъ у дверей парламента, и тогда слово, брошенное съ трибуны, быть можетъ дастъ, подобно электрической искрѣ, сигналъ къ освободительному дѣлу.

Но мы находимся теперь, благодаренье Богу, *уже болѣе не* въ періодѣ хронической опущенности — и *къ сожалѣнію еще не* наканунѣ дѣянія, потокомъ вырывающагося изъ народныхъ нѣдръ.»

Это говорилось въ 1869 году. А нынѣ? Несомнѣнно германскій народъ не находится нынѣ въ періодѣ хронической опущенности, и, если онъ стоитъ наканунѣ «освободительнаго дѣянія», то ночь, отдаляющую этотъ канунъ отъ дня освобожденія, будетъ

все же достаточно длинна, чтобы искры, брошенныя съ парламентской трибуны, успѣли окончательно потухнуть.

Вопросъ: «что дѣлать?» подымается теперь передъ нѣмецкой соціалдемократіей во всей своей серьезности, во всей своей неотложности. Отвѣтъ на него какъ всегда, дастъ самъ пролетаріатъ, въ рѣшительную минуту не отступающій ни передъ какими жертвами. Вступленіе немѣцкой соціалдемократіи на путь «всеобщей стачки» было бы огромнымъ шагомъ впередъ для всего рабочаго класса.

Заканчивая это обозрѣніе, мы считаемъ долгомъ хотя нѣсколькими словами почтить память великаго французскаго писателя Эмиля Золя, умершаго въ началѣ октября.

Золя былъ одновременно пророкомъ отчаянья умирающей и разлагающейся буржуазіи и пророкомъ надежды для возрождающагося пролетаріата.

Онъ обнажилъ всѣ язвы, весь гной буржуазной жизни, онъ не украшалъ цвѣтами отвратительно гніющее тѣло, онъ поставилъ буржуазіи суровый діагнозъ — гнойное зараженіе крови; но онъ съ радостнымъ ликованьемъ привѣтствовалъ новую жизнь, новыхъ властителей ея, смѣлыхъ и сильныхъ рыцарей труда.

«Апрѣльское солнце горѣло теперь на небѣ во всемъ своемъ блескѣ, согрѣвая землю. Жизнь била ключемъ изъ ея плодоносныхъ нѣдръ, почки на деревьяхъ распускались...

Въ ушахъ Этьена продолжали раздаваться подземные удары и мнилось ему, что новая порода людей зарождается тамъ, глубоко подъ землей...

Наступитъ день, созрѣетъ жатва, и при яркомъ блескѣ солнца явится въ міръ славное, могучее, обновленное поколѣніе тружениковъ!...»

Такъ заканчиваетъ Золя свой романъ »Germinal» («Углекопы»), который надолго останется одною изъ любимыхъ книгъ пролетаріевъ всѣхъ національностей.

Прожилъ Золя большую часть своей жизни среди буржуазіи въ буржуазной обстановкѣ, лично онъ былъ буржуа, но буржуа исключительный; въ немъ таилось

страстное негодованіе противъ всего, что казалось ему несправедливымъ. Извѣстно, съ какою силою, съ какимъ упорствомъ проявилось это негодованіе въ «дѣлѣ Дрейфуса», которое, въ значительной степени благодаря Золя, сдѣлалось общественнымъ событіемъ первостепенной важности.

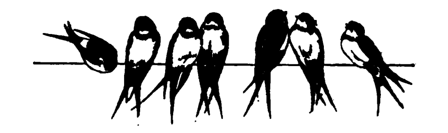
Прямолинейность Золя въ этомъ дѣлѣ испугала большую часть его буржуазныхъ поклонниковъ, и за гробомъ его шли преимущественно рабочіе, но рабочихъ за то было десятки тысячъ.

Представители соціалистическихъ организацій несли вѣнки съ соотвѣтствующими надписями.

Былъ вѣнокъ и отъ «Жизни», на красныхъ лентахъ котораго блестѣла надпись:

«*Великому автору «Жерминаля» и «Труда» и отважному борцу за справедливость*».

В. П.

СОЦІАЛИЗМЪ ВЪ НОРВЕГІИ

Олава Крингена,

Члена интернаціональнаго соціалистическаго Комитета.

(Переводъ съ рукописи).

Населеніе Норвегіи съ незапамятныхъ временъ пользовалось свободой и независимостью. Норвежская средневѣковая литература, исландскія саги и пѣсни показываютъ, какъ высоко стояла цивилизація страны. Такимъ образомъ передъ началомъ лютеранской реформаціи, въ первой половинѣ 16-го вѣка Норвегія принадлежала къ числу передовыхъ странъ Европы. Но «Реформація» отняла у Норвегіи ея воспитательныя учрежденія, красоту и богатство ея церквей, ея духовныхъ учителей, однимъ словомъ лишила страну ея вѣковой національной культуры, не вознаградивъ ее ничѣмъ инымъ. И только въ 19-мъ столѣтіи, благодаря новымъ демократическимъ учрежденіямъ, народнымъ школамъ и высшему образованію, Норвегія снова введена въ рядъ прочихъ европейскихъ государствъ.

Послѣ мрачной ночи четырехсотъ-лѣтняго соединенія съ Даніей пробилъ, наконецъ, въ 1814 году часъ освобожденія Норвегіи. Унія съ Даніей была расторгнута, и Норвегія получила возможность самостоятельно развивать свои національныя учрежденія и особенности. Хотя Норвегія и имѣетъ общаго короля съ Швеціей, но образъ правленія — чисто республиканскій: шведскій король — не больше, какъ норвежскій президентъ.

Въ XIX столѣтіи началось возрожденіе норвежской литературы съ Генрихомъ Ибсеномъ, Бьёрнсономъ.

Килландомъ, Іонасомъ Ли и Гарборгомъ во главѣ, — науки съ математикомъ Абелемъ, историками Мункомъ и Сарсемъ и юристомъ Гетцемъ; музыки и искусства съ такими извѣстными именами, какъ Оле-Буллъ, Григъ и Свендсенъ. Этнографическія собранія, музеи, университетъ и театры, словомъ, вся умственная и духовная жизнь страны, получили свое начало въ прошломъ вѣкѣ.

Эпоха великаго національнаго возрожденія оказала сильное вліяніе на душевный складъ старшаго поколѣнія, и нѣтъ ничего удивительнаго, что и политическая жизнь слѣдовала по тому же пути національнаго освобожденія. Борьба съ Швеціей изъ-за самостоятельности поглощала всѣ силы норвежскихъ политиковъ, не оставляя мѣста для образованія политическихъ партій.

Въ самомъ началѣ XIX столѣтія религіозный проповѣдникъ *Гансъ Гауге* указывалъ на удобство норвежскихъ рѣкъ и водопадовъ для устройства разныхъ промышленныхъ предпріятій. На этихъ новыхъ фабрикахъ и заводахъ должно было, по мнѣнію Гауге, водвориться царство любви: отношенія между фабрикантами и рабочими должны были покоиться на взаимномъ уваженіи. Гауге былъ въ высшей степени практическій человѣкъ, и былъ для Норвегіи почти тѣмъ-же, чѣмъ Робертъ Оуэнъ — для Англіи. Гауге началъ съ учрежденія нѣсколькихъ коммунистическихъ крестьянскихъ и рыбацкихъ общинъ. Затѣмъ онъ пріобрѣлъ два корабля, нагрузилъ ихъ разными товарами и началъ мѣнять ихъ на продукты устроенныхъ имъ общинъ. Вмѣсто денегъ употреблялись въ этихъ сношеніяхъ бумажныя квитанціи. Выгоды отъ этой непосредственной торговли были очень велики и Гауге вскорѣ возбудилъ противъ себя ненависть купцовъ. По настоянію своихъ противниковъ Гауге былъ арестованъ и брошенъ въ тюрьму, гдѣ пробылъ цѣлыхъ 7 лѣтъ. Его дѣлу былъ нанесенъ смертельный ударъ, но имя Гауге живо еще и теперь, цѣлыхъ сто лѣтъ спустя. «Гаугеніанцами» называютъ себя еще теперь многочисленные норвежскіе сектанты, видящіе идеалъ жизни въ коммунистической жизни первыхъ христіанъ. Гауге умеръ въ 1824 году.

Поэтъ, *Генрихъ Вергеландъ*, съ своей газетой «Къ

рабочему классу» сдѣлалъ очень много для моральнаго и эстетическаго развитія рабочихъ. Но въ его газетѣ, пользовавшейся денежной помощью короля Карла XIV, слишкомъ часто слышны были отголоски мнѣній и воззрѣній высшаго класса. Дѣятельность Вергеланда относится къ періоду 1830 и 1845 гг. И понадобилось бодрящее дуновеніе великой революціонной бури, охватившей въ 1848 году Европу, чтобы, наконецъ, пробудить норвежскій рабочій классъ къ сознательной жизни.

Этотъ періодъ навсегда будетъ связанъ съ именемъ знаменитаго дѣятеля *Маркуса Тране.* Маркусъ Тране своимъ революціонно-соціалистическимъ боевымъ кличемъ пробудилъ рабочія массы. Рабочіе въ городахъ, селахъ и лѣсахъ стали соединяться вмѣстѣ и за годы 1848—1850 было образовано 273 рабочихъ союза съ 50000 членовъ. М. Тране велъ въ это время широкую агитацію, ѣздилъ изъ одной мѣстности въ другую, издавалъ для рабочихъ союзовъ газету, расходившуюся въ массѣ экземпляровъ. Тране, еще будучи студентомъ, пробылъ долгое время въ Германіи и Франціи, гдѣ и выработались его соціалистическія воззрѣнія. Ни принадлежность къ одной изъ извѣстнѣйшихъ фамилій Норвегіи, ни связи среди высшихъ чиновъ арміи, гдѣ братъ и дядя Тране занимали офицерскія должности, не спасли Тране отъ преслѣдованій испугавшейся не на шутку буржуазіи. Маркусъ Тране былъ обвиненъ въ «подготовкѣ революціи» и заключенъ въ 1851 году въ тюрьму. Возстанія рабочихъ въ разныхъ концахъ страны были подавлены наступившей реакціей. По выходѣ изъ тюрьмы въ 1858 году Тране не нашелъ уже почвы для продолженія своей работы; онъ эмигрировалъ въ 1863 году въ Америку. Здѣсь въ Чикаго онъ издавалъ норвежскую соціалистическую газету, имѣвшую довольно большой кругъ читателей въ западныхъ штатахъ и умеръ въ штатѣ Висконсинѣ въ 1890 году.

Изъ сподвижниковъ Тране живетъ до сихъ поръ старый рабочій *Бернгардъ Гансенъ,* также долго просидѣвшій въ тюрьмѣ. Гансенъ не въ состояніи уже работать и пользуется «почетнымъ» содержаніемъ отъ норвежской соціалистической партіи, столь много обязанной движенію Маркуса Тране.

Въ сравненіи съ чисто соціалистическимъ движеніемъ Гране дѣятельность *Ейлерта Зунда* была шагомъ назадъ. Въ рабочіе союзы Зунда былъ открытъ доступъ представителямъ всѣхъ классовъ; рабочимъ проповѣдывались здѣсь столь истрепанныя идеи аккуратности и бережливости. Самъ Ейлертъ Зундъ ближе примыкалъ къ Вергеланду, чѣмъ къ Гране. Рабочіе союзы, основанные Зундомъ существуютъ и до сихъ поръ; но развитіе отдѣльныхъ союзовъ вслѣдствіе различія въ составѣ членовъ, шло разными путями: одни подняли соціалдемократическій флагъ, другіе — до невѣроятности консервативны.

Болѣе прямымъ наслѣдникомъ движенія Транс была радикальная партія, дѣйствовавшая между 1882 и 1898 годами.

Плодотворной дѣятельностью радикальной партіи руководилъ адвокатъ, впослѣдствіи первый министръ, *Іоганъ Свердрупъ*. Въ первую половину своей дѣятельности Свердрупъ былъ истиннымъ демократомъ. но въ послѣдніе годы у него стало замѣчаться нѣкоторое отклоненіе вправо. Имя его преемника, *Іогана Стеена*, также должно быть съ честью упомянуто въ исторіи норвежской демократіи.

Радикальная партія приняла въ свою программу всѣ чисто политическія требованія Маркуса Гране. Пріобрѣтя большинство вь норвежскомъ парламентѣ (стортингѣ), радикалы провели много демократическихъ реформъ. Кромѣ новаго устройства школъ, введенія суда присяжныхъ, ряда административныхъ реформъ, имя радикальной партіи навсегда останется связаннымъ съ проведеніемъ въ 1888—1901 гг. всеобщаго избирательнаго права для мужчинъ и избирательнаго права женщинъ при выборахъ въ городскія управленія.

Но чисто экономическія требованія оставались все время на заднемъ планѣ и въ послѣднее время начали показываться признаки распаденія радикальной партіи.

При такихъ-то условіяхъ происходило образованіе и развитіе Соціалдемократической Рабочей Партіи. Въ 1885 году образовались первыя соціалдемократическія организаціи въ Христіаніи и Бергенѣ. Типографъ Христіанъ Кнудсенъ, докторъ Оскаръ Ниссенъ, адвокатъ Мейеръ, щетинщикъ Іеппесенъ, и инструментный

рабочій Гьёстенъ стояли во главѣ движенія. Рабочая Партія была основана на конгрессѣ въ городѣ Арендалѣ въ 1887 г. и съ этихъ поръ не прекращается ея постоянный ростъ.

На выборахъ въ стортингъ въ 1894 году рабочіе впервые выставили самостоятельные избирательные листы и собрали 537 соціалистическихъ голосовъ, что при тогдашнемъ ограниченномъ избирательномъ правѣ далеко не соотвѣтствовало дѣйствительной силѣ партіи. На выборахъ въ городское правленіе того-же года было подано 900 соціалистическихъ голосовъ; на государственныхъ выборахъ 1898 г. — 1000; на городскихъ выборахъ 1898 г.—1765 соціалистическихъ голосовъ.

Въ это время было введено всеобщее избирательное право, и послѣдствія сказались скоро: на государственныхъ выборахъ 1900-го года число соціалистическихъ голосовъ поднялось до 7000 и, наконецъ, на послѣднихъ городскихъ выборахъ осенью 1901 г., гдѣ голосовали и женщины, соціалисты получили уже до 25000 голосовъ и провели *147 своихъ представителей* въ разныя городскія правленія.

Въ основѣ соціалдемократической партіи лежитъ широкое профессіональное движеніе. Слѣдующая таблица показываетъ ростъ нашихъ рабочихъ союзовъ, вошедшихъ въ составъ партіи.

Годъ:	Число союзовъ:	Число членовъ во всѣхъ союзахъ:
1898	105	9810
1899	114	10655
1900	150	10921
1901	211	12000

Норвежскіе соціалисты издаютъ три ежедневныя газеты: въ Христіаніи — «Соціалдемократъ» съ 8000 подписчиковъ, въ Бергенѣ — «Трудъ» («Arbeidet») съ 2000—и въ Трондгьемѣ—«Новое Время» («Ny Tid») съ 1500 подписчиками. За полярнымъ кругомъ въ городѣ Карлсё издается три раза въ недѣлю священникомъ Эриксеномъ соціалдемократическая газета «Сѣверное Сіяніе» («Nordlys»). Въ Ставангерѣ издается 1 разъ въ недѣлю газета «Первое Мая» и затѣмъ союзомъ соціалистической молодежи въ Христіаніи—еже-

мѣсячный журналъ «Двадцатое столѣтіе» («Det XX Aarhundrede»).

До послѣдняго времени Норвегія не была страной крупной промышленности. Нашъ главный городъ, Христіанія, имѣетъ 23000 жителей, Бергенъ—10000, Трондгьемъ и Ставангеръ около 40000 жителей каждый. Наибольшая обработанная площадь страны даетъ хорошіе урожаи картофеля, овса и ржи; изъ фруктовъ хорошо вызрѣваютъ: яблоки, груши, сливы, вишни и даже виноградъ. Въ іюнѣ холмы краснѣютъ отъ земляники, а въ лѣсахъ много малой и большой дичи. Населеніе занимается главнымъ образомъ рыболовствомъ и лѣснымъ промысломъ. Климатъ страны ровный и пріятный, жители—рослы и веселы. Но капитализмъ проникаетъ и въ эту благословенную страну, а вмѣстѣ съ тѣмъ пробуждается и рабочій къ новой жизни. Ростъ соціалистическаго движенія былъ въ настоящемъ году больше. чѣмъ прежде. Союзы основываются во всѣхъ концахъ страны и соціалистическая агитація проникаетъ всюду: Теперь и мы идемъ! Ждите насъ!

КЪ ПРОЕКТУ ПРОГРАММЫ
Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи,
выработанному
соціалдемократической организаціей „Жизнь“.

Въ этой замѣткѣ я хотѣлъ бы только обратить вниманіе на нѣсколько вопросовъ общественной жизни, которые по моему мнѣнію должны бы найти мѣсто въ такой подробной программѣ, какую даетъ намъ проектъ «Жизни».

Въ проектѣ ничего не сказано о такъ называемыхъ «незаконнорожденныхъ» дѣтяхъ. Въ 6-мъ пунктѣ, правда, упоминается объ «отмѣнѣ сословныхъ различій,» и это въ крайнемъ случаѣ можно принять и по адресу «незаконнорожденныхъ» дѣтей, но этого рѣшительно мало: въ 12-мъ пунктѣ, гдѣ говорится о семейныхъ отношеніяхъ, должно быть совершенно ясно выражено требованіе *отмѣны разницы между «законно» и «незаконно» рожденными дѣтьми*, также какъ отмѣны соотвѣтствующей рубрики въ тѣхъ документахъ, въ которыхъ теперь обозначается законное или незаконное рожденіе ребенка. Доказывать необходимость такого требованія въ соціалистической программѣ кажется ненужно...

Въ проектѣ также неясно сказано, что будетъ съ сиротами, и въ концѣ 12-аго пункта нужно добавить требованіе содержанія сиротъ на общественный счетъ, разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ родственники не могутъ или не хотятъ заботиться о нихъ.

Переходя къ 14-му пункту, въ которомъ говорится о школьномъ дѣлѣ, замѣчу, что здѣсь имѣетъ больше смысла требованіе меньшинства членовъ организаціи «Жизни», вырабатывавшихъ проектъ. Если хорошо устроить школы и поставить каждаго, даже самаго бѣднаго, въ такія матеріальныя условія, чтобы онъ могъ посылать

ребенка въ школу, то школьное обязательство не нужно, такъ какъ теперь каждый человѣкъ, даже самый некультурный, понимаетъ значеніе просвѣщенія и радъ бы дать его своимъ дѣтямъ; если же устройство школы будетъ плохое, а бѣднѣйшіе слои населенія будутъ вынуждены пользоваться трудомъ своихъ дѣтей или по бѣдности посылать ихъ на работу, то несмотря на школьное обязательство останется большой процентъ неграмотныхъ, яркимъ примѣромъ чего можетъ служить Галиція. Поэтому требованіе «обязательнаго посѣщенія первоначальной общественной школы» можемъ развѣ только совершенно излишне связать руки тѣмъ родителямъ, которые хотѣли бы дома дать своимъ дѣтямъ первоначальное образованіе.

Не достаточнымъ въ томъ же четырнадцатомъ пунктѣ является также требованіе «доступности всѣхъ учебныхъ заведеній и научныхъ пособій для лицъ, проявляющихъ способности къ занятіямъ наукою или искусствомъ». Вѣдь и теперь во всѣхъ культурныхъ государствахъ, кромѣ Россіи, всѣ учебныя заведенія доступны для *всѣхъ*, не только для «лицъ, проявляющихъ способность къ занятіямъ наукою или искусствомъ», тѣмъ не менѣе вслѣдствіе высокой платы за право ученія (въ швейцарскихъ, напримѣръ, университетахъ 5 франковъ, въ германскихъ 5 марокъ въ семестръ за одно-часовую лекцію въ недѣлю), храмъ науки обращаетя въ мѣсто торговли, и масса бѣдныхъ людей вынуждена или отказаться отъ высшаго образованія или голодать, чтобы только сберечь деньги на плату за ученье! Поэтому вышеуказанное мѣсто должно быть измѣнено такимъ образомъ: «*Даровое* обученіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ и *даровыя* учебныя пособія для лицъ, *желающихъ* заниматься наукой или искусствомъ».

Теперь перейду къ земледѣльческой части проекта. Здѣсь на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено требованіе выкупа государствомъ всѣхъ помѣщичьихъ земель. Когда такимъ образомъ государство будетъ имѣть достаточно земли, можно будетъ говорить и о «предоставленіи въ пользованіе всѣмъ лицамъ, желающимъ обрабатывать землю собственнымъ трудомъ, государственныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ земель на льготныхъ условіяхъ», какъ это сказано въ пунктѣ *а*. Когда вслѣдствіе уничтоженія постояннаго войска и другихъ ненужныхъ учрежденій, которыя теперь поглощаютъ бездну денегъ, умень-

шатся государственные расходы, то государство навѣрно будетъ имѣть достаточно средствъ для выкупа помѣщичьихъ земель. Здѣсь нужно также принять во вниманіе, что это было бы шагомъ впередъ въ процессѣ перехода всѣхъ средствъ производства въ общественную собственность. Правда, помѣщики могутъ не согласиться на это, но вѣдь они не согласны и съ другими пунктами соціалистической программы. И вообще не зачѣмъ консервировать такой безполезный и непродуктивный элементъ, какъ помѣщики!

Прибавимъ, что это требованіе входитъ въ составъ соціалистической программы украинской радикальной партіи въ Галиціи, откуда перешло даже въ программу украинскихъ націоналдемократовъ, партіи не соціалистической.

Это о программѣ «Жизни».

Скажу также нѣсколько словъ о проектѣ программы «Искры» и «Зари». На главные недостатки этого проекта указала уже редакція латышскаго журнаго «Socialdemokrats» *), и я только вообще замѣчу, что этотъ проектъ грѣшитъ во многомъ неясностью и неразборчивостью, чего такъ счастливо избѣгли авторы проекта программы «Жизни».

Только въ одномъ мѣстѣ замѣтка журнала «Socialdemokrats» слишкомъ одностороння: именно тамъ, гдѣ говорится, чтобы вмѣсто «самоопредѣленія націи»,—какъ это требуетъ въ 7-мъ пунктѣ проектъ «Искры» и «Зари»,—поставить «самоуправленіе территоріальное». Если поставить въ программу такое требованіе, то прежде всего нужно обозначить, что разумѣется подъ территоріей, такъ какъ иначе оно могло бы быть вреднымъ для національнаго меньшинства данной территоріи. Этой односторонности избѣгаетъ проектъ программы «Жизни», говоря въ 1-омъ пунктѣ о «дѣленіи Россіи на области, согласно національнымъ и историческимъ особенностямъ земель, входящихъ въ составъ современной русской имперіи или съ нею соединенныхъ», и о «предоставленіи полнаго самоуправленія каждой изъ областей въ ея внутреннихъ дѣлахъ».

М. Лозинскій.

---

*) См. № 4 «Жизни» стр. 165—170.

Внутреннее Обозрѣніе.

Положеніе народныхъ учителей. — Послѣднія событія.

I

На предстоящихъ рождественскихъ каникулахъ устраивается въ Москвѣ съѣздъ представителей обществъ взаимнаго вспомоществованія лицамъ учительскаго званія. Опубликованная въ газетахъ программа этого съѣзда заключаетъ въ себѣ по большей части тѣ вопросы, которые входятъ въ кругъ занятій указанныхъ обществъ, объединяющихъ собою главнымъ образомъ учащихъ въ начальныхъ школахъ. Таковы вопросы о матеріальномъ положеніи учащихъ, о доставленіи учащимъ и ихъ семействамъ болѣе дешевыхъ и удобныхъ условій жизни, о содѣйствіи учащимъ въ пріисканіи имъ занятій, о поддержаніи здоровья учащихъ, объ обезпеченіи учащихъ въ случаяхъ оставленія службы и инвалидности, объ источникахъ и способахъ изысканія средствъ для существованія и дѣятельности обществъ взаимопомощи. Есть въ этой программѣ и такіе вопросы, относительно которыхъ является сомнѣніе, чтобы они принадлежали къ «кругу дѣятельности» учительскихъ обществъ взаимопомощи, какъ этотъ кругъ очерченъ правительственнымъ «нормальнымъ» уставомъ, тяжелымъ свинцомъ висящимъ надъ огромнымъ большинствомъ обществъ. Таковъ, напр., вопросъ о помощи учащимъ въ дѣлѣ ихъ образованія: и въ «нормальномъ» уставѣ этого вопроса нѣтъ, и на практикѣ всякіе «члены правленія по назначенію отъ учебнаго вѣдомства» и другіе «члены-соревнователи» изъ начальства—директора и инспектора народныхъ училищъ ревниво не допускали

учительскія общества заниматься этимъ вопросомъ, хотя бы въ скромной формѣ устройства при обществѣ библіотеки. Таковъ же вопросъ и объ юридическомъ и обще-гражданскомъ положеніи учащихъ. Про него апріори можно сказать, что онъ слишкомъ дерзко-широкъ для какихъ бы то ни было самодержавныхъ нормальныхъ уставовъ.

Помѣщеніе въ программѣ вопросовъ, подобныхъ послѣднимъ, показываетъ, что учредители съѣзда одержимы похвальнымъ либеральнымъ намѣреніемъ посильно раздвинуть рамки дѣятельности устраиваемаго учительскаго съѣзда. Съ тою же, очевидно, цѣлью почти повсюду, послѣ каждаго перечисленія отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ программы, разставлены скромныя словечки: *и т. д.*, *и т. п.*, *и пр.* И этими, вѣдь, маленькими невинными средствами у насъ не приходится брезговать при попыткахъ выскочить изъ заколдованнаго «круга дѣятельности».

Съ своей стороны, министерство народнаго просвѣщенія, разрѣшившее съѣздъ, тоже приняло свои мѣры. Оно назначило отъ себя особыхъ наблюдателей на съѣздъ, съ правомъ требовать отъ предсѣдателя закрытія рта любому члену, съ правомъ превращенія публичныхъ собраній въ закрытыя,—участія въ распорядительномъ комитетѣ съѣзда и пріостановки всякаго его рѣшенія, съ правомъ даже закрытія съѣзда «въ случаѣ безпорядковъ». Попечитель московскаго учебнаго округа можетъ устранить должностныхъ лицъ съѣзда и нежелательныхъ членовъ распорядительнаго комитета. Министерство финансовъ тоже, съ своей стороны, по товарищески помогло министерству просвѣщенія нагадить съѣзду, отказавъ въ просьбѣ относительно предоставленія какихъ-либо льготъ по проѣзду на съѣздъ лицъ учительскаго званія. Такимъ образомъ, правительство не рѣшилось на этотъ разъ ограничиться обычной своей ролью по отношенію къ подобнымъ съѣздамъ,—ролью скрытаго недоброжелательства, предоставляя, обыкновенно, съѣхавшимся умѣренно «выбалтываться», а потомъ оставляя всякія постановленія и ходатайства съѣздовъ безъ всякаго послѣдствія.

Очевидно, страхъ передъ нынѣшнимъ безпокойнымъ временемъ и опасеніе всякихъ демонстрацій и

тутъ проявили себя и заставили правительство снабдить учительскій съѣздъ особыми казенными церберами.

Какъ бы тамъ ни было, однако для всѣхъ, кто хоть нѣсколько знакомъ съ жалкимъ, безправнымъ положеніемъ учительскихъ обществъ взаимопомощи, съ безцеремонно-презрительнымъ отношеніемъ къ нимъ всякаго начальства,—разрѣшеніе всероссійскаго съѣзда представителей этихъ забитыхъ обществъ является въ высшей степени характернымъ. Одну изъ причинъ такого великодушнаго поступка министерства народнаго просвѣщенія слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, искать въ томъ обстоятельствѣ, что въ послѣднее время учащіе въ начальныхъ школахъ все чаще и чаще начинаютъ попадаться—и не только одиночками, но даже группами—какъ участники революціоннаго движенія. Такимъ образомъ и министерству народнаго просвѣщенія приходится все далѣе, сначала по отношенію къ студентамъ, а теперь по отношенію къ народнымъ учителямъ, выступать на тотъ путь, который въ полицейской сферѣ выразился зубатовщиной, а въ министерствѣ финансовъ, — напр., мѣстными комитетами по сельско-хозяйственнымъ нуждамъ и проектомъ свободы стачекъ. Субъективно — для правительства это, можетъ быть, способъ, при помощи отвода въ другое мѣсто русла теченія, поддержать и укрѣпить царское самодержавіе, объективно—это, безъ сомнѣнія, пяченіе самодержавія назадъ передъ все усиливающимся напоромъ жизни, уступки передъ этимъ напоромъ и приближеніе къ той пропасти, гдѣ оно должно сгинуть. Ибо нѣтъ и не можетъ быть у нашего самодержавія такихъ рессурсовъ, чтобы успѣшно заниматься отводами руселъ въ желательномъ направленіи.

Что касается будущаго съѣзда представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи, то мы не знаемъ его количественный и качественный составъ, — можетъ быть, туда не мало попадетъ всякихъ казенныхъ «радѣтелей» этихъ обществъ, вродѣ инспекторовъ народныхъ училищъ или другихъ учебныхъ чиновъ, имѣющихъ какое-либо касательство къ обществамъ и работающихъ у себя дома надъ обезличеніемъ ихъ. Но даже если предположить, что съѣдутся исключительно настоящіе представители, изъ народныхъ учи-

телей и учительницъ, то и въ такомъ случаѣ трудно ожидать, чтобы изъ программныхъ занятій съѣзда вышло что-нибудь путное. Этому, во первыхъ, помѣшаютъ казенные церберы, а, во вторыхъ, общее отношеніе правительства къ народнымъ учителямъ, выражающееся ежечасно и въ правилахъ, вродѣ, напр., правилъ 26 ноября 1899 г. о мѣстныхъ учительскихъ съѣздахъ, и особенно на практикѣ. Наше самодержавное правительство роковымъ образомъ безсильно отдѣлаться отъ своихъ исконныхъ повадокъ ко всяческимъ подавленіямъ, какіе бы примирительные способы для отвлеченія населенія отъ революціонныхъ чувствъ оно само ни выдумывало.

А между тѣмъ учащимъ въ народныхъ школахъ уже давно пора разобраться въ своемъ положеніи и прійти къ надлежащимъ выводамъ. Но такая работа далеко выходитъ за предѣлы всякихъ оффиціальныхъ программъ и всякихъ разрѣшенныхъ съѣздовъ и должна производиться свободно, безъ спроса, какъ то дѣлаютъ рабочіе, за ними студенты и вообще живые элементы страны, стремящіеся въ своихъ классовыхъ или групповыхъ интересахъ прежде всего освободиться отъ теперешнихъ правительственныхъ тисковъ.

II

Въ самомъ дѣлѣ, что такое представляетъ собою нынѣшній русскій народный учитель, считающійся у насъ во многихъ десяткахъ тысячъ населенія?

Про учителей писали много; писали и такъ называемые сочувствующіе люди — со стороны, писали и говорили про себя и сами учителя, но благодаря нашимъ условіямъ легальной печати и общественныхъ разговоровъ изъ этого до сихъ поръ ничего не выходило. И скоро вопросъ о положеніи народныхъ учителей сдѣлался у насъ пустымъ общимъ мѣстомъ. Посторонніе либеральные сочувствователи, въ сущности, мало заинтересованы въ серьезномъ улучшеніи положенія учителей; отмѣчая по прежнему по долгу службы возможныя безобразія въ условіяхъ учительской жизни, они успокоились на томъ, что выработали для нихъ мертвый шаблонъ подъ названіемъ «грустныхъ явленій». Что касается до самихъ учителей, то при

тѣхъ средствахъ, какія ими употреблялись до сихъ поръ, они тоже не могли сдвинуть съ мѣста своего дѣла и только безцѣльно обнажали свои язвы передъ публикой и жаловались на страданія.

Положеніе учащихъ въ народныхъ школахъ, даже на основаніи однихъ только данныхъ легальной печати, обрисовывается въ слѣдующемъ видѣ. Начнемъ съ матеріальнаго положенія.

Нѣтъ, вѣроятно, у насъ ни одной интеллигентной профессіи, которая оплачивалась бы такъ ничтожно, какъ профессія народныхъ учителей. За отсутствіемъ общихъ сводокъ, точно указывающихъ размѣры жалованья народныхъ учителей, мы ограничимся нѣкоторыми примѣрами. По свѣдѣніямъ, относящимся къ 1895 году, учащіе въ 109 школахъ Владимірской губ. (100 школъ земскихъ, 4 — частныхъ, 4 — городскихъ, 1 — приходская) получали въ среднемъ въ годъ: учителя — 259 руб., помощникъ (1) — 150 руб., учительницы — 245 руб., помощницы — 111 руб. 67 к. Въ Самарской губ. среднее жалованье — 329 руб.; въ Пензенской — среднее учителямъ 234 руб., учительницамъ — 113 руб.; въ Курской губ. среднее для учителей — 222 руб., для учительницъ — 229 руб.; въ Орловской губ. среднее учителямъ — 233 руб., учительницамъ — 206 руб., помощникамъ — 122 руб., помощницамъ — 168 руб. И это въ наиболѣе благоустроенныхъ изъ сельскихъ школъ: почти исключительно въ земскихъ. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, въ отдѣльныхъ губерніяхъ (напр. Московской и Таврической) и для нѣкоторыхъ только группъ учащихъ жалованье достигало 480 рублей, но за то были цѣлыя группы учащихъ въ школахъ грамоты съ жалованьемъ въ 60 руб. въ годъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (Тульская и Калужская) среднее жалованье учащихъ преимущественно изъ земскихъ школъ далеко не достигало 200 руб. въ годъ. Въ Смоленской губ. менѣе 200 руб. получали 60,5% учителей и 80.3% учительницъ. По даннымъ, собраннымъ въ 1896 году нижегородскимъ обществомъ взаимопомощи учителей, годовое жалованье учащихъ въ нижегородской губ. колебалось отъ 150 до 360 руб. — для учителя и учительницы и отъ 100 до 200 руб. — для помощника или помощницы. Съѣздъ дѣятелей по профессіональному образованію,

бывшій въ Москвѣ въ серединѣ 90-хъ годовъ, пришелъ къ заключенію, что minimum учительскаго вознагражденія долженъ равняться 240—300 руб., а между тѣмъ едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что въ настоящее время среднее годовое жалованье всѣхъ учащихъ (и помощниковъ) въ сельскихъ школахъ разнаго типа: земскихъ, церковно-приходскихъ и школахъ грамоты не достигаетъ даже 200 рублей.

Одинъ изъ учителей, характеризующій въ печати вышеприведенныя цифры жалованья нижегородскихъ учащихъ, сравниваетъ ихъ съ жалованьемъ провинціальныхъ дворниковъ, лакеевъ, поваровъ. кухарокъ, — принимаетъ въ разсчетъ готовое содержаніе послѣднихъ и ихъ доходы и съ завистью заключаетъ: «Если принять въ разсчетъ готовое содержаніе и эти доходы. то должно будетъ признать, что матеріальное положеніе домашней прислуги лучше положенія народнаго учителя или учительницы».

При такомъ вознагражденіи «просвѣтительской миссіи» въ деревнѣ, не говоря уже о все усиливающемся бѣгствѣ учителей на другія занятія, въ средѣ остающихся на своихъ мѣстахъ «просвѣтителей» разыгрываются слѣдующія явленія: одни изъ учащихъ, въ ущербъ своимъ прямымъ занятіямъ, стремятся обзавестись при школѣ землею, чтобы жить съ нея, другіе ищутъ «прикормка» въ различныхъ случайныхъ, конторскихъ и писарскихъ работахъ во время каникулъ и даже въ учебное время, иные не спѣшатъ выводить изъ обычая полуобязательныя приношенія крестьянъ учителю натурою, инымъ приходится прямо выпрашивать себѣ подачки у населенія или у отдѣльныхъ покровителей школы. При всемъ томъ огромному большинству учащихъ, въ особенности семейныхъ, приходится постоянно жить впроголодь и ограничиваться начальнымъ образованіемъ своихъ дѣтей, а иногда вовсе не давать имъ никакого образованія. За отсутствіемъ денегъ на покупку книгъ, массы учителей вынуждены питать свои культурно-просвѣтительскія свойства различными «Свѣтами», «Родинами», «Нивами», «Сельскими Вѣстниками» и пр., получаемыми на даровщину у окрестнаго населенія, или тѣмъ казеннымъ добромъ. о которомъ будемъ говорить ниже. Въ голодные годы, подобно обезсилѣвшимъ крестьянамъ, цѣлыя группы

учащихъ попадаютъ въ разрядъ нуждающихся въ продовольственной помощи, а въ отдѣльныхъ исключительныхъ случаяхъ, которые тѣмъ и характерны, что они возможны, учителя замерзаютъ на дорогѣ, отправляясь пѣшкомъ въ сосѣднее село во время мятели, вынужденные «пожалѣть 25 коп. на подводу».

Но нѣкоторые учителя голодаютъ не только въ голодные годы, а и въ обыкновенное время. Объ этомъ у насъ привыкли разсказывать со смѣхомъ черезъ слезы,—съ тѣхъ «смѣхомъ черезъ слезы», которымъ такъ гордится наша русская литература, въ своемъ безсиліи подмѣнившая этимъ слезливымъ смѣхомъ естественное чувство негодованія, долженствовавшее бы, при болѣе нормальныхъ условіяхъ, встрѣчать всякое подобное явленіе жизни. Вотъ что разсказываетъ одинъ корреспондентъ *) о пріемахъ учителей въ ихъ борьбѣ съ голодомъ:

«Во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ жалованье служащимъ выдается 20-го числа каждаго мѣсяца. Въ прочихъ же частныхъ учрежденіяхъ жалованье служащіе получаютъ 1-го числа. А на фабрикахъ и заводахъ заработокъ выдается два раза въ мѣсяцъ. Это дѣлается для удобства жизни, чтобы не прибѣгать къ кредиту. Здѣсь же учительское вознагражденіе не разлагается помѣсячно, а будетъ выдаваться въ видѣ пенсіи или пособія. Впрочемъ, да какъ и разлагать такое жалованье, какъ 40—50 руб. въ зиму, вѣдь въ мѣсяцъ пришлось бы всего 7—8 руб. Ну, а въ два то срока, такъ оно какъ будто бы и ничего....

— «Но чѣмъ же учитель будетъ существовать въ трехмѣсячный промежутокъ? — спросятъ меня читатели. — А вотъ чѣмъ.

«Сначала учитель будетъ должать обывателямъ и за хлѣбъ, и за соль, и за картофель. А въ концѣ концовъ и въ этомъ ему могутъ отказать.

— «Тогда что? — Тогда учитель долженъ будетъ изобрѣтать средства для своего пропитанія. На что и умъ данъ человѣку. А мало ли средствъ къ этому. Напр., учитель можетъ приказать дѣтямъ, чтобы всѣ оставшіеся куски хлѣба отъ обѣда рыть въ одну кучу,

---

*) «Образованіе», 1898 г. № 11 — «Голодное житье» (Изъ Гдовскаго уѣзда), стр. 63—64.

въ одинъ столъ. А когда дѣти уйдутъ, онъ можетъ питаться ими. Но и эта изобрѣтательность можетъ быть усмотрѣна обывателями, —и дѣтямъ будетъ воспрещено бросать хлѣбъ, а приносить его домой. Молъ, свинья съѣстъ... А послѣ этого? — А послѣ этого учитель можетъ просто выманивать у дѣтей хлѣбъ, мѣняя его на бумагу, перья, карандаши и пр. — А если въ школѣ и учебныхъ принадлежностей мало, то какъ тутъ быть?

— «Въ такомъ случаѣ учителю остается одно: бѣжать безъ оглядки на всѣ четыре стороны.

«Я зналъ учителя одной школы грамоты, получавшаго точно такое же мизерное жалованье и такъ же не помѣсячно, а въ два срока. Онъ жилъ сначала въ кредитъ, забирая съѣстными припасами у мѣстныхъ обывателей. А затѣмъ ему отказали въ этомъ,—молъ. деньги нужны. А жить до получки жалованья оставалось еще болѣе мѣсяца. Что тутъ дѣлать? Бѣднякъ учитель хотѣлъ было бѣжать, да одумался, потому что и бѣжать то ему некуда было. Онъ сталъ изобрѣтать средства къ жизни. И дѣйствительно скоро изобрѣлъ ихъ. Онъ каждый день въ обѣденное время придумывалъ новыя и новыя игры съ дѣтьми, во время которыхъ кое-что перепадало въ его голодный желудокъ. Въ одинъ день, напр., учитель изъ оставшихся кусковъ хлѣба у дѣтей складываетъ пирамиду. Въ другой —изъ нихъ чудную арку. Въ третій — устраивалъ памятникъ Суворову. Всѣ эти архитектурныя постройки онъ оставлялъ у себя и кормился ими. Но эти игры были усмотрѣны крестьянами и воспрещены въ виду того, что грѣшно играть даромъ божьимъ. Дѣти понесли куски домой, и учитель лишился насущнаго хлѣба. Но онъ не унывалъ. Разъ выдуманныя средства ведутъ къ дальнѣйшей изобрѣтательности. Онъ выдумалъ новую игру съ дѣтьми. На слѣдующій день дѣти садятся обѣдать, кто что принесъ изъ дому, а учитель прохаживается по классу. Вдругъ онъ неожиданно заявляетъ:

— «Дѣти! Хотите я вамъ покажу новую игру? — Покажите, покажите, Никаноръ Наумовичъ! кричатъ дѣти. — Ну такъ вотъ!... Я сяду на столъ, но кто изъ васъ попадетъ мнѣ блиномъ въ ротъ?... Дѣти рады новой забавѣ. Начинается стрѣльба въ цѣль. Летятъ

въ ротъ учителя куски блина, пирога, лепешки... Но не всякій стрѣлокъ можетъ попасть вѣрно въ цѣль: куски летятъ мимо. Но у учителя и на это имѣется сноровка. Онъ схватываетъ на лету промахи и кладетъ ихъ въ карманъ, говоря: — Это не въ зачетъ!... Стрѣляй снова!... И снова стрѣльба»...

— «Это фактъ!» — заканчиваетъ разскащикъ....

Возможность подобныхъ фактовъ какъ нельзя лучше объясняетъ, почему иногда даже въ рядовой крестьянской средѣ учителя воспитываютъ къ себѣ явное презрительное отношеніе. О буржуазныхъ элементахъ общества, умѣющихъ оцѣнивать людей только по ихъ доходамъ, нечего и говорить: для нихъ вся масса деревенскихъ просвѣтителей, — этихъ безсильныхъ человѣчковъ въ нанковой парѣ или въ заношенной юбкѣ, является особой, низшей породой, которой издали можно еще посылать лицемѣрныя улыбки поощренія за ихъ культурную работу, но съ которыми нельзя водиться, какъ съ равными, въ современномъ царствѣ капитала и классовыхъ буржуазныхъ нравовъ.

Если къ размѣрамъ вознагражденія прибавить еще жилищныя условія учащихъ: стереотипные «тѣсноту», «сырость» и «холодъ» учительскихъквартиръ, иногда даже отсутствіе всякихъ квартиръ при школахъ, съ необходимостью отыскивать себѣ помѣщеніе на деревнѣ, а также — условія самой работы въ школѣ со всѣми извѣстными и переизвѣстными ея антигигіеническими прелестями, влекущими за собой грудныя, горловыя, нервныя болѣзни и преждевременное изнашиваніе учащихъ, то будетъ легко представить себѣ всю вообще матеріальную обстановку дѣятельности сельскихъ учителей.

III

Но, можетъ быть, въ другихъ отношеніяхъ народнымъ учителямъ живется болѣе сносно, — можетъ быть, другія какія-либо стороны учительской дѣятельности покрываютъ собою всѣ крупные недочеты по матеріальной части?... Обратимся къ условіямъ самаго преподаванія, къ тому, какъ и чему именно учителя должны учить подростающія поколѣнія народныхъ массъ. Учительское дѣло буржуазные элементы об-

щества, со свойственнымъ имъ ханжествомъ, часто называютъ «святымъ дѣломъ» и, вѣроятно, поэтому такъ спокойно, ограничиваясь лишь лицемѣрно-благочестивыми вздохами, отправляютъ народнаго учителя въ его просвѣтительную миссію съ такимъ нищенски-жалкимъ запасомъ матеріальныхъ благъ: на томъ свѣтѣ все, молъ, вознаградится. И, дѣйствительно, если смотрѣть на вопросъ съ принципіальной стороны,—ни одна, можетъ быть, профессія не требуетъ столько напряженной умственной работы, такого тонкаго психическаго чутья, столько творчества, воодушевленія, самоотверженія и, какъ необходимое условіе всего предыдущаго, столько свободы дѣйствій, какъ профессія учительская, долженствующая внѣдрить въ подростающія поколѣнія квинтъ-эссенцію всего пережитаго человѣчествомъ, привить имъ наиболѣе жизненныя идеи и сдѣлать ихъ такимъ образомъ способными къ дальнѣйшимъ прогрессивнымъ шагамъ. Но такихъ условій для дѣятельности народнаго учителя, на самомъ дѣлѣ, еще нигдѣ нѣтъ, да и быть не можетъ при современномъ классовомъ господствѣ буржуазіи и при подавленіи стремленій народныхъ пролетарскихъ массъ. Даже въ наиболѣе культурныхъ западно-европейскихъ государствахъ господствующіе буржуазные классы ограничились тѣмъ, что въ мѣру своего буржуазнаго приличія пріодѣли народнаго учителя, умѣренно наполнили ему желудокъ и помѣстили его и учениковъ въ обширныхъ зданіяхъ,—иногда до степени особаго буржуазнаго тщеславія обширныхъ. Что же касается внутренняго содержанія этихъ зданій, до самыхъ школьныхъ программъ, то буржуазія не переходитъ въ нихъ того maximum'а, который нуженъ для нея самой, а именно, чтобы изъ школьника выходилъ хорошій рабочій, стоящій на уровнѣ техническихъ потребностей современнаго производства. А чтобы этотъ будущій рабочій по возможности меньше походилъ на человѣка изъ культурнаго демократическаго общества и являлся бы простымъ придаткомъ къ машинѣ на буржуазной фабрикѣ, буржуазія стремится вытравить изъ школы «политику», фальшиво называя этимъ именемъ ту степень свободы преподаванія, которая необходима для выясненія дѣтямъ трудящихся классовъ явленій жизни съ точки зрѣнія этихъ классовъ, т. е. съ широко-на-

родной точки зрѣнія. Въ то же время буржуазія нисколько не стѣсняется проводить черезъ народную школу свою политику, втискивая въ школьныя программы элементы націонализма, милитаризма, буржуазной морали и пр. Такимъ образомъ школьный народный учитель на Западѣ, какъ тисками, оцѣпленъ этими программами и тенценціями буржуазныхъ хозяевъ государствъ и тамъ нѣтъ мѣста творческой работѣ живого духа. Имѣющій относительную свободу двигаться въ рамкахъ буржуазныхъ условій, западноевропейскій школьный учитель, по существу своему, всетаки является безвольнымъ слугою буржуазныхъ требованій, долженствующій за недостаткомъ мѣста для собственной иниціативы уныло влачить свое ремесленническое существованіе.

Если таково положеніе вещей на Западѣ, въ наиболѣе культурныхъ странахъ, то что же должно быть у насъ въ Россіи, съ ея бѣдной матеріальной и духовной культурой, и гдѣ-главное—еще виситъ надо всѣмъ такъ долго зажившееся царское самодержавіе, мѣшающее въ цѣляхъ самосохраненія свободной игрѣ различныхъ классовыхъ и групповыхъ интересовъ! Благодаря самодержавію наша народная школа гораздо бѣднѣй и уродливѣй, чѣмъ она могла бы быть даже при современномъ экономическомъ и культурномъ уровнѣ страны. Стоитъ только вспомнить для этого теперешнюю борьбу либеральныхъ, буржуазныхъ и землевладѣльческихъ, элементовъ за улучшеніе и расширеніе школьныхъ программъ. Если на Западѣ народная школа страдаетъ отъ господства капиталистическихъ классовъ, то у насъ она страдаетъ вдвойнѣ. Царское самодержавіе, могущее существовать только при невѣжествѣ и косности народныхъ массъ, самымъ безцеремоннымъ образомъ искусственно уродуетъ народную школу, сокращая до безобразнаго minimum'а ея прогамму, вводя такъ называемый грамматизмъ, церковщину въ ея худшемъ видѣ, фальсифицируя до наглости исторію и родиновѣдѣніе при помощи всякихъ «одобренныхъ» учебниковъ и школьныхъ библіотекъ и ревниво изгоняя всякую свѣжую мысль, всякое правдивое слово изъ школы.

Теперь представимъ себѣ положеніе сознательнаго учителя, который, приступая къ работѣ, еще остался

таковымъ, не смотря на всѣ стремленія правительства вытравить изъ него живой духъ еще въ зародышѣ, еще «оболванивая» его въ своихъ учительскихъ семинаріяхъ, спеціально настроенныхъ для приготовленія изъ будущихъ учителей простыхъ послушныхъ мастерковъ школьнаго дѣла,—несмотря на пропусканіе всѣхъ кандидатовъ въ учителя через особое горнило «благонадежности». Однимъ изъ возмутительныхъ видовъ насилія, которое производитъ теперь одна часть человѣчества надъ другой, является насиліе въ области духа. А такое именно насиліе, да еще въ самой возмутительнѣйшей степени, ежечасно производитъ у насъ правительство надъ народными учителями, не только запрещая имъ въ ихъ творческой, по существу, работѣ свободно руководиться своими убѣжденіями, но прямо заставляя вкладывать въ юныя головы завѣдомую ложь и всячески уродовать юныя души казенными «вѣрноподданическими» чувствами. Предоставляемъ самимъ учащимъ, когда либо задумывавшимся надъ своимъ положеніемъ, вспомнить, сколько нравственной пытки на первыхъ парахъ, когда еще были свѣжи ихъ чувства, доставляли имъ подобныя условія дѣятельности въ школѣ.

Но правительство, конечно, не ограничилось тѣмъ, что только ввело этотъ порядокъ въ школѣ; самъ по себѣ, предоставленный воздѣйствію жизни, такой противоестественный порядокъ разлетѣлся бы въ прахъ въ первый же мѣсяцъ; его, слѣдовательно, нужно поддерживать насиліемъ. И вотъ тутъ то и начинается каторга повседневной жизни учителя, называемая на «допущенномъ» либеральномъ языкѣ «недостатками правового положенія народнаго учителя». Для поддержанія правительственныхъ правилъ и программъ, которыя, въ свою очередь, должны поддерживать царское самодержавіе, къ школамъ приставляются инспектора, а надъ ними директора народныхъ училищъ. Это не руководители по учебной части: наше самодержавное правительство давно уже потеряло способность выставлять какихъ либо руководителей, какихъ-либо положительныхъ дѣятелей. Это, какъ общее правило, допускающее, конечно, исключенія, — полицейскіе отъ министерства народнаго просвѣщенія и самый скверный изъ всевозможныхъ видовъ полицейскихъ,—

по нашему мнѣнію, даже хуже жандармовъ, такъ какъ послѣдніе дѣйствуютъ, во первыхъ, въ процессѣ борьбы, вылавливая явныхъ или тайныхъ борцовъ, а во вторыхъ, ихъ роль ограничивается тѣмъ, что они только препятствуютъ извѣстнымъ дѣйствіямъ, между тѣмъ инспектора народныхъ училищъ, во первыхъ, насильничаютъ надъ мирными культурными дѣятелями, а во вторыхъ, — и самое главное — не только препятствуютъ какимъ-либо дѣйствіямъ, но прямо заставляютъ учителей производить надъ головами учащихся цѣлый рядъ операцій, преступныхъ съ точки зрѣнія профессіональной педагогической этики. Вѣдь стоитъ только отрѣшиться на минуту отъ привычной тины, засасывающей наше общественное мышленіе, чтобы понять, что это за ужасный фруктъ — наша теперешняя правительственная система по отношенію къ начальному народному образованію!

Инспектора народныхъ училищъ, какъ всякая полицейская сила, по внутреннимъ условіямъ своего развитія имѣютъ роковую тенденцію еще болѣе и уже исключительно отъ себя увеличивать тотъ гнетъ, который послало ихъ творить правительство, они еще болѣе уродуютъ въ дурную сторону требованія правительства. На этой почвѣ для народнаго учителя разыгрывается цѣлый рядъ тяжелыхъ испытаній, которыхъ даже и не перечислишь здѣсь. Достаточно упомянуть, что *иногда учителю, чтобы избѣжать горшаго, приходится защищать передъ инспекторомъ тѣ самыя правиетльственныя правила и программы, которыя уже сами по себѣ достаточно возмутительны.* И въ этой даже нелестной позиціи у учителя нѣтъ опоры, нѣтъ никакихъ правъ, и онъ часто остается побѣжденнымъ.

Учителю, чтобы освѣжать и пополнять свои знанія, необходимо имѣть библіотеку. Самъ онъ на свои средства, какъ мы видѣли, не можетъ пріобрѣтать книгъ. Учрежденія, содержащія школы*), готовы прійдти на помощь учителямъ, но тутъ они встрѣчаются

*) Вообще мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ земскія школы, какъ наиболѣе благоустроенныя; о школахъ духовнаго вѣдомства нечего и говорить: тамъ ко всему прочему прибавляется еще специфическій поповскій гнетъ.

съ правительственной заставой, цинично предлагающей устраивать учительскія библіотеки по особому каталогу «одобренныхъ» книгъ. А этотъ правительственный каталогъ «одобренныхъ для учителей» книгъ еще недавно былъ неизмѣримо ниже и бѣднѣе по своему составу каталога для народныхъ библіотекъ,— тоже, конечно, «одобреннаго»; даже и теперь, кажется. учительскій каталогъ, если исключить нѣкоторыя спеціальныя педагогическія сочиненія, не превзошелъ каталога народныхъ библіотекъ. Такимъ образомъ учителя въ лучшемъ случаѣ имѣютъ право читать то, что разрѣшено читать ихъ бывшимъ ученикамъ, прошедшимъ простую грамоту. Благодаря этимъ условіямъ и учрежденія, содержащія школы, не имѣютъ склонности попусту тратить деньги на учительскія библіотеки, и сами учащіе мало заинтересованы въ этихъ библіотекахъ, и онѣ имѣются только при незначительномъ меньшинствѣ школъ. Нѣкоторые либеральные обходы правительственныхъ требованій, вродѣ, напр., устройства земствами библіотекъ для всѣхъ земскихъ служащихъ, въ томъ числѣ и для учителей, очень мало распространены и не имѣютъ существеннаго значенія. И вотъ, правительственная система гасительства, выражающаяся въ данномъ случаѣ въ вытравленіи изъ народнаго учителя его преподавательскихъ и общекультурныхъ качествъ, торжествуетъ въ ужасающихъ размѣрахъ.

IV

Таково въ общемъ положеніе народнаго учителя въ его узкой преподавательской сферѣ. Но учитель, вѣдь, кромѣ того, съ позволенія сказать, — членъ общества; онъ живетъ въ извѣстной средѣ, и среда эта, на горе учителя,—крестьянская, пользующаяся особой опекой правительства отъ всякихъ культурныхъ воздѣйствій. Учитель, опять тоже на свое горе, не утратилъ еще въ общемъ мнѣніи клички просвѣтителя. А всякій просвѣтитель для нашего теперешняго правительства — врагъ. Отсюда сплошное заподозриваніе правительствомъ народнаго учителя и сплошная отдача его подъ надзоръ... — подъ чей надзоръ?... Да чуть ли не подъ надзоръ всего населенія, по крайней

мѣрѣ тѣхъ его элементовъ, которые желаютъ надзирать, благо у насъ въ обычаѣ перекладывать полицейскія функціи на само населеніе. Сначала за учителемъ, конечно, надзираетъ инспекторъ, но такъ какъ послѣднихъ мало и они сравнительно рѣдко могутъ видѣть на мѣстѣ учителей, то его трудъ раздѣляютъ, каждый по своей части: земскій начальникъ, мѣстный попъ, становой, урядникъ, старшина, волостной писарь, староста, сотскій, мѣстный помѣщикъ, богатый крестьянинъ, дружащій съ начальствомъ, — наконецъ, всякій, кому не лѣнь и кто недоволенъ по тому или другому поводу учителемъ и даже не недоволенъ, а просто изъ-за развлеченія.

Задумаетъ ли учитель что-нибудь сдѣлать для населенія, напр., устроить при школѣ чтенія, онъ прежде всего, помимо всякихъ оффиціальныхъ разрѣшеній, долженъ сообразить, не будетъ ли это наперекоръ чьему-либо желанію или вздорному предубѣжденію; прежде чѣмъ дать кому - нибудь совѣтъ, онъ долженъ обдумать, какъ на это посмотрятъ другіе; прежде чѣмъ пойти въ гости къ сосѣду - крестьянину, онъ долженъ взвѣсить, что изъ-за этого произойдетъ; прежде чѣмъ отказаться идти къ кому-либо, онъ долженъ тоже взвѣсить. Окруженный многочисленными наблюдателями, учитель пробуетъ устраниться отъ всякаго общенія съ населеніемъ и отправляется къ своимъ товарищамъ по профессіи, чтобы тамъ хоть отвести свою человѣческую душу — душу «общественнаго животнаго». Но и это нерѣдко бываетъ усмотрено и замѣчено, а иногда даже сочтено за участіе въ «недозволенномъ сборищѣ», за что слѣдуютъ перемѣщенія и увольненія.

Ни одна, можетъ быть, группа людей не обволакивается у насъ такой атмосферой сыска, доноса, всяческихъ противорѣчивыхъ понуканій, указокъ, угрозъ и застращиваній, какъ народные учителя. И все это происходитъ въ самой сѣрой, крестьянской средѣ съ ея многочисленнымъ невѣжественнымъ и полуневѣжественнымъ, казеннымъ, добровольческимъ и самозваннымъ начальствомъ.

Для либеральныхъ элементовъ, напр., для земствъ и частныхъ обществъ народный учитель представляется теперь почти единственнымъ «культурнымъ аген-

томъ» въ деревнѣ, черезъ котораго можно внѣдрять туда либеральную культуру; съ своей стороны, всякіе крѣпостническіе, самодержавные и православные элементы тоже считаютъ учителя своимъ агентомъ. И вотъ къ учителю съ той и другой стороны ползутъ безконечною полосою различныя противорѣчивыя требованія, порученія, просьбы, запросы,—и учитель, лишенный возможности хотя бы приблизительно знать свои права и обязанности, долженъ со всѣмъ этимъ считаться, изъ всего этого вывертываться и всѣмъ по возможности угождать, такъ какъ, вѣдь, большинство требованій ползетъ отъ какого-нибудь «начальства», а если и отъ приватныхъ людей, то съ такимъ нравомъ, что они ничуть не постѣснятся въ случаѣ чего пропустить для большей убѣдительности свою «просьбу» черезъ одно изъ многочисленныхъ «начальствъ».

А надъ всѣмъ этимъ виситъ ближайшее учительское начальство—инспекція съ своими требованіями, подкрѣпляемыми хотя бы, напр., системой перемѣщеній учителей на худшія и лучшія мѣста,—системой, которая одна была бы въ состояніи довести учителей до бѣлаго каленія, если бы у нихъ могла только правильно циркулировать гражданская кровь.

По всему этому народный учитель въ настоящее время является, въ сущности, однимъ изъ наиболѣе загнанныхъ, запуганныхъ и одинокихъ людей нашей родины. Насъ могутъ упрекнуть, что здѣсь слишкомъ сгущены краски. Мы и сами готовы предупредить, что не думаемъ, чтобы большинство учащихъ чувствовало себя именно такимъ образомъ, какъ здѣсь изображено,—нѣтъ: массы учащихъ и по днесь продолжаютъ обывательски дѣлать свое дѣло—иногда морщатся, иногда вздыхаютъ, иногда даже поплачутъ, но также иногда улыбаются, даже смѣются.

Но все это мы объясняемъ, во первыхъ, тѣмъ общимъ гнетомъ, который лежитъ на нашей родинѣ, не давая людямъ нормально чувствовать и правильно разбираться въ явленіяхъ, а, во вторыхъ, той особой тяжестью, которая навалена на народныхъ учителей и которая держитъ ихъ въ положеніи уродливаго minimum'а жизненности. Мы желали бы посмотрѣть, что бы произошло, если бы вдругъ, какимъ-либо чудомъ, тяжесть эта была нѣсколько приподнята надъ учите-

лями? Да, вѣдь, они тоттасъ же неистово и негодующе закричали бы даже по поводу только одной остающейся части давленія!

Намъ могутъ указать также, что у учителей имѣются съѣзды, педагогическіе курсы, общества взаимопомощи.... Ложь все это — эти съѣзды, курсы и общества! Такая же тожь, какая лежитъ въ основѣ огромнаго числа нашихъ культурныхъ учрежденій. Мы живемъ половиною нашей страны въ Европѣ, и Европа всячески проникаетъ къ намъ и подталкиваетъ насъ; наше царское самодержавіе, вопреки истиннымъ своимъ желаніямъ, должно считаться съ этимъ и устраивать у себя хоть какую нибудь видимость европейскаго. Для этого мы и на международныхъ выставкахъ участвуемъ съ своими фальшивыми отчетами по культурнымъ частямъ. Кромѣ того и внутреннее естетвенное развитіе страны, влекущее за собой накопленіе культуры, заставляетъ правительстео подаваться, хотя бы въ интересахъ самосохраненія. Но, подаваясь, оно не идетъ дальше внѣшней видимости, постоянно и намѣренно извращая внутренній смыслъ всякаго культурнаго учрежденія.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, по оплошности правительства, учительскіе съѣзды въ ихъ болѣе или менѣе разумномъ видѣ было выскочили на поверхность, но правительство скоро спохватилось и уничтожило ихъ. До 1899 г. на правительство продолжался напоръ требованій на учительскіе съѣзды. Въ этомъ году правительство яко бы подалось и издало правила о съѣздахъ. Но по этимъ правиламъ можно устраивать на самомъ дѣлѣ только пошлую комедію на учительскіе съѣзды: такъ съѣзды могутъ быть только поуѣздные, только «кратковременные», не болѣе 7-ми дней, только непубличные, только подъ предсѣдательствомъ и руководительствомъ мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, только для «обмѣна мнѣній», безъ права голосованій и постановленій (выводы изъ «обмѣна мнѣній» имѣетъ право дѣлать только инспекторъ и директоръ народныхъ училищъ) и, наконецъ, только для уродливо узкой категоріи вопросовъ, далеко не обхватывающихъ и половину школьнаго дѣла. Кромѣ того даже и подобные съѣзды могутъ быть разрѣшены только по сношеніи между собою *четырехъ* правитель-

ственныхъ инстанцій, а, по обычной практикѣ правительства для всѣхъ нежелательныхъ учрежденій, разрѣшеніе на нихъ посылается только за нѣсколько дней до назначеннаго учредителями срока, а иногда и позже его, чтобы и этимъ путемъ помѣшать или самому осуществленію съѣзда, или его полнотѣ и организованности. Послѣ всего этого понятно, какой необъятный просторъ имѣютъ для себя всякіе правительственные ползуны въ качествѣ предсѣдателей и *руководителей* съѣздовъ разглагольствовать о «тяготѣніи русскаго народа къ церковно-славянскому языку» и о пользѣ для школьниковъ чтенія псалмовъ, въ которыхъ «недоступное ихъ (дѣтскому) разуму умилительно дѣйствуетъ на ихъ сердце».—какъ то было на послѣднемъ тверскомъ съѣздѣ учителей. Точно также понятно, почему даже земцы, не особенно брезгующіе обыкновенно различными правительственными уродцами, отказываются устраивать *такіе съѣзды*.

Въ такомъ же родѣ и педагогическіе курсы: они могутъ быть по правиламъ только «кратковременные», только для «малоподготовленныхъ» учителей, учителя на нихъ—только «ученики» для курсовыхъ начальниковъ и руководителей и т. д. А какъ они устраиваются на практикѣ, какъ урѣзываются ихъ программы, какъ, съ другой стороны, въ эти программы втискивается начальствомъ всякая самодержавщина и церковщина, какъ вытравляются изъ курсовъ болѣе или менѣе сносные руководители и лекторы,—обо всемъ этомъ можно достаточно найти и въ легальной печати. Почитайте, напр., статью Пругавина («Образованіе», 1902, сентябрь)—«Какъ у насъ устраивались педагогическіе курсы».

Учительскія общества взаимопомощи тоже не далеко ушли. О нихъ мы отчасти уже говорили. Успѣло было проскочить, въ началѣ 90-хъ годовъ, одно изъ обществъ—Нижегородское со своимъ собственнымъ уставомъ, хотя и составленнымъ по вѣрноподданически, очень скромно, но съ маленькими словечками среди цѣлей общества: «способствовать пополненію педагогическихъ знаній учителей» (или «ихъ духовному развитію»,—безъ устава въ рукахъ точно не помнимъ),—какъ тотчасъ же послѣ этого правительство поспѣшило съ своимъ «нормальнымъ» уставомъ, гдѣ уже

этихъ словечекъ о способствованіи знаніямъ не оказалось, а осталось одно способствованіе матеріальному улучшенію.

И съ тѣхъ поръ почти всѣ нѣсколько десятковъ учительскихъ обществъ ходятъ по «нормальному» уставу. Исключенія — очень рѣдки, какъ, напр., московское общество, имѣющее это исключительно цѣнное право —заботиться о пополненіи знаній. Да и то достигнуто благодаря обману, такъ какъ для этого ему нужно было назваться не обществомъ «взаимнаго вспомоществованія», какъ всѣ, а обществомъ «улучшенія быта учащихъ» и ловко обратиться за утвержденіемъ устава не къ министерству народнаго просвѣщенія, — опять таки какъ всѣ, а къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Таковы наши маленькія либеральныя хитрости для маленькихъ побѣдъ. Между тѣмъ всѣ «нормальныя» учительскія общества, конечно, подверглись своей неизбѣжной участи.

Правительство проникло туда черезъ «членовъ правленія по назначенію отъ учебнаго вѣдомства» и черезъ «членовъ-соревнователей» изъ учебнаго начальства и стало помыкать запуганными «сочленами» изъ учителей, какъ оно обыкновенно ими помыкаетъ. Въ одномъ мѣстѣ члены обществъ могутъ пользоваться пособіями, но не могутъ брать ссудъ, въ другомъ — обществамъ не дозволяется устраивать общежитій для дѣтей учителей и т. д. Подробныя исторіи этихъ помыканій и запретовъ можно найти въ отчетахъ многихъ учительскихъ обществъ, — рекомендуемъ любопытнымъ взять, напр., отчеты Новгородскаго общества или Тульскаго. И такое помыканіе происходитъ, безъ сомнѣнія, и понынѣ.

Такимъ образомъ отъ всѣхъ мѣстъ собранія учителей: на съѣздахъ, на курсахъ и въ обществахъ въ лучшемъ случаѣ можетъ остаться одно положительное: —возможность общенія, которая и притягиваетъ всетаки на эти собранія учителей. Но это только въ лучшемъ случаѣ. Извѣстный либеральный предводитель дворянства — г. Стаховичъ, открывая въ Орлѣ курсы для учителей, опредѣлилъ ихъ значеніе еще такимъ образомъ: по его мнѣнію, губернское земство, помимо чисто-педагогической цѣли, ставило курсамъ еще и другую задачу, а именно: помочь учителямъ

«побороть ту унылую усталость, которая является постояннымъ спутникомъ трудной учительской дѣятельности и отъ которой остываетъ пылъ, опускается умъ...» Мы думаемъ, что и эти даже, такъ сантиментально выраженныя задачи далеко не всегда достигаются, ибо нерѣдко само общеніе, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ оно у насъ осуществляется, способно вызвать не бодрость, а именно эту «унылую усталость».

Намъ еще могутъ, наконецъ, замѣтить, что у учителей есть не только враги, но и друзья,—напримѣръ, либеральные земцы, которые хлопочутъ о курсахъ для учителей, о съѣдахъ, помогаютъ учительскимъ обществамъ взаимопомощи и говорятъ мягкія слова объ унылои усталости... Ненадежные это друзья и слишкомъ временные! Искренность и цѣнность этихъ друзей, во первыхъ, провѣряется самими учителями при ихъ сношеніяхъ съ земцами; о цѣнѣ своихъ друзей учителя довольно безошибочно могутъ судить хотя бы по тому фальшивому положенію, которое сплошь и рядомъ чувствуется ими при встрѣчахъ съ своими покровителями изъ баръ, относящимися къ учителямъ, какъ, напр., къ своимъ гувернанткамъ и боннамъ, съ мягкими словами и внѣшней улыбкой при нескрываемомъ внутреннемъ холодѣ, а иногда прямо — брезгливости. Во вторыхъ, и нѣкоторые объективные факты, изрѣдка проскальзывающіе въ нашей либеральной печати, несмотря на обычное стремленіе послѣней прикрывать разные либеральные грѣшки, также иногда освѣщаютъ истинныя качества этихъ учительскихъ друзей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ московскомъ земствѣ, которое, какъ извѣстно, считается однимъ изъ лучшихъ по постановкѣ народнаго образованія, нашлась цѣлая группа вліятельныхъ гласныхъ, составившая большинство въ спеціальномъ совѣщаніи, которое признало, что не слѣдуетъ ходатайствовать объ отмѣнѣ распоряженія министра народнаго просвѣщенія въ 1885 году относительно запрещенія учительскихъ съѣздовъ. При этомъ совѣщаніе ссылалось, во 1-хъ, на неподготовленность учителей, чтобы принимать участіе въ самостоятельномъ рѣшеніи различныхъ школьныхъ вопросовъ, во 2-хъ, на возможность возникновенія конфликтовъ между постановленіями учительскихъ съѣздовъ и училищными совѣтами. На

рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи зашла рѣчь о земской учительской семинаріи. На замѣчанія ревизіонной коммиссіи по поводу очень дурного питанія и вообще содержанія учениковъ семинаріи, управа объяснила, что при открытіи семинаріи установленъ былъ такой режимъ, «чтобы ученики не могли привыкнуть къ роскоши... Нужно принимать во вниманіе ихъ будущіе оклады жалованья, какъ сельскихъ учителей; *они должны быть готовы къ перенесенію всѣхъ жизненныхъ невзгодъ*».

Съ одной стороны, — пустыя слова о помощи въ борьбѣ съ «унылой усталостью», съ другой—реальная подготовка учителей посредствомъ особаго голоднаго режима къ «перенесенію всѣхъ жизненныхъ невзгодъ», которыя слѣдовательно признаются правильною нормою учительскаго существованія, — такова двуликая дружба теперешнихъ друзей народнаго учителя. Впрочемъ, сами учащіе могли бы, безъ сомнѣнія, привести гораздо больше и несравненно болѣе яркихъ примѣровъ подобной дружбы изъ ненапечатанныхъ въ либеральной печати фактовъ жизни.

Для земцевъ, какъ и вообще для разныхъ либеральныхъ, буржуазныхъ и землевладѣльческихъ, элементовъ народная школа и учитель являются лишь своего рода козыремъ въ ихъ борьбѣ съ самодержавіемъ.

Такими же козырями служатъ для нашей буржуазной оппозиціи и всѣ другія культурныя учрежденія; ими она тычетъ сомодержавію въ глаза, говоритъ отъ имени ихъ интересовъ, но на самомъ дѣлѣ не идетъ далѣе того, что ей нужно исключительно самой, — этой буржуазной оппозиціи.

Въ нашемъ случаѣ земцы, чтобы они тамъ ни говорили и какой бы мути не напускали въ вопросы, хлопочутъ о народной школѣ и ея учителяхъ лишь постольку, поскольку это необходимо для ихъ собственнаго благополучія, какъ землевладѣльческаго класса.

До того, чѣмъ должна быть народная школа для самого народа и учитель для самого себя, имъ, въ сущности, мало дѣла. Это достаточно ясно и сегодня, когда земцы находятся еще въ разрядѣ угнетаемыхъ, и будетъ совершенно очевиднымъ завтра, когда они сдѣ-

лаются господами положенія. Буржуазный maximum для народной школы и ея учителя, какъ мы видимъ на примѣрѣ Западной Европы, является едва терпимымъ minimum'омъ съ точки зрѣнія интересовъ самого народа и самого учителя. И подымается этомъ minimum только съ выступленіемъ на сцену *самого народа, самого учителя и со своими собственными требованіями.*

А пока послѣдняго нѣтъ, школѣ и учителю, повторяемъ, приходится играть роль пассивныхъ козырей въ чужихъ рукахъ и для постороннихъ цѣлей.

V

Наши учительскія общества въ шутку (у насъ многимъ шутятъ) иногда называютъ обществами взаимопомощи голодающихъ. А единственный разумный способъ дѣйствій голодающихъ и всякихъ угнетаемыхъ есть *борьба,* — дружная борьба со своими угнетателями за право человѣческихъ условій житья. Взаимопомощь угнетаемыхъ должна заключаться во взаимной поддержкѣ другъ друга для борьбы, въ организованности этой борьбы и въ солидарности между собою во имя ея.

Въ настоящее время наши народные учителя и учительницы слагаются въ особую профессіональную групу; интересы этой группы некому защищать кромѣ самихъ учителей: они сами должны сплотиться и выработать соотвѣтственную организацію для борьбы за улучшеніе своего положенія. Могутъ возразить, что учительская среда, въ своей массѣ, слишкомъ сѣра для этого и слишкомъ въ ней много случайныхъ, временныхъ элементовъ, вродѣ разныхъ кандидатовъ на мѣста поповъ, конторщиковъ, сидѣльцевъ въ казенныхъ винныхъ лавкахъ и пр. Все это совершенно вѣрно, но, съ другой стороны, не менѣе вѣрно и то, что только въ процессѣ самой борьбы за свои интересы и можетъ настоящимъ образомъ сплачиваться и укрѣпляться профессіональный типъ учителя: каждая побѣда влечетъ за собой экономическій или правовой подъемъ этого типа, устраняя тѣмъ необходимость того повальнаго бѣгства на другія мѣста, какое наблюдается теперь; каждый дальнѣйшій шагъ въ борьбѣ,

объединяя борцовъ, препятствуетъ проникновенію въ учительскую среду всякихъ случайныхъ и нежелательныхъ элементовъ. Борьба на почвѣ профессіональныхъ интересовъ есть начало выступленія народныхъ учителей, какъ особой группы, на общественное поприще.

Но при помощи одной профессіональной борьбы учителя еще не добьются многаго. Въ настоящее время при классовомъ устройствѣ государствъ, всякая экономическая и профессіональная борьба неизбѣжно должна соединяться съ борьбой политической. Особенно это неизбѣжно у насъ въ Росіи, гдѣ на пути къ стремленію отдѣльныхъ классовъ и группъ бороться за свои интересы стоитъ еще крѣпостническое царское самодержавіе, надъ которымъ поставленъ поэтому окончательный вопросъ. Наиболѣе сознательное и чуткіе изъ учителей, повидимому, уже поняли потребности момента, такъ какь свободная печать все болѣе и болѣе приноситъ свѣдѣній о выступленіи учителей въ качествѣ революціонеровъ. Остается, слѣдовательно, дѣло за общимъ групповымъ сознаніемъ.

Здѣсь опять таки, вѣроятно, замѣтятъ, что народные учителя, какъ особая группа, слишкомъ слабы, чтобы самостоятельно выступать на политическую борьбу. Мы тоже, конечно, не думаемъ, что учителя могутъ выставить свои особыя политическія требованія. Но учителямъ необходимо рѣшить, къ кому имъ примкнуть, съ какимъ изъ борящихся классовъ соединить свою судьбу и отъ имени какого класса дѣйствовать. Въ этомъ именно рѣшеніи и заключается центръ тяжести учительскаго вопроса.

Въ настоящее время учащіе въ народныхъ школахъ по своему экономическому положенію представляютъ собою одну изъ наиболѣе обездоленныхъ группъ интеллигентнаго пролетаріата; въ этомъ отношеніи они близко подходятъ къ широкимъ пролетарскимъ массамъ, продающимъ свой мускульный трудъ. Съ послѣдними учителя раздѣляютъ и другіе виды гнета: всяческія унизительныя подчиненія, безправіе, произволъ и пр. Отсюда у учащихъ естественно должны возникнуть и общія съ пролетарскими массами чувства вражды къ своимъ угнетателямъ. Съ другой стороны, прочный экономическій подъемъ учителей въ наиболѣе существенной своей части зависитъ отъ об-

щаго экономическаго подъема народныхъ массъ и отъ степени пониманія послѣдними хозяйственной нужды въ образованіи; расширеніе правъ народнаго учителя также неразрывно связано съ расширеніемъ правъ самого народа, ибо правящіе классы не могутъ потерпѣть, чтобы учитель, въ качествѣ проводника культуры и сознанія въ массы, пользовался полной свободой дѣйствій среди народа, который еще не сбросилъ съ себя тисковъ безправія: при безправіи массъ народный учитель является для всякихъ угнетателей очень опаснымъ элементомъ, и его самого постоянно будутъ давить въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ — въ сферѣ преподаванія и въ сферѣ отношеній къ взрослому населенію.

Такимъ образомъ для народнаго учителя будь то въ деревнѣ, или въ городѣ, гдѣ положеніе учителя немногимъ отличается къ лучшему сравнительно съ деревней, является наиболѣе выгоднымъ связать свою судьбу съ народными массами, согласовать свои интересы съ ихъ интересами и совмѣстно выступить на борьбу за болѣе человѣческія условія существованія. Учитель по своему развитію стоитъ выше народныхъ массъ; проникшись ихъ интересами и сдѣлавъ ихъ своими, онъ можетъ внести правильное сознаніе въ эти массы. Только при этихъ условіяхъ учитель можетъ считаться культурнымъ дѣятелемъ въ строгомъ значеніи этого слова. Борясь въ рядахъ народа противъ всякихъ угнетателей, онъ перестанетъ быть одинокимъ какъ теперь, когда ему порою приходится отвѣчать на соотвѣтственные вопросы, что у него отношенія съ населеніемъ «оффиціальныя» или даже: «отношеній никакихъ». Онъ будетъ окруженъ друзьями изъ лучшихъ элементовъ населенія, обязанныхъ ему своимъ политическимъ сознаніемъ и проникнутыхъ общими съ нимъ стремленіями.

Конечная цѣль начавшагося пролетарскаго движенія — это соціализмъ, съ его уничтоженіемъ классового господства, прекращеніемъ угнетенія человѣка человѣкомъ и царствомъ равенства всѣхъ трудящихся людой. Чтобы остаться истиннымъ народнымъ руководителемъ на всемъ пути до конечной цѣли, учителю необходимо самому усвоить принципы научнаго соціализма. Соціалистическое сознаніе поможетъ учителю разбираться въ окружающихъ явленіяхъ, оцѣнивать

ихъ съ точки зрѣнія широкихъ народныхъ интересовъ и подскажетъ ему тѣ или другіе практическіе шаги. Оно должно послужить для учителя методомъ разсматриванія общественныхъ явленій и руководителемъ въ его дѣйствіяхъ.

Въ настоящее время у насъ въ Россіи главнымъ препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія страны является царское самодержавіе. Городской рабочій пролетаріатъ, натолкнувшись въ своемъ классовомъ движеніи на это препятствіе, начинаетъ открыто вступать въ борьбу съ нимъ. Крестьянскія массы, стихійно подымающіяся, чтобы освободиться отъ нестерпимаго гнета, лежащаго на нихъ, также, съ своей стороны, способствуютъ разрушенію самодержавія. Противъ самодержавія выступаютъ и различные буржуазные и землевладѣльческіе элементы. Вопросъ о сверженіи самодержавія и замѣнѣ его новымъ государственнымъ строемъ поставленъ такимъ образомъ на ближайшую очередь. Народнымъ учителямъ необходимо воспользоваться этимъ моментомъ въ интересахъ широкихъ трудовыхъ массъ: разъяснить имъ значеніе этого момента, указать на естественныхъ друзей и союзниковъ, предупредить отъ явныхъ или скрытыхъ подъ личиной благожелательства враговъ и вообще способствовать организаціи массъ для борьбы съ самодержавіемъ такимъ образомъ, чтобы борьба эта велась исключительно въ интересахъ самихъ массъ, въ цѣлахъ полученія ими при новомъ строѣ возможно большей свободы, необходимой для дальнѣйшей борьбы за соціализмъ.

Только съ осуществленіемъ соціалистическаго строя уничтожится дѣленіе человѣчества на угнетаемыя массы и угнетающее меньшинство и только тогда народный учитель окончательно превратится изъ «маленькаго человѣчка» *въ человѣка равнаго среди равныхъ.*

Наша замѣтка о народныхъ учителяхъ нѣсколько неожиданно разрослась и почти не оставляетъ намъ мѣста для другихъ событій, имѣющихъ болѣе текущій характеръ. Впрочемъ, вопросъ объ учителяхъ, какъ и о другихъ, очень близкихъ къ нимъ по своему положенію, различныхъ «маленькихъ людяхъ»: фельдшерахъ и фельдшерицахъ, конторщикахъ, письмоводите-

ляхъ и вообще мелкихъ служащихъ, — вопросъ объ ихъ роли въ данный моментъ, о всей выгодѣ для нихъ, какъ угнетенной части населенія. активно примкнуть къ революціонному движенію мы считаемъ такою же злобою дня, какъ и другія наши злобы.

Изъ другихъ злобъ дня наиболѣе выпукло выдаются судебные процессы по поводу крестьянскихъ волненій прошлою весною въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ и по поводу майскихъ политическихъ демонстрацій. Нѣсколько обвинительныхъ актовъ о харьковскихъ крестьянахъ было помѣщено въ № 11 «Листковъ Жизни»; настоящая книжка содержитъ въ себѣ обвинительные акты о политическихъ демонстраціяхъ. Кромѣ того фактическую сторону дѣла читатель можетъ найти во многихъ другихъ свободныхъ изданіяхъ.

Въ вопросѣ о судѣ надъ крестьянами насъ главнымъ образомъ интересуетъ одно, а именно: какъ въ данномъ случаѣ «узаконенные» грабители и насильники расправляются съ голодающими крестьянами, наудачно попытавшимися положить конецъ «законному» грабежу.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ на отношеніе нашего сословія дворянъ-землевладѣльцевъ и союзнаго съ нимъ правительства, тоже состоящаго въ своей центральной части изъ землевладѣльцевъ-дворянъ, — къ крестьянамъ. Положеніе 19-го февраля 1861 г., какъ принято у насъ выражаться, «раскрѣпостило» крестьянъ. Однако, въ дѣйствительности, въ этомъ актѣ якобы раскрѣпощенія правительство оставило немало «законныхъ» основаній для держанія помѣщиками крестьянъ въ той степени экономической кабалы, которая съ полнымъ правомъ можетъ быть названа въ просторѣчіи грабительствомъ. «Освобожденные» крестьяне вошли въ новыя условія жизни съ урѣзанными надѣлами, съ искусственной черезполосицей помѣщичьихъ и крестьянскихъ владѣній, съ искусственнымъ прикрѣпленіемъ къ землѣ въ видѣ общины и круговой поруки и съ непомѣрно большими выкупными платежами. Кромѣ того правительство, въ собственныхъ интересахъ и въ интересахъ своихъ союзниковъ, оставило крестьянъ главнымъ податнымъ сословіемъ, стѣснило ихъ свободу передвиженія особой паспортной

системой и намѣренно умолчало о правѣ крестьянъ переселяться на новыя мѣста, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи такихъ переселеній не допускать, а когда это окажется не подъ силу, начать ихъ по своему «регулировать».

Въ результатѣ яко бы раскрѣпощающаго закона для крестьянъ получаются два вида грабительства надъ ними: грабительства государственнаго, въ видѣ особо тяжелыхъ налоговъ, не соотвѣтствующихъ экономическому состоянію крестьянъ, и грабительства со стороны помѣщиковъ, для которыхъ путы, уготованныя правительствомъ крестьянамъ, послужили великолѣпной обстановкой для совершенія всевозможныхъ грабительствъ: въ видѣ нищенской платы за рабочія руки, въ видѣ дорогихъ арендъ, въ видѣ многосотенныхъ процентовъ за ссуды, выплачиваемыхъ различными «отработками», и пр. Самодержавная административная практика, вопреки естественному экономическому развитію страны, все время стремилась удерживать крестьянъ въ вышеуказанныхъ путахъ.

Съ воцареніемъ Александра III-го зашатавшееся самодержавіе, нуждаясь въ опорѣ, пытается найти ее въ помѣстномъ дворянствѣ. Начинается это съ прямыхъ, открытыхъ подачекъ дворянамъ, совершаемыхъ, конечно, за счетъ всего населенія и прежде всего крестьянъ, какъ главныхъ плательщиковъ. Подачки эти, все учащаясь и дѣлаясь наглѣе, доходятъ вплоть до нашихъ дней, выразившись, напр., недавно такимъ безцеремоннымъ разграбленіемъ общегосударственной казны въ пользу опоры самодержавія — дворянства, какъ учрежденіе дворянскихъ кассъ взаимопомощи. Система косвенныхъ налоговъ, ложащихся главною своею тяжестью на крестьянъ, еще болѣе способствовала разграбленію послѣднихъ.

Но правительство, повторяемъ, не только само все время грабило крестьянъ, оно постоянно помогало грабить ихъ и дворянамъ-помѣщикамъ, изобрѣтя для этого свой достославный институтъ земскихъ начальниковъ изъ дворянъ и изо дня въ день усиливая вообще бюрократически-дворянскую опеку и гнетъ надъ крестьянами. — «Слушайтесь вашихъ предводителей дворянства!»—какъ свистъ плетки, загоняющій скотъ подъ ярмо, раздаются надъ головами крестьянъ окрики

послѣднихъ двухъ вѣнценосныхъ представителей самодержавнаго насилія.

Разграбляемые съ двухъ сторонъ, но на «законномъ» основаніи крестьяне сначала отвѣчаютъ на это своими голодовками, почти безпрерывно продолжавшимися въ теченіе всего прошлаго десятилѣтія. Но голодовки не уменьшили насилія и грабежа. Тогда крестьяне, не видя другого выхода, пытаются силой взять хоть малую часть того, что было отнято у нихъ «законными» грабителями. Происходятъ весенніе набѣги крестьянъ на помѣщиковъ.

Что же, остановилъ ли этотъ стихійный крестьянскій взрывъ нашихъ «законныхъ» грабителей и насильниковъ отъ дальнѣйшаго насилія и грабежа? — Нисколько!.. Расправа, учиненная надъ крестьянами, показала, насколько наше правительство безнадежно погрязло въ своемъ разбойствѣ. Крестьянъ прежде всего стали пороть; выпоровъ ихъ жестоко цѣлыя тысячи, усмирители принялись за гнусныя насилія надъ женскою частью населенія. Нѣкій полковникъ Циглеръ по усмиреніи крестьянъ обратился къ нимъ при солдатахъ со слѣдующими словами: «Ну, теперь вы намъ не нужны, намъ нужны ваши бабы». Происходитъ массовое изнасилованіе солдатами и казаками крестьянскихъ дочерей и женъ. Правительство при семъ случаѣ не забываетъ и о грабежѣ и налагаетъ 800-тысячную контрибуцію на крестьянъ, которая, какъ потомъ оказывается, болѣе, чѣмъ вдвое превышаетъ дѣйствительныя потери помѣщиковъ. Часть мѣстныхъ узаконенныхъ грабителей-помѣщиковъ, подвергшихся неожиданному разграбленію со стороны крестьянъ, устыдилась и отказывается отъ вознагражденія, но за то другая часть выказываетъ свои грабительскіе аппетиты во всю, пытаясь требовать, напр., за пропавшую рублевую куклу — 100 рублей, за заношенныя дочернія платья ихъ первоначальную стоимость, за какіе то старые юридическіе журналы — 300 рублей.

Но это еще далеко не все: узаконенные грабители и насильники устраиваютъ надъ поруганными крестьянами комедію «законнаго» суда. Чтобы дѣло было вѣрнѣе, они даже ставятъ особые «законы» надъ своими прежними законами, т. е. попросту не испол-

няютъ прежнихъ. Такъ обвиняемыхъ набираютъ *случайно*, изъ первыхъ попавшихся подъ руки; судъ устраиваютъ, напр., не въ Харьковѣ, какъ бы слѣдовало по закону, а въ Валкахъ; двери суда остаются закрытыми даже для произнесенія приговора; предсѣдатель суда лишаетъ защитниковъ права выяснять на судѣ обстоятельства дѣла, говорить о тѣхъ перенесенныхъ уже обвиняемыми казняхъ, которыя далеко превышаютъ собою всякую возможную кару по суду; это вызываетъ цѣлый рядъ отказовъ со стороны защитниковъ отъ безполезной далѣе защиты. Въ иныхъ мѣстахъ присуждаютъ крестьянъ къ наказанію по низшей степени, въ другихъ — присуждаютъ ихъ къ арестантскимъ ротамъ на цѣлый рядъ лѣтъ. Кое-гдѣ, въ видѣ дьявольской насмѣшки надъ безправными, постановляютъ ходатайствовать передъ царемъ о смягченіи имъ наказанія. А въ это же время часть крестьянъ, миновавъ «законный» судъ, сидитъ въ полтавской тюрьмѣ, привлеченная по жандармскому дознанію, — для застѣночной расправы надъ ними.

Такова самодержавная «законность», явленная крестьянамъ, попробовавшимъ въ крайней нуждѣ, для защиты собственной жизни самовольно приступить къ грабительству.

Отъ этой «законности» — не у россіянина, нѣтъ: онъ слишкомъ привыкъ ко всему — у всякаго свѣжаго человѣка, поставленнаго на наше мѣсто, тотчасъ же бы духъ сперся отъ негодованія.

Вообще самодержавная законность, передъ концомъ самого самодержавія, цвѣтетъ пышнымъ цвѣтомъ и спѣшитъ распустить всѣ свои послѣдніе лепестки. Со вступленіемъ во власть Плеве «законность» начинаетъ проникать даже въ самые мрачные углы беззаконія. Во главѣ департамента полиціи ставится «законникъ», прокуроръ Лопухинъ; послѣдній призываетъ къ себѣ другихъ законниковъ — прокуроровъ. Въ обществѣ распространяются слухи, что теперь, молъ, и здѣсь, въ этомъ ненавистномъ застѣнкѣ всяческаго безправія, все будетъ «по закону»; даже, молъ, и студентамъ, — говорятъ нѣкоторые изъ вновь приглашенныхъ, — мы хотимъ дать въ видѣ опыта безвозбранно пройтись по улицамъ въ ихъ манифестаціи.

«Законность» въ этой новой области, дѣйствительно,

скоро даетъ себя знать: майскіе демонстранты въ разныхъ городахъ отдаются подъ судъ, чтобы такимъ образомъ можно было часть изъ нихъ закатать на вѣчную ссылку въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ. Не вина, конечно, правительства, что демонстранты воспользовались этими судами для новыхъ протестовъ противъ самодержавной законности, — протестовъ, услышанныхъ широкими кругами общества, несмотря на закрытыя двери судовъ. Новая «законность», разумѣется, нисколько не мѣшаетъ прежнему порядку — административно расправляться съ политическими. Хватаются все новыя и новыя жертвы, — хватаются десятками и сотнями, съ разныхъ сторонъ и изъ разныхъ круговъ.

Вотъ почему понятенъ становится негодующій крикъ, вылетающій изъ пролетарской груди: Долой самодержавіе! Долой его ненавистную «законность!» — *Не послушаніемъ самодержавнымъ законамъ, а ослушаніемъ ихъ будетъ подвигаться впередъ развитіе нашей страны.* И когда это ослушаніе широко проникнетъ въ массы и станетъ главнымъ руководителемъ ихъ дѣйствій, тогда и царскому самодержавію неизбѣжно наступитъ конецъ.

W.

ИЗДАЛИ.

(Сказки и пѣсни уединеннаго пошехонца).

Всякій разъ, уѣзжая за дальній рубежъ,
Покидая столичную плѣсень,
Я и молодъ опять, и отваженъ, и свѣжъ,
Жажду вольнаго смѣха и пѣсенъ.
Вотъ — послѣдній жандармъ: подозрительный взглядъ;
Вотъ — чиновники, будто прокисли!
Ахъ друзья! Вѣдь я весь динамитный зарядъ
И везу—запрещенныя мысли!
Что въ мозгу у меня нецензурныхъ идей,
Отъ которыхъ линяютъ короны!
Сколько радостныхъ грезъ, сколько яркихъ огней,
Сожигающихъ царскіе троны!
Паспортъ мой на лицо! Дѣлать нечего вамъ,
А сейчасъ я преступной мечтою
Шахъ и матъ задаю палачамъ-королямъ
И мету ихъ поганой метлою.
Воровской синдикатъ Высочайшихъ орлятъ,
Августѣйшихъ тюремщиковъ своры,—
У меня на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ,
Я надъ ними вершу приговоры.
Невмѣняемый нашъ колонель Николай,—
«Божью милость» принявъ въ уваженье,
За твою простоту (вотъ ужъ именно въ рай!)
Я дарую тебѣ снисхожденье.
Ты безволенъ душой, головой недвижимъ —
На соблазнъ православному люду,
Ты мамашей забитъ и женой одержимъ —
Ну за что я судить тебя буду?

Дамъ Филиппа тебѣ въ провожатые я, —
И Мещерскаго князя для флёрту,
Маршъ — къ Пайару въ Парижъ, иль въ другіе края, —
Куда хочешь, мой милый, хоть къ чорту!
Лишь подальше отъ насъ. Въ Петербургъ ни ногой,
Чтобъ забывъ свой пріемъ джентельменскій,
Я на общій скандалъ не свершилъ-бы съ тобой
Тоже что съ мужикомъ Оболенскій.
Представляю себѣ этотъ Дантовскій кругъ:
Въ воровствѣ и отважны и быстры,
Какъ чижа, я накрою васъ шапкою вдругъ
Безпардонные наши министры.
На почетное лобное мѣсто впередъ
Ты—предатель, спокойный во гнѣвѣ,
Перекрестъ, либералъ, засѣкавшій народъ,
Вячеславъ Константиновичъ Плеве.
Видишь тѣни героевъ, казненныхъ тобой.
Слышишь вопли забитаго брата?
Ты всему измѣнилъ, чему вѣрилъ душой,
Предалъ все, чему клялся когда-то!
Сергѣй Юльевичъ Витте—Кречинскій у насъ,
Государственный воръ для картины.
Ты въ царевомъ вѣнцѣ самый цѣнный алмазъ,
По тебѣ ахъ какъ плачутъ осины!
Вѣдь предавшій за тридцать рублишекъ Христа
Былъ Іуда—дуракъ безъ кокарды!
Ариѳметика нынѣ у Витте не та,
За Россію ты взялъ милліарды.
Залѣзалъ ты во всякій дырявый карманъ,
Ты за пазухой шарилъ народной,
При тебѣ міроѣдъ толстъ и веселъ, и пьянъ,
Мретъ за то мужиченко голодный!
Много глотокъ крикливыхъ заткнуть ты умѣлъ
И, какъ Чичиковъ, души скупая,
Ты, какъ шуллеръ, всегда былъ находчивъ и смѣлъ,
Ванька Каинъ родимаго края.
Фридерикса усы—я замѣтилъ давно,
Намъ съ тобой разбираться не надо;
Стань подъ модный парикъ куаферу въ окно,

Манекенъ ты изъ перваго ряда.
Ты Хилковъ, кочегаромъ въ Америкѣ былъ
И министромъ содѣянъ за это,
Какъ бульдогу тебѣ Витте хвостъ отрубилъ:
Для собаки дурная примѣта!
Министерство твое стало куцымъ затѣмъ,
Денегъ жиже и менѣе спѣси...
Остальные сатрапы—да ну ихъ совсѣмъ
Имена ихъ ты Господи вѣси!
Сколько васъ на скамьѣ подсудимыхъ сидитъ
И въ отдѣльности каждаго вора,
Пока поѣздъ мой мчится, дымитъ и гудитъ.
Я сужу справедливо и скоро.
Какъ родная, безъ васъ измѣнилась страна,
Ночь прошла, и зарей для народа
Поднялась къ небесамъ и красна, и пышна
Вѣчевая, святая свобода!
Чу, гудитъ на Москвѣ нашъ Иванъ-великанъ:
— Просыпайтеся вольные люди!
И ему ото всѣхъ, отъ безчисленныхъ странъ
И отвѣтъ, и привѣтъ: здравствуй братъ нашъ Иванъ,
Земскимъ вѣчемъ отнынѣ намъ буди!
На всю Русь, на весь міръ пусть твой мѣдный языкъ
И гремитъ и вѣщаетъ народу —
Чтобъ на бой съ старымъ зломъ подымался мужикъ,
Чтобъ опять не проспалъ онъ свободу.
Эй, Иванъ-Великанъ, пусть твой радостный кличъ,
Словно счастья гонецъ и предтеча,
Въ позабытую глушь, въ вѣковѣчную дичь
Пролетаетъ отъ вѣча до вѣча.
Отъ студеныхъ морей въ дивно солнечный край,
Отъ пустынь ледяныхъ въ заповѣдные боры: —
«Просыпайся боецъ, — смѣло цѣпи ломай,
И круши, словно молотъ, — затворы!»

Южный.

Всеобщая стачка углекоповъ во Франціи

Во Франціи, какъ и во многихъ другихъ странахъ, потребляющихъ для топлива, главнымъ образомъ, каменный уголь, каменоугольная промышленность играетъ, разумѣется, очень важную роль. Уже по одному этому понятно, какимъ крупнымъ общественнымъ событіемъ является для всей Франціи продолжавшаяся почти полтора мѣсяца всеобщая стачка французскихъ углекоповъ.

Во Франціи всего около 160.000 углекоповъ. Изъ нихъ организованы свыше 50.000 человѣкъ, составляющихъ «Національную федерацію французскихъ углекоповъ». Это самая сильная и наиболѣе вліятельная рабочая организація Франціи. Національная федерація состоитъ изъ четырехъ мѣстныхъ федерацій: 1) Сѣвера и Па-де-Калэ, 2) Юга, 3) Луары и 4) Центра. Каждая изъ этихъ федерацій обнимаетъ всѣ синдикаты углекоповъ, существующіе въ данной мѣстности. — Южная федерація обнимаетъ всѣ синдикаты, существующіе на югѣ, Луарская — въ бассейнѣ Луары и т. д. Федерація Сѣвера и Па-де-Калэ наиболѣе важная изъ нихъ, такъ какъ въ этихъ двухъ бассейнахъ сосредоточено наибольшее количество углекоповъ — до 85.000 человѣкъ. Во главѣ каждой изъ этихъ федерацій стоитъ «Федеральный Совѣтъ», во главѣ же всѣхъ синдикатовъ углекоповъ стоитъ «Національный Совѣтъ».

Было бы, впрочемъ, ошибочно думать, что вліяніе «Національной Федераціи» ограничивается лишь тѣми 50.000 углекоповъ, которые состоятъ членами синдикатовъ. И предыдущія стачки и теперешнія стачки углекоповъ показываютъ очень ясно, что если только треть всѣхъ углекоповъ принимаетъ участіе въ организаціяхъ, то почти всѣ они объединены, солидарны, и почти всѣ они принимаютъ участіе въ рабочемъ движеніи. Доказательствомъ этого является и то, что

въ мѣстностяхъ, населенныхъ углекопами, какъ въ Кармо, въ Монсо-ле-Линъ и въ др. почти всѣ общественныя управленія соціалистическія. Углекопы имѣютъ своихъ трехъ представителей — углекоповъ въ парламентѣ — Басли, Бувери и Лашенденъ. Ими же главнымъ образомъ выбраны и нѣсколько другихъ соціалистическихъ депутатовъ — Жоресъ, Бріанъ и др.

Уже нѣсколько лѣтъ французскіе углекопы готовились ко всеобщей стачкѣ, чтобы добиться восьмичасового рабочаго дня, установленія минимума заработной платы и пенсіи во время старости въ размѣрѣ 2 франковъ (приблизительно 75 к.) въ день для каждаго углекопа, достигшаго пятидесятилѣтняго возраста. Какъ восьмичасовымъ рабочимъ днемъ, такъ и пенсіей уже давно пользуются углекопы многихъ странъ, и уже давно и французскіе углекопы выставили эти требованія. Но ни хозяева, ни парламентъ не соглашались удовлетворить ихъ. Правительство Франціи, какъ и многіе депататы неоднократно обѣщали углекопамъ принять законодательныя мѣры для облегченія ихъ положенія, но это были лишь уловки, чтобы отговорить ихъ отъ стачки. Углекопамъ стало не въ терпежъ больше ждать, и они рѣшили принудить правительство, парламентъ и хозяевъ уступить имъ. Всеобщимъ голосованіемъ, устроенномъ въ концѣ прошлаго года, 44.644 углекопа высказались за то, чтобы устроить всеобщую стачку. Противъ стачки вотировало только 10.763 человѣка. Какъ было рѣшено на съѣздѣ углекоповъ, предшествовавшемъ этому голосованію, всѣ воздержавшіеся должны были быть зачислены какъ голосовавшіе *за стачку*. Объ этомъ, конечно, знали тѣ углекопы, которые не участвовали въ голосованіи, и громадное большинство ихъ именно потому и считало возможнымъ воздержаться. Референдумъ (всеобщее голосованіе) далъ слѣдовательно, вполнѣ ясный отвѣтъ, что громадное большинство углекоповъ находитъ необходимымъ устроить стачку. За стачку высказался и новый съѣздъ углекоповъ, состоявшійся тотчасъ послѣ этого референдума. Но объявить день стачки было предоставлено національному комитету, стоящему, какъ было сказано выше, во главѣ всѣхъ организацій углекоповъ. Черной тучей повисло ожиданіе этой стачки надъ всей Франціей. Но «Національный Комитетъ»

медлилъ, рѣшивъ использовать раньше всѣ средства, чтобы избѣгнуть стачки. Замѣчу, между прочимъ, что ея не желало большинство министерскихъ соціалистовъ, боявшихся, что такая стачка приведетъ къ неминуемому разрыву ихъ съ министерствомъ, а это неминуемо привело бы къ паденію послѣдняго. Именно въ ожиданіи этого, т. е. что правительственныя мѣры противъ стачечниковъ обяжутъ соціалистовъ порвать съ правительствомъ и что оно лишится поэтому своего парламентскаго большинства — въ ожиданіи этого извѣстная часть реакціонеровъ, такъ жаждавшихъ паденія министерства Вальдека-Руссо, возбуждали рабочихъ и старались всѣми силами вызвать ихъ на стачку. Правительство, т. е. министерство Вальдека-Руссо, въ которомъ министромъ торговли былъ Мильеранъ, дѣйствительно, какъ только стачка была рѣшена съѣздомъ, наводнила всѣ углепромышленные районы войскомъ и жандармами, т. е. готовилось къ стачкѣ, какъ и всякое реакціонное правительство. Но углекопы продолжали работать, ожидая призыва своего комитета. Послѣдній, а въ немъ кстати сказать, министеріалисты-соціалисты имѣли большое вліяніе— велъ переговоры съ правительствомъ, которое, понятно, все же предпочитало избѣгнуть конфликта. Въ парламентъ было внесено нѣсколько запросовъ относительно предстоявшей стачки.Подъ угрозой ея правительство и парламентъ рѣшились, наконецъ, заняться вопросами законодательства о рудокопахъ. «Національный комитетъ» сталъ ждать рѣшенія парламента. Вопросъ о минимумѣ заработной платы министерство Вальдека-Руссо совершенно отказалось обсуждать, находя, что оно не подлежитъ парламентской компетенціи, что нельзя регулировать законодательнымъ путемъ заработную плату. Требованіе пенсіи на время старости много депутатовъ и, кажется, само правительство находили «справедливымъ», но реформа эта была отложена на неопредѣленное время въ виду того, что готовится общій проектъ о пенсіонныхъ кассахъ для всѣхъ рабочихъ. Наконецъ, вопросъ о рабочемъ днѣ парламентъ разрѣшилъ слѣдующимъ образомъ: немедленное введеніе 9-ти часового чабочаго дня, который долженъ быть пониженъ черезъ три года до $8^1/_2$ ч., а еще черезъ два года до 8-ми часовъ. Но чтобы войти въ

силу, реформа эта должна была быть принята и сенатомъ, который до сихъ поръ еще не утвердилъ ея. Свое рѣшеніе о рабочемъ днѣ парламентъ принялъ въ февралѣ 1902 г., незадолго до того, какъ закончились его законодательныя полномочія. Начался періодъ выборовъ. Углекопы, разумѣется, не были довольны, что вопросъ о пенсіи былъ отсроченъ, что не было установлено минимума заработной платы, но многіе были согласны принять реформу о рабочемъ днѣ, хотя она лишь черезъ нѣсколько лѣтъ вводила восьмичасовую работу въ шахтахъ. О стачкѣ во время выборовъ нечего было и думать. И сенатъ, и палата были распущены, да и во многихъ другихъ отношеніяхъ это было бы самымъ неблагопріятнымъ моментомъ для стачки. Волей неволей ее пришлось отложить.

Результатомъ одной только угрозы всеобщей стачки было то, что законодательство объ углекопахъ было немедленно поставлено на очередь дня, а одно изъ самыхъ важныхъ требованій углекоповъ — объ ограниченіи рабочаго дня — было болѣе или менѣе удовлетворено. Новая палата, какъ и новое министерство Комба, оказалась болѣе радикальной, чѣмъ ихъ предшественники, и всего вѣроятнѣе, что углекопы согласились бы выждать еще извѣстное время и постараться мирно, посредствомъ своего комитета и депутатовъ соціалистовъ, добиться отъ новаго парламента выполненія и другихъ своихъ требованій.

Но какъ разъ къ этому времени истекалъ срокъ договоровъ углекоповъ съ углепромышленными компаніями о заработной платѣ, и послѣднія захотѣли понизить ее. Надѣялись ли компаніи, что «Національный комитетъ углекоповъ» потерялъ свое вліяніе въ виду своей нерѣшительности объявить стачку, въ чемъ его, дѣйствительно, многіе упрекали? Или они думали, что углекопы перестали уже надѣяться на всеобщую стачку, что имъ надоѣли долгіе разговоры о ней, что долгія и напрасныя приготовленія къ ней утомили ихъ наконецъ? Мотивировали компаніи пониженіе заработной платы тѣмъ, что стала понижаться цѣна на каменный уголь. Но это было возмутительной ложью. Ростъ прибылей каменноугольныхъ компаній, какъ соціалистическіе дапутаты Жоресъ и Базли доказали въ парламентѣ, является прямо скандальнымъ, сказочнымъ.

Мы приведемъ нѣсколько цифръ, чтобы иллюстрировать, какъ велики барыши углепромышленниковъ. Одна компанія (Bruay), образовавшаяся въ 1852 году съ капиталомъ въ 3 милліона франковъ, имѣла въ 1900 г. свыше 8 милліоновъ франковъ одной только чистой прибыли! Прибыль другой компаніи (Coerrières), составлявшая въ 1896 году 3.272.449 фр., повысилась въ 1901 г. до 7.512.379 фр., т. е. за пять лѣтъ увеличилась въ два раза! Компанія de l'Escarpelle получила въ 1897 г. около 800.000 фр. прибыли, а въ 1900 — свыше $2^1/_2$ милліоновъ франковъ! Сдѣланъ разсчетъ, что каждый работающій углекопъ приносилъ компаніямъ прибавочной стоимости 184 фр. въ 1897 г., 238 фр.— въ 1898 г., 370 фр.—въ 1899 г., 600 фр.—въ 1900 г. и около 635 франковъ въ 1901 г.! Цѣна тонны каменнаго угля повысилась съ 9,77 фр. въ 1897 г. до 16,45 фр. въ 1901 г. Общая чистая прибыль всѣхъ компаній повысилась съ 40 милліоновъ въ 1898 г. на 105 мил. фр. въ 1900 г.! «Это ужъ слишкомъ!»—вырвалось невольно изъ устъ одного депутата реакціонера, когда соціалисты приводили эти цифры на трибунѣ парламента. И при такомъ невѣроятномъ ростѣ прибыли промышленниковъ заработная плата углекоповъ повысилась только на нѣсколько сантимовъ въ день! И послѣ этого компаніи задумали понизить заработную плату углекоповъ! Углекопы потребовали отъ своихъ хозяевъ войти съ ними въ переговоры, разумѣется, не съ каждымъ въ отдѣльности, а — съ организаціями. Компаніи наотрѣзъ отказались. Состоявшійся въ концѣ сентября этого года новый съѣздъ углекоповъ (въ Commentry) единогласно постановилъ организовать всеобщую стачку. Новые переговоры «Національнаго Комитета» съ компаніями не привели ни къ чему, и Центральный Комитетъ призвалъ 8-го октября всѣхъ углекоповъ бросить работу. Но уже за нѣсколько дней до этого призыва Центральнаго Комитета въ Па-де-Калѣ и на сѣверѣ забастовало до 75.000 углекоповъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ былъ изданъ манифестъ о стачкѣ, она стала, дѣйствительно, всеобщей. Забастовали углекопы всѣхъ бассейновъ, и Сѣвера, и Па-де-Калэ, и Центра, и Юга, и Луары, всего около 120.000 человѣкъ. Продолжали работать только углекопы Монсо-ле-Минъ, которые только не-

давно принялись за работу послѣ долгой истомившей ихъ стачки, и углекопы, принадлежащіе къ «желтымъ» синдикатамъ, т. е. къ синдикатамъ, которые образуютъ хозяева изъ реакціонныхъ элементовъ рабочихъ, изъ подонковъ рабочаго класса. Подкупаемые хозяевами, эти «желтые» рабочіе борются съ соціалистическими синдикатами, играя ту же роль, какъ у насъ «независимые». Но значеніе этихъ «желтыхъ» весьма незначительно, ибо они составляютъ лишь ничтожное меньшинство, и, разумѣется, не имѣютъ никакого вліянія на массу рабочихъ. Газеты сообщали, какъ о несомнѣнномъ фактѣ, что «желтые» запаслись, понятно, на счетъ промышленниковъ, громаднымъ количествомъ револьверовъ и пороху, чтобы бороться со стачечниками!

Несмотря на всеобщность стачки, компаніи по прежнему упорствовали и все не хотѣли вступить въ переговоры съ организаціями рудокоповъ. Правительство же, несмотря на свою радикальность, послало во всѣ мѣста, населенныя рудокопами, такое громадное количество войска, какъ будто оно ожидало тамъ появленія вооруженнаго непріятеля. Въ одномъ Па-де-Калэ было сосредоточено 40 ротъ инфантеріи, 15 эскадроновъ кавалеріи, 800 жандармовъ, всего 20,000 человѣкъ войска! Въ Монсо-ле-Минъ, гдѣ углекопы продолжали работать, было послано, на всякій случай, 600 жандармовъ. Напрасно мэры, муниципалитеты, депутаты и рабочіе представители протестовали противъ такого образа дѣйствій правительства, указывая, что такое обиліе войска можетъ только раздражать рудокоповъ, что это является со стороны правительства провокаторскимъ пріемомъ, — мобилизація арміи, какъ въ военное время, все же продолжалась, и въ каменноугольныхъ районахъ сосредоточивалось все большее количество войска. Особымъ приказомъ было запрещено солдатамъ, подъ угрозой наказанія, имѣть какія бы то ни было сношенія со стачечниками. Но, разумѣется, офицерамъ и генераламъ была предоставлена полная свобода водить дружбу съ инженерами и другими представителями углепромышленниковъ, которымъ они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передавали даже руководство войскомъ. Дѣйствія правительства, какъ доказывали соціалисты, были незаконными, такъ какъ, объявивъ стачку, рабочіе пользовались тѣмъ пра-

вомъ, которое имъ представляетъ законъ. Въ лучшемъ случаѣ, при самомъ лестномъ толкованіи для правительства его образа дѣйствій,—я говорю о критикѣ жоресистовъ, — эти дѣйствія показываютъ, что правительство подозрѣваетъ всѣхъ рудокоповъ-стачечниковъ въ возможности совершать преступленія. На какомъ основаніи? Но въ дѣйствительности правительство—и само оно меньше чѣмъ кто бы то ни было сомнѣвалось въ этомъ — послало эти десятки тысячъ солдатъ, чтобъ устрашить стачечниковъ, оказывая этимъ обычную поддержку хозяевамъ въ ихъ борьбѣ съ рабочимъ движеніемъ. «Отправка войска,—объяснялъ глава министерства Комбъ въ парламентѣ, — не было и не могло быть со стороны правительства ничѣмъ инымъ, какъ только актомъ осторожности, а не провокаціей... Правительству, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, предстояло позаботиться о трехъ вещахъ: защищать людей и предметы отъ насилій, обезпечить свободу труда повсюду, гдѣ трудъ нуждается въ покровительствѣ *(очень хорошо! очень хорошо! въ центрѣ)*, уважать право стачки въ его законныхъ проявленіяхъ (апплодисменты слѣва)».

Что такое «свобода труда» — эта старая пѣсенька всѣхъ враговъ рабочихъ--это мы знаемъ. Дѣйствительный смыслъ этихъ словъ установленъ давно—практически это значитъ свобода эксплуатаціи и защита интересовъ буржуазіи, и намъ слишкомъ ясно, что именно для этого было послано войско. Но какъ правительство проявило этимъ и «уваженіе права стачки» объ этомъ, очевидно знаютъ только апплодировавшіе этимъ словамъ Комба члены лѣвой. Изъ «уваженія» же къ «праву стачки» префекты г. Комба воспретили рудокопамъ уличныя собранія, манифестаціи, арестовывали рабочихъ и даже устраивали побоища стачечниковъ, какъ это было въ Деказвилѣ. Усердіе же полиціи въ защитѣ «свободы труда» доходило до того, что стачечникамъ въ одномъ мѣстѣ было «запрещено смотрѣть на площадь, принадлежащую компаніи и также смотрѣть на рудокопа, отправляющагося на работу или возвращающагося съ нея.» *) Полиція и судъ не преминули, разумѣется, привлечь много десятковъ ста-

*) L'Aurore, № 1826.

чечниковъ къ отвѣтственности за нарушеніе «свободы труда».

Не обошлось и безъ жертвъ. Въ Тернуарѣ, около Сентъ-Этьена, жандармъ выстрѣломъ тяжко ранилъ одного рабочаго, а другого—Жака Коломбэ — убилъ. Надо знать, что жандармъ этотъ выстрѣлилъ въ рабочихъ только за то, что они — ихъ было нѣсколько человѣкъ — попытались было освободить изъ рукъ другого жандарма своего арестованнаго товарища. Этотъ фактъ наиболѣе ярко показываетъ, каково отношеніе къ стачечникамъ той военной силы, которой Комбъ поручилъ защиту «права стачки».

Уже съ самаго начала стачки нѣкоторые главари рудокоповъ, какъ Базли, Лашендень и др. жоресисты, настаивали, что она должна носить только экономическій характеръ; должна быть направлена только противъ углепромышленниковъ, не задаваясь никакими политическими цѣлями, не имѣя въ виду даже давленія на правительство, чтобъ оно поспѣшило осуществить требуемыя углекопами реформы. Вмѣстѣ съ ними и много углекоповъ думали, что при такихъ условіяхъ общество, парламентъ и т. д. будутъ на ихъ сторонѣ, и стачка скорѣе придетъ къ концу и вѣрнѣе приведетъ къ побѣдѣ. Но въ первое время все же много говорили, кромѣ вопроса о заработной платѣ, и о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, и о пенсіяхъ, однимъ словомъ о соціальныхъ реформахъ. Этотъ политическій элементъ былъ почти совершенно изгнанъ изъ стачки усердными жоресистами послѣ парламентскихъ засѣданій (21-го и 25-го октября), посвященныхъ стачкѣ, закончившихся предложеніемъ, чтобы министерство постаралось организовать третейскій судъ между спорящими сторонами. Я уже упоминалъ выше объ этихъ засѣданіяхъ палаты, но на нихъ стоитъ остановиться подробнѣе.

Ораторами отъ соціалистическихъ фракцій, интерпеллировавшими правительство по поводу стачки, выступили Тивріе, Бріанъ, Жоресъ и Базли. Тивріе и Бріанъ протестовали противъ провокаторскихъ мѣръ правительства во время стачки. Базли говорилъ о причинахъ ея и объ отношеніи углепромышленныхъ обществъ къ рабочимъ. Онъ то и привелъ большинство данныхъ о грандіозной прибыли этихъ обществъ. Жо-

ресъ формулировалъ требованія углекоповъ. И въ этой рѣчи, несмотря на то, что всѣ организованные рабочіе Франціи настаиваютъ, чтобы для пенсіонныхъ кассъ не дѣлали никакихъ вычетовъ изъ заработанной платы, Жоресъ «за свою личную отвѣтственность» (будучи главаремъ партіи!) заявилъ, что невозможно освободить рабочихъ отъ такихъ вычетовъ! «Я думаю. что при современномъ состояніи нашихъ финансовъ и нашей экономической жизни, при тѣхъ прецедентахъ, которые созданы извнѣ и при нуждахъ интернаціональной борьбы, мы не достигнемъ учрежденія пенсіонныхъ кассъ для тысячъ рабочихъ всей агрикультуры и всей индустріи, если мы ничего не потребуемъ для этого у самихъ рабочихъ.» Эти слова принадлежатъ не министру, а соціалисту Жоресу! По его мнѣнію пенсіонныя кассы должны быть обезпечены равными взносами рабочихъ, хозяевъ и государства. Какъ будто государство и хозяева имѣютъ иные источники дохода, чѣмъ прибавочная стоимость отъ эксплуатаціи рабочихъ! Но теперь Жоресъ «государственный человѣкъ» и ему даже заказано позабыть объ этой соціалистической истинѣ.*) Дальше Жоресъ показалъ всю несправедливость желанія углезаводчиковъ понизить заработную плату и, подобно Базли, потребовалъ, чтобы правительство вмѣшалось въ этотъ конфликтъ, обязавъ компанію согласиться на третейскій судъ. Что Комбъ отвѣтилъ относительно полицейскихъ мѣръ. принятыхъ

*) Къ характеристикѣ эволюціи, которую совершаетъ теперь Жоресъ.... Въ этой же рѣчи онъ сдѣлалъ такія заявленія: «Самые умѣренные и самые консервативные республиканцы знаютъ хорошо, что формы человѣческой жизни не неподвижны, что собственность и трудъ безпрерывно измѣняются; и если мы не будемъ ихъ игнорировать, если мы имъ представимъ точныя предложенія, то они *безъ сомнѣнія* согласятся на новые законы организаціи и справедловости, которые требуетъ работающій классъ». И дальше: «Мы, соціалисты, думаемъ, что только фундаментальное преобразованіе собственности уничтожитъ всѣ несправедливости и всѣ противорѣчія. Но осуществленія нашего идеала мы ожидаемъ не отъ вспышки гнѣва и не отъ слѣпыхъ волненій»... Нужно ли разъяснять, что Жоресъ понимаетъ подъ словами «вспышка гнѣва» и «слѣпыя волненія»? Даже умѣренный Франціскъ де-Преесансэ нашелъ неосторожнымъ и слишкомъ оппортунистическимъ такъ «абсолютно, такъ непреложно отвергать предположеніе революціи», возложивъ всѣ надежды на «сотрудничество» классовъ.

имъ, это мы уже знаемъ. О требованіяхъ же углекоповъ онъ высказался въ томъ же духѣ, какъ и его предшественникъ Вальдекъ Руссо, т. е., что минимумъ заработной платы установить нельзя, а въ остальномъ обѣщалъ сдѣлать «все возможное». Не безинтересно отмѣтить, что рѣчи Комба апплодировали поочередно всѣ парламентскія партіи, отъ крайней правой до крайней лѣвой. «Всѣмъ сестрамъ по сергамъ».

По окончаніи дебатовъ гедисты и вальянисты предложили «порядокъ дня», клеймившій «вооруженное вмѣшательство» въ стачку и предлагавшій правительству немедленно удалить войска изъ каменноугольныхъ районовъ, а палату — осуществить въ теченіи настоящей сессіи реформы, требуемыя углекопами. За этотъ порядокъ «дня» было подано только 55 голосовъ, т. е. за него вотировали только соціалисты. Мильеранъ воздержался отъ голосованія. Провалился также порядокъ «дня» жоресистовъ тоже протестовавшій, въ болѣе умѣренныхъ выраженіяхъ, противъ употребленія военной силы, признавая что «найлучшей гарантіей законнаго и мирнаго хода стачекъ является прогрессъ рабочихъ организацій.» 375 голосами противъ 164 палата приняла порядокъ «дня» «республиканскаго блока», представленный четырьмя постоянными представителями этого bloc'a: Гузи, Сарьеномъ, Этьеномъ и Жоресомъ. Этотъ порядокъ дня выражалъ довѣріе правительству и предлагалъ ему «употребить все свое вліяніе», чтобы хозяева согласились на третейскій судъ.

Большинство жоресистовъ, въ томъ числѣ и большинство «Національнаго комитета» и комитетовъ федераціи углекоповъ нашли это голосованіе палаты депутатовъ «серьезной побѣдой». Члены Національнаго комитета посѣтили министра Комба и, по ихъ признанію, остались очень довольны его заявленіями. Съ этого времени жоресисты стали агитировать на всѣхъ собраніяхъ углекоповъ, чтобы эти послѣдніе относились съ довѣріемъ къ правительству. Вѣра въ правительство была настолько велика, что Національный комитетъ углекоповъ настоялъ на прекращеніи стачки портовыхъ рабочихъ, забастовавшихъ исключительно изъ солидарности съ углекопами, чтобы обезпечить имъ побѣду. Въ Дюнкирхенѣ, въ Калэ, въ Марселѣ, почти

во всѣхъ главныхъ портовыхъ городахъ рабочіе отказались разгружать заграничныя суда, прибывавшія съ каменнымъ углемъ. Въ Дюнкирхенѣ портовые рабочіе устроили грандіозную манифестацію, обошедшуюся имъ довольно дорого въ виду тѣхъ крутыхъ мѣръ, которыя были приняты противъ нихъ полиціей и жандармами. «Благопріятный отвѣтъ правительства требуетъ спокойствія»—телеграфировалъ Коттъ, секретарь «Національнаго Комитета» секретарю федераціи портовыхъ рабочихъ. И по увѣренію послѣдняго только эта телеграмма была причиной прекращенія стачки докеровъ.*) При такомъ положеніи вещей ужъ не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы вмѣстѣ съ углекопами забастовали, какъ то предполагалось, и другія крупныя организаціи рабочихъ Франціи.

Скоро послѣ принятія парламентомъ рѣшенія о третейскомъ судѣ, Національный Комитетъ углекоповъ согласился, чтобы переговоры велись по бассейнамъ, такъ какъ Комитетъ Углезаводчиковъ рѣшительно отказывался вести таковые съ самимъ комитетомъ. Теперь углекопы выставляли только два главныхъ требованія: повышеніе заработной платы и обратное принятіе всѣхъ стачечниковъ. Компаніи еще продолжали нѣкоторое время упорствовать, но наконецъ, уступили, и начались переговоры. Компаніи ошиблись въ своихъ разсчетахъ: они предполагали, что всеобщая стачка не можетъ продолжаться больше какихъ-нибудь 8-ми дней, что рабочіе имъ скоро уступятъ, вынужденные голодомъ, но прошло ужъ больше трехъ недѣль, а всѣ 120 тысячъ углекоповъ были, какъ въ первый день стачки, мужественны и солидарны, готовые еще на долгую борьбу.

31-го октября состоялось въ Arras'ѣ собраніе представителей углепромышленниковъ и углекоповъ бас-

*) L'aurore 7 ноября. Письмо Мано, секретаря федераціи портовыхъ рабочихъ, къ Котту. — Мы отмѣтимъ тутъ же и нѣкоторые другіе акты рабочей солидарности во время стачки; углекоповъ. Бельгійская и нѣмецкая организаціи углекоповъ выпустили воззванія, приглашавшія не производить сверхсрочныхъ работъ, нѣмецкіе углекопы прислали стачечникамъ 5000 марокъ, интернаціональная федерація углекоповъ — 25000 франковъ; одна французская организація выдавала имъ по 1000 франк. въ недѣлю и т. д.

сейна Па-де-Калэ. Предварительнымъ условіемъ этого собранія было, что обѣ стороны, въ случаѣ несогласія по тому или другому пункту переговоровъ, соглашаются на третейскій судъ съ обязательствомъ подчиниться его рѣшенію. Такое же собраніе было въ Лилѣ 2-го ноября для сѣвернаго бассейна. Ни то, ни другое собраніе не привели къ соглашенію: представители компаній отказывались повысить заработную плату. Вопросъ о заработной платѣ былъ поэтому переданъ на рѣшеніе третейскаго суда. Тутъ случилось нѣчто невѣроятное: вмѣсто того, чтобы самимъ выбрать своего представителя, рабочіе — делегаты обоихъ этихъ бассейновъ предоставили выборъ его министру общественныхъ работъ, Марюежулю. Послѣдній назначилъ арбитромъ (третейскимъ судьей) состороны рабочихъ главнаго инспектора шахтъ Па-де-Калэ и Сѣвера, инженера Делафрона. Въ исходѣ суда нечего было сомнѣваться: при такомъ арбитрѣ со стороны самихъ рабочихъ вопросъ не могъ быть рѣшенъ въ ихъ пользу. Основываясь только на движеніи цѣнъ на каменный уголь и совершенно не принимая во вниманіе постояннаго роста прибыли углепромышленныхъ компаній, г. Делафонъ, въ полномъ согласіи съ представителемъ промышленниковъ, рѣшилъ, что теперь нельзя увеличить заработной платы ни въ Па-де-Калэ, ни на Сѣверѣ. Еще во время переговоровъ компаніи этихъ бассейновъ предложили рабочимъ, вмѣсто повышенія платы, урегулировать пенсіи, которыя и теперь выдаются углекопамъ на старости лѣтъ, на нѣсколько болѣе выгодныхъ условіяхъ для послѣднихъ. Рабочіе тогда отказывались и теперь, въ виду такого прекраснаго поворота дѣлъ, компаніи снова милостиво предложили рабочимъ эту уступку.

Всѣ углекопы были возмущены этимъ рѣшеніемъ арбитровъ. Подчиниться рѣшенію, какъ делегаты углекоповъ обѣщали раньше, или нѣтъ? — вотъ вопросъ, который обсуждался повсюду рабочими, послѣ полученія ими извѣстій объ результатѣ третейскаго суда. 8-го ноября, т. е. на другой день послѣ того, какъ состоялся третейскій судъ для Сѣвернаго бассейна, представители федераціи углекоповъ Па-де-Калэ и Сѣвера собрались въ Лансѣ, чтобы окончательно обсудить этотъ вопросъ. Постановлено было откло-

нить рѣшеніе суда. Собраніе выбрало новую делегацію, чтобы начать переговоры съ компаніями. Характерно, что вся новая делегація состояла изъ членовъ «Французской Рабочей Партіи», т. е. гедистовъ. Очевидно, углекопы очень скоро оцѣнили, какую роль играла въ этой стачкѣ политика жоресистовъ. Но компаніи считали уже дѣла законченными. Предсѣдатель делегаціи углепромышленниковъ отвѣтилъ новой делегаціи рабочихъ, что никакихъ переговоровъ больше не можетъ быть. Продолжать ли стачку или нѣтъ? Со всѣхъ сторонъ посыпались совѣты не измѣнять данному слову и стать на работу. Посовѣтовали это углекопамъ сѣверныхъ бассейновъ, между прочимъ, и ихъ товарищи изъ Кармо, и депутатъ этого города — Жоресъ.

«Какимъ образомъ,—писалъ онъ,—рабочіе Па-де-Калэ вмѣсто того, чтобъ самимъ выбрать своего арбитра, предоставили выборъ Марюежулю?» *). Этому, дѣйствительно, нужно было бы удивляться,—и этого, несомнѣнно, не случилось бы,—если бы Жоресъ и жоресисты не играли бы такой видной роли въ стачкѣ. Кто, если не они, такъ довѣрчиво расположили рабочихъ къ правительству? Кто, если не они, такъ ослѣпили рабочихъ республиканизмомъ правительства и надеждами на мирное «сотрудничанье» всѣхъ представителей демократіи? Наконецъ, развѣ рабочіе, сами углекопы сдѣлали эту ошибку, а не ихъ представители—Басли, Ламенденъ, Beксанъ и другіе жоресисты? Чтобы не умалить значенія той «серьезной побѣды», которую дало пролетаріату рѣшеніе палаты депутатовъ, Жоресъ настаивалъ, несмотря на произошедшую «неловкость», что рабочіе не должны нарушить «коллективнаго слова». «Всякій опытъ чего-нибудь стоитъ»,—писалъ онъ съ философскимъ спокойствіемъ... «Опытъ» обошелся дорого, слишкомъ дорого, но онъ несомнѣнно многому научитъ углекоповъ. Но научитъ ли онъ чему нибудь жоресистовъ?

Конгрессъ углекоповъ сѣверныхъ бассейновъ, состоявшійся въ Лансѣ 13-го ноября, рѣшилъ большинствомъ 140 голосовъ противъ 40 прекратить стачку. 14-го ноября всѣ углекопы Сѣвера и Па-де-Калэ стали

*) La Petite République, № 9078.

на работу. Постепенно углекопы стали приниматься за работу и въ другихъ мѣстахъ. Теперь, когда стачка уже не была всеобщей, когда углекопы главныхъ бассейновъ потерпѣли такую неудачу, трудно было уже надѣяться на успѣхъ продолжавшейся еще забастовки въ другихъ бассейнахъ. Дольше всѣхъ держались углекопы Луары и Кармо. Въ Луарѣ принялись за работу только въ пятницу 28-го ноября. Повсюду переговоры и третейскіе суды имѣли приблизительно тотъ же результатъ, что и въ Па-де-Калэ, и на Сѣверѣ. Но если въ этихъ бассейнахъ съ такой наглядностью проявилась вся неосновательность, весь вредъ современной тактики реформаторовъ соціализма — жоресистовъ, то въ другихъ бассейнахъ съ такой же наглядностью проявилась вся несостоятельность прославленной ими системы «спокойнаго разрѣшенія» конфликтовъ труда съ капиталомъ, т. е. системы третейскихъ судовъ. Углекопы Луары имѣли уже примѣръ своихъ товарищей въ Па-де-Калэ и относились къ правительству съ гораздо меньшимъ довѣріемъ, чѣмъ послѣдніе. Они выбрали своимъ арбитромъ депутата Бріана. Но третьимъ арбитромъ, которому принадлежало послѣднее слово въ третейскомъ судѣ, они принуждены были выбрать человѣка, предложеннаго имъ представителями Луарскихъ компаній. Они не хотѣли было согласиться на этотъ выборъ, выставили цѣлый рядъ другихъ кандидатуръ, въ томъ числѣ и того самаго Марюежуля, который назначилъ такого «безпристрастнаго» арбитра для рабочихъ Па-де-Калэ и Сѣвера. Но компаніи отвергали всѣхъ, кого только рабочіе не предлагали. Такой же «независимостью» пользовались углекопы и въ другихъ мѣстахъ. Въ результатѣ вся эта комедія третейскихъ судовъ была маскированной передачей участи стачки въ руки самихъ компаній. А между тѣмъ сколько труда, сколько энергіи стоила эта стачка, замѣчательная по своей организованности, по своей солидарности!

Л — ка.

Среди сектантовъ.

Ростъ революціоннаго движенія въ Россіи. — Контрреволюціонная пропаганда. — Письмо редакціи «Свободнаго Слова» къ русскимъ сектантамъ. — Разборъ этого письма. — Отвѣтъ южно-русской сектантской общины Трегубову и А. и В. Чертковымъ. — Размышленія сектанта-штундиста по поводу письма толстовца. — Одинаково ли сектанты понимаютъ Евангеліе? — Мнѣніе штундиста о неизбѣжности революціи, основанное на толкованіи Евангелія. — Необходимость соціалистической пропаганды среди сектантовъ.

I

Волны русскаго революціоннаго движенія, вздымаясь въ послѣдніе годы все выше и выше, съ каждымъ мѣсяцемъ захватываютъ новыя области Россіи и могуче разливаются въ ранѣе совершенно нетронутыхъ слояхъ населенія. Проникая въ отдаленнѣйшіе уголки нашей родины они будоражатъ, колышатъ умы и общественную совѣсть, заставляя представителей различныхъ классовъ населенія такъ или иначе отнестись, такъ или иначе разрѣшить нахлынувшіе на нихъ общественные вопросы, властно требующіе непремѣннаго отвѣта.

Съ увѣренностью можно сказать, что длинный рядъ разнообразныхъ событій, происшедшихъ за послѣдніе три года, событій связанныхъ съ напряженной дѣятельностью русскихъ революціонеровъ всѣхъ оттѣнковъ, — произвели однимъ фактомъ своего появленія огромную агитацію въ странѣ, агитацію антиправительственную, подрывающую основы самодержавно-бюрократическаго порядка русскаго государства. И если мы видимъ какъ со всѣхъ сторонъ, — и въ промышленныхъ районахъ, и въ городѣ, и въ деревнѣ, — быстро выростаютъ и расцвѣтаютъ, новыя силы подъ сѣнью краснаго знамени соціализма; если мы видимъ,

что земельная и городская буржуазія, — опираясь на своихъ ученыхъ вождей, не только поднимаетъ свою конституціонную голову, но и начинаетъ говорить довольно определенныя рѣчи о необходимости элементарныхъ правъ свободной гражданственности, — то въ то же самое время мы наблюдаемъ теперь довольно значительный расцвѣтъ силъ контрреволюціонныхъ, не только правительственныхъ, но и общественныхъ.

Въ то время, когда конституціоналисты начинаютъ печатно торговаться съ самодержавіемъ о различныхъ уступкахъ, приглашая министра Витте дѣлить шкуру, правда, еще не со всѣмъ добитаго медвѣдя; когда рабочее движеніе, все болѣе и болѣе организующееся, озаренное свѣтомъ соціалистическаго сознанія, начинаетъ и у насъ въ Россіи играть роль главнѣйшей гири на вѣсахъ историческаго правосудія, когда его начинаютъ не только привѣтствовать, но и бояться; когда, наконецъ, въ крестьянствѣ понемногу пробуждаются массы и начинаютъ осмысливать свои политическія требованія, и когда сектантство — этотъ одинъ изъ передовыхъ отрядовъ деревни, — нѣкоторой своей частью становится въ прямую оппозицію русскому правительству, — изъ вихря всего этого общаго настроенія страны, все ярче и ярче начинаетъ выдвигаться фигура «добраго стараго барина», любящаго народъ особенной, крѣпостнической любовью, проникнутой сантиментальнымъ, слезливымъ покаяніемъ за грѣхи своихъ предковъ, но не могущаго себѣ представить этого «ягненка - народа», «живущаго по заповѣдямъ Бога», — въ видѣ грознаго ратоборца за всеобщее освобожденіе отъ рабства бюрократическаго самодержавія, отъ господской ласки, любви и опеки.

Ужасомъ полны души этихъ добрыхъ, честныхъ по своему, бывшихъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ, владѣтелей состояній, отпрысковъ вымирающей «благородной» русской аристократіи, и всѣхъ прочихъ «смиренныхъ» агнцевъ земли русской, живущихъ на проценты съ пота и крови «своихъ», увы, бывшихъ помѣстій и крестьянъ. Ужасомъ полны ихъ души, ибо слышатъ они чуткимъ, изнѣженнымъ ухомъ своимъ рокотъ приближающейся и неизбѣжной бури, которая, — по чемъ знать, — можетъ быть и разразится въ ту великую грозу, отъ которой остается множество разру-

шеній, покрытыхъ гордымъ сіяніемъ новаго дня, когда все живое, молодое и сильное, дышетъ полной широкой грудью, славитъ животрепещущую жизнь, мощно созидая новое великолѣпіе свободной, счастливой народной доли.

Признаки приближающейся бури заставили встрепенуться также почти уже погрузившихся было въ безпрерывный сонъ нѣкоторыхъ смиренномудрыхъ дѣятелей земли русской, не нашедшихъ себѣ удовлетворенія ни въ мірѣ русской дѣйствительной жизни, ни въ лонѣ борющихся съ самодержавіемъ и капитализмомъ политическихъ партій и фракцій и ушедшихъ по преимуществу въ сторону пассивной борьбы съ «соблазнами» жизни.

Эи люди, въ сущности всегда стоявшіе въ оппозиціи русскому революціонному движенію, давно уже пытались пустить корни въ народъ через сектантовъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣли несомнѣнный успѣхъ.

Занимаясь болѣе всего разработкой принциповъ древняго христіанства, истолковывая его съ своей опредѣленной точки зрѣнія, толстовцы усиленно старались распространить свои взгляды на жизнь — среди народа, особенно среди русскихъ сектантовъ. Къ сожалѣнію они въ это же время очень мало занимались изученіемъ соціально-политическаго положенія сектантовъ и не постарались заглянуть и точно узнать какое сознаніе, какія требованія имѣются у сектантовъ за видимой занавѣсью «новой» сектантской жизни, за ихъ этическими и философскими воззрѣніями и что именно составляетъ основу ихъ движенія.

Отмежевавъ себѣ сектантовъ, толстовцы быстро почувствовали себя властителями и законодателями въ обретенномъ ими царствѣ видимаго «смиренія и покорности» и стали немедленно изливать великое негодованіе, лишь только русская революціонная печать попробовала освѣщать сектантскій вопросъ именно съ тѣхъ сторонъ, которыя ей были болѣе другихъ интересны и важны.

Между тѣмъ въ сектантскую среду, хотя понемногу, но все болѣе и болѣе начинаетъ проникать революціонная литература, вызывающая сочувственные отвѣты изъ этой среды, сочувственное отношеніе къ русскому революціонному движенію вообще и даже

нѣкоторую практическую помощь въ многотрудныхъ и многообразныхъ предпріятіяхъ русскихъ революціонныхъ партій и организацій.

И чѣмъ больше стремились революціонеры затронуть и обсудить сектантскій вопросъ въ Россіи, чѣмъ ближе они подходили къ самимъ сектантамъ, тѣмъ суровѣе становились нѣкоторые изъ толстовцевъ.

И вотъ, наконецъ, — наступаетъ грозное время открытаго судилища дерзновенныхъ русскихъ «насильниковъ - революціонеровъ» и, конечно, излюбленнымъ путемъ всѣхъ народолюбцевъ, — путемъ суда народа, въ данномъ случаѣ, суда народа во всей его сектантской совокупности...

Грозные обличители «неправды и зла» И. Трегубовъ и А. и В. Чертковы, производятъ теперь гласный письменный опросъ сектантовъ Россіи на счетъ ихъ мнѣнія о «насильникахъ - революціонерахъ», которые возведены ими, — слава тебѣ Господи, — въ чинъ «образованныхъ людей», и, видите ли, даже «желающихъ добра народу»! Спасибо и на этомъ!

II

Дѣло заключается въ томъ, читатель, что извѣстное лондонское толстовское издательство «Свободное Слово» *конспиративно* *) опубликовало и разослало въ Россію и заграницей сектантскимъ общинамъ и отдѣльнымъ лицамъ изъ сектантской среды нижеслѣдующее письмо:

*) Не мы, конечно, будемъ отрицать «конспирацію». Но насъ искренне удивляетъ «конспирація» «Свободнаго Слова» именно съ этимъ письмомъ. Всѣ революціонныя заграничныя организаціи всегда получали печатавшееся въ «Свободномъ Словѣ» весьма аккуратно. Это же письмо ко всѣмъ русскимъ сектантамъ не было доставленно въ организаціи. Несомнѣнно «Свободное Слово» на это имѣло и полное право, и вѣроятно достаточныя основанія, главнымъ изъ которыхъ, какъ намъ кажется, являлось желаніе выиграть время, въ этой агитаціи, что бы революціонныя организаціи, узнавъ объ ней, не поспѣшили бы выяснить сектантамъ ея истинный смыслъ и цѣль.

Отъ редакціи «Свободнаго Слова». *)

Къ русскимъ сектантамъ.

Дорогіе братья во Христѣ!

Въ послѣднее время многіе образованные люди, несомнѣнно желающіе блага русскому народу, но совѣтующіе употреблять для достиженія этого блага нехристіанскія средства, — насиліе и убійство, — стали говорить и писать, что будто бы и наши русскіе сектанты готовы вступить въ насильственно-революціонную борьбу противъ русскаго правительства и православной церкви, — бунтовать, грабить помѣщиковъ, раззорять церкви и, если нужно, даже убивать правителей и другихъ народныхъ притѣснителей. То же самое говорятъ и представители господствующей православной церкви, желая такимъ путемъ усилить гоненіе на сектантовъ.

Мы думаемъ, что это неправда и, съ одной стороны непониманіе, а съ другой — страшная клевета на нашихъ братьевъ сектантовъ, исповѣдующихъ хотя и различно, каждый по своему, но все-таки одно и то же ученіе Христа, который заповѣдалъ любить и прощать, а не мстить и убивать людей, кто бы они не были — друзья или враги наши.

Но для того, чтобы еще болѣе убѣдиться намъ въ этомъ, и узнать правду во всей полнотѣ, мы рѣшились спросить самихъ сектантовъ, правда ли то, что говорятъ и пишутъ о нихъ эти образованные люди.

Имѣя это въ виду и мы и обращаемся къ вамъ съ просьбою отвѣтить намъ на слѣдующіе вопросы:

1. Хорошо или дурно бунтовать противъ притѣснителей, грабить и убивать правителей? И почему?

2. Хорошо или дурно разбивать православныя церкви и иконы? И почему?

---

*) Примѣчаніе. Просимъ не смѣшивать нашихъ изданій: *книжекъ, газеты и листковъ «Свободнаго Слова»*, печатающихся въ Англіи, *съ газетой и листками «Свободнаго Слова»*, которые въ послѣднее время начали издаваться революціонерами въ Россіи, и съ которыми мы не имѣемъ ничего общаго. Для отличія нашихъ изданій просимъ обращать вниманіе на помѣщаемый на нихъ и указанный здѣсь адресъ.

(Это примѣчаніе сдѣлано редакціей «Свободнаго Слова». *В. Б. Б.*)

3. Хорошо или дурно поступили павловскіе сектанты, разбивъ православную церковь?

4. Что долженъ и чего не долженъ дѣлать христіанинъ въ наше время для улучшенія своей и общей жизни?

5. Какая теперь ваша вѣра и какая была раньше?

6. Какое ваше занятіе?

7. Какія книжки вы любите читать и какія считаете полезными для распространенія въ народѣ?

И. Трегубовъ, А. и В. Чертковы.

Сентябрь 1902 г.

Нашъ адрессъ: A. Tchertkoff. Christchourch, Hants. England. Англія.

III

Разсмотримъ это письмо редакціи «Свободнаго Слова» къ «русскимъ сектантамъ».

Насъ поражаетъ въ немъ прежде всего та хитро задуманная и, надо сказать, удачно выполненная дипломатическая структура письма, гдѣ все можно судить на двое.

Съ одной стороны: «образованные люди, несомнѣнно желающіе благо русскому народу», *съ другой*— именно эти то люди, видите-ли, «страшно клевещутъ» на сектантовъ въ томъ, что они готовы вступить въ «насильственно-революціонную борьбу», при чемъ эта борьба, присущая революціонерамъ,—по мнѣнію «Свободнаго Слова»—опредѣляется слѣдующими словами: въ одномъ мѣстѣ:—«насиліе и убійство», въ другомъ—словами: «бунтовать, грабить помѣщиковъ, разорять церкви и, если нужно, даже убивать правителей и другихъ народныхъ притѣснителей».

Что и послѣднее опредѣленіе относится именно къ революціонерамъ и ихъ борьбѣ, это само собой очевидно, такъ какъ это поясненіе редакціей «Свободнаго Слова» сдѣлано къ словамъ: «будто бы и наши русскіе сектанты готовы вступить *въ насильственно-революціонную борьбу противъ русскаго правительства и православной церкви**)». Именно такъ, какъ

---

*) Курсивъ мой. Прим. *В. Б. Б.*

утверждаемъ мы здѣсь, это хитро сплетенное вопросное письмо поняла, напримѣръ, одна сектантская община, отвѣтъ которой мы печатаемъ ниже. Мы думаемъ, что именно такъ будетъ понято это письмо многими «чистыми сердцемъ», «не мудрствующими лукаво» русскими крестьянами-сектантами.

Съ этихъ, почти первыхъ строкъ, по нашему мнѣнію, и начинается та первая и, можетъ быть, главная неправильность этого письма редакціи «Свободнаго Слова», къ «русскимъ сектантамъ».

Хотя мы и знаемъ, что среди огромныхъ массъ русскаго, истомившагося въ голодѣ и холодѣ крестьянскаго населенія, если не господствуетъ, то въ большой мѣрѣ присутствуетъ настроеніе отнюдь неблагопріятное для процвѣтанія дворянскихъ гнѣздъ, поповскихъ норъ и прочихъ убѣжищъ вопіющей неправды, тьмы и насилія, — но все-таки мы должны констатировать фактъ, что редакція «Свободнаго Слова», выступившая въ данномъ случаѣ въ лицѣ г.г. И. Трегубова и А. и В. Чертковыхъ, — сознательно или безсознательно, по знанію или по невѣдѣнія, или просто по безпросвѣтному невѣжеству въ вопросахъ соціально-политическихъ—печатно искажаетъ истину, характеризуя революціонную борьбу тѣми словами, которые мы привели выше.

Мы не будемъ здѣсь знакомить читателей со всѣми программами дѣятельности русскихъ революціонеровъ, —они многимъ хорошо извѣстны, объ нихъ много писалось въ нелегальной литературѣ, а спеціально сектантамъ мы постараемся въ недалекомъ будущемъ подробно разъяснить *наши* стремленія, *нашу* соціалдемократическую программу борьбы, *наши* ближайшія и *наши* конечныя цѣли, —мы скажемъ только здѣсь, что писать такъ, какъ написала редакція «Свободнаго Слова», перомъ И. Трегубова и А. и В. Чертковыхъ, —это значитъ распространять именно ту неправду про революціонеровъ, на которую такъ тароваты, такъ щедры всѣ наиболѣе дѣятельные, наиболѣе рьяные представители русскаго правительства.

Возьмите любую рѣчь изъ «стаи славныхъ» русскихъ современныхъ опричниковъ: возьмите рѣчь харьковскаго губернатора князя Оболенскаго по поводу послѣднихъ крестьянскихъ волненій, или «приказъ» вице-

адмирала Гильдебрандта, или «приказъ» херсонскаго губернатора по поводу пропаганды «злонамѣренныхъ «лицъ» въ крестьянствѣ, возьмите вообще всю эту многочисленную оффиціальную литературу послѣдняго времени, трактующую о революціонной агитаціи и пропагандѣ въ народѣ и вы найдете тамъ много общаго съ проповѣдью о революціонерахъ сектантамъ редакціи «Свободнаго Слова».

Сдѣлавъ этотъ первый ложный шагъ редакція «Свободнаго Слова», черезъ И. Трегубова и А. и В. Чертковыхъ, волей-неволей, должна была пойти далѣе по тому же скользкому пути, который привелъ ее, по нашему мнѣнію, къ не менѣе худымъ поступкамъ.

Редакція «Свободнаго Слова», разсылая по почтѣ изъ заграницы въ Россію эти опросные листы, несомнѣнно не приняла во вниманіе то обстоятельство, что въ Россіи есть полицейскій надзоръ, въ деревняхъ особенно усиленный за сектантами. Редакція несомнѣнно не приняла во вниманіе и то, что извѣстная часть писемъ, посланныхъ съ печатными произведеніями изъ заграницы въ Россію обязательно попадаетъ въ руки полиціи, а по своему давнишнему опыту въ этой сферѣ дѣятельности редакція «Свободнаго Слова» — не могла этого не знать.

А что тщательность надзора за заграничными письмами въ настоящее время не только не ослабла, а наоборотъ усилилась, мы видимъ хоть бы изъ № 28 «Искры» (15 ноября 1902 г.), гдѣ опубликованъ слѣдующій весьма интересный тайный правительственный документъ:

«Черный Кабинетъ»
М. Ф. Секретно.
Нач. Отд. почт.-телегр. окр.
іюля 1902 г. № 75.

Гг. Начальникамъ почтово-телеграфныхъ
и почтовыхъ учрежденій Одесскаго округа.

И. д. Директора Департамента полиціи увѣдомилъ меня, что за послѣднее время усилилась пересылка по почтѣ изъ-за-границы революціонныхъ изданій на имя разныхъ лицъ. Вслѣдствіе этого и на основаніи предписанія г. Начальника Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ отъ 19 іюня сего года за № 197 подтверждаю вамъ о неуклонномъ исполненіи даннымъ по сему предмету правилъ (циркуляръ 6 іюня 1895 г. за № аа), при чемъ слѣдуетъ обращать особое внима-

ніе на международную корреспонденцію, адресуемую *въ сельскія мѣстности на имя крестьянъ* *).

Начальникъ округа *Маевскій.*
Дѣлопроизводитель *Пѣтуховъ.*

Мы можемъ предположить, что мѣстные дѣятели по части вырыванія «крамолы», открывъ подобные опросные листы, обращенные къ сектантамъ, не только передадутъ ихъ адресатамъ, но и постараются дождаться на нихъ отвѣта отъ сектантовъ. Это доставитъ удобный случай для охранныхъ и жандармскихъ отдѣленій выслѣдить наиболѣе опасные, наиболѣе сознательные сектантскіе элементы деревни. Это обычный пріемъ слѣдки охранителей русскаго самодержавія и «тишины и порядка» на нашей родинѣ.

И намъ кажется, что редакція «Свободнаго Слова» можетъ поставить, — если уже не поставила, — многихъ и многихъ сектантовъ, отвѣты которыхъ можетъ быть были бы наиболѣе цѣнны, — въ почти *безвыходное положеніе:* они должны будутъ или открыто свидѣтельствовать письменно, за собственноручной подписью, о своей политической неблагонадежности, объ ихъ отрицательномъ отношеніи къ существующему образу правленія и о сочувствіи революціонерамъ, стало быть рискуя попасть въ тюрьму, такъ какъ, повторяемъ, этими отвѣтами вѣроятно сильно заинтересуются мѣстныя власти и, они легко могутъ быть препровождены не въ редакцію «Свободнаго Слова», а въ жандармское управленіе.

Или же сектантамъ, имѣющимъ такой антиправительственный образъ мыслей, придется писать неискренне, говорить неправду, въ лучшемъ случаѣ воздержаться отъ отвѣта. Но мы нисколько не удивимся, если въ сообщеніи отвѣтовъ редакціи «Свободнаго Слова» помогутъ миссіонеры, попы и урядники, ибо собрать такъ или иначе мнѣніе «народа» о революціонерахъ и о революціонной борьбѣ и, конечно, отрицательное — первое удовольствіе всѣхъ нашихъ отечественныхъ охранителей и мракобѣсовъ; не даромъ министръ-палачъ фонъ-Плеве почелъ своимъ первымъ долгомъ судить революціонеровъ-демонстрантовъ судомъ, если не присяжныхъ, — то сословныхъ пред-

*) Курсивъ мой. *В. Б. Б.*

ставителей, все-таки, молъ, «гласъ народа — гласъ Божій», хотя бы этотъ «гласъ» и былъ бы вырванъ изъ народной груди путемъ подтасовки фактовъ или грубымъ издѣвательствомъ надъ свободой и самостоятельностью человѣческой личности.

Мы знаемъ, — знаетъ это, или лучше сказать, *обязана* это знать и редакція «Свободнаго Слова», разъ она претендуетъ на основательное знакомство съ исторіей русскаго сектантства, — что уже не разъ православные попы и миссіонеры вродѣ извѣстныхъ Скворцова и Сопоцко — приставали къ сектантамъ, *прямо къ отдѣльнымъ личностямъ*, — (а это именно и дѣлаютъ теперь И. Трегубовъ и А и В. Чертковы, разсылая свое открытое письмо по адресамъ отдѣльныхъ сектантовъ) — съ вопросами объ отношеніи ихъ къ властямъ, къ церкви, къ государству, къ пріемамъ сектантской борьбы съ православіемъ и путямъ пропаганды ученія тѣхъ или иныхъ сектъ и пр. Мы также знаемъ — не могутъ этого не знать и И. Трегубовъ и А. и В. Чертковы, — что всѣ прямые, чистосердечные отвѣты сектантовъ въ такихъ случаяхъ, всегда обязательно вели къ ухудшенію положенія этихъ сектантовъ, къ преслѣдованію этихъ *отдѣльныхъ лицъ*, къ различнаго рода наказанію и иногда даже къ ссылкѣ ихъ въ мѣста «столь» и «не столь» отдаленныя.

Отдавая отчетъ въ своихъ поступкахъ или не отдавая, — мы этого не знаемъ, — редакція «Свободнаго Слова», разсылая свои вопросы, дѣлаетъ именно совершенно то, что дѣлаютъ въ другой формѣ православные попы, миссіонеры, полиція и прокуроры. И. Трегубовъ и А. и В. Чертковы, — нарокомъ или ненарокомъ, — *дѣйствительно* подводятъ, — (дай Богъ, чтобы этого не случилось) — сектантовъ подъ жестокія испытанія, конечно, тѣхъ сектантовъ, которые совершенно не согласны съ мнѣніемъ И. Трегубова и А. и В. Чертковыхъ о революціонерахъ и ихъ дѣятельности и которые рѣшатся мужественно и открыто откликнуться на опросъ редакціи «Свободнаго Слова».

И. Трегубовъ и А. и В. Чертковы пустили въ ходъ еще одно негодное средство, агитируя напередъ въ своемъ посланіи противъ революціонеровъ. Они не задумались въ «опросѣ», претендующемъ на объективность,

напечатать, что «образованные люди»» *) «стали говорить и писать» про сектантовъ имено «то же самое», что говорятъ «представители господствующей православной церкви, желая такимъ путемъ усилить гоненіе на сектантовъ».

Въ этой цитатѣ сочетались воистину святая наивность вмѣстѣ съ весьма некрасивымъ, пріемомъ контрреволюціонной агитаціи.

Святую наивность мы видимъ въ томъ, что неужели редакція «Свободнаго Слова» серьезно думаетъ что то, что было опубликовано въ этихъ статьяхъ и свѣдѣніяхъ революціонной печати, являлось новостью для «русскаго правительства и господствующей православной церкви». Неужели имъ не приходилось слышать, что во всевозможныхъ архивахъ въ Россіи хранятся тысячи дѣлъ и документовъ, ярко свидѣтельствующихъ объ антиправительственной дѣятельности русскихъ сектантовъ и раскольниковъ всевозможныхъ толковъ и сектъ.

Нѣтъ, мы не побоимся никогда сказать ту правду, которая есть въ жизни на самомъ дѣлѣ, что бы тамъ не толковали и не писали всѣ противники революціоннаго движенія, и мы опять повторимъ здѣсь во всеуслышаніе: да, во многихъ областяхъ русскаго сектантства и раскола, не только тлѣетъ искра, но уже и возгорѣлось пламя протестующаго сознанія противъ безпросвѣтной тьмы, безпрерывнаго насилія со стороны русскаго правительства, что эти раскольники, — особенно сектанты, — уже кое какъ, на ощупь, не только сознали, но и формулировали свои политическія требованія. Они жаждутъ свѣта соціалистической истины и эта истина, разъ только она проникнетъ въ эту достаточно подготовленную среду, поставитъ подъ наше свѣтлое, радостно-красное знамя соціализма новыя тысячи и тысячи русскихъ людей.

Что же касается освѣдомленности правительства

*) Здѣсь несомнѣнно подразумѣвается редакціей «Свободнаго Слова» авторы статей, замѣтокъ и замѣчаній въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ различныхъ изданіяхъ «Жизни», въ изданіяхъ «Рабочаго Дѣла», въ «Искрѣ», въ «Вѣстникѣ Русской Революціи», въ «Революціонной Россіи» и въ нѣкоторыхъ прокламаціяхъ и листкахъ, тайно изданныхъ въ Россіи.

въ дѣлахъ и настроеніяхъ сектантовъ, для этого не надо даже залѣзать въ пыльные архивы академій, министерствъ, музеевъ и библіотекъ; для этого достаточно болѣе или менѣе пристально слѣдить за журналами и газетами, выходящими изъ поповскаго и правительственнаго лагеря, за всевозможными офиціальными изданіями, книгами, брошюрами и даже научными легальными изслѣдованіями русскаго сектантства. Когда читаешь всю эту литературу, часто удивляешься тому обилію весьма цѣннаго матеріала, который тамъ печатается. Стенографическіе отчеты собесѣдованій миссіонеровъ съ сектантами, рѣчи сектантовъ на судебныхъ процессахъ, письма сектантовъ, очевидно, отобранныя на обыскахъ, писанная сектантская литература, перепечатывающаяся въ этихъ изданіяхъ и пр. и пр. — все это вмѣстѣ взятое даетъ весьма солидный матеріалъ. При отсутствіи свободы печати, во всѣ вѣка, всегда приходилось пользоваться при изученіи сектантства по преимуществу именно литературой противосектантской, — то же самое приходится до большой степени дѣлать теперь и въ Россіи.

Если же въ послѣднее время сектантскимъ вопросомъ стали заниматься и писатели изъ революціонной среды, если они начали осмысливать это народное движеніе и дѣлать изъ всего имъ извѣстнаго матеріала нѣкоторые практическіе выводы, — то редакціи «Свободнаго Слова» надо было бы просто постыдиться дѣлать тѣ заключенія, которыя она сдѣлала изъ ихъ попытокъ освѣтить этотъ вопросъ съ общественной точки зрѣнія. Именно эти то «заключенія» мы назвали выше — «некрасивыми пріемами, контрреволюціонной агитаціи», другого имени — не подыщемъ.

Если русское правительство изъ тѣхъ свѣдѣній, которыми оно обладаетъ о сектантскомъ движеніи, — дѣлаетъ единственный выводъ — дави и души, — такъ же, какъ оно, имѣя точныя свѣдѣнія о томъ, что революціонеры и соціалисты всѣхъ направленій, всегда боролись и будутъ бороться противъ правительства и господствующихъ классовъ, — старается давить и душить ихъ вездѣ и всюду, — то, мы соціалисты, обладая свѣдѣніями о дѣлахъ въ мірѣ сектантовъ идемъ къ нимъ, зовемъ ихъ на борьбу съ угнетающимъ и насъ и ихъ правительствомъ и православной государствен-

ной церковью; зовемъ товарищей, не щадя живота, доставлять и сектантамъ свободную революціонную литературу и всякаго рода помощь пропагандой и агитаціей, лишь бы и этотъ слой населенія зажилъ вполнѣ сознательной, политически развитой, исторической жизнью.

Все это редакція «Свободнаго Слова» должна была знать, когда писала свой листокъ и если она могла поставить на одну доску стремленія правительства и православной церкви, съ стремленіями революціонеровъ, она сдѣлала не только сознательный некрасивый поступокъ, — но больше того: она провоцируетъ, подстрекаетъ народныя массы, все-таки мало еще знакомыя съ революціонерами, ихъ дѣятельностью и ихъ взглядами, — на всевозможные нехорошіе поступки по адресу революціонеровъ, т. е. дѣлаетъ въ этомъ случаѣ среди сектантовъ совершенно то же, что дѣлаютъ и агенты русскаго правительства, по отношенію къ революціонерамъ, среди православныхъ крестьянъ, среди городскихъ жителей, среди солдатъ, вообще вездѣ гдѣ только могутъ. .

И. Трегубовъ и А. и В. Чертковы должны были прекрасно знать, что нѣтъ бо̀льшаго компрометированія въ глазахъ сектантовъ, какъ если будетъ доказано, что та или иная группа или организація, въ данномъ случаѣ революціонеры, — дѣлаютъ по отношенію къ народу, то же, что агенты православной церкви.

Можно сдѣлать предположеніе, что именно съ этой цѣлью редакція «Свободнаго Слова» хитро вплела въ свое открытое письмо это совершенно неправильное сопоставленіе между писаніями революціонныхъ писателей о сектантствѣ, съ утвержденіями «представителей господствующей православной церкви».

Конечно, не намъ, соціалдемократамъ, бояться всѣхъ этихъ ничтожныхъ попытокъ контрреволюціонныхъ дѣятелей задержать богатырскій потокъ русскаго революціоннаго движенія, такъ могуче разливающагося на Руси, но чтобы быть вполнѣ искренними, мы должны сказать, что все-таки были глубоко удивлены этими поступками редакціи «Свободнаго Слова», высказавшейся въ данномъ случаѣ черезъ И. Трегубова и А. и В. Чертковыхъ.

Мы также увѣрены, — отмѣтимъ и это, — что

ихъ прокламація къ сектантамъ все-таки возымѣетъ свое дѣйствіе и какъ всякое сѣмя плевела, можетъ дать густой сорный букетъ всякихъ писемъ, показаній и проч. съ бичеваніями «грабителей» революціонеровъ, которыя, вѣроятно, будутъ присланы редакціи «Свободнаго Слова» изъ Россіи нѣкоторыми сектантами, по чистой совѣсти отрекающимися отъ грабежей, насилій и убійствъ, ибо русскіе сектанты, конечно, не считаютъ себя дѣятелями большой дороги.

Редакція «Свободнаго Слова», имѣя эти документы *противъ дѣятелей большой дороги*, конечно, радостно будетъ торжествовать и трубить побѣду и одолѣніе надъ врагами и супостатами — «насильниками - революціонерами».....

Но такое торжество, по нашему мнѣнію, можетъ удовлетворить только такихъ слѣпней, какъ толстовскіе начетчики.

Но мы также убѣждены и въ томъ, что среди робости, страха и неувѣренности въ отвѣтахъ, найдутся-таки отдѣльныя лица изъ сектантской среды, отдѣльныя сектантскія общины, которыя не считаясь съ своими личными интересами, искренне, мужественно и открыто отвѣтятъ редакціи «Свободнаго Слова» прямымъ и рѣзкимъ словомъ, лежащимъ у нихъ на душѣ и которое оно одно, — это малое, — заставитъ встрепенуться тысячи душъ оробѣвшихъ или не рѣшавшихся высказаться во всю.

И мы, въ настоящее время, имѣемъ счастье опубликовать пока два изъ такихъ отвѣтовъ, — одинъ отъ общины южно-русскихъ сектантовъ,*) другой — отъ одной сектантской штундисткой семьи, написанный отцомъ семейства **).

*) Этотъ отвѣтъ намъ доставленъ редакціей «Народныхъ Листковъ».

**) Мы не знаемъ точно, было ли это второе письмо прислано намъ какъ отвѣтъ на *печатный опросный листокъ* «Свободнаго Слова», но мы доподлинно знаемъ, что авторъ его видалъ это произведеніе редакціи «Свободнаго Слова» и писалъ намъ свое письмо какъ *по поводу* этого «обращенія» И. Трегубова и А. и В. Чертковыхъ къ сектантамъ, такъ и поводу «увѣщанія», сдѣланному ему лично однимъ изъ толстовцевъ. Прим. В. Б. Б.

IV

Вотъ отвѣтъ сектантской общины:

«Братья во Христѣ Трегубовъ и Чертковы,

Отвѣчая на вопросы, поставленные вами въ вашемъ обращеніи къ русскимъ сектантамъ, мы предлагаемъ и вамъ отвѣтить на нижеслѣдующіе наши вопросы.

I. Какія имѣете вы доказательства того, что люди, ведущіе «насильственно-революціонную борьбу противъ русскаго правительства и православной церкви», и желающіе, по вашимъ же словамъ, «блага русскому народу», что эти люди учиняютъ бунты, грабежи и разоръ — вѣдь это злодѣйства, всегда учиняемыя только злодѣями, для своихъ лютыхъ, корыстныхъ цѣлей: если же люди совершаютъ дѣла насилія не для такихъ цѣлей, а «для блага русскаго народа», по вашему же свидѣтельству, то какъ можете вы называть ихъ дѣла бунтами, грабежемъ и разоромъ?

II. Какія данныя имѣете вы, чтобы обвинять тѣхъ же людей въ мстительности и склонности къ убійству, между тѣмъ какъ сами же свидѣтельствуете, что они несомнѣнно желаютъ блага русскому народу?

III. Что сдѣлали вы сами такого, что даетъ вамъ нравственное право ставить другимъ такіе вопросы и, главное, въ такой гласной формѣ, на которые, какъ намъ кажется, тѣмъ менѣе можетъ человѣкъ рѣшиться, чѣмъ болѣе онъ скроменъ?

А теперь выслушайте наши отвѣты на ваши вопросы.

1. Въ первомъ вопросѣ вы очевидно ошибочно поставили слово «бунтовать» (противъ притѣснителей) вмѣсто слова «возмущаться»: а потому мы принуждены отвѣтить на вашъ первый вопросъ такъ: бунтовать всегда дурно, но возмущаться противъ притѣснителей всегда хорошо, и тѣмъ болѣе хорошо, чѣмъ самоотверженнѣе и любовнѣй *къ притѣсненнымъ* будетъ способъ возмущенія.

2. Вашъ второй вопросъ о томъ, хорошо или дурно разбивать православныя церкви и иконы, кажется намъ, или слишкомъ простымъ, или предумышленнымъ. И если только онъ простъ, то и отвѣтъ нашъ простъ:

нехорошо разорять то, до чего намъ нѣтъ никакого дѣла; а если вашъ вопросъ предумышленъ, то и отвѣтъ нашъ не будетъ прямымъ, и мы скажемъ: это зависитъ отъ обстоятельствъ.

3. А по поводу третьяго вашего вопроса мы были бы неискренни, если бы не сказали, что почли его за необдуманный и нехорошій. Необдуманнымъ кажется намъ этотъ вопросъ потому, что всякій, кто знаетъ (а вы знаете) при какихъ условіяхъ произошли дѣянія павловскихъ сектантовъ, долженъ знать и то, что нельзя спрашивать объ этихъ дѣяніяхъ, хороши они или дурны, какъ нельзя спрашивать, хорошо или дурно землетрясеніе, отъ котораго падаетъ башня Силоамская на головы тѣхъ, кто подъ нею находится. Нехорошъ же этотъ вашъ вопросъ потому, что имъ вы налагаете осужденіе на людей изстрадавшихся и обреченныхъ на еще большія страданія.

4. Вашъ четвертый вопросъ слишкомъ общій, и потому нашъ отвѣтъ на него будетъ кратокъ: для улучшенія своей и общей жизни, въ наше время, христіанинъ долженъ дѣлать тоже, что дѣлалъ Іисусъ въ свое время, ибо истины христіанскаго ученія — смыслъ, цѣль и путь жизни остаются одни и тѣ же для всѣхъ временъ.

5. На пятый вашъ вопросъ мы находимъ возможнымъ дать только такой отвѣтъ, который бы выяснилъ вамъ то, что вы желаете знать отъ насъ прежде всего. Вѣра наша состоитъ въ томъ, что любовь измѣряется самоотверженіемъ, ибо нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ, а потому мы думаемъ, что и насильникъ-революціонеръ, полагающій жизнь свою за другихъ, близокъ ко Христу и даже несравненно ближе, чѣмъ болтающій только языкомъ о христіанствѣ непротивникъ.

6. На шестой вашъ вопросъ у насъ нѣтъ охоты отвѣчать.

7. А на послѣдній вашъ вопросъ отвѣчаемъ, что самымъ любимымъ и полезнымъ чтеніемъ для насъ служатъ письма нашихъ страдающихъ братьевъ.»

(слѣдуетъ 10 подписей).

Такъ просто и ясно написали свой мужественный отвѣтъ эти искренніе, убѣжденные, добрые люди, такъ чутко понявшіе біеніе сердца русскихъ революціонеровъ.

Мы не можемъ не отмѣтить здѣсь, по нашему мнѣнію, самаго главнаго пункта, — это стремленіе авторовъ этого отвѣта подчеркнуть, что революціонеры борются, согласно своему пониманію жизни,—не только за народное благо, но и съ искренней любовью къ *угнетеннымъ*. Здѣсь нѣтъ этой фальшиво звучащей любви толстовцевъ—къ министрамъ, и губернаторамъ, которыхъ они «съ смиреніемъ и любовью» просятъ не дѣлать то, что они дѣлаютъ.

Сектанты же, эти вѣками угнетенные крестьяне, познавшіе всѣми помыслами души и сердца своего страданія родного народа, подавленные и истязуемые господствующими классами населенія, — вполнѣ естественно стремятся отмѣтить вездѣ, гдѣ только возможно, любовъ *къ угнетеннымъ*.

Въ другомъ, полученномъ нами письмѣ, написанномъ какъ *по поводу* этихъ опросовъ редакціи «Свободнаго Слова», такъ и по поводу особаго увѣщанія, сдѣланному ему лично, сектантъ пишетъ слѣдующее:

«...Мнѣ писали увѣщаніе, почему я сочувствую революціонерамъ и прочее...

...Все-таки они (толстовцы) довольно странные люди — кто же хочетъ убійства? Если-бы можно было «мирнымъ путемъ дѣлать реформы», никому бы не пришло въ голову прибѣгать къ насилію и если бы можно было свободно говорить свои идеи... Но когда правительство и знать ничего не хочетъ: — никакой жалобы, никакого протеста и даже прошенія о притѣсненіяхъ и слышать не хочетъ, тогда что остается дѣлать?... Умирать всѣмъ голодной смертью? Или прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ: отвѣчать насилію насиліемъ...

Вотъ что случилось въ селѣ Троицкомъ, Елисаветпольской губ. и уѣзда.

Это духоборческое село, но туда поселили нѣсколько ссыльныхъ сектантовъ. Послѣдніе прожили тамъ нѣсколько лѣтъ, обзавелись хозяйствомъ. Когда духоборы выѣхали въ Канаду, тогда правительство поселило въ Троицкомъ православныхъ, а сектантамъ

приказало переселиться въ с. Славянку, тоже духоборческое селеніе. Тогда сектанты просили оставить ихъ на мѣстѣ, не разорять, но на ихъ просьбы никто не обращалъ вниманія. Одинъ изъ нихъ, болѣе сильный, — П., — сказалъ чиновнику, что вы не имѣете права насъ безъ суда разорять!...

Чиновникъ сказалъ ему:

— Вы мертвые псы! Ваша жизнь въ рукахъ губернатора!... Если не хочешь итти въ Славянку, тогда пойдешь въ татарскій аулъ (деревню)...

А вѣдь тамъ, если знаете, кончается всякая цивилизація.

Ну что остается дѣлать?... Отвѣтъ ясный: если сотни и тысячи людскихъ жизней находится въ рукѣ одного человѣка (губернатора), тогда и его жизнь должна находиться въ рукахъ сотни и тысячи людей, тогда эти господа заговорятъ другимъ языкомъ... Конечно, волкъ по одиночкѣ можетъ истреблять «псовъ», а когда дружные псы вмѣстѣ, тогда не сдобровать и волку, *или нужно ему уходить подальше*...

...Былъ у N и N N,—продолжаетъ сектантъ,—одному изъ нихъ тоже писали. Спрашиваютъ, хорошо ли поступили павловскіе сектанты (что разрушили церковь) или нѣтъ?... И еще пишутъ, что въ Россіи совершаются страшныя дѣла! Революціонеры убиваютъ начальниковъ! Гдѣ же христіане, что они не становятся по срединѣ дерущихся и не подставляютъ свои спины въ защиту начальниковъ...

Комедія съ этими людьми,—добавляетъ сектантъ,—сколько же убили начальниковъ революціонеры, а сколько ихъ убили и въ тюрьмы посажали!... Объ этомъ Т. молчитъ...» *)

Такъ пишетъ сектантъ, много перестрадавшій отъ русскаго правительства за свои убѣжденія и открытую проповѣдь ихъ.

V

Намъ хотѣлось бы также обратить вниманіе читателей еще на то обстоятельство, что редакція «Свободнаго Слова» стремится убѣдить всѣхъ и вся, что, молъ, мы толстовцы, вмѣстѣ со всѣми сектантами, испов-

*) Изъ письма къ В. Д. Бончъ-Бруевичу, осенью 1902 г.

дуемъ, «хотя и различно, каждый по своему, но все-таки одно и то же ученіе Христа, который заповѣдалъ любить и прощать...» «...кто бы они ни были — друзья или враги наши». Изъ этихъ словъ должно бы, казалось, выходить, что если въ чемъ другомъ, а въ этомъ пунктѣ «любви и прощенія»—должны бы сходиться,—по мнѣнію редакціи «Свободнаго Слова», — всѣ сектанты, «исповѣдующіе одно и то же ученіе Христа».

Намъ кажется, что всѣмъ, кто занимается изученіемъ сектантскихъ движеній, слѣдовало бы, руководясь историческими данными и современнымъ положеніемъ вещей, перестать писать то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, никогда не было и, вѣроятно, никогда не будетъ.

Никогда еще Евангеліе не «исповѣдывалось» различными сектантами, даже въ самыхъ коренныхъ пунктахъ, — одинаково. Именно различіе въ пониманіи самыхъ главныхъ основъ евангельскаго ученія, —въ томъ числѣ и въ пониманіи пункта «о любви и прощеніи» враговъ,—лежало и лежитъ, коренится и коренилась та глубокая рознь, которая имѣлась и имѣется теперь между различными фракціями сектъ даже одного и того же цикла. Скопцы, хлысты, малеванцы, духоборцы, молокане, — принадлежащіе несомнѣнно къ одной и той же вѣтви средневѣковаго сектантства, — понимаютъ Евангеліе, даже въ вопросѣ «любви и прощенія»—весьма различно. Болѣе того,—внутри хлыстовщины, внутри духоборчества, внутри скопчества, внутри молоканства, — есть цѣлый рядъ отдѣльныхъ теченій, основанныхъ на разномъ пониманіи того же Евангелія, такихъ теченій, представителямъ которыхъ, вѣроятно не суждено когда либо столковаться въ пониманіи главнѣйшихъ, основныхъ тезисовъ Евангелія. То же самое мы видимъ даже внутри толстовщины, хотя бы въ пониманіи вопросовъ евангельской этики, хотя бы въ пониманіи такого вопроса, кто и что такое Іисусъ Христосъ...

То же самое явленіе происходитъ между баптистами и штундистами, которые очевидно имѣютъ одно и то же историческое происхожденіе, но какъ мы уже имѣли случай показать,*)—совершенно разногласящихъ въ самомъ корнѣ пониманія Евангелія.

*) См. нашу статью «Значеніе сектантства для современной Россіи». «Жизнь» № 1, апрѣль 1902 г.

Для наглядности приведу здѣсь характерное письмо штундиста, — автора вышеприведеннаго письма, — въ которомъ онъ полемизируетъ, если не ошибаюсь, съ толстовцами.

«...Никакой геніальный человѣкъ, — пишетъ сектантъ,—не въ состояніи остановить возстаніе народа, потому что бѣдствія народа не прекращаются оттого, что ему проповѣдуютъ терпѣніе, а сами роскошничаютъ.

Въ послѣднемъ письмѣ я написалъ Т., что Христосъ проповѣдывалъ революцію, по крайней мѣрѣ предсказалъ ее (24 и 25 гл. отъ Матѳея): ,,возстанетъ народъ на народъ и царство на царство» и придетъ сынъ человѣческій и осудитъ всѣхъ угнетателей народа за то, что они отняли хлѣбъ у народа («ибо алкалъ я и вы не дали мнѣ ѣсть») «и бросятъ ихъ въ огонь вѣчный». Только тогда настанетъ царство Христа, «жизнь вѣчная». Прежде чѣмъ придетъ царство Божіе, придетъ всеобщая революція. По этому всѣ вѣрующіе во Христа радуются приближенію дня сего,—это ихъ избавленіе.“ *)

Мы позволимъ себѣ спросить у почтенной редакціи «Свободнаго Слова» — солидарна ли она со взглядомъ этого сектанта-штундиста хотя бы по вопросу о «любви и всепрощеніи»? Видитъ или не видитъ она большой, огромной разницы между своимъ пониманіемъ коренныхъ евангельскихъ тезисовъ, и пониманіемъ хотя бы этого штундиста и если видитъ, то можетъ ли она послѣ этого увѣрять читателей, «что одно и то же ученіе Христа» будто-бы заповѣдуетъ для всѣхъ «любить и прощать» не только друзей, но и враговъ нашихъ...

Мы лично не только думаемъ, но съ увѣренностью можемъ сказать:—нѣтъ! Евангельское ученіе толкуется различными слоями народа—различно, соотвѣтственно ихъ соціальному положенію, соотвѣтственно тому классовому сознанію, которое съ неумолимостью органическаго общественнаго закона господствуетъ надъ всей структурой мыслей и взглядовъ отдѣльныхъ членовъ тѣхъ или иныхъ слоевъ одного и того же

*) Изъ письма штундиста къ В. Д. Бончъ-Бруевичу отъ 4 сентября 1902 г.

класса населенія. Именно она-то, эта различная психика, покоющаяся на экономическихъ основахъ жизни класса, властно заставляетъ между прочимъ и сектантовъ дѣлать выводы изъ одного и того же Евангелія не только другъ отъ друга разнящіеся, но прямо таки другъ другу противорѣчащіе.

И вотъ именно та часть сектантовъ, которая вербуется изъ наиболѣе бѣднаго населенія городскихъ предмѣстій, селъ, слободъ и деревень, та часть сектантовъ, которая подъ давленіемъ общаго процесса производства страны — переходитъ, хотя бы и постепенно, изъ класса имущихъ, изъ класса собственниковъ (хотя бы и мелкихъ) — въ классъ неимущихъ, въ классъ пролетаріевъ—всегда шла и идетъ теперь во главѣ крестьянскаго движенія за улучшеніе своего положенія, за освобожденіе себя отъ гнета сильныхъ и господствующихъ. Эта часть сектантовъ, имѣя къ несчастію и до сихъ поръ только одну дѣйствительно широко распространенную среди нихъ книгу, гдѣ все-таки есть указанія на противоположность интересовъ бѣдныхъ и богатыхъ, гдѣ хоть намеками указана необходимость борьбы съ вѣковѣчнымъ зломъ и угнетеніемъ, — мы говоримъ про Евангеліе, — беретъ это Евангеліе, изучаетъ и толкуетъ его именно въ томъ смыслѣ, который необходимъ, который соотвѣтствуетъ ихъ глубоко тяжелому экономическому и политическому положенію разоренныхъ и вдвойнѣ угнетенныхъ людей.

И мы скажемъ здѣсь, какъ говорили и раньше:— больше свѣта въ эту мыслящую уже крестьянскую среду! Больше соціалистической литературы, больше соціалистической пропаганды, ибо тамъ, въ этой средѣ, ледъ уже подтаялъ, еще напоръ хорошаго, весенняго вѣтра, съ яркимъ, майскимъ солнцемъ соціалистическаго сознанія, — и эта народная среда тронется, широко и глубоко, и мы убѣждены, что тогда, подъ краснымъ знаменемъ соціализма будутъ стоять новые, организованные, сплоченные ряды смѣлыхъ, испытанныхъ и убѣжденныхъ борцовъ за новый міръ, за счастье и долю всѣхъ труждающихся и обремененныхъ.

Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.

8 декабря 1902 г.
г. Женева.

НАКАНУНѢ КРЕСТЬЯНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

(Отрывокъ изъ воспоминаній.)

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ — я попалъ въ деревню, и былъ пораженъ происшедшими въ ней перемѣнами за время моего пятилѣтняго отсутствія изъ описываемой мѣстности. Деревня находится въ Полтавской губерніи на берегу Днѣпра въ довольно красивой, живописной мѣстности и близко примыкаетъ къ тѣмъ мѣстамъ, которыя были ареной крестьянскихъ волненій этого года. Пріѣхавъ въ деревню съ исключительной цѣлью отдохнуть на лонѣ природы отъ сутолоки городской жизни и окрѣпнуть нервами, я, однако, съ перваго же дня ринулся съ головой въ окружающую меня деревенскую жизнь, которая на этотъ разъ, однако, развернулась предо мной съ неизвѣстной для меня своей стороны. Прежде всего мнѣ бросилась въ глаза рѣзкая перемѣна въ настроеніи обитателей деревенскаго міра въ сторону сознательнаго отношенія къ явленіямъ житейской обстановки.

Обыкновенная захудалая полтавская деревенька, придавленная темнотой и различными тяготами жизни, находящаяся въ полной, безраздѣльной экономической кабалѣ у кулаковъ и мѣстныхъ помѣщиковъ, на этотъ разъ показалась мнѣ живущей нервной, подвижной жизнью, обуреваемой массой сомнѣній и разлагающаго анализа. За время моего отсутствія въ деревенькѣ этой народились сектанты раціоналистическаго толка, которые приводили въ негодованіе мѣстнаго пастора «христова стада,» не уберегшаго своей паствы отъ «яда заразы». При первой же встрѣчѣ этотъ «пастырь» подѣлился со мной своими сокрушеніями на этотъ счетъ, указывая, какъ на причину

зла на «отходъ молодежи на заработки», который, здѣсь, въ этой округѣ принялъ очень большие размѣры вслѣдствие почти полнаго отсутствія всякой собственности чуть ли не у половины деревенскихъ жителей...

Помѣщикъ же мѣстный, изъ типовъ «скуловратителей», съ головы до ногъ пропитанный крѣпостническими тенденціями, драгунскій майоръ въ отставкѣ, при встрѣчѣ со мной такъ же жаловался на развращенность деревенскаго міра, который де «избаловался и нѣтъ на него никакой управы». Человѣкъ рѣшительный, майоръ, привыкъ «къ быстротѣ дѣйствій и натиску» и потому растущая строптивость деревни приводила его въ страшное негодованіе. Онъ рвалъ и металъ по поводу «лѣности и пьянства, грубости и дороговизны сельскихъ рабочихъ» и будучи уѣзднымъ гласнымъ, онъ какъ разъ въ это время внесъ на земскомъ собраніи свой знаменитый проектъ о гарантированіи мѣстныхъ помѣщиковъ дешевыми рабочими руками, съ какой цѣлью предлагалъ земству хлопотать передъ высшимъ правительствомъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ постоянному мѣстожительству. Этотъ проектъ тогда же обошелъ чуть ли не всѣ русскія газеты съ соотвѣтствующими коментаріями.

Чѣмъ дольше я жилъ въ этой деревнѣ, тѣмъ болѣе и болѣе она интересовала меня. Рѣшивъ ближе ознакомиться съ настроеніемъ деревни, я началъ заводить среди крестьянъ кое-какія личныя знакомства.

Первымъ моимъ знакомымъ былъ отставной солдатъ — преображенскаго гвардейскаго полка, работающій на параходной пристани. Онъ-то и ввелъ меня въ «курсъ настроенія деревни». Знакомство наше завязалось совершенно случайно и при странной обстановкѣ. Прогуливаясь всегда вечерами по берегу Днѣпра и любуясь открывавшимися передъ моими глазами чудными ландшафтами приднѣпровской природы, я натолкнулся на человѣка, огромнаго роста, въ старомъ солдатскомъ поношенномъ мундирѣ, который, поздоровавшись со мною, заявилъ мнѣ, что знаетъ меня уже давно и что хотѣлъ бы у меня попросить чего нибудь прочитать для себя и для своего подростка сынишки, тутъ же находившагося при немъ, вмѣстѣ съ нимъ налаживавшаго, какъ оказалось, ры-

боловныя снасти. Я выразилъ полную готовность на его просьбу и просилъ его послѣдовать со мной къ дому, гдѣ я снималъ квартиру. Было еще рано и онъ согласился.

Когда мы вошли въ мою квартиру, то я сейчасъ же началъ искать чего нибудь подходящаго изъ находившагося при мнѣ книжнаго матеріала. Найдя изданія «Посредника» и еще что то въ этомъ родѣ я далъ своему оригинальному знакомому, но онъ, осмотрѣвши данныя мной ему книжки, возвратилъ ихъ мнѣ обратно, говоря, что онъ желаетъ «хорошихъ большихъ книгъ», въ которыхъ бы описывалось «про житье-бытье другихъ народовъ» и особенно выразилъ интересъ «получше разузнать, какъ французъ избавился отъ царя и какъ онъ теперь управляется безъ него».

Къ сожалѣнію у меня ничего такого подъ руками не оказалось. Но разговоръ нашъ неожиданно завязался и принялъ страстный политическій характеръ. Съ каждымъ словомъ моего собесѣдника росъ мой интересъ и симпатія къ нему. Оказывалось, что онъ много колесилъ на своемъ вѣку по Россіи когда онъ кончилъ военную службу, такъ какъ былъ «безземельнымъ».

Видѣлъ «достаточно всякаго народу» какъ говорилъ онъ и вездѣ «душатъ, и гнутъ нашего брата-сѣряка, только,—говорилъ онъ,—дуракъ не издѣвается надъ нимъ». Книгъ такъ же очень много прочиталъ онъ всякихъ, начиная отъ «божественнаго» и, кончая нелегальными брошюрами, которыя, хотя и рѣдко, но попадали все же ему въ руки. Съ интеллигентными же людьми онъ никогда не встрѣчался, хотя и страстно хотѣлъ бы встрѣтиться съ тѣми, кто «о правдѣ крестьянской пишетъ». Дальше онъ разсказывалъ мнѣ, что когда онъ служилъ въ Питерѣ въ гвардіи, то еще тогда возненавидѣлъ царя и генераловъ, которые пьютъ людскую кровь «для того, чтобы въ золотую сбрую одѣвать своихъ коней». «Одна сбруя на царскомъ конѣ,—заключилъ мой собесѣдникъ,—въ сто разъ больше стоитъ, чѣмъ наше село». «Вотъ куда идутъ наши денежки», говорилъ онъ, печально задумавшись. Бесѣда наша тянулась до глубокой ночи и, когда собесѣдникъ мой ушелъ, я долго не могъ уснуть отъ нахлынувшихъ внезапно толпой мыслей...

На другой день я встрѣтилъ моего знакомаго «преображенца», спѣшившаго на пароходную пристань, такъ какъ оказалось, что онъ служилъ матросомъ на пароходѣ и былъ въ отпуску, теперь же спѣшилъ на свою службу. Я съ нимъ прошелся до пристани и онъ мнѣ по дорогѣ сообщилъ, что меня хочетъ видѣть бывшій волостной писарь и, что онъ зайдетъ ко мнѣ, при этомъ далъ и характеристику его «какъ мозгового человѣка, у котораго хорошо работаетъ котелокъ».

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, на порогѣ моей квартиры появился крестьянинъ на видъ лѣтъ 45-ти съ большой бородой съ просѣдью и умными живыми глазами. Вошедшій поздоровался со мной, какъ со своимъ давнишнимъ знакомымъ. Это былъ, какъ оказалось, тотъ «бывшій волостной писарь», о которомъ мнѣ говорилъ «преображенецъ». Бесѣда наша завязалась быстро и по мѣрѣ того, какъ я знакомился съ моимъ собесѣдникомъ, я убѣждался, что имѣю дѣло съ настоящимъ «интеллигентомъ» въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Въ разговорѣ со мной «бывшій волостной писарь» выказалъ удивительное знакомство не только со своей губерніей, но даже со всей Россіей и частью даже съ Зап. Европой. Зналъ онъ всю нашу лучшую литературу, читалъ и хвалилъ Н. В. Шелгунова, особенно за его «очерки русской жизни», зналъ и Н. К. Михайловскаго, Льва Толстого и другихъ корифеевъ нашей литературы.

Я былъ пораженъ широкой освѣдомленностью моего оригинальнаго собесѣдника и поинтересовался, какимъ образомъ онъ никогда не выѣзжавшій за предѣлы своей родной губерніи, простой крестьянинъ, кончившій только сельскую школу, могъ такъ много знать.

И изъ его простого разсказа я убѣдился, что предо мной сидитъ тогда только нарождавшійся «народный интеллигентъ», созрѣвшій типъ «ищущаго правды». Дѣйствительно, всю жизнь бившійся въ нуждѣ этотъ человѣкъ не потерялся, а выросъ въ настоящаго, не изломаннаго «борца за правду». И, дѣйствительно, изъ его словъ было видно, что за «независимый образъ мыслей» его отовсюду гнали, гдѣ онъ только получалъ мѣсто «писаря». Въ описы-

ваемомъ селѣ онъ продержался около трехъ съ половиной лѣтъ на писарскомъ мѣстѣ и только съ годъ тому назадъ его «выжилъ» новый земскій начальникъ за «либерализмъ», заключавшійся въ томъ, что онъ не хотѣлъ подавать пальто пріѣзжавшему сюда «исправнику» для выколачиванія податей.

Въ этотъ же вечеръ Иванъ Васильевичъ, какъ звали «бывшаго волостного писаря», посвятилъ меня въ тайны своего села, которыя открыли предо мной столько интереснаго и неожиданнаго для меня, что я уже подумалъ было: ужъ не попалъ ли я въ сѣти провокаціи хотя до тѣхъ поръ. въ глазахъ жандармовъ я былъ совершенно еще «чистымъ» человѣкомъ...

Оказалось, что въ этомъ и сосѣднихъ селахъ ведется правильная революціонная пропаганда отдѣльными лицами изъ крестьянъ вродѣ Ивана Васильевича и другихъ. Иванъ Васильевичъ только жаловался на недостатокъ революціонныхъ изданій, получаемыхъ крестьянами не всегда правильно и не въ достаточномъ количествѣ. А спросъ теперь великъ и растетъ съ каждымъ днемъ. говорилъ мнѣ Иванъ Васильевичъ. Если бъ вы знали какая нужда въ нихъ, а достать ихъ неоткуда, кромѣ, какъ изъ «Фонда»,—пояснялъ мой собесѣдникъ. Я поинтересовался, что имѣетъ въ виду Иванъ Васильевичъ, говоря, о «таинственномъ фондѣ».

И что же? «Фондъ»—оказывается не что иное какъ «Лондонскій Фондъ Вольной Русской Прессы», откуда въ запечатанныхъ конвертахъ иногда получалась литература, но по преимуществу «листки». Дальше мнѣ Иванъ Васильевичъ пояснилъ, что онъ получалъ изъ Лондона отъ своего земляка-матроса черезъ волостное правленіе «листки»—«и не только я одинъ ихъ получалъ, но получали и получаютъ и другіе крестьяне оттуда „нелегальное“», говорилъ мой собесѣдникъ. Онъ разсказалъ мнѣ дальше, что ведется и усиленная агитація устная. Такъ напримѣръ въ сосѣднемъ селѣ живетъ одинъ старичекъ, лѣтъ 60-ти, который, чтобы облегчить себѣ доступъ къ массѣ народа, завелъ ручную молотилку рублей въ триста-пятьсотъ и съ ней ѣздитъ по экономіямъ «сорокопасовъ», такъ называютъ здѣсь обѣднѣвшихъ дворянъ, и по селамъ своего уѣзда ведемъ усиленную агитацію. Обыкновенно, что бы обезопасить себя, онъ раньше, чѣмъ говорить о поряд-

кахъ политическихъ, задаетъ слушающей его группѣ рабочихъ при молотилкѣ во время обѣденнаго перерыва счлѣдующій вопросъ: «вотъ что братцы я буду вамъ говорить такое. за что, если узнаетъ начальство, то меня и васъ повѣсятъ. хотите слушать или нѣтъ?» На такой оригинальный вопросъ обыкновенно получался утвердительный отвѣтъ, послѣ чего слѣдуетъ долгая задушевная революціонная бесѣда старика съ молодежью при крайне своеобразной обстановкѣ. Этого неутомимаго старика-агитатора всѣ крестьяне очень любили и относились къ нему съ большимъ уваженіемъ. Надо замѣтить. что администрація уѣзда пыталась уже нѣсколько разъ отъ него избавиться, но увертливый старикъ всякій разъ выходилъ сухимъ изъ воды. Его зналъ почти весь уѣздъ, такъ какъ онъ со своей молотилкой заглядывалъ во всѣ его даже самые далекіе углы. Вездѣ, гдѣ бы онъ не появлялся, а появлялся онъ вездѣ, гдѣ было скопленіе народа. всегда онъ съумѣлъ создавать революціонную атмосферу. Разъ его позвалъ къ себѣ становой и сказалъ ему «чтобы онъ подтянулъ свой языкъ», но старикъ былъ по натурѣ крайне конспиративенъ и серьезную угрозу умѣлъ всегда обратить въ легкую шутку. Много поразсказалъ мнѣ Иванъ Васильевичъ про него и другихъ «народныхъ революціонеровъ», которые путали въ моей головѣ сказку съ былью...

Уходя отъ меня Иванъ Васильевичъ пообѣщалъ познакомить со всѣмъ. что дѣлается въ окружающихъ деревняхъ.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ нашей встрѣчи съ Иваномъ Васильевичемъ въ нашемъ селѣ произошелъ инцидентъ, который заставилъ о себѣ говорить всю округу. Произошло столкновеніе «команды браваго майора», какъ въ насмѣшку называли крестьяне майора и его рабочихъ, съ крестьянами деревни изъ-за земли, на которой была посѣяна рожь. Землю эту, въ количествѣ 10-ти десятинъ, майоръ считалъ своей собственностью, а общество крестьянское своей. Борьба изъ-за нея шла уже давно, но борьба довольно глухая и никто не думалъ, что она приведетъ къ открытой «войнѣ». Но терпѣнье крестьянъ, утѣсняемыхъ всячески майоромъ. наконецъ, лопнуло и вспыхнулъ «бунтъ». Поводомъ послужило слѣдующее обстоятельство.

Майоръ, увидя на своемъ лугу пасущійся крестьянскій скотъ, по оплошности пастуха, зашедшій за черту общественной земли, накинулся на пастуха, старика лѣтъ 60-ти и расправился съ нимъ по «свойски». Въ результатѣ скотъ былъ загнанъ въ экономію майора подъ залогъ уплаты за потраву, а избитый старикъ еле дотащилъ ноги домой. Въ тотъ же вечеръ собралась толпа крестьянъ и съ дрекольями отправилась къ «майору», разбила изгородь, за которой стоялъ мірской скотъ, а послѣ того, какъ майоръ и служащіе его пытались сопротивляться, а майоръ даже выстрѣлилъ изъ револьвера, толпа избила майора: его еле живого рабочіе вырвали изъ рукъ разсвирѣпѣвшей толпы. Скотъ все-таки былъ угнанъ крестьянами. На другой же день послѣ этого, крестьяне, вооружившись косами отправились на спорный участокъ земли, чтобы скосить его, такъ какъ наставало уже жнитво. Майоръ было началъ сопротивляться, но это ни къ чему не повело. Къ вечеру участокъ земли былъ убранъ, а хлѣбъ съ него свезенъ на гумна крестьянъ.

А тѣмъ временемъ догадливый майоръ ускакалъ въ городъ, откуда прибыла сотня казаковъ съ исправникомъ во главѣ. Въ селѣ уже было все тихо. Всѣ ожидали «экзекуціи», но исправникъ не рѣшился этого сдѣлать, такъ какъ боялся, потому что въ его глазахъ это село слыло «за разбойничій притонъ». Онъ только приказалъ арестовать «виновныхъ» и въ количествѣ 50 человѣкъ, подъ конвоемъ казаковъ, отправилъ ихъ въ тюремный замокъ. По отъѣздѣ исправника «усадьба» майора обратилась въ пепелище. Пожаръ уничтожилъ почти всѣ дворовыя постройки въ экономіи. Наѣхали судебныя и полицейскія власти, взяли еще двухъ крестьянъ въ тюрьму, тѣмъ дѣло и кончилось.

Но черезъ нѣсколько времени спустя среди крестьянъ изъ рукъ въ руки циркулировало «самобытное» воззваніе, написанное отъ руки «печатными буквами», въ которомъ указывалось, что прійдетъ скоро время, когда на землѣ не будетъ «ни одного пана или полупанка», это говорилось въ заключеніе, а въ началѣ воззванія дѣло шло о майорѣ и его поступкахъ...

Все происшедшее меня настолько взволновало, что я ходилъ, какъ въ чаду. Мнѣ казалось тогда, что мы, «интеллигенція», никуда негодны, когда подъ носомъ

у себя ничего не видимъ и не хотимъ замѣчать, только возимся со своими книжками, а непосредственной народной жизни мы совсѣмъ не знаемъ, что «революція чисто-народная насъ захлеснетъ» и тому подобное въ томъ же духѣ. Все это время я часто видался съ Иваномъ Васильевичемъ и бывалъ у него, чѣмъ навлекъ на себя подозрѣніе пана и майора, особенно послѣ того, какъ имъ стало извѣстнымъ. что я былъ кумомъ у «бывшаго писаря». При встрѣчѣ со мною они потеряли свою прежнюю словоохотливость и отдѣлывались казенными полуфразами о погодѣ и пр., что меня несказанно радовало, такъ какъ избавляло отъ назойливыхъ просьбъ «зайти на чаекъ», но крайне огорчало въ свою очередь то обстоятельство, что они за моей спиной строчили на меня куда слѣдуетъ разные доносы и кляузы.

Съ «бывшимъ писаремъ» мы сдружились быстро. Онъ познакомилъ меня еще съ нѣсколькими крестьянами. молодыми и старыми. которые были революціонно настроены. Всѣ они производили на меня сильное впечатлѣніе. Но особенно сильное впечатлѣніе на меня произвелъ бывавшій часто у Ивана Васильевича одинъ человѣкъ среднихъ лѣтъ. производившій впечатлѣніе мелкаго торговца изъ евреевъ, знавшій и увлекавшійся Писаревымъ, Боклемъ, Чернышевскимъ и красиво пѣвшій своимъ звучнымъ баритономъ революціонныя пѣсни. Онъ жилъ за 15 верстъ отъ нашего села, но часто заѣзжалъ сюда на своей захудалой лошаденкѣ. Проведшій все почти время съ малыхъ лѣтъ за стойкой въ трактирѣ своего отца, онъ и грамотѣ научился самоучкой. Но полюбивши чтеніе книгъ до самозабвенія онъ бросилъ «стойку» въ кабакѣ и отправился искать людей. Онъ поѣхалъ въ городъ Кременчугъ. гдѣ прожилъ года три и чтобы не умереть съ голода принужденъ былъ заняться разноской и продажей папиросъ, подъ которыми внизу одно время носилъ пучки «прокламацій», которыми снабжалъ одинъ его знакомый юноша революціонеръ. «Прокламаціи» эти онъ раздавалъ тѣмъ изъ покупателей, которые удовлетворяли его непосредственному чувству. Такъ прожилъ Левъ Соломоновичъ однако не долго, свѣтлый геній его вскорѣ былъ притоптáнъ жандармами, а вмѣстѣ съ этимъ для Льва Соломоновича настали черные дни,

«ибо кто же»,—говорилъ онъ,—«будетъ обращать вниманіе на какого-то неизвѣстнаго еврейчика. да еще вдобавокъ разночинца, плохо говорившаго по-русски». «Прокламаціи и брошюры» уплыли и не попадали больше въ руки Льва Соломоновича, а вмѣстѣ съ ними пропала охота жить больше въ городѣ. Конечно, будь Левъ Соломоновичъ, крупный иниціативный человѣкъ, быть можетъ, его жизнь-бы сложилась и по иному, но какъ человѣкъ средній, хотя и съ пылкимъ темпераментомъ, онъ при отсутствіи тогда широкаго массового движенія, естественно двинулся обратно въ родныя палестины, гдѣ онъ жилъ уже безвыѣздно больше десяти лѣтъ, живя впроголодь, хотя и покупая на послѣдніе гроши любимыя книги. За это время онъ раза два чуть-было не попался въ руки «средиземной эскадры», которая дѣлала набѣги на его квартиру. Разъ, было, становой хотѣлъ его арестовать за то, что онъ говорилъ мужикамъ, чтобы «они поганой метлой выгнали изъ деревни всѣхъ, — тогда новоиспеченныхъ. — земскихъ начальниковъ». Но, какимъ-то образомъ ему все сходило съ рукъ. Онъ служилъ на паровой мельницѣ и тамъ велъ летучую пропаганду. Въ то время, когда я съ нимъ встрѣтился, онъ былъ полонъ плановъ насчетъ «народнаго возстанія». Онъ говорилъ мнѣ, что плохо «безъ денегъ и людей. а что можно было-бы съ ними сдѣлать?» «Вы знаете, — говорилъ онъ мнѣ увлекаясь, — если-бы нашлась такая партія, которая-бы гарантировала матеріальное существованіе „агитаторовъ" изъ народа, то весь крестьянскій югъ и Малороссію можно было бы поднять меньше, чѣмъ въ десять лѣтъ». «Можно было бы отправить, — говорилъ онъ, — агитаторовъ, но непремѣнно изъ крестьянъ, въ такія мѣста скопленія народа, какъ м. Каховка, Херсонской губ. и тамъ бы пошло дѣло. Тамъ недостаетъ теперь только „искры", чтобы возгорѣлось пламя народнаго возстанія. Обезпечьте только агитаторовъ крестьянъ рублей по 150 въ годъ и вы-бы не узнали нашихъ мѣстъ и вообще всего юга. который рвется къ революціи. Вы только поживите и прислушайтесь, что здѣсь среди крестьянъ говорится и дѣлается»—пояснилъ Левъ Соломоновичъ... Пылкая фантазія Льва Соломоновича рисовала радужныя перспективы. Мы часто встрѣчались съ нимъ и онъ заходилъ ко мнѣ и

всегда мнѣ разсказывалъ массу новостей изъ жизни деревень почти всего уѣзда, вездѣ у него были знакомые среди крестьянъ, съ которыми онъ отводилъ душу. Онъ приносилъ мнѣ читать новые листки «группы народовольцевъ», получаемые имъ также изъ «Фонда» и которыя онъ заучивалъ почти наизусть. Живя здѣсь дальше, я потерялъ всякое представленіе о «времени и пространствѣ» и хотя мнѣ хотѣлось еще дольше пожить въ этихъ оригинальныхъ мѣстахъ, гдѣ казалось самъ воздухъ днѣпровской природы былъ насыщенъ революціей, но жажда поскорѣе увидѣть своихъ городскихъ друзей и подѣлиться съ ними впечатлѣніями, пережитыми такъ неожиданно въ глуши и заставить ихъ прійти на помощь «бывшимъ писарямъ», Львамъ Соломоновичамъ и т. п., принуждала меня торопиться обратно въ городъ, тѣмъ болѣе, что мое знакомство съ «отверженниками», какими являлись въ глазахъ «майора и попа», мои «неожиданные знакомые», благодаря доносамъ и проискамъ мѣстной знати,—(майора, пастыря духовнаго, кабатчика и урядника),—заставляли меня еще больше уносить поскорѣе свои ноги отсюда. Но передъ отъѣздомъ, я вмѣстѣ съ «бывшимъ писаремъ» и еще двумя крестьянами, отправился въ гости во время храмового праздника въ село Б., недалеко, всего въ 2-хъ верстахъ отъ уѣзднаго города, къ Ивану Корнѣевичу: такъ звали крестьянина-земледѣльца, молва о которомъ шла по всей округѣ широкими волнами. Прежде всего, онъ былъ «корреспондентъ», изводившій помѣщиковъ и кулаковъ своими довольно талантливыми и ѣдкими замѣтками въ кіевскихъ газетахъ, а затѣмъ онъ часто выступалъ на сходахъ, какъ повѣренный по всѣмъ крестьянскимъ дѣламъ, человѣкъ, бывавшій въ передѣлкахъ, даже въ молодости побывавшій въ мѣстахъ «не столь отдаленныхъ» за агитацію среди своихъ односельчанъ, встрѣчавшійся со Стефановичемъ и другими революціонерами иногда изрѣдка наѣзжавшими въ описываемую мѣстность. При личномъ знакомствѣ онъ произвелъ на меня неотразимое впечатлѣніе своей энергіей и непоколебимой убѣжденностью. Я жилъ у него нѣсколько дней. Къ нему заходили многіе крестьяне, которыхъ онъ не отпускалъ безъ «политическихъ разговоровъ». Обыкновенная его манера «единоличной

агитаціи» заключалась въ слѣдующемъ. Когда крестьянинъ приходилъ съ жалобой на кулака или помѣщика и просилъ составить жалобу въ судъ, тогда Иванъ Карнѣевичъ наводилъ вопросами крестьянина на весь политическій строй, на то, что онъ защищаетъ только богатыхъ и указывалъ дальше, пользуясь конкретными примѣрами изъ повседневной крестьянской жизни, которую онъ, какъ самъ крестьянинъ, зналъ въ совершенствѣ, на то, что до тѣхъ поръ, покуда царь стоитъ во главѣ правленія, мужику ждать отъ такого порядка нечего, лучше ему сознать свои права и силу и отвоевать ихъ, борясь за нихъ сообща и т. д. Словомъ, каждую крестьянскую жалобу онъ умѣлъ такъ использовать, въ качествѣ матеріала для политической агитаціи, что мужикъ, обыкновенно, уходилъ отъ него вполнѣ удовлетворенный. Такая дѣятельность Ивана Корнѣевича въ связи съ революціонными листками, которыхъ у него было всегда значительное количество, связывало ея съ дѣятельностью Льва Соломоновича и «бывшаго писаря» и «преображенца»... Такая агитація шла изподволь въ этой мѣстности уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, безъ всякаго посторонняго вліянія «интеллигенціи», съ которой ни у кого здѣсь никакихъ связей никогда не было. Иванъ Корнѣевичъ разсказывалъ мнѣ, какъ они получаютъ «литературу» изъ «Фонда» и какъ она шибко распространяется среди крестьянъ почти всего уѣзда.

«Если требуется много какихъ-либо „листковъ", то,—разсказываетъ Иванъ Корнѣевичъ,—мы ихъ у себя перепечатываемъ на гектографѣ,»—который, къ слову сказать, приготовлялся имъ самимъ первобытнымъ способомъ. «Сынъ мой (тогда 15 лѣтній школяръ) переписываетъ, а я печатаю, или моя жинка». Въ описываемое время Ивану Корнѣевичу было около 60 лѣтъ, но это былъ старикъ очень крѣпкій, наружностью очень походившій на Тараса Шевченка, съ такимъ же высокимъ лбомъ и такими же вдумчивыми глазами. Онъ все мнѣ жаловался на то, что нѣтъ у насъ «партіи», которая бы помогала деревнѣ пойти «въ революцію» и показалъ мнѣ «манифестъ партіи Народнаго Права», незадолго передъ тѣмъ выпущенный «народоправцами» и полученный имъ изъ Лондона, радовался, что возродилась «партія» и все просилъ меня познакомить съ

ней, что-бы она посылала въ деревню «литературу». До тѣхъ поръ я не зналъ еще о возникновеніи «народоправцевъ» и впервые мнѣ пришлось познакомиться съ ней въ глуши, «среди крестьянъ». Да, судьба оригинальна подчасъ.

Изъ разговоровъ съ Иваномъ Корнѣевичемъ, я убѣдился, что всѣ ждутъ въ этихъ мѣстахъ скораго наступленія «революціи» и потому готовятся по своему къ ней. Его мечта — это усѣять всю губернію «тайными крестьянскими дружинами», которыя бы руководили народнымъ движеніемъ и направляли бы его на правильный политическій путь. Долго я говорилъ съ нимъ и спорилъ, указывалъ на растущую и подымающуюся силу пролетаріата въ городахъ, на его значеніе. но Иванъ Корнѣевичъ говорилъ мнѣ «все это хорошо. да мало, безъ мужика не взять приступомъ царя и чиновниковъ». ,,А можетъ быть онъ и правъ", думалось мнѣ тогда, послѣ всего видѣннаго и слышаннаго «на каникулахъ», когда тройка перекладныхъ далеко мчала меня отъ «черноземныхъ полей» въ большой университетскій городъ, гдѣ я долженъ былъ приняться опять за изнурительную, скучную и безплодную работу «интеллигентнаго» русскаго мыслящаго пролетарія.

Долго я еще не порывалъ связей съ этими «черноземными полями» и ихъ оригинальными обитателями, слышалъ про аграрные бунты и усмиренія ихъ въ этихъ мѣстахъ. Наконецъ, когда умеръ Миротворецъ III, то до меня дошла вѣсть, что та деревня и сосѣдняя съ ней, въ которой я жилъ, когда дѣло дошло до присяги новому Миротворцу Никѣ-Милушѣ, отказалась дать присягу «Колькѣ», потому що воно мале, та дурне. мы упревымся и безъ его». Слышалъ я про то, что по селамъ всего. когда-то бывшаго и моимъ, уѣзда ходили какіе-то десять «коммисаровъ» и подбивали крестьянъ «не давать присяги». Какъ потомъ оказалось, въ числѣ этихъ десяти были и мои два старые знакомцы, а именно: «преображенецъ» и «бывшій писарь».

Оба они были схвачены синемундирниками и заключены въ губернскій тюремный замокъ.

Затѣмъ, когда я уже былъ «на сѣверѣ дикомъ», до меня долетѣла вѣсть, что Иванъ Корнѣевичъ также былъ схваченъ, какъ и Левъ Соломоновичъ, причемъ

послѣдній «вывернулся» какъ онъ любилъ выражаться, а Иванъ Корнѣевичъ сошелъ съума, а затѣмъ сошелъ и въ могилу. Мѣстность, въ которой работали мои старые знакомые, въ этомъ году была объявлена «неблагополучной» и тамъ производились кровавыя экзекуціи крестьянъ, разрушавшихъ хлѣбозапасные магазины и можетъ быть отбиравшихъ землю у того, также моего стараго знакомца «браваго майора», который былъ всегда «бѣльмомъ на глазу крестьянскаго міра»...

Вс. Св.

Изъ стихотвореній петербургскихъ рабочихъ

I

Братьямъ.

Вы — забитые, болящіе,
Вы — во тьмѣ и злѣ живущіе,
Вы — о счастіи молящіе,
И его напрасно ждущіе,
Бросьте ваши ожиданія!
Прочь скорѣй оцѣпененіе!
Не прійдетъ конецъ страданія,
Коли нѣтъ конца терпѣнію!

Мастеровой.

II

По выходѣ изъ тюрьмы.

Тяжко мнѣ... но не хочу я
Съ злой судьбой моей мириться.
Я одинъ... Но не могу я
Съ силой темною не биться.
Я погибну... ну такъ что-же?
Коль мое погибнетъ тѣло,
Будетъ духъ мой такъ же биться
Все за то-жъ святое дѣло!
Я желалъ бы сонъ нарушить,
Сытыхъ счастіе разрушить,
Мракъ развѣять, разогнать!
Всѣмъ униженнымъ, скорбящимъ,
Всѣмъ о счастіи молящимъ
Я желалъ бы счастье дать!
Я желалъ бы это счастье
Съ бою взять народной властью!
Слабыхъ духомъ поддержать,
Унижающихъ унизить,
Обижающихъ обидѣть,
Въ мертвыхъ снова жизнь вдохнуть!
Весь вашъ міръ возненавидѣть!
Весь вашъ строй перевернуть!

Слесарь.

ЭВОЛЮЦІЯ ЛАТЫШСКАГО КРЕСТЬЯНСТВА

(Хозяинъ и работникъ.)

Не прошло еще 80 лѣтъ съ того времени, какъ не было ни одного латыша—не крестьянина. Все латышское, а также эстское, населеніе Прибтійскихъ губерній — и *только* латышское-эстское—состояло изъ крѣпостныхъ крестьянъ. Формально, крестьяне этихъ губерній были освобождены отъ крѣпостной зависимости еще въ періодъ 1817-19 гг., но фактически, все осталось по прежнему. Ко времени отмѣны барщины, въ шестидесятыхъ годахъ, лишь ничтожная часть латышей успѣла выйти изъ крестьянской среды и переселиться въ города. Но съ 60-ыхъ годовъ начинается дифференціація этой массы, и уже лѣтъ чрезъ 20-30 мы видимъ у латышей значительную, и довольно крупную, буржуазію, которая окончательно выдѣляется и даже чуждается прочей массы крестьянъ, хотя громадному ея большинству, остальная масса «собратьевъ» могла напомнить словами латышской поговорки: «знаемъ, въ которой банѣ*) ты родился», или словами народной пѣсни:

«Есть господа такіе-сякіе,
Гуляющіе нынѣ въ сапогахъ—
У одного отецъ ходилъ воровать,
А у другого мать христорадничать»!

Вообще, если мы нынѣ говоримъ о латышахъ, то мы уже не имѣемъ въ виду той сѣрой, однообразной массы временъ барщины. Предъ нами нынѣ народность, хотя и малочисленная, но съ сложною общественною группировкою: у нея своя крупная и мелкая буржуазія, свои богачи и свои пролетаріи, своя многочисленная

*) Намекъ на то, что крестьянки обыкновенно рожаютъ въ банѣ

«интеллигенція» и, наконецъ, крестьянство, рѣзко раздѣлившееся на два ряда: крестьянъ-хозяевъ и крестьянъ-батраковъ. И всѣ эти измѣненія произошли чуть ли не на нашихъ глазахъ, за время одного поколѣнія!

Какія крупныя измѣненія произошли въ деревенскомъ населеніи этихъ губерній, мы увидимъ на небольшомъ примѣрѣ. Въ 1863 г. всѣхъ деревенскихъ жителей въ Курляндской губерніи было 511.424, городскихъ же—62.500. Въ 1881 г.—по даннымъ народной переписи—деревенскихъ 553.000, городскихъ же 97.000. Если исчислить естественный приростъ (разницу между количествомъ рожденій и смертныхъ случаевъ), то въ 1881 г. должно было быть деревенскихъ жителей около 605.000 (т. е. на 52.000 ч. больше дѣйствительной цифры). И въ самомъ дѣлѣ за это время уходъ въ города и во внутренніе губ. довольно значителенъ. Для городовъ, по естественному приросту, получается 75.000 чел., или на 22.000 менѣе дѣйствительнаго количества.

Но несомнѣнно болѣе яркую картинку представляетъ намъ періодъ 1881-97 г.: по даннымъ переписи 1897 въ уѣздахъ Курляндской губер. (безъ городовъ) жило только 524.500 чел., или на 28500 чел. меньше, чѣмъ въ 1881 г. Если же принять во вниманіе естественный приростъ, то мы увидимъ, что болѣе 100.000 или $^1/_5$ *часть всего населенія* оставила деревню. Въ города Курляндіи переселилось 33.000 чел., остальные въ городъ Ригу, или во внутреннюю Россію. —Для вѣрнаго пониманія этихъ цифръ слѣдуетъ имѣть въ виду, что уѣздное населеніе въ Курляндской губ. (а также 4 южныхъ уѣздовъ Лифляндской) почти исключительно латышскіе крестьяне.

Если оставить въ сторонѣ городское населеніе, то и въ деревнѣ мы увидимъ подобную же дифференціацію. Не касаясь латышей-милліонеровъ, владѣльцевъ «рыцарскихъ имѣній», и прочихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, мы должны знать, что вся деревня расчленяется на 2 группы крестьянъ: хозяевъ и батраковъ или безземельныхъ, которыхъ въ 2-3 раза больше, если даже на каждаго хозяина считать до 5 чел. семьи; а именно въ Лифляндіи въ разрядѣ хозяевъ (и ихъ семействъ)—260.000, а около 610.000—безземельныхъ, въ Курляндской же губ. въ разрядѣ хозяевъ (и ихъ семействъ) 175000, а въ разрядѣ безземельныхъ — около

325.000. Сколько всего парцелярныхъ участковъ, обрабатываемыхъ одними хозяевами, въ точности неизвѣстно. Въ Курляндіи ихъ считаютъ менѣе 10.000, противъ 25.000, обрабатывающихъ при помощи наемнаго труда. Въ Лифляндіи и того меньше.

Разсмотрѣніе этой крестьянской среды должно представить особый интересъ въ настоящее время, когда крестьянскій вопросъ въ соціалдемократической литературѣ не сходитъ съ ея столбцовъ. Если о русскомъ крестьянинѣ много писалось — даже лицами, не видавшими живого крестьянина, то—да будетъ и мнѣ, крестьянину по происхожденію, позволено подѣлиться — съ читателемъ кое-какими наблюденіями въ *своей* средѣ изъ жизни крестьянъ той же Россіи, только латышской національности.

Агитаторы аграрной лиги въ Англіи распространяютъ картинку, наглядно изображающую соотношеніе крупнаго землевладѣльца, его арендатора-фермера и наемнаго рабочаго. На исхудаломъ батракѣ верхомъ сидитъ фермеръ, котораго, въ свою очередь, давитъ откормленная фигура «лэндлорда». Эту картинку слѣдовало бы имѣть предъ глазами всѣмъ аграрнымъ политикамъ, которые, подобно Герцу и товарищамъ, не могутъ понять роль хозяина-крестьянина, какъ эксплуататора своего наемнаго работника, тоже крестьянина. Иллюстраціею къ этой картинкѣ да послужитъ настоящій мой набросокъ.

Законъ «объ освобожденіи крестьянъ» въ Прибалтійскихъ губ. вышли между 1815-19 гг. Дворянство этихъ губерній охотно присваиваетъ себѣ роль освободителей. Это миѳъ! Указъ 25 августа 1817 г., освобождающій курляндскихъ крестьянъ, говоритъ, что онъ «утверждаетъ выработанный дворянскою комиссіею проектъ, постановившій, что курляндское дворянство отрекается *отъ всѣхъ правъ своихъ* на крѣпостную и наслѣдственную зависимость крестьянъ, предоставляя себѣ *одно право собственности на землю*». Дворянство было вынуждено разными давленіями (снизу, а вслѣдствіе того, и сверху) объявить этотъ «актъ великодушія», но оно щедро вознаградило себя — грабежомъ всей крестьянской земли (хотя и грабежомъ «по закону»). Въ результатѣ новый законъ оказался новымъ способомъ эксплуатаціи, болѣе выгоднымъ для дворянства. Конечно,

я не отрицаю, что среди дворянъ этого времени были, какъ исключеніе, и свѣтлыя личности, увлеченныя «декларацiею правъ человѣка» и захваченныя волнами «великой революціи». краснорѣчивымъ доказательствомъ чему служитъ цѣлый рядъ памфлетовъ на нѣмецкомъ языкѣ, вышедшихъ наканунѣ и въ первые годы XIX столѣтія. Но уже здѣсь, среди потока филантропическихъ разсужденій, нерѣдко проглядываетъ мысль, чисто прозаическая, что освобожденіе крестьянъ необходимо въ интересахъ хозяйственнаго прогресса.

По закону новое положеніе вводится постепенно—въ теченіи 14 лѣтъ; въ дѣйствительности же эволюція крѣпостного состоянія чрезъ суровую форму барщины въ денежно-арендную систему — является результатомъ болѣе чѣмъ 50-ти лѣтней борьбы нѣмецкаго «барона» и латышскаго «бауэра» (мужика).

Уже крестьянскія положенія говорятъ «осамоограниченіи дворянами своихъ правъ и привиллегій» и «объ отреченіи *даже отъ самовольной* расправы». Въ дѣйствительности, новая барщина — обязательна и принудительна, и «самовольная расправа» (тѣлесное наказаніе по усмотрѣнію помѣщика) остается ея *законною* поддержкою. «Бѣлая палка» надзирателя («вагаря») съ успѣхомъ замѣняетъ «желѣзныя оковы».

Новое положеніе даетъ крестьянину право — «пріобрѣтать недвижимое имѣніе», но не было такой земли, которую собственникъ ея былъ бы вправѣ — продать крестьянину. Даже отдавать въ аренду крестьянину казенное или дворянское имѣніе — было запрещено.

«Крестьянамъ присвояются права свободнаго состоянія» — но безъ свободы передвиженія.

Можно сказать, что новыя положенія дали крестьянамъ «много правъ, но мало свободы». Измѣнилась форма крѣпостного ига, но сущность его осталась. и новая форма была нерѣдко тяжелѣе прежней. О невыносимомъ гнетѣ ея свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ серьезныхъ «крестьянскихъ бунтовъ» (особенно въ 40 гг.), подавленныхъ военною силою, но вызвавшихъ цѣлую серію спеціальныхъ законовъ въ защиту крестьянъ. Въ 60 годахъ, наконецъ, (въ Лифл. — 1861, Курл. — 1863) барщина — по крайней мѣрѣ на бумагѣ — отмѣняется. Но чисто денежная аренда не сразу проникаетъ всюду. Напротивъ, начинается долголѣтняя борьба изъ-за

искорененія барщины, вызвавшая цѣлый рядъ законовъ, запрещающихъ помѣщать въ арендные договоры такъ называемую «издѣльную повинность». Не смотря на всѣ эти законы, она мѣстами держится и понынѣ. Но, какъ ни какъ, съ 60-хъ годовъ начинается эпоха чисто денежнаго хозяйства.

Наступившая эра денежнаго хозяйства застала въ деревнѣ Прибалтійскаго края: землю, сконцентрированную въ рукахъ дворянства, крестьянство, свободное отъ крѣпостной зависимости, но и свободное отъ земли; всю власть, политическую и экономическую, въ рукахъ дворянства, въ распоряженіи же крестьянства лишь — свободу договора. Мы не должны забывать еще того, что крестьяне уже фактически были раздѣлены на 2 разряда: хозяевъ и батраковъ. Чтобы сохранить это состояніе, вышелъ законъ, запрещающій дробленіе крестьянской земли на участки, менѣе извѣстнаго размѣра; дворянство, повидимому, признало болѣе выгоднымъ для себя — имѣть дѣло съ меньшимъ числомъ арендаторовъ, которые бы въ ихъ интересахъ эксплуатировали наемный трудъ крестьянъ, оставшихся безъ земли.

Посмотримъ, прежде всего, какъ жилось при новомъ порядкѣ крестьянину-хозяину.

Договоръ аренды помѣщика съ хозяиномъ зависѣлъ отъ доброй воли сторонъ, съ незначительными лишь ограниченіями этой свободы. Въ виду большого количества безземельныхъ, спросъ на землю былъ великъ, и арендная плата держалась высоко. Тѣмъ не менѣе освобожденіе отъ части барщины внесло новую жизнь въ крестьянскую среду. Прогрессъ хозяйственный, рядомъ съ прогрессомъ умственнымъ, сдѣлалъ въ теченіи какихъ нибудь десятковъ лѣсъ успѣхи, для которыхъ, при другихъ условіяхъ, требовались бы столѣтія. Крестьяне - хозяева составляли восходящій классъ со всѣми прогрессивными тенденціями матеріальнаго и духовнаго подъема. При значительной конкуренціи со стороны арендаторовъ, помѣщики сдѣлали хорошій подборъ: хозяева были способны улучшать свое хозяйство и серьезно взялись за дѣло; они смотрѣли на ферму, какъ на свое наслѣдственное владѣніе, такъ какъ 12 - лѣтніе договоры имъ и ихъ наслѣдникамъ обѣщали право преимущественной аренды и даже покупки. По истеченіи первыхъ 12 лѣтъ денеж-

ной аренды уже нельзя было узнать прежнихъ фермъ: новыя постройки, много новой земли подъ культурою, всякого рода улучшенія.

Освобожденные отъ барщины, крестьяне сдѣлали успѣхи въ практикѣ сельскаго хозяйства, но имъ была чужда теорія народнаго хозяйства.

Марксъ въ своемъ «Капиталѣ» (т. III. стр. 511) изображаетъ сущность арендной системы слѣдующими сильными штрихами:

« Болѣе кратковременныя затраты капитала, которыя ведутъ за собой обыкновенный процессъ производства въ земледѣліи, всѣ безъ исключенія производятся фермерами. Такія затраты. какъ простая обработка вообще, если она производится сколько нибудь раціонально, слѣдовательно не сводится къ хищнической эксплоатаціи земли, какъ это дѣлалось бывшими американскими рабовладѣльцами — противъ которой однако господа землевладѣльцы обезпечиваютъ себя контрактами — *улучшаютъ почву*, увеличиваютъ количество получаемаго продукта и *превращаютъ землю* изъ простого вещества *въ землю-капиталъ*. Обработанное поле, при тѣхъ же самыхъ естественныхъ свойствахъ, стоитъ дороже необработаннаго. — Точно такъ же болѣе постоянныя затраты капитала ни землю, капитала основного, изнашивающагося въ болѣе продолжительный срокъ, по большей части, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства часто исключительно, производятся фермерами. *Но какъ скоро истекаетъ арендный срокъ* -- а въ этомъ заключается причина, почему вмѣстѣ съ развитіемъ капиталистическаго производства. землевладѣлецъ стремится, елико возможно, сократить срокъ аренды,—*улучшенія почвы*, какъ нѣчто нераздѣльное съ землею, *достаются* землевладѣльцу, какъ его собственность. При заключеніи *новаго* договора землевладѣлецъ *прибавляетъ къ настоящей земельной рентѣ* также *процентъ на капиталъ*, вложенный въ землю, *все равно сдаетъ ли* онъ землю *тому же арендатору*, который произвелъ улучшенія, или какому нибудь другому. Такимъ образомъ *рента его растетъ*, или, если онъ вздумаетъ землю продать, — цѣнность ея увеличивается.

Онъ *продаетъ* не только землю, но *землю улучшенную, капиталъ, вложенный въ землю, который*

ему ничего не стоитъ. Это одна *изъ тайнъ* — совершенно независимо отъ движенія настоящей земельной ренты — *увеличивающагося обогащенія* землевладѣльцевъ, постояннаго роста ихъ ренты и возрастающей денежной цѣнности ихъ земель, сопровождающей поступательный ходъ экономическаго развитія. *Они такимъ образомъ, кладутъ въ собственные карманы результаты общественнаго развитія происшедшаго безъ ихъ содѣйствія.*»

Въ глубокой истинѣ этихъ словъ пришлось убѣдиться и латышскому крестьянину. Но прибавилось еще нѣчто, болѣе способствующее его эксплуатаціи: это доходящая до фанатизма любовь и привязанность крестьянина къ клочку земли, «отцовскому наслѣдію». Эта «любовь» обезпечила помѣщика отъ примѣненія крестьяниномъ намѣренно хищническихъ способовъ эксплуатаціи земли. Кромѣ того, арендные договоры составлялись такъ, что юридически невѣжественный крестьянинъ всегда считалъ за собою право преимущественной аренды, или даже покупки и поэтому безбоязненно затрачивалъ свой трудъ. Какъ только кончались сроки первыхъ договоровъ аренды, возникалъ вопросъ о сдѣланныхъ арендаторомъ улучшеніяхъ. Это — безконечная борьба о вознагражденіи за вложенный арендаторомъ въ землю капиталъ и трудъ, въ которой арендаторъ безсиленъ, несмотря на цѣлый рядъ законовъ, изданныхъ въ его защиту (1860, 63, 65, 66 и 68 гг.). Нѣмецкое дворянство было очень сильно въ Петербургѣ и внесло цѣлый рядъ неясностей въ эти законы. Находящійся же въ рукахъ дворянства судъ свелъ всѣ эти защитительные законы къ нулю. Едва 40% всѣхъ предъявленныхъ крестьянами «исковъ объ убыткахъ» было признано, хотя и не больше 1/10 всѣхъ требованій вообще заявлялось въ судъ. Помѣщикъ былъ свободенъ отъ всякаго вознагражденія, если арендаторъ былъ выселенъ за нарушеніе договора до срока. А договоры были составлены такъ, что отъ доброй воли помѣщика зависѣло всегда найти подобное нарушеніе.

Въ первое время примѣненіе денежно-арендной системы выразилось въ громадномъ приростѣ культурной площади. При отсутствіи вѣрныхъ статистическихъ данныхъ, я приведу лишь нѣсколько цифръ. Въ Кур-

ляндіи числилось: *пахотной земли* въ 1864 г. — 552,000 десятинъ, въ 1881 — 603,804; 1887 — 615,352; а сѣнокосовъ—383,000 въ 1864 г., 733,738 въ 1881 г. и 773,204—въ 1887 г. Изъ 100 десятинъ общей площади у крестьянъ было подъ пашнею и огородомъ—47.19, а въ частныхъ имѣніяхъ помѣщиковъ — 21,9; луговъ и пастбищъ 47.6 и 26.7 *).

Но и затрудненія новой системы все увеличиваются, и крестьяне ищутъ выхода изъ своего положенія — *въ покупкѣ въ собственность арендованныхъ ими фермъ.* Это, конечно, зависѣло отъ степени денежныхъ накопленій, и поэтому прежде всего эта мысль возникла въ наиболѣе богатыхъ уѣздахъ. Въ болѣе бѣдныхъ же мѣстностяхъ, еще въ 70-хъ годахъ, крестьяне не соглашались на покупку, даже на выгодныхъ условіяхъ: денежное хозяйство для нихъ было еще слишкомъ ново. — Какъ вѣрная выразительница желаній крестьянина - арендатора, возникшая уже національная печать поставила въ свою программу: добиться *обязательнаго выкупа* и для прибалтійской крестьянской земли. Эти голоса производили нѣкоторое давленіе на помѣщиковъ, но дворянство было слишкомъ сильно, чтобы эти голоса имѣли вліяніе на петербургское правительство. Но когда имъ все таки пришлось уступить, они и изъ новой системы создали себѣ лучшій способъ эксплуатаціи, они и при продажѣ фермъ не остались въ убыткѣ.

Съ началомъ выкупной операціи наступило тяжелое время для края, недаромъ получившаго въ русской печати названіе «русской Ирландіи». Помѣщики, продавая фермы, использовали то обстоятельство, что въ краѣ былъ большой спросъ на землю: они продавали свои фермы постепенно и притомъ предлагавшему высшую цѣну. Цѣна страшно поднялась, такъ какъ прежніе арендаторы во что бы то ни стало старались

*) Такимъ образомъ отдача въ аренду, при извѣстныхъ условіяхъ, является самымъ выгоднымъ способомъ безъ затраты собственнаго капитала культивировать невоздѣланную почву. Дробленіе участковъ невоздѣланной земли для отдачи въ аренду, чтобы впослѣдствіи соединить всю площадь уже въ вспаханномъ видѣ, опять въ одно крупное имѣніе, — это тоже своего рода секретъ для обогащенія крупнаго землевладѣльца. Но при видѣ подобнаго дробленія радуется и сердце защитника мелкой культуры!

оставаться «на своемъ клочкѣ». — Но первоначальное накопленіе создало массу сбереженій у безземельнаго элемента, который предлагалъ цѣны выше, чѣмъ могъ платить прежній арендаторъ, такъ какъ новый покупщикъ даромъ получалъ сдѣланныя арендаторомъ улучшенія и возведенныя постройки. При выкупной операціи не менѣе $^1/_3$—$^1/_5$ всѣхъ старыхъ арендаторовъ, а мѣстами даже до половины, были вытѣснены изъ своихъ мѣстъ; много мелкихъ фермъ объединено въ въ болѣе крупныя. Произошло почти полное обновленіе состава крестьянъ-хозяевъ.

Вытѣсненные изъ своихъ фермъ, крестьяне съ незначительными денежными средствами, полученными за улучшенія, или отъ продажи своихъ хозяйствъ, подвинулись широкою волною въ мѣстные города и во внутреннюю Россію. По всей Россіи считается до 100,000 латышскихъ поселенцевъ. Всюду появились въ родѣ оазисовъ поселенія, которыя нынѣ еще славятся своею культурностью. Въ городахъ одной Курляндіи, за время съ 1863 по 81 гг., дѣйствительный приростъ населенія превысилъ на 22.000 приростъ естественный. Въ 11 городахъ Курляндіи въ 1863 г. числилось 10,937 чел. говорящихъ по латышски, а въ 1881 г. уже было 32,000. Характерною чертой этого перваго массового выселенія изъ деревни является то, что въ города отправляются люди съ нѣкоторыми сбереженіями. Они не ищутъ работы на фабрикѣ, но желаютъ «мѣста» или открываютъ «собственное предпріятіе».

Эта волна переселенія вытѣсняемыхъ хозяевъ увлекла съ собою и часть батраковъ, особенно изъ работающихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ голоса помѣщиковъ въ нѣмецкой печати, предлагающіе какъ средство удержать рабочихъ отъ переселенія — устройство при имѣніяхъ пенсіонныхъ кассъ. Кое-какія кассы и были учреждены, о чемъ громко заявлялось въ газетахъ, но какъ только улеглись первыя волны переселенческаго движенія, исчезли и кассы, и замолкли — на время — ихъ сторонники.

Кто хорошо знакомъ съ ирландскими дѣлами, пойметъ и озлобленіе латышскихъ арендаторовъ, выселяемыхъ силою изъ своихъ «отцовскихъ домовъ», на которыя они по закону и по традиціямъ считали за

собою неотъемлемыя права. Заволновались мирные до сихъ поръ уголки «Божьей землицы» *). Отчаянная національная борьба противъ «нѣмецкаго» правительства, «аграрныя убійства» и поджоги, мѣстами цѣлыя бунтарскія организаціи — все это естественное выраженіе подобнаго озлобленія. Много было преувеличеній въ донесеніяхъ нѣмецкихъ правителей въ Петербургъ, но значительная часть содержала и правду. Это была борьба отчаянная, но «съ негодными средствами». Помѣщики застраховали постройки въ своихъ имѣніяхъ и крестьянскихъ фермахъ, а преміи, уплаченныя страховымъ обществомъ, съ избыткомъ выручались отъ новыхъ покупщиковъ фермъ **). Желающихъ воспользоваться оставленными фермами было много, такъ какъ цѣна на продукты стояли высокія.

Но какъ сложилась новая система крестьянскаго хозяйства? Вѣдь, новая система передавая крестьянамъ право собственности на землю, дѣлаетъ ихъ независимыми? Чего больше?... Возникъ разрядъ независимыхъ крестьянъ-собственниковъ. Къ сожалѣнію, въ такомъ привиллегированномъ положеніи «сѣрыхъ бароновъ» очутилась лишь очень незначительная часть покупщиковъ. Крестьянамъ пришлось испытать на себѣ новый видъ зависимости: ипотечную задолженность. Земля крестьянину продавалась съ такимъ расчетомъ: прежде всего отъ него требовался задатокъ (помѣщикъ ухитрялся назначить задатокъ въ размѣрѣ сбереженій покупщика), затѣмъ часть покупной цѣны помѣщикъ бралъ изъ земельнаго банка, получавшаго на землю крестьянина первую закладную. Затѣмъ помѣщикъ назначалъ еще сверхъ этого значительную сумму («остатокъ покупной цѣны»), которую онъ разсрочивалъ на продолжительное время съ тѣмъ, чтобы покупщикъ оплачивалъ эту сумму высо-

---

*) «Gotteslandchen» — прозвище Прибалтійскаго края, спеціально Курляндской губерніи.

**) Это иронія судьбы, что всѣ россійскія крестьянскія волненія въ послѣднія времена приносили пользу — однимъ помѣщикамъ. И тѣ 800,000 руб. которые назначены полтавскимъ и харьковскимъ помѣщикамъ — пріятный подарокъ въ нынѣшнія критическія времена. Конечно, нечего и говорить, что настоящіе «убытки» и приблизительно не соотвѣтствуютъ этой суммѣ.

кимъ процентомъ (6—9$^0/_0$) и уплачивалъ капитальный долгъ извѣстными срочными взносами. Въ обезпеченіе этого «остатка» долга, помѣщикъ получалъ вторую закладную, по которой крестьянинъ, при ипотечной системѣ, отвѣтствуетъ всѣмъ движимымъ и недвижимымъ, настоящимъ и будущимъ имуществомъ. При малѣйшей неисправности въ платежахъ, даже при «запущеніи фермы» — помѣщикъ, по условіямъ закладной, имѣлъ право — потребовать уплаты всего долга и назначить публичную продажу. Кромѣ того по тексту купчей, помѣщикъ оставлялъ за собою на проданной имъ землѣ: право на охоту, на рыбную ловлю и т. д. и запрещалъ покупщику устройство заводовъ, фабрикъ, часто даже всякихъ коммерческихъ предпріятій. Можно ли себѣ представить лучшій способъ закабаленія «независимаго крестьянина-собственника»?

Въ первое время помѣщикъ былъ заинтересованъ въ спокойной работѣ покупщика: онъ ему прощалъ (т. е. отсрачивалъ безмолвно) всякія неисправности. Прогрессъ сельскаго хозяйства продолжался, онъ еще усилился подъ вліяніемъ наступающаго кризиса. Кризисъ заставлялъ крестьянина мѣнять культуру согласно требованіямъ рынка. Сельское хозяйство крестьянъ вообще до сихъ поръ стояло выше «господскаго». Но «всемірная конкуренція» все усиливалась и стала требовать подвижности хозяйства, къ чему болѣе былъ приспособленъ крупный землевладѣлецъ; у мелкаго не хватало теоретическихъ знаній и капитала. Подъ давленіемъ обстоятельствъ крестьянинъ все болѣе переходитъ отъ земледѣлія къ скотоводству. Еще лѣтъ 20 тому назадъ и латышскій крестьянинъ смотрѣлъ на скотъ, какъ на источникъ удобренія; все молоко употреблялось въ собственномъ хозяйствѣ. Нынѣ рѣдкій крестьянинъ не продаетъ молочныхъ продуктовъ. Собственное потребленіе молока, мяса, свинины и т. д. очень сократилось. Съ середины 90-хъ годовъ начинаетъ распространяться въ деревняхъ такъ называмый сепараторъ, отдѣляющій дѣйствіемъ центробѣжной силы сливки отъ молока такъ основательно, что молоко лишается почти всякой питательности, а сепараторъ при 15-20 коровахъ въ 2 года съ избыткомъ окупается. Вообще сельское хозяйство начало направляться въ сторону *индустріализаціи* и это помогло крестьянину

кое-какъ справиться съ непосильными платежами. Помѣщики, не понижая получаемой (по ипотекамъ) ренты, опять использовали прогрессъ крестьянскаго хозяйства, тогда какъ хозяева — собственники нерѣдко подвергались всевозможнымъ лишеніямъ (хозяева изъ состоятельныхъ жалуются, что не видятъ по цѣлымъ мѣсяцамъ на столѣ мясной пищи).

Но какъ обезпечивалъ себя помѣщикъ отъ неисправныхъ плательщиковъ? Онъ назначалъ торги. Цѣна на землю нѣсколько упала, но совсѣмъ не такъ сильно, какъ цѣна на продукты, и спросъ на землю все еще великъ. Но если землю продать и ниже первоначальной цѣны, то помѣщикъ обыкновенно не остается въ убыткѣ, какъ это видимъ изъ слѣдующаго разсчета: скажемъ помѣщикъ первоначально продалъ ферму за 6000 руб., изъ которыхъ получилъ 1500 задатка, а 2000 руб. изъ земельнаго банка, такъ что осталось долгу — 2500 руб. Если теперь ту же форму продать за 4500, то помѣщикъ не будетъ въ убыткѣ: онъ переведетъ на новаго покупщика долгъ банку въ 2000 р. и получитъ задатку 1000 руб. Остается ему долга только 1070 р. Но если онъ и не получитъ задатка, за то онъ будетъ имѣть вмѣсто истощеннаго прежняго должника свѣжую платежную силу. Не «хитрая ли это механика» — и во время кризиса получать прежнюю поземельную ренту. Ипотечная система во время кризиса всѣмъ своимъ бременемъ ложится исключительно на ипотечнаго должника. Люди, слишкомъ увлекавшіеся этою системою (Герцъ—Булгаковъ), видѣли ее единственно въ розовомъ освѣщеніи благопріятной сельско-хозяственной конъюнктуры.

Подъ давленіемъ кризиса поднялись вновь голоса о введеніи въ Прибалтійской губ. крестьянскаго банка. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ Прибалтійскихъ губ. монополіею пользовались Дворянскіе Земельные Банки, дающіе мелкія ссуды, но приносящіе высокій процентъ на дворянскія деньги. Дворянскіе банки пошли на встрѣчу этимъ требованіямъ: они совершили конверсію закладныхъ листовъ и повысили (на ¼) размѣръ ссуды. Но добавочныя ссуды шли на погашеніе закладныхъ помѣщикамъ, а уменьшеніе процента лучше обезпечило вторую закрадную — помѣщику. И эта мѣра принесла пользу помѣщику.

Ко всему сказанному прибавимъ еще, что на фермахъ лежатъ еще и третьи закладныя. Это обыкновенно уже настоящіе ростовщическіе долги. Конечно, крестьянину лучше платить по закладной 10 — 12%, чѣмъ по личному долгу 30 или болѣе, но и 10 — 12% нормальное хозяйство платить въ настоящее время не въ силахъ.

Все сказанное рисуетъ положеніе крестьянина-хозяина не въ розовомъ свѣтѣ. Конечно, правило не безъ исключеній: извѣстная часть крестьянъ рано достигла извѣстнаго благосостоянія и не чувствовала и не чувствуетъ этого гнета. Но ихъ весьма немного. Положеніе же большинства безотрадно. Безотрадно оно не только въ матеріальномъ отношеніи. Мы увидимъ дальше, что подъ давленіемъ разныхъ обстоятельствъ, они теряютъ и свое значеніе прогрессивнаго элемента и неминуемо переходятъ въ реакціонныя массы.

И въ смыслѣ сельскохозяйственнвго прогресса замѣтна отсталость: осложнившаяся хозяйственная жизнь требуетъ такихъ знаній и такого капитала, какими не обладаетъ средній крестьянинъ—фермеръ и нѣтъ надеждъ на ихъ пріобрѣтеніе. Не даромъ этотъ классъ нынѣ особенно увлекается воспоминаніями былыхъ временъ — это неизмѣнный признакъ пріостановки восходящаго движенія. « Stillstand ist Rückschritt », остановиться значитъ итти назадъ! — На этотъ элементъ революціонерамъ нечего разсчитывать: они составятъ лучшій оплотъ всякаго правительства. Латышскіе соціалдемократы, увлекавшіеся было въ началѣ движенія этимъ элементомъ, вскорѣ убѣдились въ своей ошибкѣ. Послѣ прочтенія всего сказаннаго будетъ даже нѣсколько не понятно, какъ вообще возможны были подобныя увлеченія, но не слѣдуетъ забывать, что почти вся «интеллигентная» молодежь, вошедшая въ соціалдемократическое движеніе, происходитъ изъ среды крестьянъ-хозяевъ. Имъ, конечно, хотѣлось найти точку опоры въ близкихъ ей элементахъ.

II

Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что съ самаго освобожденія образовалось два разряда крестьянъ: хозяевъ и батраковъ. До сихъ поръ мы имѣли дѣло только съ первыми. Мы убѣдились, что помѣщики страшно эксплуатировали крестьянъ-хозяевъ, все равно — были ли они барщинниками, или арендаторами, или наконецъ собственниками. Страшное давленіе вызывало иногда бунты. массовое выселеніе, аграрные поджоги и убійства, въ которыхъ главную, если не исключительную роль играли разоренные хозяева. Борьба крестьянина-хозяина съ этимъ гнетомъ выразилась въ обостреніи національной вражды нѣмецкаго «барона» и латышскаго «мужика». Прогрессивное движеніе въ латышской жизни опиралось почти исключительно на крестьянина-хозяина. О батракѣ мы ничего не слышимъ; онъ стоитъ въ сторонѣ и безмолствуетъ или идетъ за одно съ хозяиномъ.

Казалось бы, что въ самомъ дѣлѣ между крестьянами-хозяевами и ихъ рабочими господствуетъ братство на почвѣ національнаго единства, что въ самомъ дѣлѣ хозяева, эксплуатируемые сами, по отношенію къ своимъ рабочимъ не являются эксплуататорами. Защитники идей латышской крестьянской буржуазіи съ радостью привѣтствуютъ теоретическую формулу, данную «соціалдемократомъ» Герцомъ *), что крестьянинъ-хозяинъ не является эксплуататоромъ, ни даже предпринимателемъ по отношенію къ своему рабочему.

Я знаю, какой восторгъ вызоветъ у этихъ аграрныхъ политиковъ мое признаніе, что во многихъ мѣстахъ, и быть можетъ, большинство хозяевъ работаетъ не менѣе своихъ батраковъ, особенно во времена кризисовъ. Они, въ буквальномъ смыслѣ слова, надрываются, но сельскія работы обыкновенно таковы, что хозяинъ, «идя впереди» рабочихъ, принуждаетъ и ихъ къ такому же чрезмѣрному труду. Невольно напрашивается сравненіе съ «потогонною системою», гдѣ «свэтеръ» часто работаетъ не меньше своихъ ра-

*) См. Герцъ, «Агр. вопр.», нѣм. изданіе, стр. 4.

ботниковъ. Но потогонную систему нынѣ всѣ признаютъ крайнею эксплуатаціею! Мы часто слышимъ отъ латышскаго крестьянина слова: „теперь легче быть работникомъ, чѣмъ хозяиномъ! Эти слова, можетъ быть, и искренни, но тѣмъ не менѣе—никто изъ нихъ добровольно не переходитъ въ разрядъ работниковъ. Напротивъ хозяйская дочь поетъ въ народной пѣснѣ:

«Всѣ мои родственники плачутъ,
Что я невѣста батрака.»

Мы уже видѣли, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хозяева уже рано достигли извѣстнаго благосостоянія, но это, конечно, только исключенія. Въ началѣ 60-хъ гг. и даже еще 70-хъ мы наблюдаемъ чисто патріархальныя отношенія: хозяева и рабочіе работаютъ, живутъ, спятъ и ѣдятъ вмѣстѣ. Но съ проникновеніемъ денежной системы это круто измѣняется. При постройкѣ новыхъ домовъ — хозяева выдѣляются въ особый «хозяйскій конецъ»; съ этого момента они спятъ и живутъ отдѣльно и обыкновенно пользуются особымъ столомъ, при томъ лучшимъ чѣмъ для рабочаго. Это первыя проявленія наступающаго раздѣленія на классы, и нельзя отказать въ чуткости петербургскому правительству, еще въ 1865 г. санкціонировавшему это раздѣленіе на классы изданіемъ закона, освобождающаго крестьянъ-собственниковъ и арендаторовъ отъ тѣлеснаго наказанія. Если за это время въ латышскія либеральныя газеты попадаютъ филантропическіе протесты въ защиту батрака, то эти протесты направлены, главнымъ образомъ, противъ такого «барскаго» выдѣленія хозяевъ.

И эта дифференціація, поощряемая даже правительствомъ, дѣлаетъ успѣхи: отношенія между хозяевами и батраками все болѣе обостряются; различіе между ними усиливается; хозяева привыкаютъ смотрѣть на батрака, какъ на существо низшей расы. Въ латышской литературѣ эта рознь отражается и въ разсказахъ и романахъ, гдѣ женитьба хозяина на батракѣ—выставляется чѣмъ то въ родѣ «mesalliance», а идеализируется бракъ помѣщика на крестьянкѣ (конечно, хозяйской дочкѣ, да при томъ съ образованіемъ) или наоборотъ. Въ существующіе почти въ каждой волости клубы пѣнія, общества благотворительности

или сельскаго хозяйства обыкновенно нѣтъ доступа батракамъ, имъ мѣсто только въ корчмѣ или за работою. И это въ то время, когда на открытіи надѣлавшихъ такъ много шуму по всей Россіи «вселатышскихъ пѣвческихъ праздниковъ» ораторы заявляли о «братской взаимной любви и равенства всѣхъ латышей!»

Тѣлесное наказаніе, барщина или «издѣльная повинность» и всякія ограниченія свободы, противъ которыхъ прежде такъ храбро боролись передовые элементы крестьянъ-хозяевъ, теперь у нихъ находятъ защиту—если идетъ рѣчь о ихъ примѣненіи къ батракамъ. Хозяева, прежде прогрессисты въ борьбѣ за свою свободу, сдѣлались реакціонерами — противъ требованія той-же свободы батраками. Тѣ же хозяева, которые прежде возмущались, если помѣщики пытались препятствовать чтенію арендаторами оппозиціонныхъ газетъ, — дѣлаются доносчиками, если увидятъ неугодную имъ книжку въ рукахъ своего батрака. Они охотно повторяютъ и слова, сказанныя когда то пасторами и помѣщиками по отношенію къ нимъ самимъ, что школьное образованіе дѣлаетъ крестьянина (на этотъ разъ одного батрака) лѣнтяемъ и плохимъ работникомъ?

Если хозяйственный прогрессъ сопровождался такимъ крупнымъ измѣненіемъ въ отношеніяхъ между двумя классами, до сихъ поръ мирно трудившимся въ потѣ лица, то интересенъ вопросъ, какъ онъ отразился *на условіяхъ труда?*

Мы видѣли уже, что прогрессъ сельскаго хозяйства потребовалъ культуры новыхъ полей, но что сельское населеніе въ то же время уменьшилось. Трудъ сдѣлался *очень интенсивнымъ, правильнѣе — чрезмѣрнымъ и невыносимымъ.* Замѣнять недостающія рабочія руки машинами — хозяину не по силамъ. Сельско-хозяйственныхъ машинъ и улучшенныхъ орудій вообще немного у латышскаго крестьянина: молотилки, вѣялки, двухконные плуги, изрѣдка сѣялки и жнейки и косилки, это почти все. Но и введеніе усовершенствованныхъ орудій — это обыкновенно упускаютъ и изъ виду Герцы и Булгаковы—по отношенію къ рабочему означаютъ усугубленіе труда, такъ какъ они механически контролируютъ его и такимъ образомъ замѣняютъ «хозяйскій глазъ» (сравните плугъ и соху, цѣпъ и мо-

лотилку и т. д.). Добродѣтельницею для рабочихъ — вопреки увѣреніямъ Герца — оказалась, собственно, только молотилка: она значительно сократила рабочій день. На молотьбу цѣпами отправлялись съ первыми пѣтухами (т. е. съ 11—12 часовъ ночи!), чтобы закончить молотьбу до завтрака и выхода на полевыя работы; нынѣ встаютъ не раньше 3—4 час.

Но *рабочій день*, хотя и сократился, остается все еще *чрезмѣрно длиннымъ*. За вычетомъ всѣхъ отдыховъ (завтракъ — 1/4 — 1/2 ч., обѣдъ — 1 — 1 1/2, ужинъ — 1/4 — 1/2 час.*) рабочій день (отъ 3 — 4 ч. утра до 11 и позже лѣтомъ) превышаетъ нерѣдко 18 часовъ въ сутки! Затѣмъ посмотрите-ка, какія мученія представляютъ работы, какъ вывозка навоза, мочка льна, сборъ сѣна и жатва на самомъ солнцепекѣ, молотьба хлѣба въ страшной пыли, лѣсныя работы при лютомъ морозѣ, или полевыя въ весеннія и осеннія дожди и т. д., не говоря уже о настоящихъ истязаніяхъ малолѣтнихъ пастуховъ.

Батраку нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью, ни въ будни, ни въ праздники: ночью кормятъ скотъ и лошадей, караулятъ и т. д., даже воскресенье далеко не каждое свободно.

И такъ незначительное сокращеніе рабочаго дня съ избыткомъ искупается большею интенсивностью труда. Въ этомъ смыслѣ улучшеніе хозяйства не облегчило судьбы батрака.

Заработная плата обсолютно повысилась, это безъ сомнѣнія. Но денежная плата замѣнила цѣлый рядъ выдачъ натурою. Прежде онъ получалъ денегъ мало, но жилъ на всемъ готовомъ, нынѣ платье и все остальное приходится покупать. Только харчи обыкновенно, по-прежнему, хозяйскіе. Конечно, и потребности возросли не у одного хозяина.

Заработокъ сдѣлался менѣе обезпеченнымъ и постояннымъ, такъ какъ пролетаризація сельскаго работника усиливается съ каждымъ днемъ. Работниковъ охотно нанимаютъ лишь на страдное время, чтобы на осталь-

*) Положительно не понимаю, издѣвательство ли это, или только грубое невѣжество, когда Герцъ умиляется идилліею крестьянскаго обѣденнаго отдыха. Какъ можно говорить о чрезмѣрномъ трудѣ крестьянина, «отдыхающаго» среди бѣла дня!

ное время не имѣть лишнихъ ртовъ. На поденьщиковъ въ это время спросъ великъ, тогда какъ спросъ на годовыхъ работниковъ сократился. Далѣе отъ кризиса страдаетъ не одинъ хозяинъ, но и его батракъ, все чаще подвергающійся риску — не получить условленной платы, вслѣдствіе несостоятельности хозяина. Батраку часто приходится мѣнять хозяина, о семейной жизни нечего и думать, такъ какъ семейнымъ нѣтъ мѣста въ общей батрацкой комнатѣ. Со стороны семейныхъ батраковъ есть большой спросъ на хатки-особняки, хотя бы за нее пришлось отдать себя «въ барщину» своему хозяину. Эту систему «вознагражденія» съ восторгомъ, и, повидимому, не безъ пользы для себя, приняли хозяева, бывшіе борцы противъ той же «издѣльной повинности».

Хозяева прежде жаловались на то, что въ ихъ процессахъ съ помѣщиками—судъ въ рукахъ того же дворянства; батраки обязаны обращаться въ волостной судъ, состоящій почти исключительно изъ хозяевъ!

Чтобы довершить картину, не забудемъ, что прогрессъ сельскаго хозяйства заключается въ переходѣ къ скотоводству. Если припомнимъ, что продажа молочныхъ продуктовъ и мяса — весьма не выгодно отразилась на пищѣ хозяевъ, но въ большей мѣрѣ еще батраковъ, то слова Каутскаго о «чрезмѣрномъ трудѣ и недоѣданіи» намъ покажутся — далеко не смѣшными, какъ ихъ находили наши «любители аграрной политики».

Если ко всему сказанному прибавить еще, что сельскій батракъ все острѣе чувствуетъ невозможность удовлетворять зарождающіеся и у него умственныя и общественныя потребности, то намъ становится понятна слѣдующая замѣтка въ одной изъ прибалтійскихъ газетъ: «14 марта 1899 г. на пароходѣ Куронія отправляются въ Штетинъ 67 латышскихъ работниковъ и работницъ; наняты они въ одно имѣніе вблизи Берлина... получаютъ они 20 марокъ (9 $^1/_2$ р.) въ мѣсяцъ работать будутъ только лѣто. А между тѣмъ у насъ *не достаетъ* работниковъ и около Митавы платятъ 12 - 16 руб. въ мѣсяцъ.» Это было въ 1899 г., когда еще не было безработицы въ городахъ. Очевидно имъ дома въ деревнѣ не втерпежъ! — Тѣмъ охотнѣе они откликнулись на призывъ изъ города: съ 1881-

97 г.г. изъ Курляндской деревни ушло болѣе 100.000 чел.. а въ города той же губ. переселилось 51.135 чел.

До 80-хъ г.г. промышленность прибалтійскихъ городовъ была очень похожа на средневѣковое ремесло, работающее на опредѣленныхъ заказчиковъ. Но изъ выкупной операціи освободилось у дворянъ десятки милліоновъ, всюду появились «недворянскія» деньги крестьянскаго накопленія. Процентъ въ банкахъ упалъ, они естественно обратились въ промышленныя заведенія. Съ конца 80-хъ годовъ въ Ригѣ появилась масса дворянскихъ денегъ, которыя отдаются въ ссуду подъ городскія постройки: въ 1890 г. въ Ригѣ возведено 734 новыхъ построекъ, а въ 1895 г.—873, въ 1898 г. —1592! Стали строить новыя фабрики: съ 1 января 1895 по 17 іюля 1899 г. въ одной Ригѣ учреждено 31 акціон. общ. съ основнымъ капиталомъ болѣе 22 мил.

Вотъ откуда явился спросъ на рабочія руки изъ деревни! Уже въ 1896/7 г.г. замѣченъ былъ мѣстами недостатокъ рабочихъ рукъ. Тогда сваливали вину на появившихся соціалдемократовъ, противъ которыхъ началась дружная травля со стороны помѣщиковъ и пасторовъ, латышскихъ патріотовъ и русскихъ жандармовъ. Но эта травля не устранила недостатка работниковъ: въ 1898 году онъ сдѣлался прямо эпидемическимъ, особенно въ Курляндіи.

Предо мною болѣе 50 вырѣзокъ изъ органа митавскихъ сельскихъ хозяевъ и проч. газетъ за 1898 г,, жалующихся на недостатокъ работниковъ. Я приведу наиболѣе характерныя изъ нихъ:

1) «Эпидемія недостатка работниковъ постигла и нашъ округъ... заработная плата очень поднялась». 2) «Особенно въ этомъ году много рабочихъ уходитъ въ Ригу.,. придется намъ обратиться къ сосѣдямъ-литовцамъ.» 3) «недостатокъ рабочихъ въ этомъ году больше, чѣмъ раньше. Единственный исходъ, общими средствами выписать рабочихъ изъ другихъ губерній.» 4) «Кажется, недостатокъ сельскихъ рабочихъ чувствуется всюду. Это печальное явленіе, дѣлающее жизнь сельскихъ хозяевъ еще менѣе завидною.» 5) «Заработная плата изъ года въ годъ увеличивается, но она ихъ не привлекаетъ. Они уходятъ въ Ригу и другіе города, не смотря на то, что газеты борются противъ такого *неестественнаго*(!) явленія.»

Остается только выписать работниковъ изъ другихъ губерній.» 6) Недостатокъ работниковъ, о которомъ мы прежде слышали только изъ газетъ, нынѣ чувствуется и у насъ.» 7) »У насъ крайній недостатокъ работниковъ; поэтому мы въ ближайшемъ мѣстечкѣ нанимаемъ всякого попадающагося литовца... Но они охотно оставляютъ хозяина раньше срока... если всякому разрѣшено будетъ такъ поступать съ нами, неизвѣстно, чѣмъ это для насъ кончится.?»

Къ этому ряду голосовъ изъ разныхъ уѣздовъ Курляндской губ., мы могли бы прибавить длинныя разсужденія въ Митавскомъ Сельскохоз. Обществѣ, которое постановило отправить особыхъ делегатовъ въ сосѣднія губерніи. Эти делегаты наняли тамъ 300 работниковъ и, доставивъ въ Митаву, распредѣлили ихъ между заказчиками-членами. Работниками были литовцы и поляки изъ Виленской, Ковенской и Калишской губ. Первый привозъ «живого товара» былъ обставленъ нѣкоторою торжественностью. Еще до прибытія на особомъ засѣданіи распредѣлили ихъ по спискамъ и по жребію. 16-18 Марта они начинаютъ прибывать. Ихъ, какъ рѣдкій товаръ, тщательно осматриваютъ и остаются ими довольны. Органъ Митавскихъ сельскихъ хозяевъ пишетъ: «Привезенные рабочіе имѣютъ *свѣжій* видъ; хорошо одѣты, *крѣпко сложены*. Большинство—дворянскаго сословія (шляхта). Делегатовъ за работниками въ Польшу послало «Лифляндское Общество крупныхъ землевладѣльцевъ», но они «опоздали, такъ какъ всѣ свободныя руки уже были законтрактованы въ Германіи».

Вообще. въ Лифляндіи нужда въ работникахъ не такъ замѣтна, хотя и оттуда есть цѣлый рядъ подобныхъ же корреспонденцій: «Старые люди говорятъ, что раньше рабочіе служили цѣлый годъ за 5 руб., а работницы за 1-2, а намъ за 50-60 руб. достать нельзя... Если такъ продолжится долго. поля останутся необработанными»....

Привозъ *чужихъ* работниковъ служитъ иногда средствомъ давленія на *своихъ*. Мы читаемъ: «привезено болѣе 300 раб.: многіе мѣстные рабочіе которые до сихъ поръ отказывались, *нынѣ стали наниматься*. Имъ, конечно, платятъ гораздо (втрое) дороже». Первая попытка Латышскаго Общества Сельк. Хоз. торго-

вать живымъ товаромъ окончилась нѣсколько трагически: заказчики не сдержали слова и не уплатили обществу 134 руб. убытковъ по доставкѣ рабочихъ. Въ отчетѣ 22 дек. 98 г. мы, кромѣ того, читаемъ: «привозные рабочіе въ общемъ удовлетворительны, но такъ какъ они наняты за 60 руб., а въ окрестностяхъ Митавы заработная плата 100 руб., то они по примѣру нашихъ—уходятъ къ другому хозяину, предлагающему больше».—Глазамъ не вѣрится, что органъ класса, бывшаго когда-то (и не такъ давно) прогрессивнымъ, можетъ печатать слѣдующее радостное сообщеніе: «литовскіе рабочіе довольны *харчами самаго низкаго качества*, имъ хорошо то, *чего нашимъ избалованнымъ батракамъ не достаточно*—только они не прилежны и работаютъ поверхностно. *Литовскіе работники живутъ тоже у хозяевъ, заставляющихъ, по мнѣнію нашихъ работниковъ, чрезмѣрно много работать и дающихъ плохую пищу* и вообще *такъ грубо обращающихся съ людьми*, что латыши у нихъ рѣдко остаются до конца года»!!

И въ 1899 г. слышна жалоба на недостатокъ работниковъ. Попадаются жалобы, что привезенные работники убѣжали. Характерна жалоба одного хозяинъ Баускаго уѣзда: «Заработная плата чрезмѣрно высока, такъ какъ у хозяина нѣтъ выбора; *онъ вынужденъ подчиняться единодушнымъ требованіямъ рабочихъ.*»

Интересно еще объявленіе секретаря Лифл. общ. поощренія сельскаго хозяйства, предлагающаго, снятыхъ имъ оптомъ солдатъ мѣстнаго гарнизона въ розницу на осеннія работы, со взысканіемъ по 3 руб. коммиссіи съ человѣка.—

И какія только мѣры не предлагаютъ сельскіе хозяева для устраненія такого недостатка въ рабочихъ: «введеніе существующаго въ Россіи закона о принужденіи сельскаго рабочаго къ исполненію договора найма»; «протесты противъ переманиванія хозяевами другъ у друга работниковъ»; «откладывать выдачу платы работнику (разъ попавшему къ хозяину) до конца года»; «самыя тяжелыя работы, какъ вывозку навоза, исполнять путемъ «помочей» при содѣйствіи водки, «прикрѣпленіе къ землѣ» и т. д. Причинами ухода, выставляются — *нерелигіозность* и *народная*

школа! И это все пишутъ тѣ же «прогрессисты» былыхъ временъ!

Въ нѣмецкой печати опять проснулись сторонники пенсіонныхъ кассъ и страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. — Но среди всей этой массы писемъ, мы не находимъ ни одного болѣе глубокаго обсужденія вопроса. Для нихъ въ деревнѣ все обстоитъ благополучно и только заблужденіе, соблазнъ легкой наживы, да еще совѣты вредныхъ агитатороъ — сманиваютъ работника въ городъ — на голодовку.

Да, выброшенные на улицу, вслѣдствіе безработицы городскіе рабочіе въ самомъ дѣлѣ, часто предпочитаютъ голодовку въ городѣ возвращенію въ деревенскій рай. Въ настоящее время уходъ изъ деревни пріостановился; но кризисъ пройдетъ и обезлюденіе деревни будетъ продолжаться. А этимъ временемъ хозяева, закрывая глаза, не перестаютъ твердить: «мы всѣ братья по націи; у насъ все хорошо; латышскій народъ — народъ земледѣльцевъ».

На сколько они правы относительно братства и благополучія, мы уже видѣли. Тенденцію развитія края намъ покажутъ слѣдующія цифры: въ Курляндіи на 100 жит. въ 1863 было городскихъ 10,9$^0/_0$, 81 г. — 14.9, 1897 г. — 22$^0/_0$; въ Лифляндіи 1897 г. — 28.9; а между тѣмъ даже въ Привислянскомъ краѣ въ 1897 г. 21.8, а по всей Европейской Россіи (безъ Польши) только 12.6$^0/_0$.

Съ этими цифрами приходится считаться. Здѣсь кроется секретъ успѣховъ латышскаго рабочаго движенія, съ которымъ «ничего не подѣлаешь». Его дальнѣйшій шагъ, это шагъ—къ своимъ братьямъ и товарищамъ въ деревнѣ, не столько къ «братьямъ по націи, сколько товарищамъ по классу». Первые шаги уже сдѣланы. Въ разрядѣ крестьянъ-батраковъ кроется тотъ элементъ, который призванъ выступать въ роли продолжателей прогресса въ нашей деревнѣ. Первые піонеры ихъ уже успѣли познакомиться съ «синими мундирами» и «городскими кутузками»!

Ф. Р.

Къ иллюстраціямъ

Картина Кудэ изображаетъ первое, общее для всѣхъ трехъ сословій, *засѣданіе французскихъ «генеральныхъ штатовъ» 5-го мая 1789 года.*

«Генеральные штаты» были собраны въ Версали, открытіе ихъ совершено было съ старинной торжественностью XVII-го вѣка. Сословія должны были держаться отдѣльно другъ отъ друга. Дворяне явились въ парадныхъ шелковыхъ и бархатныхъ костюмахъ, духовенство въ церковномъ облаченіи, третье сословіе въ простыхъ одеждахъ. Въ залъ засѣданія представители двухъ первыхъ сословій вошли черезъ большую парадную дверь, представители же третьяго сословія были впущены черезъ боковую дверь. Сидѣнія для третьяго сословія, помѣщеннаго напротивъ трона, были нарочно сдѣланы ниже сидѣній для первыхъ двухъ сословій. Первое сословіе было представлено 270 придворными, помѣстными и должностными дворянами; второе сословіе — 48 архіепископами и епископами, 35 аббатами и деканами и 208 священниками; третье сословіе — 2 духовными, 12 дворянами, 18 членами городскихъ совѣтовъ 100 гражданскими чиновниками, 212 адвокатами, 16 врачами и 216 купцами и сельскими хозяевами.

Рѣчи были произнесены королемъ Людовикомъ XVI, хранителемъ печати Барантеномъ и министромъ финансовъ Неккеромъ.

Въ своей рѣчи король дважды упомянулъ о «броженіи умовъ» и необходимости бороться съ этимъ путемъ «благоразумія и мудрости». Никакой «программы» онъ не далъ, а просилъ лишь ожидать отъ него «всего того, къ чему можетъ побудить его самое нѣжное участіе

къ общественному благу, всего того, что можно требовать отъ государя, перваго друга своего народа».

Рѣчь Барантена была, по характеристикѣ Минье, «подробною диссертаціей о генеральныхъ штатахъ и благодѣяніяхъ короля».

Рѣчь Неккера, по характеристикѣ Гейссера, была «уловкою: скучными цифрами онъ хотѣлъ утѣшить слушателей, а прикрашеннымъ результатомъ обмануть ихъ на счетъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ».

На картинѣ, кажется, изображенъ какъ разъ, моментъ произнесенія этой рѣчи. Въ заднихъ рядахъ «третьяго сословія» видны поднявшіяся съ своихъ мѣстъ графъ Мирабо и аббатъ Сіэсъ.

Картина Баріа изображаетъ Камилла Демулена въ моментъ произнесенія имъ въ Пале-Роялѣ зажигательной рѣчи 12-го іюля 1789 года по поводу опалы и изгнанія министра финансовъ Неккера.

«Въ Пале-Роялѣ»—пишетъ Минье—«собралось болѣе 10 тысячъ человѣкъ, раздраженныхъ полученною вѣстью, готовыхъ на все, но незнавшихъ съ чего начать. Молодой человѣкъ, одинъ изъ опытныхъ ораторовъ толпы, Камиллъ Демуленъ, будучи посмѣлѣе другихъ, вскакиваетъ на столъ съ пистолетомъ въ рукѣ и начинаетъ говорить: «Граждане! нечего терять ни одной минуты; отставка Неккера—набатъ Варѳоломеевской ночи для патріотовъ! Сегодня же вечеромъ всѣ швейцарскіе и нѣмецкіе батальоны выступятъ съ Марсова поля и перерѣжутъ насъ! Намъ остается одно средство — взяться за оружіе».

Шумныя восклицанія одобряютъ эту мѣру. Ораторъ предлагаетъ кокарды для распознанія своихъ и для взаимной защиты. «Хотите-ли,—говоритъ онъ,—кокарды зеленаго цвѣта, цвѣта надежды или красныя,— цвѣта свободнаго ордена Цинцината?»—«Зеленыя, зеленыя»—кричитъ толпа. Ораторъ сходитъ со стола и прикрѣпляетъ листъ дерева къ своей шляпѣ; толпа слѣдуетъ его примѣру. Каштановыя деревья почти обнажены отъ листьевъ, и шумная толпа направляется къ скульптору Куртіусу. Взявъ бюсты Неккера и герцога Орлеанскаго, о которомъ также разнесся слухъ, что онъ изгнанъ, толпа покрываетъ ихъ крепомъ и несетъ съ тріумфомъ. Шествіе направляется по улицамъ Сенъ-Мартенъ, Сенъ-Дени, Сенъ-Оноре, и толпа возрастаетъ

съ каждымъ шагомъ. Всѣмъ встрѣчнымъ народъ приказываетъ снимать шляпы. Дорогу заслоняетъ конный патруль, — народъ заставляетъ его сопровождать шествіе. На Вандомской площади толпа обноситъ бюстъ кругомъ статуи Людовика XIV. »

Кто знаетъ, быть можетъ, и у насъ скоро толпа, подъ предводительствомъ Петра Струве, будетъ обносить бюсты Витте и великаго князя Константина вокругъ памятника Петра I на Сенатской площади. А со стороны будутъ взирать и потирать руки Мирабо-Стаховичъ и Сіэсъ-Петровъ!

Во всякомъ случаѣ картины Кудэ и Баріа довольно своевременны, но еще болѣе своевременна *картина Роля «Стачка углекоповъ»*.

Передъ нами измученная, изголодавшаяся толпа стачечниковъ, которая такъ превосходно описана Золя въ его «Жерминалѣ»». Видны уже и республиканскіе жандармы. Близокъ моментъ «возстановленія порядка».

Еще нѣсколько камней, брошенныхъ стачечниками, и рабочіе въ мундирахъ, по непреложному закону, установленному третьимъ сословіемъ, — станутъ стрѣлять въ своихъ братьевъ и сестеръ, измученныхъ голодомъ и адскимъ трудомъ въ подземныхъ шахтахъ.

Вспомните знаменитую сцену изъ «Жерминаля».

«Два раза капитанъ уже готовъ былъ скомандовать „пли!“ и не рѣшался. Сердце его было полно тоски и, казалось, хотѣло разорваться отъ происходившей въ немъ тягостной борьбы чувствъ и обязанностей солдата съ чувствами и обязанностями человѣка. Наконецъ, онъ раскрылъ ротъ, чтобы крикнуть „пли!“, какъ вдругъ и безъ его команды раздались выстрѣлы, — сначала три одновременно, потомъ пять, затѣмъ раскатился цѣлый залпъ, и спустя нѣкоторое время, среди наступившей глубокой тишины, послышался одиночный послѣдній выстрѣлъ.

Всѣ остолбенѣли. Толпа стояла неподвижно, еще не вѣря, что солдаты стрѣляли въ нее, но вдругъ раздались раздирающіе душу стоны, и въ это же время трубачъ затрубилъ сигналъ къ прекращенію огня. Паника овладѣла людьми и они бросились бѣжать...

Послѣ первыхъ трехъ выстрѣловъ упали другъ на друга Беберъ и Лидія; дѣвочкѣ пуля попала прямо въ грудь, мальчику — пониже лѣваго плеча. Лидія была

убита сразу и лежала, не шевелясь, но Бедеръ еще двигался и, корчась въ предсмертныхъ судорогахъ, обхватилъ ее руками, точно будто хотѣлъ обнять, какъ обнималъ недавно въ ихъ убѣжищѣ, подъ складомъ бревенъ, гдѣ они провели послѣднюю ночь своей жизни. Въ это самое время прибѣжалъ, наконецъ, изъ Рекильяра заспаный Жанлинъ и, ковыляя, среди дыма, клубившагося послѣ выстрѣловъ, видѣлъ, какъ Беберъ, передъ смертью, обнялъ его маленькую жену.

Два изъ слѣдующихъ пяти выстрѣловъ подкосили Брюле и надсмотрщика Ришома. Пуля попала послѣднему въ спину въ ту минуту, когда онъ убѣждалъ товарищей образумиться, и старикъ упалъ сначала на колѣни, затѣмъ скатился на бокъ и хрипѣлъ на землѣ, глаза его были полны слезъ. Брюле упала, сраженная пулей, окакъ вязанка хворосту, пробормотавъ послѣднее проклятіе, слившееся съ предсмертнымъ хрипѣніемъ.

Послѣдовавшій затѣмъ ружейный залпъ сразилъ нѣсколько человѣкъ въ группахъ зрителей, стоящихъ въ сторонѣ, шагахъ въ ста, и потѣшавшихся надъ происходившимъ на ихъ глазахъ сраженіемъ. Одна пуля попала въ ротъ молодому Мукъ, и онъ упалъ навзничъ къ ногамъ Захарія и Филомены. Двѣ пули пробили животъ откатчицѣ Мукъ. Она видѣла, какъ солдаты вскинули ружья къ плечу и, движимая своимъ добрымъ сердцемъ, бросилась къ Катеринѣ, чтобы предостеречь ее. Громко вскрикнувъ, Мукъ упала на землю. Подбѣжавшій къ ней Этьенъ хотѣлъ поднять ее и унести, но она жестомъ остановила его. Затѣмъ съ нею сдѣлалась икота и, умирая, дѣвушка не переставала улыбаться, глядя на Этьена и Катерину, словно была очень счастлива, что видитъ ихъ вмѣстѣ теперь, когда ея скоро не будетъ на землѣ.

Казалось, что все кончилось; пули ураганомъ пронеслись далеко, до самыхъ домовъ селенія, какъ вдругъ раздался послѣдній запоздавшій выстрѣлъ. Магё, пораженный въ самое сердце, повернулся на одномъ мѣстѣ и упалъ ничкомъ въ лужу, черную отъ угля. Жена съ какимъ-то безсмысленнымъ выраженіемъ лица нагнулась къ нему.

— Ну, старина, вставай... Вѣдь это ничего, неправда ли?

Руки ея были заняты Эстеллой, и она, чтобы освободить ихъ, засунула ребенка подъ мышку и приподняла голову мужа.

— Да говори же!... Гдѣ тебѣ больно?

Глаза у него были стеклянные, ротъ наполненъ кровавой пѣной. Магё поняла, что онъ уже умеръ. Тогда она сѣла около него, прямо въ грязь, держа ребенка подъ мышкой, словно какой нибудь узелъ, и тупо смотрѣла на мужа.

Теперь копи были свободны. Нервнымъ движеніемъ капитанъ снялъ съ головы разбитое камнемъ кепи и затѣмъ опять надѣлъ его. Ему чувствовалось, что воспоминаніе объ этой бойнѣ отравитъ всю его жизнь, но, по наружности, онъ оставался по прежнему спокойнымъ, только былъ блѣднѣе обыкновеннаго. Солдаты снова заряжали ружья и казались совершенно безстрастными.

Въ окна пріемнаго отдѣленія виднѣлись испуганныя лица Нефели и Дансаэрта. Сзади ихъ стоялъ Суваринъ, и на лбу его чернѣла глубокая морщина, словно зловѣщій оттискъ засохшей въ его мозгу грозной навязчивой идеи. Вдали, на возвышенности неподвижно стоялъ старикъ Больморъ, опершись одной рукой на палку, а другую приложивъ къ глазамъ, чтобы лучше видѣть какъ истребляютъ близкихъ ему людей.

Раненые жалобно стонали, мертвые уже начинали холодѣть; одни трупы валялись въ жидкой грязи, другіе тонули въ вязкихъ черныхъ отъ угля ямахъ, виднѣвшихся среди потемнѣвшаго снѣга.»

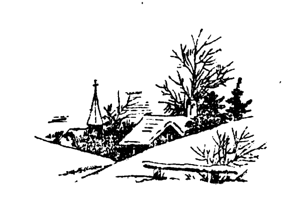
Какъ *ужасно* своевременна эта страшная картина буржуазнаго порядка! На дняхъ такимъ же образомъ въ Ростовѣ-на-Дону проявился этотъ «порядокъ», именуемый у насъ пока еще не буржуазнымъ, а царскимъ или самодержавнымъ.

Фотографіи группъ ссыльныхъ студентовъ, забаррикадировавшихся въ Александровской пересыльной тюрьмѣ доставлены намъ однимъ товарищемъ. Событіе, изображенное на фотографіяхъ, — произошло слѣдующимъ образомъ:

Первыя партіи студентовъ, прибывшія въ Алексан-

дровскую пересыльную тюрьму, должны были просидѣть тамъ довольно долго, ожидая послѣдней партіи. Большинству студентовъ не было извѣстно, куда же, въ концѣ концовъ, каждый изъ нихъ отправляется; кромѣ того многимъ не было выдано теплой одежды необходимой въ виду холодной погоды. На ихъ требованія не получалось опредѣленныхъ отвѣтовъ.

Тогда на студенческомъ «генеральномъ совѣтѣ» рѣшено было «отсиживаться». Надзиратель былъ удаленъ со двора, ворота забиты и завалены бревнами и былъ выкинутъ красный флагъ. По телеграфу вызванъ былъ вице-губернаторъ. Его переговоры черезъ отверстіе въ заборѣ оказались безрезультатными. Началась правильная осада, продолжавшаяся двое сутокъ. Студенты открыли ворота лишь послѣ того, какъ убѣдились, что всѣ ихъ требованія будутъ исполнены.

Хроника пострадавшихъ въ революціонной борьбѣ. *)

Харьковъ. 29-го іюня въ саду Тиволи было произведено покушеніе на жизнь Харьковскаго губернатора кн. И. М. Оболенскаго. Неудачно стрѣлявшій, рабочій изъ крестьянъ, Ѳома Качуръ, былъ арестованъ. Военнымъ судомъ приговоренъ къ смертной казни, но помилованъ,—смертная казнь замѣнена вѣчной каторгой.

Аресты и ссылка.

Москва. 4-го апрѣля на вокзалѣ Ярославской жел. дор. взятъ врачъ Ф. Гурвичъ (нелег.); въ концѣ апрѣля взяты: статистикъ Хинчукъ (былъ въ Якутской области), Лидія Канцель (нелег.), Наумова, фельдш.; Беззубовъ, рабочій; курсистки: Екатерина Попова, Меланія Жидкова, Анас. Потоцкая, Дарья Любанова, Пр. Флерова, Нейгебауэръ, Александровская, Богаева; фельдшерицы: Екатерина Жидкова, Августа Селюкъ; счетчицы: Елизавета Попова, Люб. Нейфельдъ, Анна Заславская, статистикъ Боголѣповъ, вернувшійся изъ Сибири Моисей Лурье (вып.), Александръ Савенковъ, Вагинъ, Кисъ, (вып.), ст. медикъ Кожухаръ, акуш. Кутузова, Фортунатова (прив. изъ Петербурга), Козыревъ: съ фабрики Бонакеръ арестованы: корресп. Викторъ Вальтеръ, конторщ. Влад. Васильевъ; съ фабрики Матвѣева конт. Петръ Алексѣевъ, фотографъ Тим. Морозовъ, фельдшеръ Пав. Карповъ.

Въ іюлѣ выпущены: Я. Селюкъ, Кл. Селюкъ, В. Бѣляевъ.

11-го іюня по распоряженію СПБ. Жанд. Упр. арестованъ бывш. статист. И. П. Чарушниковъ и немедленно отправленъ въ Петербургъ.

Кромѣ того въ губернской тюрьмѣ сидятъ еще 4 военныхъ изъ Тулы за то, что убили своего офицера при извѣстномъ отказѣ стрѣлять въ рабочихъ, причемъ офицеръ убилъ фельдфебеля. Изъ нихъ 1 ефрейторъ (еврей), 2 младшихъ унтеръ-офицера (изъ нихъ 1 еврей), 1 старшій унтеръ-офицеръ. Слѣдствіе надъ ними ведетъ московское губернское жандармское управленіе; послѣ этого они навѣрно будутъ переданы военному суду или казнены административнымъ порядкомъ. 13-го мая одинъ изъ обвиняемыхъ перерѣзалъ себѣ животъ перочин-

*) При составленіи этой хроники мы пользовались, кромѣ матеріаловъ доставленныхъ въ нашу организацію, всѣми свѣдѣніями, помѣщенными въ другихъ революціонныхъ изданіяхъ.

нымъ ножикомъ и былъ отправленъ въ военный госпиталь. Рана не смертельна. Всѣ носятъ еще солдатскую одежду.

Вчера утромъ, черезъ Самару, увезены въ Сибирь два поляка: докторъ мед. Заенчковскій и работникъ Станиславскій.

Съ 1-го января 1902 г. до 18 іюля проходили черезъ полицейскую башню 589 профессіональныхъ политическихъ (не считая студентовъ!) отчасти въ «Крестъ», отчасти въ Сибирь.

Петербургъ. Проф. П. Н. Милюковъ приговоренъ къ шести мѣсячному тюремному заключенію. Со 2-го на 3 мая взяты: Окуненичъ, д-ръ Окнова, фельдшеръ Храмовъ, земск. уч. Лаврова, уч-ца Кузнецова, двѣ Корзухины, Карповъ.

Сосланы въ Сибирь: инж.-технол. Селиберъ, Андреевъ, Соринъ, Петровъ, Тразовъ, Татаровъ (послѣдній по дѣлу «Рабоч. Знамени»), Аронъ Сольцъ (по дѣлу Рабочей Библіотеки) — на 4 года въ Вост. Сибирь.

Въ началѣ августа были аресты среди рабочихъ.

Въ началѣ октября арестованы: дантистъ А. Зельдовъ и курсистка Пантелеймонова. Въ ноябрѣ произведены многочисленные аресты и обыски. Арестованъ земскій врачъ, завѣдовавшій земской больницей въ Елизаветинѣ (Петербургскаго земства) В. П. Краснуха, служившая въ той же больницѣ фельдшерица Вейсблитъ, студенты горнаго института: Константовъ, Костыргинъ, Гербаненко; студенты технологи: Арутиновъ и Погоссовъ; студенты университета: Тридюновъ и Прорвичъ; слушательница курсовъ Лесгафта Зильберквейтъ, 11 рабочихъ на Шлиссебургскомъ трактѣ и многіе другіе. Обысковъ было множество.

Иваново-Вознесенскъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ совмѣстно съ арестами въ сѣверномъ районѣ, произведены аресты и здѣсь. Арестовано 90 рабочихъ, въ ихъ числѣ П. Н. Панинъ, бывшій рабочій Путиловскаго завода, находившійся съ 1897 г. по 1900 г. въ Восточной Сибири. Всего по дѣлу «Сѣвернаго Союза» арестовано 200 человѣкъ.

Харьковъ. Въ началѣ іюля арестованы: студ. Анненковъ и инженеръ Хотяевъ (вып.). Въ іюнѣ взятъ Ѳоминъ, служащій въ бюро горнопромышленниковъ (увезенъ въ Москву). У его двухъ сослуживцевъ были обыски.

Въ маѣ въ здѣшней тюрьмѣ было 80 заключенныхъ, изъ нихъ 49 рабочихъ.

Симферополь. Въ теченіе весны здѣсь взяты: Зборовская, мать 6-ти дѣтей (вып. черезъ 40 дней), студ. Мироновъ, стат. Васильевъ, одинъ столяръ.

По дѣлу прошлогодней демонстраціи сосланы въ В. Сибирь: на 4 года — статист. Гросманъ (былъ въ ссылкѣ въ Вятской губ.) и на 3 года — рабочіе Воловичъ, Каймерсъ, Эншель и Шухеръ (просид. по 1 году 2 м. въ тюрьмѣ). Сверхъ того двое рабочихъ подвергнуты тюремному заключенію на 8 мѣс. (въ Крестѣ) и 2 — на 4 мѣс. Были обыски у стат. Браудо, Коломійцева, Краснова и др.

Въ ночь съ 8-го на 9-е августа и днемъ 1-го произведено 11 арестовъ и много обысковъ. Взято 3 портныхъ, 2 столяра, 2 сапожника

1 модистка, 1 папиросница, 1 иконописецъ, 1 массажистка. Одного изъ арестованныхъ выпустили на слѣдующій день, остальныхъ перевели въ губернскую тюрьму.

Самара. Въ серединѣ іюля арестованы К. Бауэръ (только-что вернувшійся изъ Сибири) и К. Газенбумъ. Обыски у С. и Н. Кранихфельдъ.

Ставрополь. 28 іюня ст. ст. на гуляньѣ въ городской рощѣ арестованъ крупный помѣщикъ Н. Н. Безмѣновъ; обвиняется въ революціонной пропагандѣ. Въ его имѣніи арестовано 2 крестьянина, обвиняются въ соучастіи съ Безмѣновымъ.

Севастополь. Въ мѣстной тюрьмѣ сидитъ 13 матросовъ и рабочихъ.

Полтава. Въ здѣшнюю тюрьму привезены г-жа Приходько и Савиновъ — изъ Смоленска, и г-жа Харикъ, взята на границѣ въ Александровѣ съ литературой.

Въ мѣстной тюрьмѣ сидятъ 26 политическихъ, въ томъ числѣ крестьяне: Тютюнникъ, Наконечный, Буцкій, Коркичка, Стороженко.

Арестованъ заграничный студентъ Сандомирскій — отвезенъ въ Петербургъ.

Кременчугъ. На вокзалѣ арестована въ концѣ августа съ литературой Инна Леманъ (нелег.), бѣжавшая изъ Вятской губ. въ 1899. Отвезена въ Кіевскую тюрьму.

Донская область. — Вотъ списокъ лицъ, содержащихся подъ стражей къ 15 мая 1902 г.:

Ростовская тюрьма: Рабочіе: Гущинъ, Терещенко, Скоробогатый, Кононовъ, Кравцовъ — обвиняются въ принадлежности къ тайнымъ сообществамъ и въ присутствіи на рабочей сходкѣ подъ новый годъ въ Нахичевани. Лишанъ обвиняется въ распространеніи прокламацій. Стуканевъ, Малицкій—въ подстрекательствѣ къ демонстраціи 18 апр. Васильченко — въ участіи въ театральной демонстраціи 30 марта, въ держаніи при себѣ тетрадки съ революціонными стихами и участіи въ тайныхъсообществахъ. Самохинъ — въ участіи въ демонстраціи 18-го апрѣля, Богдановъ—въ томъ же и въ несеніи знамени, Мальцевъ отбываетъ приговоръ 4 мѣс. тюрем. заключенія. Интеллигенты: Н. Шпакъ, землемѣръ, Е. Шпакъ, акуш.—фельдш. — въ предоставленіи конспиративной квартиры и участіи въ тайныхъ сообществахъ, а Самойловъ— въ пропагандѣ и подстрекательствѣ къ демонстраціи 19 февраля и присутствованіи на рабочей сходкѣ подъ новый годъ, Г. Коваленко, учитель—въ участіи въ демонстраціи 19-го ферваля. С. Итинъ — по харьковскому дѣлу Харченко по 250 ст. Я. Житомірскій, репортеръ «Пріазовскаго Края», по приговору отбываетъ 2-хъ мѣсячное тюремное заключеніе.

Таганрогская тюрьма: Фумели, студ. Рафаиловъ, студ. — въ печатаніи прокламацій; Девинкъ, ученикъ, лѣсникъ — въ принадлежности къ тайному сообществу. Рабочіе: Давыдовъ, Солдатинъ и Жили ь.

Новочеркасская тюрьма: М. Серебряковъ — въ печатаніи п кламацій и принадлежности къ тайнымъ сообществамъ. Т. Шестоп въ, агрономъ—приговоръ 3 года Вятской губ., С. Кулагинъ, рабоч И.

Ставскій, рабочій; М. Венгеровъ, интел.—приговоръ 3 года Восточной Сибири.

Въ іюлѣ арестованъ и увезенъ въ Новохерсонскую тюрьму В. П. Зубриловъ, вернувшійся 4 года тому назадъ изъ Сибири. Зубриловъ въ 1879 г. былъ осужденъ Харьковской Судебной Палатой на каторгу по дѣлу о пропагандѣ среди крестьянъ. Въ Сибири Зубриловъ пробылъ больше 20-ти лѣтъ. Послѣднее время онъ проживалъ въ имѣніи своихъ братьевъ.

Ярославль. 23-го апрѣля арестованы: статистики Дебюкъ, Гаеманъ, Локтинъ, Петровъ, Трегубовъ, Трефолевъ, Новицкая и друг., конторщица М. Дидрикиль; студ. Клириковъ, Гладко, Петровскій; учительница Ольга Воронцова.

Одесса. — Среди заключенныхъ въ Одесской тюрьмѣ находится болгарскій подданный Иванъ Закубанскій. Онъ арестованъ съ транспортомъ нелегальной литературы на пристани по прибытію парохода изъ Варны. Состояніе его, вслѣдствіе развившейся въ заключеніи чахотки, стало невыносимое. По общему съ нимъ дѣлу арестована Сахарова.

Высланы въ Гродно: Ш. Климовецкій, М. Стамъ, С. Печерскій, Н. Канторъ, Я. Городецкій, О. Фурманъ, Г. Бродскій, Т. Чайниковъ С. Бернштейнъ, М. Родкой, Т. Кутерманъ, Глазманъ, А. Горнштейнъ, Е. Рихтерманъ, Соломоновъ, А. Лисъ, И. Колшеръ, Цейтлинъ и Гинзбургъ. Въ Вильно: П. Бронштейнъ, С. Букерманъ, Колтупъ, Ходоровъ, Подгутъ, Окунскій, Шерманъ, Капланъ, Гагельштейнъ, Файеръ. Въ Ломжу и Сѣдлецъ: Курносовъ, Корелинъ, Бейзманъ, Михайловъ, Волынскій, Андреевъ, Шулькройтъ.

Произведенъ обыскъ у В. Сосмина въ Николаевѣ и его родителей въ Одессѣ. Ничего не найдено. — Въ ночь съ 24-го на 25 іюля арест. 20 человѣкъ. Кое-кто выпущенъ. — Съ пробочнаго завода Арбоса арест. 4 дѣвушки, — у двухъ найдена литература. — Л. Бернштейнъ освобожденъ 20 іюля. — 5 августа былъ обыскъ у М. Брагинскаго (бывшій каторжанинъ), привлекается въ связи съ Н. К. Паули.

Въ августѣ, въ Холодной балкѣ арестованы: земскій врачъ Ульяновъ, женщина-врачъ Могилевская, фельдшеръ Мѣденякъ и фельдшерица Нещеретова.

Воронежъ. Арестованъ членъ комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности докторъ С. В. Мартыновъ и увезенъ въ Петербургъ. Туда же вызванъ и другой членъ комитета Н. Ф. Бунаковъ; арестованъ старшій ветеринарный врачъ губерн. земства, Грюнеръ.

Въ настоящее время извѣстно, что Н. Ф. Бунаковъ, по распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, сосланъ на три года подъ надзоръ полиціи въ Новгородскую губ., а Мартыновъ на тотъ же срокъ въ Архангельскую губ.

Рославль (Смоленской г.). 5-го мая арестованы врачъ М. Ривкинъ и его жена, Р. Гинсбургъ, Пав. Турчаниновъ, 2-го мая — гимназистъ Меркинъ, а 19-го—его братъ.

Вологда. Арестованы: адвокатъ Ждановъ, служащая въ статистическомъ бюро Броновицкая. Обоихъ увезли въ Москву.

Пермь. Освобождены: Рогова, Лихачевъ, Глушковъ, Левинъ, Кончевскій, Булатовъ. Остались въ тюрьмѣ: Владимірскій, Ягодникова, Ягодниковъ, Рутманъ, Ставровскій и Трапезниковъ. Арестованы: Матвѣевъ, Каменевъ, Еленовъ.

Николаевъ. Въ апрѣлѣ арестовано 47 лицъ: Калафати, инт.; Мирскій, рабочій; Марія Певзнеръ, акуш.; двѣ сестры Вонскія; Мошковичъ, провизоръ; Берлинъ, учит. и друг. При распространеніи «Летучаго Листка» мѣстнаго комитета взяты: работница Екатерина Зубинская и одинъ рабочій.

Гомель. Арестована Ева Школьникова (ученица зубоврачебной школы въ Варшавѣ) и увезена въ Варшаву.

Двинскъ. Получился приговоръ для трехъ дѣвушекъ-работницъ (обвиняются по Рижскому дѣлу): Либы Гинзбургъ, Рохе (фамилія неразборчива) и Мусе Іефунѣ — всѣ идутъ въ Сибирь.

Пинскъ. На дняхъ здѣсь были большіе аресты. Между прочимъ взяты учитель Сигаловичъ и аптекарь Найдичъ.

Витебскъ. Были массовые обыски, многіе арестованы.

Арестованы (по приговору) поднадзорные Янсонъ съ женой. Янсонъ получилъ 6 мѣсяцевъ Креста, его жена — 4 мѣс. тюрьмы.

Новозыбковъ. 20-го іюля арестована бестужевка Марія Васильевна Стефанова. Были аресты и обыски среди заводскихъ рабочихъ.

Казанская губернія. Въ Чистопольскомъ уѣздѣ арестованъ крестьянинъ Минаевъ, у котораго лѣтъ 7 тому назадъ уже былъ обыскъ.

Липецкій уѣздъ. Арестованы двое семинаристовъ по дѣлу о пропагандѣ среди крестьянъ.

Елатьма. Обыскъ у фельдшерицы Поповой.

Екатеринославль. Арестовано семь человѣкъ; изъ нихъ двое скрылись. Взяли шрифтъ и литературу. Шпіоновъ масса, аресты происходятъ изъ-за пустяковъ. Арестованныхъ держатъ частью въ тюрьмѣ, частью по участкамъ. Сильная нужда въ деньгахъ.

Въ ночь съ 15-го на 16-ое октября арестованъ: Иванъ Санжуръ (интел.) и Акуловъ (толстовецъ); послѣдній арестованъ за отказъ отъ воинской повинности въ воинскомъ присутствіи. Отказался Акуловъ въ присутствіи 30 челов. призывавшихся, и фактъ этотъ произошелъ очень демонстративно.

Въ залѣ пошелъ шопотъ, что «это сдѣлалъ соціалистъ».

На нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ фабрикъ были распространены прокламаціи мѣстнымъ комитетомъ. Жандармы ворвались на фабрику Авендрова и начали отбирать прокламаціи и листки. Настроеніе среди мѣстныхъ рабочихъ тревожное. Всѣ чего то ждутъ, къ чему-то готовятся.

Изъ Новороссійска, Черноморской Области. Въ ночь съ 14-го на 15-ое октября арестованы трое рабочихъ (фамиліи еще неизвѣстны).

Каменецъ-Подольскъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ происходили аресты среди интеллигентовъ. Всѣхъ обвиняютъ въ полученіи нелегальной литературы изъ заграницы и изъ различныхъ городовъ Россіи: у кон-

чившей гимназію дочери купца Ф. Н. Зильберманъ, — найдены № 6 «Рев. Россіи» и № 3 «Летучаго Листка Револ. Россіи»; у Е. Двойресъ, учен. зубоврач. школы въ Кіевѣ и зубного врача Ольги Дрибиной, найдены двѣ брошюры; у вдовы Збарской; у купца Л. Бронштейнъ — 60 лѣтъ; у студ. Кіевскаго унив. Якова Дикера. Зильберманъ арестована.

Тифлисъ. Арестованъ во второй разъ Простосердовъ.

Проскуровъ-Подольскій. 27-го іюня (н. ст.) были обыски у многихъ офицеровъ, двое арестованы.

Лодзь. Моисей Марголисъ, студентъ рижскаго политехникума получилъ приговоръ и уже высланъ на 3 года въ Иркутскую губ.

Во время стачки на фабрикѣ Лифшица арестовали на дворѣ фабрики, по указанію фабриканта и управляющаго, нѣсколько рабочихъ, въ томъ числѣ одного переплетчика Юделя (фамилія неизвѣстна), который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ высланъ изъ города и проживалъ здѣсь безъ разрѣшенія властей. Содержится въ одиночномъ заключеніи.

Ковно. Въ мѣстной тюрьмѣ сидятъ слѣдующіе политическіе: Брониславъ Балицкій, бывшій ученикъ 8-го класса либавской гимназіи; отбываетъ 8-ми мѣсячный срокъ наказанія. Арестованъ въ Либавѣ въ первыхъ числахъ апрѣля. Найдено у него было нѣсколько нелегальныхъ брошюръ. Обвинялся въ распространеніи нелегальной литературы.—Борухъ Ликнайцкій, студентъ-химикъ берлинскаго университета, родомъ изъ Либавы; арестованъ 1 апрѣля на границѣ, въ Вержболовѣ; при немъ найдены нелегальныя книги; обвиняется въ перевозкѣ нелегальной литературы. — Нисинъ Троцкій (18-ти лѣтъ), портной, арестованъ въ Ковнѣ (въ народной чайной) 9 іюля; найдено у него нѣсколько нелегальныхъ пѣсенъ (вып.). — Самуилъ Молчаловъ (18 лѣтъ), готовящійся къ экзамену «экстерномъ», арестованъ 9 іюля въ народной чайной; найдено у него нѣсколько нелегальныхъ брошюръ. — Викентій Квашисъ (32 лѣтъ), пекарь, отбываетъ шестимѣсячный срокъ наказанія за участіе въ стачкѣ въ Кіевѣ въ 1900 г.; арестованъ 26 апрѣля. — Антонъ Квашисъ (27 лѣтъ), пекарь (братъ Викентія), арестованъ 14 апрѣля въ Ковнѣ на майской демонстраціи; обвиняется въ «подстрекательствѣ» рабочихъ къ участію въ названной демонстраціи. — Осипъ Кревнѣевъ, сапожникъ (19 лѣтъ), арестованъ 26 апрѣля по обвиненію въ распространеніи нелегальной литературы, выданъ провокаторомъ, сапожникомъ Иваномъ Микулигомъ (или Микуличемъ—неразборчиво). Микулигъ 17-18 лѣтъ, низкаго роста, черные волосы. — Гиршъ Шмусковичъ изъ Риги, домашній учитель (23 л.), арестованъ 6 декабря 1901 г. въ г. Якобштадтѣ, Курляндской губ. Сидѣлъ до 24 апрѣля въ Шавляхъ; 24-го перевезенъ въ Ковно. Обвиняется въ распространеніи антиправительственныхъ идей среди рабочихъ м. Жагоръ (Ковенской губ.) и въ доставленіи имъ нелегальной литературы. Выданъ провокаторомъ изъ м. Жагоръ, сапожникомъ Самуиломъ Кацомъ. — Янкель Кагановичъ, щетинщикъ (21 г.), арестованъ 10 апрѣля въ м. Креславкѣ (Витебской губ.). Обвиняется въ «подстрекательствѣ» жагорскихъ рабочихъ къ стачкѣ и въ распространеніи среди нихъ литературы. Выданъ тѣмъ же про-

вокаторомъ Кацомъ. — Петръ Миколайтисъ, сапожникъ (29 лѣтъ), арестованъ (2-ой разъ) 16 апрѣля въ Ковнѣ на вокзалѣ съ первомайскими прокламаціями На допросѣ онъ показалъ, что эти воззванія онъ имѣлъ передать неизвѣстному лицу, который долженъ былъ ждать его около гостинницы Грена. — Іосифъ Мацюкевичъ, сапожникъ (19 лѣтъ), арестованъ 20 апрѣля. Обвиняется въ томъ, что онъ есть то самое лицо, которое должно было получить отъ Миколайтиса майскія воззванія. Основаніемъ для обвиненія служитъ исключительно то обстоятельство, что онъ живетъ въ томъ же домѣ, гдѣ помѣщается гостинница Грена. — Соломонъ Орловскій, экстернъ-учащійся (17 лѣтъ), арестованъ 27 апрѣля въ Ковно (на улицѣ), обвиняется въ участіи въ майской демонстраціи, въ агитаціи среди мѣстныхъ рабочихъ, въ чтеніи нелегальной литературы. У него нашли «Николай Палкинъ», Л. Толстого, отчетъ о IV съѣздѣ «Бунда» и писанное русское воззваніе. Кромѣ того онъ еще обвиняется въ намѣреніи убить Ф. Валя. — Самуилъ Котлеръ, экстернъ-учащійся (17 лѣтъ), арестованъ 10 мая въ Ковно. Жандармами было перехвачено его письмо къ брату Орговскаго, и на основаніи этого письма Котлера обвиняютъ въ агитаціи среди мѣстныхъ рабочихъ. — Петровицы (или Петровичи—неразборчиво) — двѣ сестры — отбываютъ наказаніе (годичное тюремное заключеніе), къ которому онѣ были приговорены за распространеніе перво-майскаго воззванія. — Недавно выпущены изъ тюрьмы 5 студентовъ Московскаго унив., отбывшихъ здѣсь шестимѣсячный срокъ наказанія.

Арестованы: Реввека Вайнерманъ (освобождена подъ крупный денежный залогъ) и 2 сестры работницы (фамилія неизвѣстна).

21-го сентября арестованы: щетинщикъ Исеръ Гурьяшъ и сапожникъ Гиршъ Левитъ. Ихъ обвиняютъ въ распространеніи листка.

24-го сентября ст. ст. на вокзалѣ арестованъ Ф. Штейнбергъ съ транспортомъ изданій «Жизни».

Свѣнцяны (Виленской губ.). Зимою здѣсь жила Ева Гордонъ, сидѣвшая по дѣлу «Рабочей Библіотеки» въ Домѣ Предварительнаго Заключенія (выпущена оттуда до приговора по болѣзни). Уѣзжая изъ Петербурга она дала подписку, что безъ разрѣшенія не будетъ отлучаться изъ Свѣнцянъ, и потому, когда ей нужно было уѣхать на нѣсколько дней по очень важному семейному дѣлу, она обратилась за разрѣшеніемъ къ исправнику, которое и получила. Оказалось, что исправникъ не имѣлъ права дать разрѣшеніе, и ея отлучка поэтому считается самовольной, за что она должна была отсидѣть въ здѣшней тюрьмѣ 3 недѣли. Вмѣстѣ съ нею сидѣла одна портниха, арестованная еще съ 4-мя работницами въ Свири за стачку. На допросѣ портниха сказала, что она неграмотна; когда же ихъ однажды посѣтилъ жандармскій офицеръ Бардинъ (изъ Вильны), она на его вопросъ, чѣмъ она занимается въ тюрьмѣ, отвѣтила, что шьетъ и читаетъ. «Какъ, да вѣдь вы безграмотны!»—удивился Бардинъ. Та объяснила, что ея сожительница научила ее грамотѣ. «Видите, какъ вредно сажать Васъ съ кѣмъ нибудь»,—сказалъ съ упрекомъ Бардинъ, обращаясь къ Евѣ Гордонъ. Въ маѣ Гордонъ съ двумя своими дѣвочками поѣхала въ Красноярскъ, куда были высланы до объявленія при-

говора обвиняющіеся по дѣлу «Рабочей Библіотеки», и теперь ее вмѣстѣ съ Максомъ Бройдо (тоже свѣнцянскій уроженецъ) и 4 рабочими отправляютъ въ одну изъ деревень Киренскаго уѣзда, назначенную имъ мѣстомъ жительства; приговоръ имъ до сихъ поръ не объявленъ.

Зимой въ одной изъ деревень Свѣнцянскаго уѣзда были обыски у крестьянъ; у одного нашли много нелегальной литературы (на сколько извѣстно, націоналистическаго характера). По этому дѣлу было арестовано много крестьянъ и былъ обыскъ у здѣшняго ксендза, который успѣлъ заблаговременно скрыться.

Кіевъ. Въ Лукьяновской тюрьмѣ сидятъ: Шварцманъ, уч. рис. школы, арест. 29 мая; Семинуха Л., семин., арест. 31 мая; Покостъ Ш., раб., за сходку въ рощѣ 31 мая; Блощинскій А., 1 іюня; Ковалевскій, 6 мая; Блюкъ, раб., 7 іюля; Жуковъ, раб., 7 іюля; Шлакъ, раб., 10 іюля; Левицкій. студ., 17 іюля; Гальперинъ Р., студ., 28 іюля; Гайковскій Я., раб.; Шиманскій А. Влад., технол.; Аксельродъ, раб.; Пикаревичъ Татьяна, раб.; Шницель Эсфирь, раб.; Бурштейнъ Вѣра, раб.; Лейченко Эсфиръ, раб.; Шухманъ Доня; Дымницъ Р., раб.; Бѣликова Е., раб.; Голяльскій Ѳ.; Кеснеръ А.—всѣ арестованы 1 іюля; Попельскій Вацавъ, инж.-техн., 1 іюля; Банинъ, берлинскій студентъ, арест. на границѣ 22 іюля; 21, 22 іюля арест. 4 рабочихъ, фамиліи неизвѣстны.

Выбыли изъ тюрьмы въ іюлѣ: Гуковскій Е., Ногинъ П., Тамановъ Н. (перев. въ Московскую тюрьму), Ольшевскій К., Гинсбургъ И. З., Короленко М.

Въ іюлѣ былъ обыскъ въ квартирѣ лаборантовъ политехникума — Кованько, Карманова и Попельскаго. Послѣдній арестованъ. Въ августѣ арестовано 18 челов.

Кишиневъ. 21 іюня выпущены послѣ голодовки: Розалія Розенблюмъ; нѣсколько ранѣе: Полина Гордонъ, учит. Бонивуръ, Годлевскій съ женой, Гельманъ. Сидятъ (по дѣлу о типографіи): Риманъ съ женой и ребенкомъ. Кромѣ нихъ еще 7 челов.

Рогачевъ. Недавно здѣсь было арестовано 6 человѣкъ: 3 дѣвушки и 3 рабочихъ. Почти у всѣхъ найдена нелегальная литература по одной, по двѣ брошюры. Всѣ выпущены, кромѣ Малкиной, у которой нашли около 15-ти брошюръ. Она отвезена въ Могилевскую тюрьму.

Вильна. Въ тюрьмѣ въ Вилейкахъ сидятъ Московскіе студенты (на 6 мѣсяцевъ): Шульцъ, Ковальскій, Наркевичъ, Иванцевичъ.

Въ мѣстной политической тюрьмѣ, такъ называемомъ «14 №», сидятъ слѣдующіе политическіе: Гиршъ Ботвинникъ, арестованъ въ Вильнѣ на улицѣ, 18 апрѣля. Обвиняется въ ношеніи знамени и руководительствѣ майской демонстраціей этого года. Когда онъ указалъ жандармскому офицеру (Паструлину) на нелѣпость возводимыхъ противъ него обвиненій, такъ какъ по сильной близорукости и слабости здоровья онъ физически не способенъ былъ совершить приписываемыхъ ему дѣяній, жандармъ отвѣтилъ: «намъ все равно, вы ли руководили демонстраціей, или другой; намъ нужно кого-нибудь обвинить». Гиршъ Файнбергъ (прикащикъ), взятъ 18 апрѣля во время демонстраціи: былъ такъ сильно избитъ, что до сихъ поръ оправиться не мо-

жетъ. Просьбы его и Ботвинника прислать имъ тюремнаго врача были оставлены безъ вниманія. Обвиняется въ ношеніи знамени, которое при немъ нашли. Станиславъ Мицкевичъ (женатый) и Лейзеръ (кожевенникъ, фамилія неразборчива) — обвиняются въ руководительствѣ сморгонской стачкой. Антонъ Цыбульскій (сапожникъ, 27 лѣтъ) и Владиславъ Данилевскій (сапожникъ, 30 лѣтъ) — оба сидятъ въ 3-й разъ и обвиняются въ дѣятельномъ участіи въ литовской партіи. Веніаминъ (фамилія не разобрана, типографщикъ), обвиняется въ участіи въ покушеніи Леккерта; при немъ найденъ кинжалъ; взятъ на улицѣ по указанію шпіона. Ицикъ, (фамилія не разобрана, шапочникъ) — отбываетъ наказаніе; на дняхъ освобождается (отказался добровольно впустить полицію, пришедшую къ нему для обыска). Вульфъ Зархъ (приказчикъ изъ Варшавы) обвиняется въ развозкѣ литературы по городамъ. Владаверъ (евр. кожевенникъ), арестованъ 1 мая; сидитъ 2-й разъ. Эткинъ (интел.) — во время обыска у него ничего «предосудительнаго» не нашли, что и записано было въ протоколъ; затѣмъ жандармы вернулись и, заявивъ, что среди забранныхъ у него вещей оказалась нелегальная литература, арестовали его. Мотель Чижевскій (чулочникъ), взятъ въ Вильнѣ 29 мая, во время массовыхъ арестовъ. У него нашли нелегальную литературу. Токарь (фамилія неизвѣстна) арестованъ въ Вильнѣ на улицѣ; при немъ найдены прокламаціи виленскаго комитета Бунда о «легализаціи». Зальменсонъ (приказчикъ, почти мальчикъ) арестованъ на улицѣ съ литературой. Залменъ (фамилія не разобрана, портной) арестованъ 26-го мая. Казимиръ Цыбульскій (литовскій крестьянинъ, 37 л.). Утверждаетъ, что Богъ ему открылъ, что будетъ одна вѣра — польская, и одинъ король — польскій; королемъ будетъ онъ, королевой — панна Елена, крестьянка его же деревни; въ настоящее время онъ пророкъ. Арестованъ урядникомъ, котораго склонялъ въ свою вѣру. Дѣло его у министра юстиціи. Яковъ Миндель (кожевен.) по дѣлу о сморгонской стачкѣ, арестованъ на вокзалѣ съ прокламаціями. Аронъ Вайнштейнъ, привезенъ изъ московской тюрьмы.

Саратовъ. Въ концѣ іюля арестована вторично фельдшерица Л. Б. Бархина изъ с. Ключей Балашовскаго уѣзда. Одновременно въ с. Ключахъ произведены обыски у земскаго врача А. И. Ермолова и 6-ти крестьянъ. Здѣсь арестованъ недавно вернувшійся изъ ссылки К. С. Еремѣевъ.

Въ селѣ Журавкѣ арестованъ учитель Тарасовъ-Липатовъ, привезенъ въ Саратовъ.

Послѣ избіенія казаковъ въ с. Макаровѣ арестовано было много крестьянъ въ Макаровкѣ и другихъ селахъ. Кое-кто былъ выпущенъ. Теперь въ Балашевской тюрьмѣ сидятъ изъ нихъ 13 ч., которые обвиняются въ сопротивленіи властямъ. Слѣдствіе ведетъ слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ.

Изъ числа арестованныхъ за демонстрацію 5-го мая часть освобождена и дѣло ихъ прекращено на томъ основаніи, что они, какъ пріѣзжіе, случайно попали на демонстрацію. Остальныхъ судили судомъ съ сословными представителями.

Имена ихъ слѣдующіе. мѣщанинъ города Кронштадта Василій

Платоновъ Ефимовъ, 22 лѣтъ: ветеринарный врачъ, изъ крестьянъ, Иванъ Петровъ Бочкаревъ, 29 лѣтъ; дворянинъ Сергѣй Митрофановъ Фофановъ. 24 л.; мѣщанинъ г. Сумы, Харьковской губ., Петръ Ивановъ Воеводинъ, 18 лѣтъ; окончившій курсъ университета, изъ крестьянъ, Василій Абрамовъ Фоминыхъ, 27 лѣтъ; бывшій студ. унив., изъ крестьянъ, Станиславъ Игнатовъ Косовичъ, 28 лѣтъ: дворянинъ Дмитрій Самуиловичъ Штейнбергъ, 28 лѣтъ; дочь статскаго совѣтн. Надежда Алексѣева Архангельская. 25 л.; крестьянка села Макарова, Булашовскаго уѣзда, Сарат. губ, Пелагея Егоровна Бударина, 19 л., дворянка Амалія Карловна Григорьева, 30-ти лѣтъ; дворянка Варвара Александровна Дьякова, 21 года; мѣщанка города Сердобска, Саратовской губ., Анисья Александровна Чубаровская, 23 лѣтъ; крестьянка села Бетьки, Мезелинскаго уѣзда, Уфимск. губ., Евдокія Гермогеновна Сарапулова, 23 л.; дворянка Елена Николаевна Ошанина, 27 л. и мѣщанка г. Слободскаго, Вятск. губ., Александра Михайловна Рылова, 24 лѣтъ. Дьякова Григорьева, Штейнбергъ и Фоминымъ оправданы; Воеводинъ приговоренъ къ $2^1/_2$ год. тюремнаго заключенія, Сарапулова — къ шести мѣсяцамъ, Бударина — къ тремъ. Фофановъ, Бочкаревъ, Ефимовъ, Коссовичъ, Архангельская, Ошанина и Чубаровская—къ вѣчному поселенію въ Сибири съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Въ Поволожьи идетъ настоящая «чистка». Послѣ Нижегородскихъ массовыхъ обысковъ напасть навалилась ну Самару, гдѣ недѣли двѣ тому назадъ въ одну ночь произвели больше 40 обысковъ и арестовано 7 лицъ. Теперь пришла очередь Саратова, въ которомъ впрочемъ все лѣто было неспокойно послѣ Майской Демонстраціи. Демонстранты, сидѣвшіе въ послѣднее время въ Самарѣ, были привезены сюда; разсмотрѣніе дѣла въ судебной палатѣ назначено на сегодня— 4 ноября. Въ концѣ прошлаго мѣсяца стали усиленно носиться слухи о демонстраціи передъ зданіемъ суда, особенно усердно раздуваемые полиціей. И вдругъ въ ночь на первое число,— разразилась надъ Саратовомъ жандармская гроза—сразу произведено около 100 обысковъ арестовано 34 человѣка и кромѣ нихъ въ уѣздѣ, — въ с. Николаевскій городокъ 17 человѣкъ. Въ самомъ Саратовѣ арестованы слѣдующія лица: *изъ земской статистики:* В. И. Серебряковъ, старшій помощникъ завѣдующаго, Н. Д. Россовъ-помощ. завѣд., Н. В. Норбенковъ — статистикъ, В. М. Обуховъ — стат. завѣд. отдѣл. текущей статистики, А. И. Рыковъ — врем. служ. б. студ., К. А. Сорокинъ— врем. служ, ветер. врач. *Изъ городского управленія*: Л. И. Булановъ— столоначальникъ городской управы, Г. А. Оболдуевъ—городской ветер. врач. *Изъ желѣзнодорожнаго управленія:* Е. Н. Попова, Шиллеровъ и Васильевъ. *Ученицы Фельдшерской школы*: Сдобнова, Устюгова, (бывшая Фрейлина) съ ребенкомъ, Костылецкая. Затѣмъ арестованы: А. А. Корниловъ — помощ. присяжн. повѣреннаго, бывшій завѣдующій редакціей «Саратовскаго Дневника». Ю. И. Старынкевичъ и его жена, Мартыновскій — бывшіе карійцы, вернувшіеся изъ Сибири въ началѣ лѣта. Полянскій, бывшій гимназистъ, Мокруевъ, Огневъ, Мировичъ, Горѣлинъ, Морозовъ, Потаповъ, Гусевъ, Максимовъ, Каревъ, Ивановъ, Рейтлингъ—рабочіе. Кромѣ поименованныхъ были аресто-

ваны и освобождены—домовладѣлецъ Софинскiй и акушерская ученица Кирьякова. *Въ Николаевскомъ Городкѣ* изъ Марiинскаго земледѣльческаго училища арестованы: механикъ Григорьевъ, кузнецъ Шнейдеръ, служащiй Столяровъ, кромѣ нихъ 10 учениковъ (Кузнецовъ, Пискаревъ, Ткаченко и другiе) и 4 крестьянина.

Тамбовъ. Въ ночь на 15-е iюля были обыски у бывш. студ. С. Н. Самгина, только что выпущеннаго подъ надзоръ изъ Петербургскаго Дома Предварительнаго Заключенiя и въ семьѣ Дубровиныхъ. Обыски дѣлались прiѣзжими изъ СПБ. жандармами и стояли въ связи съ арестомъ А. П. Гладилина.

Въ 10-хъ числахъ августа были обыски у воспитателей Сиротскаго Дома Губ. земства А. Парамонова и К. Н. Ленина; технолога Трифонова и нѣсколькихъ фельдшерицъ. Обысканъ булочникъ Фокинъ; арестованъ самъ Фокинъ, его жена и племянница.

Сапожокъ. (Рязанской губ.). Въ связи съ московскими погромами. здѣсь арестованы и сидятъ въ тюрьмѣ окончившiе рязанскую гимназiю Виноградовъ и Знаменскiй.

Изъ г. Скопина (Рязанск. губ.). Здѣсь арестована и сидитъ въ тюрьмѣ А. Фессалоницкая (слуш. жен. курс. Лесгафта). Фессалоницкая ранѣе привлекалась въ Петербургѣ по дѣлу рабочей пропаганды и сидѣла полъ года въ Домѣ Предвар. Закл. По постановленiю »Деп. Пол.» выслана на родину (Скопинъ, Ряз. г.) и вновь арестована «досиживать» еще 6 мѣсяцевъ.

Могилевъ-губернскiй. Получился приговоръ двумъ поднадзорнымъ по рижскому дѣлу. Одному — портному Рохлину — 8 мѣсяцевъ отсидки. Его посадили въ мѣстную тюрьму вмѣстѣ съ уголовными, въ арестантскомъ платьѣ. Черезъ двѣ недѣли его увезли въ Петербургъ. Другой изъ нихъ, заготовщикъ Позъ, скрылся. Арестованъ техникъ Самуилъ Яфанъ и отвезенъ въ Ковно, гдѣ онъ работалъ одно время на одномъ изъ мѣстныхъ лѣсопильныхъ заводовъ. Обвиняется въ руководительствѣ демонстрацiей 30 iюня.

Астрахань. Арестованъ юристъ Сереженковъ, обыски у Вржосека и Евреинова.

Курскъ. Въ концѣ iюля арестованы: гимназ. Лагутинъ, студ. Шекунъ и военный фельдшеръ Инютинъ; это второй случай арестовъ за нынѣшнiй годъ въ полку. Ради маневровъ, на которыхъ долженъ быть царь, городъ наводненъ шпiонами. Заказано 2000 шпiонскихъ значковъ. Въ цѣляхъ охраны организована коммиссiя въ составѣ вице-губенатора, полицмейстера, жанд. полковника и губернскаго архитектора для осмотра погребовъ и подваловъ.

Тула. Арестованъ членъ комитетъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, крестьянинъ Новиковъ.

Поневѣжъ. Въ здѣшней тюрьмѣ отбываетъ наказанiе Собинскiй, студ. моск. сельско-хозяйств. института.

Гродно. Въ здѣшней тюрьмѣ сидѣли слѣдующiе студенты, привезенные сюда въ началѣ лѣта и выпущенные 22 iюля ст. ст.: Веселовскiй, Баженовъ, Бажановъ, Владимiрскiй, Зуевъ, Пржибыльскiй. Всѣ они отбывали шестимѣсячный срокъ наказанiя. Выпущены за мѣсяцъ до срока: Войтенко, Островскiй—академики, отсидѣли 3 мѣс.:

два брата Комовскіе—выпущены около 10 іюля ст. ст.: Дмитріевъ — выпущенъ 25-го.

Изъ Одессы привезли въ Гродно 18 человѣкъ. Большинство рабочіе. Сильно нуждаются. Условія здѣшней тюрьмы теперь ужасныя. Не допускаютъ извнѣ пищи. Прогулки ограничены. Обезображиваютъ всѣхъ стрижкой подъ однимъ номеромъ. За отказъ отъ стрижки сажаютъ въ карцеръ. Одинъ просидѣлъ такимъ образомъ въ темномъ карцерѣ 2 недѣли.

Сѣдлецъ. Въ здѣшнюю тюрьму 16-го августа привезены изъ одесской тюрьмы послѣ «голоднаго бунта» слѣдующія лица: Ной Ходоровъ, арест. 21 января 1902 г., ничего не найдено: Исеръ Калтунъ —тоже; Левъ Подлугъ и Соломонъ (фамилія неизвѣстна), арестованы оба 12 фев. 1902 г., найдена нелегальная литература; Митя (фамилія неизвѣстна), арест. 12 февр. 1902 г., ничего не найдено; Лиза Глазманъ, арест. (во второй разъ) 15 февр. 1902 г., ничего не найдено; Костя Калтунъ, время ареста неизвѣстно, найдена нелег. литература; Ефимъ Гагельштейнъ, арестов. въ одно время съ Костей, на вокзалѣ гор. Одессы, ничего не найдено; Израиль Файеръ, арест. (во второй разъ) въ фев. 1902 г., ничего не найдено; Абрамъ Лисъ, время ареста неизвѣстно, найдена литература.

Пенза. За нынѣшній годъ здѣсь былъ цѣлый рядъ обысковъ и арестовъ преимущественно среди воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ концѣ февраля взятъ бывш. гимн. Черновъ, въ началѣ марта взятъ реалистъ Найдичъ, одновременно съ этимъ былъ обыскъ у семинариста Архангельскаго. 16 апрѣля былъ обыскъ у семинариста Гумилевскаго въ пансіонѣ семинаріи, была найдена нелег. литература; въ тотъ же день былъ обыскъ у техника В. Соболева. 18 апр. арест. бывш. студ. Харьк. Ветер. Инст. Николай Студенцевъ и произведенъ обыскъ у гимназ. Соколова. 21 — у гимназ. Мушанова. Духовная семинарія была закрыта. Въ серединѣ апрѣля произведены обыски у крестьянъ с. Безсоновки, Пенз. уѣзда (въ верстахъ 5 отъ Пензы). Взята нелегальная литература и арестованы 5 крестьянъ: Жиринъ, Посадскій, Альшикъ, Шалавинъ и Птичкинъ Яковъ. Въ это же время въ нѣсколькихъ селахъ Чубарскаго уѣзда уѣздная полиція нашла нелегальную литературу; тамъ же арестованъ ученикъ Сарат. Землед. школы Ивановъ и съ нимъ нѣсколько крестьянъ. 16 апрѣля въ селѣ Везерки, Пенз. уѣзда арестованъ семинаристъ Ф. А. Виноградовъ въ тотъ-же день были обыски у нѣсколькихъ крестьянъ этого села и взята нелегальная литература (Аграрно - Соціалистической Лиги и Партіи Соціалистовъ Революціонеровъ).

Въ концѣ апрѣля въ Пензѣ былъ обыскъ въ типографіи Умнова (искали гектогр.). 1 мая арестованъ семинаристъ Архангельскій, 2-го мая арестованъ бывшій студентъ моск. унив. А. Д. Добросмысловъ. Приблизительно въ это же время былъ обыскъ у семинариста И. В. Хитрова, 17 мая арест. бывш. гимназистка А. В. Соколова, 20 мая арест. въ Тулѣ семинаристъ Ф. Ф. Чудовъ. Въ концѣ мая были обыски у гимназ. Родіонова (14 лѣтъ) и Вл. Лялина (16 лѣтъ). 10 іюня былъ обыскъ у семинариста Н. В. Пятнова, послѣ котораго его от-

дали подъ особый надзоръ полиціи. 12 іюня былъ обыскъ въ с. Кевда-Мельситово, Нижне-Московскаго уѣзда, у быв. восп. Пенз. Епарх. Женск. учил. А. В. Пятновой. 18 іюня въ г. Пензѣ былъ обыскъ у бывш. восп. Епарх. учил. Х. П. Бѣляевой, — отдана подъ особый надзоръ. 24 іюня арестованъ семинаристъ Я. А. Богослововъ. Начальница Пенз. Епарх. уч. Е. А. Меринская торжественно сожгла болѣе 30 легальныхъ и нѣсколько нелегальныхъ книгъ, отобранныхъ ею у воспитанницъ.

Всѣ арестованные обвиняются въ пропагандѣ среди крестьянъ путемъ распространенія между ними нелегальной литературы. Въ настоящее время освобождены реалистъ Найдичъ и всѣ крестьяне села Безсоновки. Въ ночь съ 27 на 28 августа взяты неизвѣстно за что прис. пов. В. А. Балдинъ и пом. пр. пов. В. Ф. Тарасовъ. Жандармы продолжаютъ рыскать по губерніи. Кое-гдѣ въ селахъ имъ удается найти нелег. литературу.

Нижній-Новгородъ. Къ 1-му мая въ тюрьмахъ Нижняго-Новгорода были заключенные: Морковинъ Владиміръ, Сысинъ, Морковинъ Борисъ, Корсакъ, Зачинщиковъ, Гурвичъ, Галонинъ, Свердловъ III-й, Граціановъ Павелъ, Израилевичъ, Покровскій (гимназ.), Даниловъ (гимназ.), Рымаренка, Покровская, Соколова Лидія, Доброхотова Софья (курсистка), Герингъ (курсистка).

Въ теченіи мая взяты: Моисеевъ Сергѣй, Лубоцкій, Свердловъ II-ой, Никольскій (семинаристъ), Дертевъ (юрьевскій студентъ), Смирновъ, Альбицкій, Софроновъ (чиновникъ), Плехановъ (управляющ.), Гусевъ, Георгіевскій, Синева, Доброхотова Анна, Ленивова, Кислова (курсистка).

30-го октября судили демонстрантовъ. Говорятъ, что подсудимые отказались итти добровольно ночью изъ тюрьмы и были посажены въ вагончики электрической дороги силой. Приговоръ: Георгіевскій и Кислова оправданы остальные приговорены на поселеніе въ Сибирь, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Изъ сормовскихъ рабочихъ взято въ теченіи мая: Шишкинъ Петръ, Сутягинъ Иванъ, Богатыревъ Михаилъ, Наумовъ Егоръ, Загаринъ Яковъ, Дружкинъ Петръ, Бабенковъ Иванъ, Солдатовъ Василій, Пасхинъ Сергѣй, Матвѣичевъ Осипъ, Быковъ Алексѣй, Фроловъ Никифоръ, Кургановъ Василій Милютинъ Василій, Жузгинъ Константинъ, Самылинъ Михаилъ, Шибаевъ Иванъ, Ильинъ Архипъ, Тимофеевъ Михаилъ, Федоровъ Павелъ, Батовъ Александръ, Игнатьевъ Петръ, Заломовъ Петръ, Пысинъ Иванъ, Дружкинъ Михаилъ, Демидовъ Андрей, Совинъ Александръ, Андреевъ Константинъ.

Въ теченіи мая выпущены: Зачинщиковъ, Корсакъ, Граціановъ Павелъ, Израилевичъ, Покровскій, Свердловъ III., Галонинъ, Соколова Лидія, Покровская.

Изъ Сормовскихъ рабочихъ выпущены: Пысинъ Иванъ, Дружкинъ Михаилъ, Матвѣичевъ Осипъ, Ильинъ Архипъ, Совинъ Александръ, Кургановъ, Андреевъ, Батовъ, Игнатьевъ. Выпущены въ іюнѣ: Плехановъ, Софроновъ, Морковинъ Борисъ, Гурвичъ, Рымаренко, Альбицкій, Крыжановскій, Магницкій, Герке, Бубновъ, Солдатовъ, Бронинъ, Журовъ, Демидовъ.

Кончился процессъ и Сормовской демонстраціи: 7 человѣкъ оправдано, а 6 приговорено къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Имена ихъ слѣдующія: Заломовъ, Самылинъ, Алексѣй Быковъ, Дружкинъ, Фроловъ.

Изъ Сморгони (Виленской губ.). Аресты въ Сморгони начались въ 1897 году — года два спустя послѣ начала движенія рабочихъ. Въ 1897 году въ маѣ мѣсяцѣ (кажется 22-го) былъ произведенъ обыскъ у дѣвицы Сарры Метлицкой. При обыскѣ найдены двѣ нелегальныя брошюры 1-ое мая на жаргонѣ и еще какая-то. Кромѣ того у нея нашли свыше тысячи томовъ легальныхъ беллетристическихъ и научныхъ книгъ. Обыскъ былъ произведенъ благодаря доносу, что она содержитъ библіотеку легальную, но не разрѣшенную. Обыскъ былъ произведенъ двумя жандармскими унтеръ-офицерами и становымъ приставомъ. Послѣдній не арестовалъ Метлицкую, а телеграфировалъ о результатѣ обыска въ Виленское Жандармск. Управленіе. Она же воспользовалась неопытностью пристава и уѣхала въ Лондонъ.

Спустя короткое время она вернулась оттуда и жила нелегальнымъ образомъ въ Минскѣ. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Россіи, она уѣхала въ Нью-Іоркъ, гдѣ окончила жизнь самоубійствомъ.

Въ 1897 году благодаря провокаторамъ Гурскому и Страшинскому арестованы были въ м. Сморгони Я. М. Кремеръ, у котораго нашли кассовую книгу, въ которой было записано свыше 150-ти членовъ, а также и Лейба Гельманъ (оба кожевенники) и С. Трусевичъ, бывшій студентъ-ветеринаръ, арестованный въ третій разъ. Ю. Кремеръ просидѣлъ подъ слѣдствіемъ около 3 мѣсяцевъ и вторично арестованный по другому дѣлу, въ концѣ 1897 года былъ сосланъ въ Вятскую губернію на 3 года. Гильманъ Л. просидѣлъ $3^1/_2$ мѣсяца, былъ сосланъ въ Житоміръ на 1 годъ; по тому же дѣлу Э. Малкусъ былъ сосланъ въ Двинскъ на два года и кромѣ того просидѣлъ по приговору четыре мѣсяца въ Ошмянской тюрьмѣ. Трусевичъ сосланъ былъ въ Сибирь на 4 года. По тому же дѣлу учительствовавшій въ м. Сморгони С. Левинъ уѣхалъ заграницу въ Нью-Іоркъ.

Въ концѣ 1897 года нѣсколько заводчиковъ и мастеровъ указали на 13 кожевенниковъ. Разслѣдовать дѣло былъ командированъ офицеръ изъ Бѣлостока. На основаніи усиленной охраны были арестованы 12 человѣкъ,—одинъ скрылся заграницу и—приговорены: 10 человѣкъ къ 2 годамъ, а 2 человѣка къ 3 годамъ Вятской губ. Фамиліи сосланныхъ: Кремеръ Ю., Кремеръ И. (два брата), Цыпкинъ Ш. и Цыпкинъ П. (два брата), Хоне и Бине (два брата, фамилія ихъ неизвѣстна), Ароновичъ Х. Д., Перскій М., Розенблюмъ И., Аронкеръ З., Магидсъ И., Пензель Д. Сидя предварительно въ Виленск. губернской тюрьмѣ, они возмутились грубыми обращеніями администраціи и устроили скандалъ, выломали окна и двери, за что послѣдніе восемь были приговорены Виленской Судебной Палатой къ тюремному заключенію на сроки отъ одного года до 8, 6, и 4-хъ мѣсяцевъ. Нѣкоторые сидѣли въ петербургскомъ Крестѣ. Отъ 1898 г. до 1900 года бывали обыски. Арестовали портниху, которая просидѣла нѣсколько недѣль въ Вильнѣ и была освобождена.

Въ 1900 году во время стачки арестованы были учитель еврейскаго народнаго училища въ м. Сморгони Сліозбергъ и учитель еврейскаго училища въ Шавляхъ (Ковенской губ.) Ишувъ, благодаря тому что завѣдующій училищемъ въ Шавляхъ перехватилъ письмо, въ которомъ Сліозбергъ просилъ помощь денежную для стачки, и передалъ въ Жандармское Управленіе. Заводчики указали на семерыхъ рабочихъ кожевенниковъ валькеровъ, какъ на зачинщиковъ стачки и они были арестованы. Фамиліи ихъ: Багровъ Б., Грейсъ С., Кушлянскій С., Кривицкій Л., Геффенъ В. и Златкинъ Я. Всѣ они, также и Сліозбергъ и Ишувъ, арестованы во время стачки въ іюнѣ 1900 года, просидѣли первые восемь около $3^1/_2$ мѣсяцевъ, а Ишувъ около 2-хъ недѣль. Они были приговорены: Ишувъ къ году надзора и 3 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, а Сліозбергъ, Геффенъ и Златкинъ (послѣдніе два уже были сосланы въ 1897 году по виленскому дѣлу въ Вятскую губ. на два года) къ году надзора. Остальнымъ засчитали предварительное заключеніе.

Въ августѣ 1901 года арестованы въ Сморгони за столкновенія съ полиціей Хина Юшкевичъ и Садовскій, оба кожевенника. Они просидѣли около 10 мѣсяцевъ въ Ошмянѣ и освобождены въ іюнѣ 1901 года до приговора. Въ декабрѣ 1901 года получили свои приговоры кожевенники: Яжгутъ I. и Яковъ Гиршъ (фамилія послѣдняго неизвѣстна). До приговора они находились на свободѣ. Ихъ сослали въ Восточную Сибирь на 3 года. Обвиняли ихъ за участіе въ безпорядкахъ 28 сен. 1901 г. по указанію заводчиковъ, которые по совѣту фабричнаго инспектора Шпоковскаго, указали на 35 рабочихъ и интеллигентовъ; были произведены обыски, которые результатовъ почти не дали, такъ какъ всѣ лица за нѣсколько недѣль знали, что будутъ аресты. Только у двухъ рабочихъ Скопа и Полянскаго найдены были: у перваго двѣ нелегальныя брошюры, а у другого одна. Пять человѣкъ заранѣе скрылись, а остальные арестованы. Фамиліи арестованныхъ: Синицкій, помѣщикъ, живущій возлѣ Сморгони, бывшій чиновникъ акцизнаго вѣдомства, Нахамкисъ М. (портной), остальные всѣ кожевенники: Котъ О., Страхъ И., Страхъ О., Животкевичъ В., Зелкевичъ М., Страшинскій О., Кашкель Г., Мешко В., Аленцевичъ О., Путырскій В., Леоновичъ П., Полянскій О., Полянскій А. (братья), Сможевскій В., Готовко И., Готовко Ф., Путырскій В., Мозеръ, Сукневичъ, Нахамкисъ З., Багровъ Б., Гасельникъ С., Ароновичъ Х., Кривицкій Л., Скопъ О., Златкинъ Я. Всѣ арестованные, исключая Синицкаго и Антона Мозера, сидѣли 2—$3^1/_2$ мѣсяца, послѣ чего были освобождены до приговора; часть освобожденныхъ были отданы подъ надзоръ полиціи. Синицкій просидѣлъ до 15 іюня 1902 года, а Мозеръ содержится подъ стражею до сихъ поръ.

4 ноября въ г. Новогрудкѣ Минской губ. арестованъ по Сморгонскому дѣлу Шимшелевичъ А. 15 октября 1500 кожевенниковъ объявили стачку, требуя освобожденія арестованныхъ товарищей и 10-ти часового рабочаго дня.

Вслѣдствіе стачки 20 октября, 6 и 13 ноября арестованы слѣдующія лица: Жукъ И., Жуковскій П., Янчуковичъ П., Полянскій В., Янчуковичъ, Янчуковичъ (братья), Мацкевичъ, Собакевичъ, Шутовичъ,

Синкевичъ В., Мышко Л., Шидловскій, Вайтиховскій, Вайтиховскій (братья), Пашкевичъ Я., Путырскій, Александровичъ, Рушинскій М., Рушинскій К., Петровскій, Станкевичъ, Цунковъ (два брата), Шидловскій, Кубакъ, Гродсуль А., Садовскій О., Фельдманъ, Миллеръ Я., Гасельникъ С., Тайцъ, Ароновичъ, Левинъ А., Шапиро, Абрамовичъ, Гольдбергъ В., Ходомъ М., Мирскій М., Миликовскій Б., Меллеръ Г., Брудны два брата, Геффенъ, Вульфъ Карлинъ, на которыхъ указали заводчики и предатели Клепацкій, Полянскій, Викторъ Гурскій, Садовскій и Пляшко. Часть арестованныхъ освобождены черезъ три-четыре мѣсяца, остальные просидѣли до іюня 1902 г.

28 декабря 1901 года на станціи «Вильна» арестованъ кожевенникъ Миндель, у котораго нашли 3000 штукъ прокламацій о сморгонской стачкѣ.

14 января арестованы: Шнеерсонъ, студентъ берлинскаго университета, Ходошъ, Душацкій Л., Кремеръ Б., Гальперовичъ Х., Альперовичъ Л., Квятъ О., Перскій М., Юрманеръ А., Сидаринскій С., Рабиновичъ М. Изъ нихъ Квятъ, Рабиновичъ, Гальперовичъ просидѣли 2—$2^1/_2$ мѣс., а остальные свыше шести мѣсяцевъ. Изъ всѣхъ арестованныхъ Жандармское Управленіе около 30 человѣкъ содержало въ тюрьмахъ Вильны и уѣздныхъ городовъ Виленской губ. Оно постановило сослать ихъ въ Сибирь, съ чѣмъ согласился и виленскій губернаторъ фонъ-Валь. Но Министръ Внутреннихъ Дѣлъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ, передалъ дѣло новому жандармскому офицеру, при участіи прокурора; раньше ихъ привлекали къ отвѣтственности усиленной охраны. Всѣхъ освободили до приговора. Только кожевенниковъ Мозера, Мацкевича, Фельдмана, Миндаля и Шапиро, которыхъ выдали провокаторы Клепацкій, Полянскій, Гурскій и Садовскій, оставили въ тюрьмѣ.

Въ іюнѣ 1902 года арестованы 16 приказчиковъ и портныхъ; 14 изъ нихъ приговорены губернаторомъ къ 1 мѣсяцу тюрьмы, а Меллеръ и Вайнштейнъ, у которыхъ нашли литературу сидятъ въ тюрьмѣ еще до сихъ поръ.

Тверь. Въ ночь на 3-ье мая были обыски у бывш. студ. Казанскаго, Александровскаго, бывш. курс. Рогозиной, статист. Букина гимназистки Николаевской, рабочихъ Смугидонова, Соболева, Чеботарь, въ имѣніи Муравьева. 30-го апрѣля арестованъ рабочій Некрасовъ. Гласный Тверскаго земства отданъ подъ гласный надзоръ на два года. 12-го апрѣля арестована г-жа Бушъ.

Минскъ. 9-го августа освободили задержанныхъ во время демонстраціи 6-го мая въ театрѣ. Ихъ должны были освободить днемъ но начальство, опасаясь демонстраціи со стороны рабочихъ, рѣшило выпустить ихъ въ 6 час. утра. Но и это показалось неудобнымъ, а потому ихъ освободили въ 2-3 часа ночи, при чемъ предварительно ихъ отвели въ участокъ, откуда каждаго подъ конвоемъ городового отвели домой.

23 августа (ст. ст.) арестованы: щетинщикъ Калманъ Овсянниковъ, портниха Іохе и портной Исроель. Послѣдніе двое были освобождены на другой день.—Недавно, какъ извѣстно, Асмоловскіе (отецъ и сынъ) —помѣщики Минс. губ. — за пропаганду среди крестьянъ сосланы

были на 5 и 4 года въ Восточ. Сибирь. По жалобѣ ихъ въ правительствующій сенатъ, обоимъ сбавлено по 2 года, съ переводомъ въ Уфимскую губ.

Въ Восточную Сибирь сосланы Илья Виленскій, по дѣлу типогр. «Южный Рабочій», просидѣлъ 25 мѣсяцевъ въ одиночкѣ; екатеринославскіе рабочіе: Томигасъ, Кирилловъ и Лавриновичъ, (всѣ сидѣли по два года) бывшій студ. Сергѣй Харченко, (просидѣлъ въ Харьковѣ 16 мѣс.)

Въ *Якутскъ* прибыли: бр. Будиловичи, Сбитниковъ, Чулковъ, Ховринъ, Щеголевъ, Столыпинъ, Гарбузовъ, Лисевъ, Касаткинъ, Балталонъ, Полякъ, Зеликманъ (женщина-врачъ) и Поповъ.

Въ Олекминскъ (Якут. Обл.): Первухинъ, Борисовъ, Шугамъ, Зильбербергъ, Камермахеръ, Вольсонъ. Въ село Нохтуйское (Олекм. округъ): Сыромятниковъ, Швейцеръ, Бибергаль, Свѣшниковъ, Урицкій.

Въ Восточн. Сибирь на 5 лѣтъ пріѣхали Л. Вайнейкусъ съ женою (просидѣлъ два года въ Либавѣ и въ Митавѣ — и безъ всякихъ уликъ сосланъ) и Капланъ; на 8 лѣтъ — Рожановскій (по дѣлу польскаго «Работника»); затѣмъ — Татаровъ съ женою (по дѣлу «Рабочаго Знамени»), А. Логовскій (на 5 лѣтъ, обвинялся въ «соучастіи» съ братомъ въ покушеніи на Побѣдоносцева); Кишкинъ (изъ Кіева) быв. ученикъ Кіевск. реальн. уч., арестованный вскорѣ послѣ убійства австрійской Императрицы (?). У него были найдены яды, отравленный кинжалъ — ссылается въ Восточную Сибирь на 10 лѣтъ. Вина его въ томъ, что не хотѣлъ указать лицо, давшее ему эти вещи на храненіе.

Сахалинъ. Привезенный сюда въ началѣ мая М. Н. Тригони поселенъ въ селеніи Рыковскомъ въ центрѣ острова. Кромѣ Тригони на островѣ находятся еще 11 человѣкъ по процессу «Пролетаріата» и «1 марта 1887 г.».

Л. А. Волькенштейнъ приписана къ крестьянскому сословію и въ настоящее время переведена въ Владивостокъ. О. Манучаровъ (шлиссельбуржецъ) переведенъ съ Сахалина на жительство въ Благовѣщенскъ. Свидерскій, осужденный въ Варшавѣ за уничтоженіе шпіона, благодаря стараніямъ прокуратуры администраціи, причисленъ къ разряду уголовныхъ каторжанъ и подвергается всѣмъ тягостямъ каторжнаго режима; содержится все время въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ и посылается на самыя тяжелыя работы. Положеніе его и въ другихъ отношеніяхъ невыносимое, но товарищи, благодаря его положенію уголовнаго ничего для него сдѣлать не въ состояніи.

Свѣдѣнія изъ Прибалтійскаго края.

Рижская слѣдственная тюрьма. Въ ней находятся слѣдующіе политическіе заключенные: **Мѣщане:** Шоломъ Питеръ съ 28-го апрѣля 1902; Гиршъ Китрикъ съ 29 мая 1901; Мовша Соловей съ 21 іюня 1902; Мендель Рогальскій съ 26 іюня 1902; Израель Зысблятъ съ 14 іюня 1902; рабочій Вольдемаръ Скарре съ 31 іюня 1902 г. По

приговору: Шмуйло Гиршъ Янкелевъ Гольдкинъ, новгор. мѣщанинъ, 23 лѣтъ на 2 мѣсяца тюрьмы, съ 21-го сент. 1902 г. арестованъ студентъ политехникума В. Скарре, явившійся въ участокъ за свидѣтельствомъ о благонадежности.

Губернская тюрьма. — Мѣщане: Зусманъ Менделевъ, съ 4 мая 1902 г.; Шоломъ Картунъ, съ 25 мая 1902 г.; Шморель Шляпоберскій, съ 15 іюня 1902 г., выбылъ 1 авг.; Рахміель Ирза, отбыв. 2 мѣсяца тюремн. закл. съ 12 іюля 1902 г.: крестьянинъ Василій Морозовъ, съ 5 іюля 1902 г., выбылъ 9 авг. 1902 г.

Шлудермахеръ, учит. евр. училищ.; Бургеръ, Жанно Розинъ, либав. мѣщ. 30 лѣтъ, съ 19 сент. — 4 мѣс. тюрьмы, черезъ два дня переведенъ въ слѣдст. тюрьму. Хаимъ Кацевъ, мѣщ. 19 лѣтъ съ 19 сент. Выбылъ Микель Рейтеръ.

Приговоръ: студ. Вейсбремъ къ ссылкѣ въ Сибирь на 3 года.

Либава. Арест. Ольга Либертъ. Ее обвиняютъ въ установленіи сношеній съ тюремными надзирателями. Какъ ея сообщникъ, былъ арест, ученикъ Паберзъ, но на другой день освобожденъ.

Тюрьма въ Валкѣ. Крестьянинъ Янъ Плотникъ, 3 мѣсяца тюремн. закл., съ 23 іюля 1902 г.

Въ Юрьевской тюрьмѣ. Бывш. студ. Петръ Охотинъ, выбылъ 7 авг.; Василій Ѳатулъ, Иванъ Пеливанъ, Константинъ Гызнъ, Сергѣй Наркевичъ, Феофилактъ Платоновъ, Степанъ Усиневичъ, Александръ Граппу, крестьянка Екатерина Карро (освоб.). Выбыли 14 сент.: Константинъ Гоянъ, Сергѣй Росинскій, Феофилактъ Платоновъ.

Въ Вольмарской тюрьмѣ. Мѣщане: Лазаръ Пюкъ, съ 20 апрѣля 1902 г.; Борухъ Зисерсонъ, съ 29 апрѣля 1902 г.; Студенты Юрьевск. Унив.: Василій Десницкій, со 2 іюня 1902 г.; Гавріилъ Хундадзе, со 2 іюня 1902 г.; Александръ Митягинъ, со 2 іюня 1902 г.; Константинъ Покровско-Водоватовскій, со 2 іюня 1902 г.

Въ Юрьевскомъ арестномъ домѣ. Студенты: Григорій Бочковъ, съ 25 фев.; Георгій Дубровъ, съ 26 мая, выб. 27 іюля; Сергѣй Россинскій, съ 27 мая.

Въ Венденской тюрьмѣ. Студенты Юрьевскаго университета: Григорій Маврицкій, съ 28 февр. 1902 г.; Давидъ Кавтарадзе, съ 28 февр. 1902 г.; Альфредъ Литинскій, съ 13 марта 1902 г.; Александръ Гришковъ, съ 24 марта 1902 г.; Георгій Кикку, съ 24 марта 1902 г. Мѣщане: Гиршъ Энтонъ, съ 27 апрѣля 1902 г.; Гдалій Сипель съ 27 апр. 1902 г.; Нафтель Узволокъ, съ 28 апр. 1902 г.; Берко Русоновъ, съ 9 мая 1902 г.; Нафталій Каганъ, съ 11 мая 1902 г.; Мейеръ Вассерманъ, со 9 мая 1902 г.; Іуда Лифшицъ, съ 11 мая 1902 г.; Илья Кастелянецъ.

Выбыли въ сентябрѣ: Эдуардъ Калнынь, Андрей Кандеръ, Эвальдтъ Зивертъ, Яковъ Баллодъ, Индрикъ Грундуль, Янъ Вильпе, Янъ Шписъ, Годфридъ Гензель, Ансъ Глазе, Карлъ Старкъ, Эрнстъ Якобсонъ, Янъ Смилга, Микель Керре, Фрицъ Тауринъ, Георгій Кикку, Александръ Гришковъ.

Дѣло Ролау.

Лѣтомъ закончилось дѣло Ролау, взволновавшее латышскихъ товарищей своими тяжелыми и во многихъ случаяхъ совершенно неосновательными приговорами.

Такъ, напр., старикъ — отецъ Ролау просидѣлъ около года въ тюрьмѣ подъ слѣдствіемъ и приговоренъ къ 10 мѣс. Креста только за то, что не выдалъ жандармамъ явившагося къ нему нелегальнымъ сына.

Кромѣ него по этому дѣлу привлекались и получили приговоры слѣд. лица: самъ Эрнстъ Ролау, арес. съ транспортомъ литературы, просидѣлъ $1^1/_2$ года въ тюрьмѣ и приговоренъ къ 6 годамъ Восточн. Сибири. Товарищъ его, Клява—послѣ $1^1/_2$ год. тюрьмы—къ 4 годамъ Вост. Сиб. Русск. студентъ Тролле, противъ котораго нѣтъ никакихъ обвиненій, кромѣ того, что онъ явился на квартиру слѣд. обвиняемаго, просидѣлъ $1^1/_2$ года въ тюрьмѣ и приговоренъ къ 3 г. Вос. Сиб. Липга, арест. по доносу хозяйки, просидѣлъ $1^1/_2$ г. въ тюрьмѣ и приговоренъ къ 3 г. Вост. Сиб. Петерсенъ, единственная улика противъ котораго та, что при обыскѣ у него въ карманѣ нашли прокламацію, просидѣлъ $1^1/_2$ года въ тюрьмѣ и приговоренъ къ 3 год. Вост. Сиб. Х. Спрудъ, арест., просидѣлъ $1^1/_2$ г. въ тюрьмѣ и приговоренъ къ ссылкѣ на 3 г. въ Вятскую губ. за то только, что въ его домъ была принесена литература. По тому же дѣлу осуждены его братъ и отецъ, совершенно не причастные къ дѣлу: первый послѣ года тюрьмы — къ ссылкѣ на 3 года въ Вятскую губ.; второй, тоже послѣ годового тюремн. заключенія—къ 10 мѣс. Креста. Мускатъ послѣ года тюрьмы выпущенъ подъ надзоръ въ ожиданіи приговора. Его обвиняютъ въ томъ, что онъ поступилъ въ моряки. «Не вѣрю, чтобы вы сдѣлали это безъ преступныхъ цѣлей», сказалъ ему жандармъ. Берта Криссонъ просид. 10 мѣс. въ тюрьмѣ и выпущена подъ надзоръ въ ожиданіи приговора. Противъ нея не могли выставить другихъ уликъ, кромѣ того, что она поѣхала заграницу. Мина Розинъ просидѣла 6 мѣс. подъ слѣдствіемъ и приговорена къ 6 мѣс. тюрьмы за то, что получила изъ-заграницы письмо отъ брата совершенно невиннаго содержанія. Ковалевскій, студ. политехн., приговоренъ къ 6 м. Креста за полученную изъ-за границы прокламацію (отбылъ). Янсонъ—приговоренъ къ 6 мѣс. Креста жена его—къ 4 мѣс. тюрьмы—за переписку съ однимъ рабочимъ.

Борьба въ тюрьмахъ.

Харьковъ. Въ Харьковской тюрьмѣ и въ арестномъ домѣ была голодовка, вызванная тѣмъ, что многіе сидятъ полгода почти безъ допросовъ, безъ предъявленія обвиненій, кромѣ того, грубымъ отношеніемъ администраціи къ заключеннымъ.

Одесса. За послѣдніе мѣсяцы въ Одесской тюрьмѣ разыгрался цѣлый рядъ ужасныхъ драмъ. Мѣстныя власти, напрактиковавшись

надъ избіеніемъ на улицахъ безоружнаго населенія, перешли къ еще болѣе достойному занятію, — къ избіенію въ тюремныхъ стѣнахъ истомленныхъ продолжительными голодовками заключенныхъ, присоединяя къ пыткѣ продолжительнаго одиночнаго заключенія еще и униженія, истязанія и всевозможныя издѣвательства надъ запертыми людьми.

Какъ всегда, губернская тюрьма была полна заключенными. Въ ихъ средѣ были двѣ больныя женщины, — одна, Лемберская, умирала въ чахоткѣ; другая, Гольдманъ, была разбита параличемъ. Заключенные потребовали ихъ освобожденія и рѣшили добиться его голодовкой. Послѣ 5—6-ти дневной голодовки требованіе ихъ было удовлетворено.

Черезъ двѣ-три недѣли политическіе заключенные предъявили требованія улучшенія ихъ условій; требованія были слѣдующія: 1) Улучшеніе кухни, 2) переводъ въ больницу по первому заявленію тюремнаго врача, 3) Личныя свиданія съ родными тѣмъ лицамъ, у которыхъ слѣдствіе закончено, 4) увеличеніе времени прогулки, и 5) освобожденіе студента Кочерьяна. Ему нужно было сдѣлать серьезную операцію, такъ какъ онъ былъ боленъ гнойнымъ плевритомъ. Операцію немыслимо было дѣлать въ тюремной больницѣ. Нужно замѣтить что гнойный плевритъ явился у Кочерьяна въ значительной степени, благодаря побоямъ, которымъ онъ подвергся во время и послѣ ареста. Кочерьянъ обвиняется за участіе въ февральскихъ демонстраціяхъ, но на самомъ дѣлѣ, онъ не принималъ въ нихъ участія, а только заступился за демонстранта-рабочаго, котораго полиція жестоко истязала на улицѣ. Удары ея обратились на него и его едва живого доставили въ тюрьму. Требованіе перевода его въ больницу для лѣченія товарищи поставили первымъ и послали его къ прокурору судебной палаты, Поллану. Подъ требованіемъ подписалось 160 человѣкъ. Тюремный врачъ съ своей стороны настаивалъ на томъ же. Прокуроръ отвѣтилъ, что заключенные не имѣютъ права требовать, а должны просить, и не исполнилъ требованія. Тогда заключенные объявили опять голодовку.

На 9-ый день голодовки явился прокуроръ и объявилъ имъ, что 1) прогулка будетъ увеличена до 45 мин. 2) что больные будутъ переведены въ больницу; объ улучшеніи же пищи и освобожденіи студента ни слова. Когда политическіе указали на опасность положенія многихъ товарищей, голодающихъ такъ долго, имъ отвѣчали очень грубо, что они, молъ, «не умираютъ еще». Этотъ отвѣтъ привелъ ихъ въ ярость: они подняли общій стукъ, выбили 12 дверей и бросились въ корридоръ. Ихъ усмирили. Вся ночь прошла въ истерикахъ; съ однимъ неврастеникомъ случился припадокъ буйнаго помѣшательства. Голодовка не прекращалась. Начальство дѣлало видъ, что даже не интересуется ею. На 10-11-ый день голодающіе уже не могли встать съ постели; у однихъ образовалось затвердѣніе неба, у другихъ опухоли шеи и пр. Наконецъ, на 11-ый день голодовки въ ночь на 7-ое августа подъѣжаетъ къ тюрьмѣ 7 закрытыхъ каретъ; нѣкоторыхъ изъ голодающихъ зовутъ въ контору, силой усаживаютъ въ кареты и увозятъ въ участки. Увезли наиболѣе ослабѣвшихъ и тѣхъ, которыхъ

почему-то считали зачинщиками. Тѣ, которые отказывались добровольно итти въ контору, подвергались истязанiю: къ нимъ врывалось чел. 15 городовыхъ и надзирателей, избивали этихъ голодавшихъ и обезсиленныхъ людей и силой увозили въ участокъ. Оставшiеся подозрѣвая насилiе надъ сопротивляющимися товарищами, заволновались и подняли шумъ.

Нервы заключенныхъ, натянутые и безъ того долгимъ сидѣнiемъ голодовкой и различными притѣсненiями со стороны администрацiи, не выдержали и всѣ начали кричать, стучать и ломать двери съ требованiемъ указать, что происходитъ съ ихъ товарищами. Одинъ товарищъ, сломавши форточку и расшатавъ уже дверь, началъ стучать и кричать, требуя объясненiя происходившаго. Знать онъ ничего не могъ, и ему казалось, что кто-то изъ голодающихъ умеръ, и его тѣло тащатъ, чтобы зарыть тайно отъ нихъ и что бьютъ всѣхъ. На просьбы начальства «успокоиться», безъ желанiя дать хоть какое-нибудь объясненiе, на угрозы взять въ темную, онъ неистово кричалъ: «что мнѣ темная, когда вы людей губите? что вы дѣлаете съ ними?» и т. п. Вдругъ ворвалась ватага тюремныхъ надзирателей, его схватили, повалили и начали бить руками и ногами, страшно били!.... Кто-то изъ нихъ крикнулъ: «заткни ему глотку!» Одинъ бросился и сильно сжалъ ему рукой глотку, другой сталъ совать въ ротъ полотенце.... Онъ, лежа, старался, главное, защитить голову отъ ударовъ и не дать себя душить, что ему и удалось. Онъ отчаянно дергалъ головой, срывалъ полотенце, руки съ горла и кричалъ: «Чего вы бьете? Не душите, я не кричу уже!» — «Молчи! Заткни ему ротъ!» Продолжая это звѣрское насилiе, его за ноги вытащили, волоча на спинѣ изъ камеры и потащили по всему балкону къ лѣстницѣ. Онъ, волочась по землѣ, старался не удариться головой о желѣзныя перила, срывалъ съ головы и изо рта полотенце и кричалъ.... Наконецъ, у лѣстницы старшiй надзиратель, стоявшiй далеко, подбѣжалъ и велѣлъ его оставить. Его пустили. Онъ сталъ на ноги и его повели внизъ въ карцеръ. Въ томъ же родѣ происходило и въ другихъ камерахъ. Надзиратели, городовые, во главѣ съ помощникомъ начальника, Ласкинымъ, врывались въ камеры больныхъ, полумертвыхъ людей (на 9-ый, 11-ый день голодовки), били нещадно и таскали связанныхъ въ карцеръ. Крики этихъ несчастныхъ смѣшивались съ ревомъ запертыхъ людей, ждущихъ каждую секунду къ себѣ гостей-палачей, — людей, изболѣвшихся душой и тѣломъ. Крики и стукъ становились до того невыносимыми, что люди падали въ обморокъ, съ другими дѣлались истерики и то тутъ, то тамъ раздавались крики городовыхъ: «Человѣкъ умираетъ!» — Ну, его къ чорту! Бей ихъ! Чего смотрѣть! и т. д. Болгарину Виктору пробили голову тюремными ключами; страшно избили студента Штернберга, избили Анисимова, закрывъ ему голову одѣяломъ, чтобы не слышно было его криковъ. Многiе впали въ глубокiй обморокъ, который спасъ ихъ отъ дикой расправы. Янкелевичъ пролежалъ въ обморокѣ всю ночь, не приходя въ сознанiе, безъ всякой помощи, студента Кочерьяна и рабочаго Егора Матинкова обморокъ спасъ отъ увоза въ полицiю. Нѣкоторые покушались на самоубiйство: товарищъ Подгунъ отравился керосиномъ, и его насильно

увезли въ больницу; другого вынули изъ петли. Въ больницу увезли также и Саломонова: съ нимъ сдѣлался припадокъ буйнаго помѣшательства.

Услышавъ крики политическихъ, заволновались и уголовные: выломали у себя двери, разбили всю мебель въ камерахъ. одного надзирателя ранили въ голову. 30-50 человѣкъ уголовныхъ подбѣжали къ политическимъ, спрашивая, что случилось и не нужна ли имъ помошь. Изъ города была вытребована сотня казаковъ, и порядокъ былъ, наконецъ, «возстановленъ». На слѣдующій день голодовка прекратилась, такъ какъ голодающимъ заявили, что товарищей ихъ изъ карцера не выпустятъ, пока они не начнутъ ѣсть.

Послѣ «бунта» въ тюрьмѣ человѣкъ 30—40 заключенныхъ разослали въ разные города: Гродно, Ломжу, Сѣдлецъ. Родственникамъ заключенныхъ не было объ этомъ объявлено, имъ задолго до этого было отказано въ свиданіи. Въ городѣ царитъ сильное возбужденіе, въ особенности среди рабочихъ. Ожидаютъ демонстраціи. Повсюду идутъ усиленные сборы въ пользу заключенныхъ. Больного студента Кочерьяна тоже отправили въ одинъ изъ этихъ городовъ; но теперь онъ уже свободенъ. Всѣ разосланные въ названные города не имѣютъ ни денегъ, ни бѣлья, ни самаго необходимаго. О нихъ не имѣется никакихъ извѣстій. Родители многихъ изъ нихъ очень бѣдны и не въ состояніи ни помочь имъ, ни ѣхать къ нимъ на свиданія. Увезеннымъ въ участки запретили получать пищу, бѣлье, книги. Условія ихъ жизни ужасны. Фамиліи увезенныхъ въ участокъ: А. М. Гинцбургъ, Виницкій (рабочій), Цейтлинъ, Янкелевичъ, Яффе.

Пермь. Съ 2-го августа въ Пермской тюрьмѣ объявлена голодовка. Голодали 8 сутокъ, требуя совмѣстныхъ прогулокъ и отмѣны одиночнаго заключенія, трое: Рутманъ, Ставровскій и Трапезниковъ требовали освобожденія. Голодавшіе были переведены въ общую палату больницы.

Нижній-Новгородъ. Съ 13-го августа въ женскомъ отдѣленіи здѣшней тюрьмы началась голодовка изъ-за того, что запретили свиданія съ друзьями до 21-го августа. Исходъ ея пока неизвѣстенъ.

Тифлисъ. Жандармскій полковникъ Девилль распорядился закрыть въ мѣстной тюрьмѣ окна колпаками. Товарищи, изъ которыхъ нѣкоторые томятся уже годъ въ ожиданіи приговора, рѣшили протестовать и сбили всѣ колпаки сразу. Тюрьма была объявлена на военномъ положеніи. Колпаки возстановлены. Заключенные, которые, за недостаткомъ мѣста, сидѣли вмѣстѣ, разсажены въ одиночки, лишены выписки припасовъ, свиданія, переписки, прогулокъ, изъ камеръ все вынесено, кромѣ привинченной постели.

Тамбовъ. Въ мѣстной тюрьмѣ политическіе устроили голодовку. Голодали пять дней Гавриловъ, Невѣровъ, двое Бабякиныхъ и учитель Зилотинъ. Послѣ къ нимъ присоединились девять остальныхъ политическихъ. На 6-ой день въ тюрьму прибылъ губернаторъ, жандармерія, трое врачей, прокуроръ и полицеймейстеръ. Голодающіе объяснили причину голодовки продолжительнымъ заключеніемъ при отсутствіи допросовъ. На убѣжденія прекратить голодовку они отказались. Истощеніе нѣкоторыхъ дошло до крайней степени, особенно у Гаврилова,

содержащагося другой годъ. Послѣ этого губернаторъ послалъ министру Плеве депешу, на которую отвѣтили: «Согласно вашего заключенія, признаю, что голоданіе не можетъ служить основаніемъ къ освобожденію».

На 7-й день голоданіе прекратилось, и голодающіе стали принимать пищу.

Москва. 19 сентября с. ст. (изъ Бутырской тюрьмы). На этой недѣлѣ всѣ мы добровольно отправились въ карцеръ (совершенно темный, безъ койки, безъ наръ, безъ табурета даже, подвалъ, въ которомъ имѣются только двѣ большія шайки — одна для воды, другая для естественныхъ надобностей; пища—хлѣбъ да вода) и провели тамъ цѣлыя сутки. Исторія вышла изъ-за того, что одинъ изъ нашихъ товарищей при встрѣчѣ съ помощникомъ начальника не снялъ шапки, за что былъ посаженъ въ карцеръ; мы желая выразить протестъ, тоже послѣдовали за нимъ. Насъ на слѣдующій день силой убрали оттуда, а товарищъ сидитъ и теперь, да еще не извѣстно, чѣмъ кончится вся эта исторія, такъ какъ составили протоколъ объ оскорбленіи помощника во время исполненія служебныхъ обязанностей (помощникъ обратился къ товарищу на «ты», на что тотъ отвѣтилъ тѣмъ же). Надо замѣтить, что дѣло немного осложнилось въ виду того, что оскорбившій помощника — солдатъ.

Иркутскъ. Въ мѣстной тюрьмѣ сидятъ трое рабочихъ: Залкиндъ, Чупринъ и Балутинъ. Съ ними сидѣлъ еще студентъ Бернскаго университета Венгеровъ, назначенный въ Верхоленскій округъ. У Венгерова вышло столкновеніе съ тюремнымъ начальствомъ, послѣ чего его посадили въ секретную Тамъ В. въ видѣ протеста сталъ ломать все, за это на него надѣли сумасшедшую рубашку. Узнавъ объ этомъ, товарищи его также начали шумно выражать свой протестъ. Тогда смотритель приказалъ, чтобы изъ камеръ вынесли всю мебель и постель; протестанты требовали, чтобы съ В. сняли сумасшедшую рубашку и выпустили изъ карцера. Явившійся по ихъ требованію прокуроръ заявилъ, что рубашку снимутъ и на завтра выпустятъ В. изъ карцера. На другой день его выпустили и отправили на мѣсто назначенія. Заключенные успокоились, но ни мебели, ни вещей имъ не возвратили —«въ наказаніе за бунтъ», какъ имъ объяснилъ смотритель. Тогда Залкиндъ иЧупринъ начали голодовку. На третій день они потребовали прокурора, и тотъ имъ подтвердилъ, что все это продѣлано съ ними «въ наказаніе». Былъ вызванъ тюремный инспекторъ; онъ составилъ протоколъ и обѣщалъ переговорить съ губернаторомъ. Ч. прекратилъ голодовку, а З. продолжалъ еще два дня, пока губернаторъ не разрѣшилъ все возвратить.

«Бунтъ» въ Александровской тюрьмѣ.

Всѣхъ политическихъ, ссылаемыхъ въ Якутскую область и въ сѣверные уѣзды Иркутской губерніи обыкновенно задерживаютъ въ Александровской центральной пересыльной тюрьмѣ для дальнѣйшей отправки. Находится тюрьма въ 70-ти верстахъ отъ Иркутска и 16-ти отъ жел. дор. ст. Тельма. Многимъ приходится тамъ ждать обыкно-

венно по нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ отправка происходитъ только 3—4 раза въ году. Къ началу мая 1902 г. собралось тамъ рабочихъ и студентовъ до 50 чел. Помѣщались мы на особомъ дворѣ въ баракѣ, окруженномъ двухсаженнымъ частоколомъ. Настроеніе у всѣхъ было очень приподнятое и возбужденное. Многихъ изъ насъ держали здѣсь по 3—4 мѣсяца, не сообщая, куда насъ отправятъ. На наши прошенія, жалобы, губернаторъ неизмѣнно отвѣчалъ: «своевременно будетъ вамъ объявлено и своевременно будете отправлены». Начальникъ тюрьмы — полнѣйшее ничтожество — зналъ наши мѣста назначенія, но ничего намъ не говорилъ въ виду полученнаго имъ приказа — не объявлять политическимъ ихъ мѣстъ назначенія, для предупрежденія съ ихъ стороны хлопотъ о переводѣ въ другія мѣста. На то, что многіе изъ насъ были больны — не обращали никакого вниманія, къ тому еще тюремный докторъ — изрядный мерзавецъ. Крайне раздраженные всѣмъ этимъ, мы объявили тюремному начальству, что если до 12 часовъ слѣдующаго дня намъ не объявятъ, куда мы слѣдуемъ, мы рѣшимся на самое крайнее. Нуль вниманія. Тогда мы выслали со двора надзирателя, забарринадировали ворота толстыми бревнами, подняли три красныхъ знамени, одно съ надписью: «Свобода», прикрѣпивъ его надъ воротами, чтобы было видно на всю окрестность. Караульный солдатъ выстрѣлилъ холостымъ зарядомъ, и вся команда вышла изъ казармы. Прибыло все мѣстное начальство и за воротами стало вести съ нами переговоры. Мы потребовали объявленія намъ мѣстъ нашего назначенія. Начался оживленный обмѣнъ телеграммами между мѣстной и иркутской администраціей. Губернаторъ по телеграфу потребовалъ отъ насъ прекращенія безпорядковъ — тогда, молъ, наша просьба будетъ удовлетворена. Но мы не поддались на эту удочку. Пріѣхалъ вице-губернаторъ. Солдатъ между тѣмъ убрали, а за воротами оставили обычную стражу. Къ пріѣхавшему вице-губернатору мы отказались выйти, также отказались впустить его. Мы потребовали, чтобы онъ подошелъ къ «дыркѣ» въ частоколѣ, чрезъ которую съ нимъ и побесѣдуемъ. Онъ сначала отказался, но все-таки подошелъ. Сѣдой старикашка, сопровождаемый тов. прок. Судебной Палаты и цѣлой сворой собакъ въ парадныхъ мундирахъ велъ съ нами переговоры въ отверстіе. Съ вице-губернаторомъ мы не пришли къ соглашенію. Лишь по полученіи удовлетворившей насъ телеграммы отъ якутскаго губернатора, мы открыли ворота. Пріѣхавшій губернаторъ объявилъ намъ мѣста нашей ссылки; кромѣ того требованія многихъ изъ насъ о переводѣ въ другія мѣста были удовлетворены. Администрація, видя наши озлобленныя лица и вызывающее поведеніе, отказалась отъ намѣренія обыскать насъ. «Бунтъ» продолжался три дня. 10 мая мы отправились въ путь, на Лену. Что же касается нашего краснаго знамени, то караулъ безуспѣшно нѣсколько разъ пытался его снять: мы дежурили при немъ днемъ и ночью. Все время оно развивалось, и даже вице-губернатору пришлось подъ нимъ пройти.

Некрологи.

Въ Цюрихѣ 9 іюля лишила себя жизни Юлія Видершаль, членъ Соціалдемократической Партіи Царства Польскаго и Литвы. Покойная родилась въ 1873 году и по окончанія курса въ Цюрихскомъ политехникумѣ поселилась въ 1899 году въ г. Лодзи, гдѣ и работала въ мѣстной организаціи, которой оказала громадныя услуги. На могилу умершей возложено 4 вѣнка отъ польскихъ товарищей и одинъ—отъ группы «Искры» въ Цюрихѣ.

Баку. 3-го іюля умеръ въ тюрьмѣ отъ тифозной горячки токарь Генрихъ Тидеманнъ, родомъ латышъ, оказавшій большія услуги рабочему движенію въ нашемъ городѣ. Умеръ онъ исключительно по винѣ тюремнаго доктора Довята, который былъ бы очень хорошъ въ шпіоно-полицейской роли жандарма, но для должности врача никуда не годится. По этому поводу мѣстный комитетъ Росс. Соц.-д. Рабочей Партіи выпустилъ 5-го іюля прокламацію къ рабочимъ, изъ которой приведемъ заключительное мѣсто:

«Поклянемся надъ свѣжей могилой, товарищи, что не забудемъ его юной смерти, его мученій; что не успокоимся и не положимъ оружія до тѣхъ поръ, пока отъ всего существующаго строя не останется камня на камнѣ, пока не отомстимъ за всѣ преждевременно погибающія молодыя силы, за всѣ жертвы царскаго деспотизма.

Проклятіе самодержавію! Проклятіе тиранамъ! Слава борцамъ! Слава дорогому Генриху!

Миръ праху твоему, дорогой товарищъ!»

По тому же поводу «Бакинскій Комитетъ помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ» обратился съ воззваніемъ «ко всѣмъ врачамъ города Баку», въ которомъ послѣдніе приглашаются порвать всякія сношенія съ Довятомъ, по мнѣнію котораго «политическіе это тѣ же арестанты, только съ претензіями». Для характеристики Довята приведемъ изъ воззванія мѣсто, касающееся Тидеманна:

«27-го іюня къ нему обращается больной рабочій, политическій заключенный Генрихъ Тидеманнъ. У него оказывается свыше 40° темпер., но г-нъ Довятъ не спѣшитъ переводить его въ больницу. Только по неотступному требованію другихъ заключенныхъ Генрихъ Тидеманнъ переводится въ больницу. Г-нъ Довятъ прописываетъ ему лекарство, но въ то же время беретъ съ собой въ Сураханы единственнаго фельдшера, который готовитъ медикаменты, а несчастный больной остается цѣлыя сутки безъ лекарства. Кромѣ того, вернувшійся фельдшеръ не знаетъ, какъ давать уже съ божьей помощью приготовленное лекарство. Это г-нъ Довятъ забылъ сказать, какъ давать лекарства. Опять ждутъ до слѣдующаго пріѣзда доктора. Довятъ назначаетъ вино, но оно доставляется больному черезъ два дня; назначаетъ ледъ, котораго едва хватаетъ на два часа. Врачъ помѣщаетъ тяжело-больного въ тѣсную, полную клопами камеру, и начальство не соглашается вымыть ее отъ грязи, какъ того требовали товарищи умершаго».

Побѣги.

Исаакъ Лолоянцъ и Прасковья Лолоянцъ, привлекавшіеся въ 1900 году (апрѣль) по дѣлу Екатеринославскаго Комитета и газеты «Южный Рабочій», бѣжали и благополучно прибыли заграницу: первый—изъ Балаганска, Иркутской губ., вторая—изъ Воронежа. Оба были высланы до полученія приговора.

Изъ Сибири же бѣжали въ послѣднее время: Лысикъ (по Московскому дѣлу, бѣжалъ вторично), Р. Орлова (по Кременчугскому с.-д. дѣлу 1898 г.).

Съ Ангары (Енисейской губ.) бѣжалъ одесскій рабочій Гринштейнъ—Розенбергъ, сосланный въ 1899 году, прибылъ благополучно заграницу.

Изъ части въ Екатеринославлѣ бѣжали, черезъ окно, и прибыли благополучно за границу: 1) рабочій Бабушкинъ (арестованный въ 1901 году въ Орѣхово-Зуевѣ) и 2) Харьковскій студ. Горовичъ (по дѣлу Харьковскаго Комитета).

Александрія. Изъ здѣшней тюрьмы бѣжалъ Голубь.

Кіевъ. 18-го августа изъ Кіевской тюрьмы бѣжало 11 человѣкъ. Одинъ изъ нихъ, Болеславъ Плесскій, снова арестованъ.

По сообщенію «Искры» подробности побѣга слѣдующія:

«Орудіями» побѣга послужили сшитая изъ разрѣзанныхъ простынь лѣстница и полупудовый якорь. Какъ послѣдній очутился въ рукахъ бѣжавшихъ — это, конечно, секретъ организаторовъ побѣга. 10-го августа вечеромъ, когда заключенные гуляли по двору около стѣны, нѣсколько изъ нихъ напали на стоявшаго вблизи часового, забили ему ротъ и связали его по рукамъ и ногамъ. Операція продѣлана была не вполнѣ совершенно, такъ что солдатъ могъ нѣсколько разъ крикнуть: «ратуйте, ратуйте!» Къ счастью заглушенный крикъ его не былъ услышанъ. Пока одни возились съ часовымъ, другіе образовали «живую пирамиду», верхній конецъ которой доходилъ почти до вершины стѣны. Отсюда нетрудно было взлѣсть на стѣну и прикрѣпить якорь, къ которому съ одной стороны была привязана лѣстница, а съ другой — веревка, по которой спускались внизъ. Черезъ десять минутъ послѣ того, какъ благополучно спустися послѣдніи изъ бѣглецовъ, изъ тюрьмы раздался выстрѣлъ, означавшій тревогу. Бѣжавшіе направились въ разные стороны.

Немедленно во всѣ концы Россіи дано было циркулярно извѣщеніе о побѣгѣ и сообщены примѣты бѣжавшихъ. Двое изъ послѣднихъ черезъ нѣсколько дней попали было въ руки полиціи, но черезъ короткое время освободились... какимъ путемъ, объ этомъ умолчимъ, дабы не компрометировать того урядника, которой, навѣрное, никому не разсказываетъ, какъ онъ упустилъ двоихъ изъ «одинадцати».

Не обошлось и безъ курьезовъ: двое бѣжавшихъ пролежали *цѣлые сутки* въ полѣ недалеко отъ тюрьмы и имѣли удовольствіе видѣть суету, поднятую надзирателями послѣ того, какъ они хватились.

Послѣ того, какъ бѣглецы были доставлены «по назначенію» (часть уже находится заграницей), Кіевскій Комитетъ Партіи и организація « Искры » издали сообща (печатную) прокламацію отъ 27 августа, изъ которой извлекемъ слѣдующія строки:

« Сидѣніе по 2 — 3 года въ тюрьмѣ, долголѣтнее прозябаніе въ далекой ссылкѣ не можетъ имѣть мѣста въ настоящее время, когда все кипитъ, все волнуется, когда каждый революціонный работникъ имѣетъ передъ собой широкое поле для плодотворнѣйшей дѣятельности. Побѣги изъ Сибири и тюремъ учащаются и начинаютъ принимать массовой характеръ. При чемъ бѣглецовъ вынуждаютъ къ этому не тяжести ссылки и тюремной жизни, а жажда кипучей дѣятельности, желаніе принять снова участіе въ горячей борьбѣ переживаемаго момента. И вотъ въ вечеръ 18-го августа изъ Кіевской тюрьмы былъ совершенъ чрезвычайно смѣлый и остроумный по замыслу побѣгъ 11-ти человѣкъ: (слѣдуютъ фамиліи). При этомъ организаціей были употреблены всѣ усилія, чтобы бѣгство обошлось безъ малѣйшей капли крови со стороны тюремной стражи, что, къ счастью, и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Кромѣ средствъ, отпущенныхъ изъ соотвѣтственныхъ суммъ организаціи, было собрано съ этой спеціальной цѣлью среди общества — 1795 руб.

Все это за крайне малый промежутокъ времени. Цѣль отовсюду вызывала живѣйшее сочувствіе и энтузіазмъ, что наиболѣе ярко указываетъ на то враждебное отношеніе, которое встрѣчаетъ русское правительство. Кіевскій Комитетъ и организація « Искры » считаютъ нужнымъ въ особенности отмѣтить чрезвычайно цѣнное участіе общества, выразившееся въ полномъ содѣйствіи многимъ важнымъ конспиративнымъ мѣропріятіямъ настоящаго дѣла. Только при полномъ сочувствіи всѣхъ честно мыслящихъ общественныхъ элементовъ возможна побѣда надъ русскимъ самодержавіемъ, а это сочувствіе мы видимъ только на сторонѣ революціонной партіи.

Да здравствуетъ рабочее дѣло!

Кіевскій комитетъ и организація « Искры »
Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

Кіевъ, 27 августа 1902 г.

Фамиліи бѣжавшихъ слѣдующія:

Привлекавшіеся по дѣлу организаціи «Искры»: 1) Левъ Гальперинъ, бывшій уже въ ссылкѣ въ Астраханской губерніи; 2) Викторъ Крохмаль, вернувшійся изъ Уфимской ссылки въ 1900 г.; 3) Іосифъ Тарсисъ, портной, арестованный въ Вильнѣ и двое нелегальныхъ: — 4) Николай Бауманъ, ветеринарный врачъ, сосланный въ 1898 г. въ Вятскую г. по дѣлу С.-П.-Б. Союза Борьбы и бѣжавшій изъ ссылки черезъ годъ; 5) Іосифъ Басовскій, впервые привлекался въ Одессѣ въ 1897 г.; 6) наборщикъ Іосифъ Блюменфельдъ, взятый на границѣ съ германскимъ паспортомъ (былъ въ 1886 г. изгнанъ изъ Россіи; 7) Бор. Мальцманъ, арестованный въ Теофиполѣ, Волынской губ., гдѣ состоялъ подъ надзоромъ; 8) ветеринарный врачъ Владиміръ Бобровскій,

обвинявшійся въ организаціи Кіевской демонстраціи 2-го февраля; 9) Маріанъ Гурскій, М. Валлахъ и Болеславъ Плесскій (первые двое привлекались по дѣлу Кіевскаго комитета Партіи, а послѣдній по дѣлу Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ. Послѣдніе трое сидѣли уже въ тюрьмѣ болѣе года (съ апрѣля—мая 1901 г.).

Изъ Рязани бѣжалъ поднадзорный Е. Тарасовъ, бывшій студ. электро-техникъ, присланный сюда изъ Петербурга по постановленію департамента полиціи «впредь до рѣшенія по его дѣлу», послѣ 7-ми-мѣсячнаго заключенія. Онъ уже за границей.

Изъ Верхоленска Иркутской губ.: Горвичъ (по польскому дѣлу) и Ципкины (изъ Вильны).

Изъ Котельнича Вятской губ.—Горбачевъ (по дѣлу Пет. Союза Борьбы 1899 г.).

Изъ Вологодской губ.—Левъ Гавриловичъ Волковъ, рабочій, привлекавшійся впервые въ Петербургѣ въ 1897 г.

Изъ Вологды: Станиславъ Густ. Петрашкевичъ, бывшій студ., привлекался по дѣлу Союза Борьбы въ С.-П.-Б. (1901).

Изъ подъ надзора въ Кишиневѣ—Полина Гордонъ (недавно привлекалась въ 3-й разъ по дѣлу «Искры»).

Изъ Митавы бѣжала изъ подъ надзора въ ожиданіи приговора послѣ 10-ти мѣсячнаго тюремнаго заключенія Берта Криссонъ и благополучно прибыла за границу.

Изъ Сибири бѣжала и прибыла заграницу сосланная по дѣлу Бунда Евгенія Гурвичъ.

Изъ Восточной Сибири бѣжали: Викторъ Вейнштокъ (изъ Забалкайской области, гдѣ былъ на поселеніи: въ 1892 г. былъ арестованъ за пропаганду въ СПБ. войскахъ и среди рабочихъ и, какъ вольноопредѣляющійся осужденъ военнымъ судомъ на 10 лѣтъ каторги); Николай Кудринъ (сосланъ на 5 лѣтъ по уральскому С.-Д. дѣлу 1899 г.) Бронштейнъ (сосланъ на 4 года въ 1899 г. по дѣлу южно-русскаго рабочаго союза въ Николаевѣ); Стан. Полинскій раб., арест. въ Варшавѣ въ 1893 г. и послѣ четырехъ лѣтъ тюремнаго заключенія сосланъ на 10 лѣтъ въ Якутскую область); Бергеръ (по польскому дѣлу); Файнъ (арест. въ СПБ. весной 1901 г.); Скрипникъ (петерб. технологъ); У. Ленскій (учитель изъ Вильны).

Изъ села Слудка, Орловскаго уѣзда, Вятской губ. бѣжалъ Ник. Мих. Величкинъ и благополучно прибылъ заграницу.

Изъ Сибири пишутъ, что ссыльные бѣгутъ со всѣхъ концовъ. Администрація совершенно растерялась и не знаетъ, что дѣлать. Розыски производятся крайне слабо.

В. М.

Отъ общества вспомоществованія ссыльнымъ и заключеннымъ

Роковыя условія историческаго процесса, который переживаетъ въ настоящее время Россія, столкнули передовые общественные элементы грудь съ грудью съ отживающими и жестокими въ своей предсмертной агоніи силами самодержавія. Если черезъ весь періодъ борьбы народа, въ лицѣ его передового слоя, съ абсолютнымъ правительствомъ проходитъ красною нитью жестокость послѣдняго по отношенію къ своему врагу, то наши годы, удивительно усложнившіе эту борьбу, выдвинувшіе и постоянно вновь выдвигающіе обширные ряды борцовъ изъ всѣхъ слоевъ населенія, придали этой жестокости особенно неистовый и нелѣпый характеръ. Тюрьма становится почти обязательнымъ временнымъ жилищемъ для каждаго обывателя, не подавившаго въ себѣ элементарной способности реагировать на проявляемые кругомъ произволъ и насиліе. Не только учащіеся, съ честной молодой горячностью выходящіе на открытый протестъ противъ отвратительныхъ актовъ самодержавной власти; не только рабочіе, примкнувшіе къ освободительной политической борьбѣ въ сознаніи необходимости развязать себѣ руки для борьбы соціально-экономической, но и зрѣлые представители разнообразныхъ свободныхъ профессій массою обыскиваются по ночамъ, арестовываются, заключаются въ одиночныя тюремныя камеры, высылаются и ссылаются.

Поистинѣ самодержавіе расходуетъ всѣ свои соки на борьбу съ противными ему движеніями, мобилизуя всѣ имѣющіяся подъ руками силы для искорененія какою угодно цѣною крамольническаго стремленія русскаго народа къ политической и гражданской свободѣ. — И цѣна эта не дешевая. Ежегодно изъ рядовъ поколѣнія, готоваго вступить въ жизнь, вырываются лучшіе, самые честные и безкорыстные люди, юноши, проникнутые идеальными стремленіями работать на пользу родной страны. Въ одиночныхъ тюремныхъ камерахъ, безъ достаточнаго свѣта и воздуха, на отвратительной пищѣ и почти безъ всякаго общенія съ внѣшнимъ міромъ они проводятъ томительные мѣсяцы, а то и годы, въ ожиданіи того неизвѣстнаго времени, когда издѣвающійся врагъ пожелаетъ сослать ихъ въ Сибирь или отпустить на волю за отсутствіемъ уликъ въ «политической неблагонадежности». Расшатывается здоровье, теряется зрѣніе, утрачивается жизнерадостное бодрое настроеніе — и вмѣсто здороваго сильнаго и исполненнаго лучшихъ надеждъ юноши обществу возвращается искалѣченный душевно и физически инвалидъ. Тысячи такихъ юношей гибнутъ для жизни, тысячи ихъ томятся въ одиночныхъ

камерахъ въ пять шаговъ длиною, низкихъ и тѣсныхъ, закрытыхъ отъ свѣта и воздуха. И это наши дѣти и братья. А завтра туда войдутъ новыя тысячи — опять это будутъ наши братья и дѣти, отнятые отъ насъ глухою ночью жандармами и обреченные застѣночнымъ произволомъ на жертву молоху самодержавія. Мы не защищаемъ нашихъ дѣтей, какъ защищаетъ волчица своихъ волчатъ, какъ обороняетъ своихъ птенцовъ отъ хищнаго ястреба курица. Мы отдаемъ ихъ пришедшимъ ночью жандармамъ, съ преступною покорностью ожидая милосердія отъ враговъ. Но врагъ, довольный нашей готовностью отдать своихъ дѣтей, смѣется надъ нами. Онъ немилосерденъ. Жестокостью онъ доводитъ своихъ жертвъ до того, что они въ тюрьмахъ бунтуютъ голодомъ. Бунтъ посредствомъ голода! Вы, оставшіеся сегодня внѣ тюрьмы, понимаете ли ужасъ того положенія, когда дѣвушка въ одиночномъ заключеніи отказывается отъ пищи, требуя уничтоженія на окнахъ желѣзныхъ листовъ, отнимающихъ свѣтъ и воздухъ? Понимаете ли вы ужасъ положенія такой дѣвушки, когда къ ней въ камеру ставится солдатъ, остающійся тамъ дни и ночи и слѣдящій за тѣмъ, чтобы обезсиленная голодомъ жертва не сносилась съ товарищами стукомъ въ толстую тюремную стѣну или не наложила бы на себя въ отчаяніи руки. Если вашихъ дѣтей и братьевъ и сестеръ не коснулась еще тяжелая рука жандармскаго насилія, то она коснется ихъ завтра, какъ коснулась вчера тысячи братьевъ и дѣтей вашихъ знакомыхъ, вашихъ сосѣдей. И если вы слишкомъ слабы, слишкомъ малодушны, чтобы не отдать ихъ на жестокое издѣвательство въ тюремныхъ камерахъ, то вы можете и обязаны сдѣлать хотя бы немного доступное вамъ, чтобы облегчить участь заключенныхъ и сосланныхъ. До того момента, когда мы потребуемъ возвращенія и освобожденія ихъ, чтобы превратить обвиняемыхъ въ обвинителей, а палачей въ подсудимыхъ, мы должны выполнять элементарную обязанность порядочныхъ людей по отношенію къ нашимъ братьямъ, которыхъ наше рабское малодушіе принесло въ жертву великому дѣлу освобожденія.

Общество помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ снабжаетъ ихъ деньгами, пищею, книгами и одеждой, содѣйствуетъ устройству свиданій, поддерживаетъ осиротѣлыя семьи и организуетъ побѣги. Все это требуетъ большихъ денежныхъ средствъ въ настоящее-же время Общество помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ нуждается въ нихъ и потому обращается къ лицамъ сочувствующимъ его дѣятельности съ просьбой оказать ему матеріальную поддержку и этимъ создать наиболѣе благопріятныя условія для его работы.

г. Петербургъ.

ДВА ОТЧЕТА КІЕВСКОЙ КАССЫ

Помощи Политическимъ Ссыльнымъ и Заключеннымъ

(Краснаго Креста)

I.

За сентябрь мѣсяцъ 1902 г.

Приходъ.

Взносъ 1 р. 15 к. Случайно 1 р. Для бѣжавшихъ 1 р. Отъ Сени 50 р. Отъ ? 5 р. Отъ продажи изданій въ пользу Краснаго Креста 12 р. 30 к. Съ предпріятія 18 р. К. 1 р. М. И. 5 р. 50 к. Ѣ. 25 р. 30 к. Отъ Комитета Помощи Пострадавшимъ Студентамъ 66 р. За карточки 2 р. 40 к. За пожертвованное изданіе 30 к. За прокламацію Союзнаго Совѣта 20 к. Случайно 2 р. Отъ поляковъ 25 р. Отъ Кубанки 1 р. Отъ выздоравливающаго 2 р. Лео 4 р. В. К. 20 р. Двоеточіе (за і, і, а, с, о) 12 р. Отъ женщины - врача (о) 1 р. Отъ Сени 25 р. Мѣсячный взносъ Р. 2 р. Изъ шапки 2 р. 80 к.

Приходъ съ 1-го сентября по 1-ое октября 1902 г. 295 р. 95 к.
Заимообразно . . . . 112 р. — к.
Оборотъ кассы за сентябрь . . . 397 р. 95 к.
По долговымъ обязательствамъ за Краснымъ Крестомъ къ 1-му октября числится . . . . 187 р. — к.

Расходъ.

Въ тюрьму 280 р. Уплата по долговымъ обязательствамъ 75 р. Организаціонные расходы 4 р. 80 к. Высылаемымъ 29 р. Семьямъ арестованныхъ 6 р. Съѣстные припасы для тюрьмы 2 р. 35 к.

Расходъ съ 1-го сентября по 1-е октября 1902 г. 397 р. 95 к.

Списокъ лицъ, заключенныхъ въ Кіевской Лукьяновской тюрьмѣ по политическимъ дѣламъ къ 1-му октября 1902 г.

(сентябрь 73 чел.—1799 дней):

Аксельродъ Д., раб., 29/6; Афанасьева С., инт., 9/2; Банинъ, ст., 19/7; Бондаренко, раб., 20/8; Гальперинъ Р., ст., 27/6; Голицынскій Е., пол., 9/2; Голлендеръ, раб., 10/7; Горовицъ Р., ден-ка, 9/2; Голубь С., раб., 23/4; Добротворская Е., инт., 16/4; Дымшицъ Р., раб-ца, 29/6; Дятелъ, раб., 20/8; Емельянъ Н., раб., 22/8; Завадскій Я., студ. горн. инст., 20/8; Злотниковъ Я., раб., 23/4; Канѣвецъ А., ст., 9/2; Канѣвецъ П., ст., 9/2; Квятковскій А., инт.,

14/3; Кеслеръ А., раб., 29/6; Корень, раб., 20/8; Кошаровскій И., раб., 29/6; Киршенбаумъ, раб., 2/7; Кузнецова А., инт., 9/2; Леманъ Инна, инт., 7/8; Лиссъ Е., пол., 9/2; Любимцевъ, раб., 21/4; Маршова Б., раб., 29/6; Миркина А., ак-ка, 22/4; Невзорова, курсистка, А., 4/3; Ноткинъ А., инт., 30/4; Образцовъ, интел., 21/4; Орѣшный Д., инт., 17/9; Панфиловъ Л., ст., 2/2; Петренко, инт., 21/4; Поповъ И., инт., 21/4; Плесскій Б., инт., 12/9 (ар. 5/5 1901); Покусь, раб., 31/5; Помпеанскій, раб., 30/4; Радченко Любовь, инт., 7/4; Роженко О., дворникъ, 17/9; Савастьяновъ, бул., 20/9; Самсоновъ, раб., 3/7; Самохинъ Г., раб., 26/9; Сафроновъ, раб., 20/8; Сильвинъ М., инт., 30/4; Сипайловъ С., раб., 1/2; Ткаченко, студ., 21/4; Урицкій С., инт., 8/2; Фотіева А., инт., 23/3; Фотіевъ С., пол., 14/2; Хлыновъ А., инт., 6/2; Шнапиръ І., инт., 6/2; Шиманскій А., влад. техн. кон., 29/6; Щегловская О., инт., 2/2; Цибышко И., инт., 2/2. 55 человѣкъ.

Освобождены втеченіе сентября:

Аксаметниковъ, раб., 20/8—10/9; Бѣликова Е., раб., 7/6—20/9; Валяльщиковъ, ст., 9/2 — 19/9; Гайковскій Я., раб., 29/6 — 29/9; Гуткинъ М., раб., 25/2—30/9; Григорьевъ, раб., ? — 7/9; Зелепинъ, раб., 20/8—12/9; Журъ Н., раб., 18/5—17/9; Кацъ, раб., 20/8—11/9; Кацманъ, раб., 20/8—11/9; Надворскій, раб., 20/8—10/9; Нестеренко, раб., 20/8—5/9; Плоткинъ, раб., 20/8—9/10; Попельскій В., инжен., 1/7—7/9; Рудаковъ, раб., 20/8—12/9; Селезневъ, раб., 20/8—10/9; Федоровъ, раб., 20/8—6/9; Ящукъ, раб., 20/8—10/9. 18 человѣкъ.

Русскія тюрьмы давно уже не запомнятъ такого количества политическихъ заключенныхъ, какъ нынѣ. Но правительство не довольствуется тѣмъ, что на пробужденіе общества отвѣчаетъ арестами направо и налѣво, хватая и пряча въ тюрьмахъ на многіе мѣсяцы правыхъ и виноватыхъ; нѣтъ, грубой жестокостью мститъ оно своимъ противникамъ или тѣмъ, кого оно считаетъ таковыми, возвращаясь въ этомъ отношеніи къ очень давнимъ временамъ. Даже изъ легальныхъ газетъ можно увидѣть, что розга свиститъ теперь повсемѣстно, а частнымъ образомъ извѣстно, какъ губернаторы сами распоряжаются экзекуціей, по временамъ прерывая ее для обѣда или чая.

Та же, если не худшая, разнузданность царитъ нынѣ въ тюрьмахъ.

Въ августѣ въ Одесской тюрьмѣ (заимствуемъ извѣтіе изъ вѣнской Arbeiterzeitung) произошло жестокое избіеніе заключенныхъ, поводомъ къ которому послужило слѣдующее событіе: начальство не пожелало перевести въ больницу тяжело больного арестанта студента университета Качарьяна. Политическіе, видя безрезультатность ихъ просьбъ, рѣшили поддержать больного товарища единственно возможной въ русскихъ тюрьмахъ формой протеста — голодовкой, и умереть вмѣстѣ съ нимъ, если начальство не пожелаетъ уступить. Начальство не пожелало сдѣлать это, но не хотѣло также допустить и голодную

смерть и рѣшило развести арестантовъ по разнымъ тюрьмамъ, чтобы сломить ихъ сопротивленіе въ одиночку. Арестанты не пожелали добровольно разстаться со своими камерами, и тутъ-то произошла дикая сцена. Озвѣрѣвшіе надзиратели ворвались къ нимъ въ камеры, избивали палками и связками желѣзныхъ ключей (которыми проломали черепъ студенту болгарину Педласу), завязывали рубашками или одѣялами головы, чтобы заглушить крики, и били, били до полусмерти; одного волочили за ноги по лѣстницѣ, такъ что онъ бился головой о каменныя ступени. Крики и шумъ на политическомъ отдѣленіи вызвали бунтъ на уголовномъ, но и тутъ надзиратели въ союзѣ съ жандармами одержали побѣду при помощи тѣхъ же пріемовъ. По слухамъ Шуваловъ, съ вѣдома и, конечно, одобренія котораго произведено побоище, въ награду получитъ повышеніе и будетъ переведенъ въ Петербургъ.

У насъ въ Кіевѣ произошли событія, если пока и не такія дикія, то все-таки достаточно жестокія.

Въ кіевской тюрьмѣ въ отдѣльномъ корпусѣ содержится интеллигентъ Иванъ Цибышко, страдающій нервными припадками. Доведенный всевозможными издѣвательствами надъ его личностью, особенно тяжелыми въ виду его болѣзненнаго состоянія до крайняго упадка духа, онъ сдѣлалъ попытку покончить съ собой, но веревка оборвалась, и онъ упалъ. Черезъ нѣсколько дней онъ повторилъ покушеніе, но во время былъ замѣченъ надзирателемъ.

Въ такомъ же тяжеломъ положеніи находятся въ кіевской тюрьмѣ еще нѣсколько его товарищей. Но тюремный врачъ не желаетъ засвидѣтельствовать ихъ болѣзней,—вѣдь это все бѣдняки, съ которыхъ нечего получить. Недавно, правда, онъ обнаружилъ больше состраданія къ дѣйствительно тяжелому положенію одного больного политическаго заключеннаго и своимъ свидѣтельствомъ доставилъ ему свободу; но тотъ на его счастье былъ человѣкъ съ хорошими средствами имѣлъ возможность заплатить доктору за его сострадательность. У Цибышки средствъ нѣтъ.

Что же дѣлать? Не прибѣгнуть ли къ уже испытанному средству?

Мы надѣемся, что общество пойметъ, что нравственная отвѣтственность за подобные способы помощи нуждающимся въ ней падаетъ не на насъ, а на тѣхъ, кто вынуждаетъ прибѣгать къ нимъ, на общую безгласность и безсудность, благодаря которой возрождаются нравы гоголевской эпохи.

Мы надѣемся, что общество не откажется прійти на помощь какъ больнымъ, такъ и ихъ товарищамъ, убиваемымъ и подвергаемымъ разнымъ мукамъ.

Кіевская Касса Помощи Политическимъ Ссыльнымъ и Заключеннымъ (Красный Крестъ).

Кіевъ. 1-го октября 1902 г.

II

Отчетъ за октябрь мѣсяцъ 1902 г.

Приходъ.

Иностранка 20 р. Предпріятіе 26 р. 55 к. За изданія Краснаго Креста 14 р. 56 к. Отъ бывшаго ссыльнаго 12 р. Отъ двухъ проѣзжающихъ 17 р. 55 к. — ъ (за і, і, а) 3 р. Отъ Чернозема 50 р. Отъ тётеньки 50 р. В. 50 р. Отъ продажи Лит. Дѣла 3 р. 90 к. Буд. З. В. 5 р. Отъ Комитета Помощи Пострадавшимъ Студентамъ 20 р. Собрано 25 октяб. 13 р. Изъ мышиной норки 20 р. Ж. Г. 3 р. Взносъ Б. 3 р. Отъ точки (за сентябрь) 4 р. И. К. (по окт.) 55 р. Е. К. П. У. 50 р. Изъ глухого угла съ предпріятія 8 р. Издалека отъ члена Кр. Кр. 5 р. Собрано въ Политехникумѣ 5 р. 35 к. Собрано въ Университетѣ по подписнымъ листамъ: № 14—75 р. 66 к., № 149—6 р. 10 к., № 154—2 р. 4 к., № 139—12 р. 25 к. Х. 25 р. Отъ адвоката 25 р. Отъ земскаго врача 3 р. Ма-да-та 1 р. Черезъ барона 3 р. 40 к. Отъ эмигранта 10 р. Отъ Южанъ 10 р. Гретхенъ 1 р.

Приходъ съ 1 октября по 1-е ноября 1902 г. . . . 488 р. 26 к.
Остатокъ къ 1-му ноября 1902 г. . . . . 12 р. 85 к.

Расходъ.

Тюрьма 330 р. 50 к. Уплата долга *) 40 р. Высылаемымъ 31 р. 40 к. Высылаемому заимообразно 6 р. Организаціонные расходы 5 р. 41 к. Семьямъ заключенныхъ 49 р. 50 к. Съѣстные припасы для з. 12 р. 60 к. Итого 475 р. 41 к.

Списокъ лицъ, заключенныхъ въ Лукьяновской тюрьмѣ по политическимъ дѣламъ къ 1-му ноября 1902 г.

(октябрь — 55 чел.).

Апраксинъ А., слесарь, 3/10. Апраксинъ Д., слесарь 3/10. Афанасьева С., инт., 9/2. Гальпернинъ Р., ст., 28/6. Горовицъ Р., д—ка, 9/2. Канѣвецъ А., ст., 9/2. Канѣвецъ П., ст., 9/2. Цыбишко И., инт., 2/2. Кеслеръ Б., раб., 29/6. Кошаровскій П., ст., 29/6. Кузнецова А., инт., 9/2. Леманъ Анна, инт., 7/8. Любимцевъ, наб., 22/4. Ноткинъ А., инт., 30/4. Орѣшный, инт., 16/9. Фотіевъ С., пол., 14/2. Осецкій, переплет., 5/10. Петренко, сл. Ю. З. Ж. Д., 22/4. Плесскій Б., черт., 4/5 901 — 18/8 902, 12/9. Покостъ, портной, 5/5. Поповъ И., инт., 30/4. Сильвинъ М., инт., 22/4. Самохинъ, булоч., 26/9. Скомаровскій, австр. подданный (?). Урицкій С., инт., 9/2. Фотіева Л., инт., 16/2. Хлыновъ А., инт., 20/2. Шиманскій А., инженеръ, 29/6. Шнапиръ І., дант., 8/2. Щеговская О., инт., 2/2.

30 человѣкъ.

---

*) По долговымъ обязательствамъ Краснаго Креста къ 1 ноября остается неуплоченнымъ 187 руб.

Освобождены втеченіе октября:

Аксельродъ Д., раб., 30/6—27/10. Банинъ, ст., 19/7—25/10. Бондаренко, раб., 20/8—24/10. Голицинскій Е., пол., 9/2—13/10. Голлендеръ, раб., 10/7. Голубь С., раб., 22/4—5/10. Добротворская Б., инт., 18/4. Дятелъ, раб., 20/8—4/10. Емельяновъ, раб., 20/8. Завадскій, студ. техн., 20/8—24/10. Злотниковъ Я., раб., 23/4. Киршенбаумъ, раб., 2/7—27/10. Квятковскій А., инт., 14/4—5/10. Корень, рабочій, 20/8—24/10. Пумпъянскій, раб., 30/4. Кульженко. Лиссъ Е., пол., 9/2. Миркика А., ак., 23/4. Невзорова, к-ка. 29/3. Образцовъ, инт., 30/4—1/10. Панфиловъ П., ст., 2/2. Радченко Любовь, инт., 24/3—26/10. Сафоновъ, раб., 20/8. Сипайло С., раб., 25/2. Ткаченко, ст., 21/4—24/10. — 25 человѣкъ.

По независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ за даты времени освобожденія мы снимаемъ съ себя отвѣтственность.

К. К. П. П. С. и З.

Со времени побѣга 18/8 въ Кіевской тюрьмѣ сразу измѣнился режимъ. Правда, политическимъ заключеннымъ удалось отстоять существенное, какъ напр. собственное хозяйство руководимое выбраннымъ изъ своей среды старостой и нѣкоторыя другія преимущества, но, все-таки, въ отношеніяхъ между «политикой» и тюремной администраціей чувствовалось постоянное напряженіе; «политика» была насторожена боясь посягательствъ на добитыя упорной борьбой въ прошломъ привиллегіи. Администрація, прислушиваясь къ этому напряженному состоянію, дѣлала попытки поднять свое значеніе и ввести тѣ или другія реформы. Уже послѣ побѣга «политика» готовилась къ борьбѣ, но благодаря уступчивости высшей администраціи дѣло обошлось мирно, но, постепенно, вслѣдствіе мелкихъ столкновеній, раздраженіе увеличивалось, пока, наконецъ, не проявилось въ рѣзкой формѣ—голодовкой. Поводомъ къ голодовкѣ послужило сокращеніе времени для прогулки, продолжавшейся обыкновенно до 5 час. вечера. Начальникъ тюрьмы рѣшилъ сократить время прогулки до 4-хъ часовъ веч. и для этого прибѣгнулъ къ своему обычному пріему, дѣйствующему раздражающимъ образомъ на заключенныхъ (пріемъ состоитъ въ томъ, что отмѣняя что либо, начальникъ тюрьмы объявляетъ объ этомъ «политикѣ», но въ теченіе 2-3-хъ дней все «пока» остается по «старому», а потомъ рѣшительно и сразу вводятся новыя реформы).

«Политикой» были выставлены три требованія: 1) Выборъ своего библіотекаря, какъ это было раньше (дѣло въ томъ, что и послѣ побѣга 18/8 «политика» имѣла своего библіотекаря, но послѣ его освобожденія изъ тюрьмы вновь выбранный библіотекарь не былъ утвержденъ начальникомъ тюрьмы и библіотека перешла въ завѣдываніе помощника начальника тюрьмы, что создало цѣлый рядъ неудобствъ и боязнь, что такой порядокъ сдѣлается постояннымъ явленіемъ). 2) Выборъ корридорныхъ старостъ. которые должны сходиться для распредѣленія пищи и привозимой провизіи. 3) Прогулка до $4^1/_2$ часовъ вечера.

Начать голодовку рѣшено было съ понедѣльника 14/10, причемъ тюремной администраціи для выполненія требованій давался предварительно одинъ день. Требованія были переданы тюремному инспектору, который прислалъ письменный отвѣтъ, что онѣ не могутъ быть исполнены. 14-го Октября голодовка началась при чемъ больныхъ товарищей по заключенію просили не голодать, но они рѣшительно воспротивились этому. Голодающіе были въ хорошемъ спокойномъ настроеніи, но уже на 3-ій день трое изъ мало-развитыхъ отказались ее продолшать. На 4-ый день слегли 2 женщины, на 5-ый день съ одной сдѣлалея продолжительный и глубокій обморокъ. Въ это время пріѣхалъ губернаторъ—Ѳ. Ѳ. Треповъ, обошелъ всѣхъ, переговоривъ съ заключенными онъ согласился исполнить требованія, но съ нѣкоторыми измѣненіями: вмѣсто того, чтобы сходиться корридорнымъ старостамъ предѣленія пищи, долженъ быть выбранъ помощникъ старосты. Отъ увеличенія времени для прогулокъ «политическіе» отказались сами. Библіотекаря утвердили. Во время пребыванія въ тюрьмѣ по отношенію къ политическимъ губернаторъ велъ себя очень тактично; при разговорахъ съ нимъ выяснилось, что требованія «политики» передаются тюремной администраціей въ крайне невѣрной и извращенной формѣ.

Къ 6 часамъ вечера въ пятницу 18-го октября пятидневная голодовка окончилась побѣдой. При объявленіи о прекращеніи голодовки съ нѣкоторыми изъ мущинъ и женщинъ сдѣлался обморокъ.

Кіевская Касса Помощи Политическимъ Ссыльнымъ и Заключеннымъ. (Красный Крестъ).

Кіевъ 3-го ноября 1902-го года.

Приговоръ по дѣлу Михаила Ивановича Гуровича

(онъ же Гуревичъ),

бывшаго государственнаго ссыльнаго, принимавшаго участіе въ изданіи журнала «Начало», около 40 лѣтъ отъ роду.

Въ теченіе лѣта и осени 1901 года въ революціонныхъ кругахъ въ Россіи возникли весьма вѣскія обвиненія противъ М. И. Гуровича въ томъ, что онъ служитъ въ департаментѣ полиціи въ качествѣ агента-провокатора.

Разслѣдованіе этихъ обвиненій, по желанію какъ русскихъ товарищей, такъ и самаго Гуровича, было поручено особой комиссіи заграницей. Въ комиссію вошли уполномоченные для этого своими организаціями представители «Заграничной лиги русской революціонной соціаль-демократіи», «Союза русскихъ соціалдемократовъ заграницей» и и соціалдемократической группы «Борьба»*).

Въ теченіи продолжительнаго и тщательнаго разслѣдованія дѣла комиссія выслушала, въ рядѣ засѣданій, подробныя объясненія Гуровича, какъ отдѣльно, такъ и на очныхъ ставкахъ съ двумя свидѣтелями, выслушала показанія шести свидѣтелей и разсмотрѣла письменныя сообщенія С.-Петербургскаго Комитета Рос. С. Д. Р. Партіи и отдѣльныхъ товарищей. Всѣ добытыя этимъ слѣдствіемъ точныя и провѣренныя данныя вполнѣ подтверждаютъ предъявленныя къ Гуровичу обвиненія, вслѣдствіе чего комиссія единогласно постановляетъ: Объявить М. И. Гуровича агентомъ-провокаторомъ.

Подробный мотивированный приговоръ по этому дѣлу комиссія разсылаетъ конфиденціально дѣйствующихъ за-границей революціоннымъ организаціямъ.

Уполномоченные представители организацій:

Заграничной Лиги Русской Революціонной Соціаль-Демократіи.
Союза русскихъ Соц.-Демократовъ заграницей.
Соціалдемократической группы «Борьба».

5 октября (22 сентября) 1902 года.

---

*) Къ участію въ комиссіи были приглашены и представители соціалистовъ-революціонеровъ, но они отъ этого участія отказались.

Поправки.

Во второй книжкѣ «*Жизни*» на страницѣ 260-ой, 4-ая строка снизу напечатано: «Ему (Балмашеву) 22 года», — на самомъ же дѣлѣ 2 апрѣля 1902 года С. В. Балмашевъ не достигъ еще гражданскаго совершеннолѣтія.

Въ пятой книжкѣ «*Жизни*» въ стихотвореніи «Я слышу звукъ его рѣчей...» на 98 страницѣ, 11 строка снизу вмѣсто словъ «тамъ, тамъ», нужно читать «тамъ, нѣтъ!»

Въ пятой книжкѣ «*Жизни*» въ разсказѣ «Бунтъ въ Горанахъ» на пятой страницѣ, 7-ая строка снизу напечатано «вѣрное дѣло», слѣдуетъ читать «важное дѣло».

На 48 страницѣ, 6-ая строка сверху напечатано «приставъ» слѣдуетъ читать «писарь».

На 53 страницѣ, 7-ая строка снизу вмѣсто «кучки» слѣдуетъ читать «кучка».

На 62 страницѣ, 16 строка снизу вмѣсто «на ворота», слѣдуетъ читать «у воротъ».

На 68 страницѣ, 3 строка сверху напечатано «хохотуньей» надо читать «хохотуней».

На 69 страницѣ, 11 строка снизу вмѣсто «на полянахъ», слѣдуетъ читать «на полянѣхъ».

На 70 страницѣ, 15-16 строка снизу напечатано: «—Идемъ!...—проговорилъ Дембко, молча послѣдова въ за нимъ», слѣдуетъ читать: «—Идемъ!... проговорилъ онъ. Дембко молча послѣдовалъ за нимъ».

Поступили въ продажу слѣдующія изданія соціал-демократической организаціи «Жизнь»:

ЖУРНАЛЪ «ЖИЗНЬ» И «ЛИСТКИ ЖИЗНИ».

«Жизнь» No. 1, апрѣль, 1902 года. Цѣна 1 руб. 90 коп., 5 фр., 4 марк., 5 крон., 4 шил., 1 дол., 3 шведск. крон. 65 ор.

«Жизнь» No. 2, май, 1902 года. Цѣна 1 руб. 90 коп., 5 фр., 4 марк., 5 крон., 4 шил., 1 дол., 3 шведск. крон. 65 ор.

«Жизнь» No. 3, іюнь, 1902 года. Цѣна 1 руб. 90 коп., 5 фр., 4 марк., 5 крон., 4 шил., 1 дол.. 3 шведск. крон. 65 ор.

«Жизнь» No. 4, іюль, 1902 года. Цѣна 1 р. 15 к., 3 фр., 2 марк. 35 пф., 3 крон., 2 шил., 4 пен., 60 цент., 2 шведск. крон. 15 ор.

«Жизнь» No 5, августъ, 1902 года. Цѣна 1 руб. 15 коп., 3 франка, 2 марки 35 пфениговъ., 3 кроны, 2 шиллинга 4 пен., 60 цент., 2 шведск. крон. 15 ор.

«Жизнь» No 6, сентябрь-декабрь, 1902 года. Цѣна 1 руб. 50 коп., 4 фр.. 3 марки, 4 крон., 3 шил., 75 цент., 3 шведск. крон. 15 ор.

«Первое Мая» майскій иллюстр. листокъ «Жизни». Цѣна 40 коп., 1 фр., 80 пф., 1 крон., 10 пенс., 20 цент., 80 шведск. ор.

Листки «Жизни» NoNo. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10. Цѣна каждаго 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.

— No 11 и 12. Цѣна каждаго 10 коп., 25 сант., 20 пф., 25 гел., 2 1/2 пен., 5 цент., 20 шведск. ор

БИБЛІОТЕКА «ЖИЗНИ».

No. 1. **«Ткачи»**, драма Г. Гауптмана, съ 2 иллюстраціями. Цѣна 80 коп., 2 фр., 1 марк. 65 пф., 2 крон., 1 шил. 8 пен., 40 цент., 1 шведск. крон. 50 ор.

No. 2. **«Бебель о Бернштейнѣ»**, съ портретомъ А. Бебеля. Цѣна 80 коп., 2 фр., 1 марк. 65 пф., 2 крон., 1 шил. 8 пен., 40 цент., 1 шведск. крон. 50 ор.

No. 3. **«Пролетаріатъ и Армія»**, Г. Лагарделя. Цѣна 80 коп., 2 франка, 1 марка 65 пфен., 2 кроны, 1 шилингъ 8 пен., 40 цент., 1 шведск. крон. 50 ор.

No. 4. **«Изъ жизни духовенства»** (сборникъ). Цѣна 60 коп., 1 фр. 50 сант., 1 марк. 20 пф., 1 кр. 50 гел., 1 шил. 2 пен., 30 цент., 1 шведск. крон. 15 ор.

No. 5. **«Сказка про то, какъ царь Ахреянъ ходилъ Богу жаловаться»**, П. Барыковой. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цента, 8 шведск. ор.

No. 6. «**Благотворительность**», Разсказъ П. Гези, Перев. съ французск. А. М. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.

No. 7. «**Дѣло Павловскихъ крестьянъ**». Цѣна 40 коп., 1 фр., 80 пф., 1 крон., 10 пен., 30 цент., 80 шведск. ор.

No. 8. «**Общество „Земля и Воля»**, Е. Серебрякова. Цѣна 40 коп., 1 фр., 80 пф., 1 крон., 10 пен., 20 цент., 80 шведск. ор.

No. 9. «**Взаимныя отношенія польскихъ и русскихъ соціалистовъ**», Л. Плохоцкаго (2-ое изданіе). Цѣна 20 коп., 50 сант., 40 пф., 50 гел., 5 пен., 10 цент., 40 шведск. ор.

No. 10. «**Стачка и бойкотъ**». Цѣна 10 коп., 25 сант., 20 пфен., 25 гел., $2^1/_2$ пен., 5 цент., 20 шведск. ор.

No. 12. «**Горе Натальи**», разсказъ В. Л. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.

No. 13. «**Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 90-ыхъ годовъ**», Петербуржца. Цѣна 60 коп., 1 фр. 50 с., 1 марка 20 пфен., 1 крон. 50 гел., 1 шил. 2 пен., 30 центовъ, 1 шведск. крона 15 ор.

No. 14. «**Бунтъ въ Горанахъ**», Вл. Девогорія-Мокріевича. Цѣна 40 коп., 1 фр., 80 пф., 1 кр., 10 пен., 20 цент., 80 шведск. ор.

No. 15. «**Національно-политическая жизнь прусской Польши**», Л. Плохоцкаго (отдѣльный оттискъ изъ «Жизни», № 1). Цѣна 12 коп., 30 сант., 25 пф., 30 гел., 3 пен. 6 цент., 25 шведск. ор.

No. 16. «**На прямой путь**», W. (отдѣльный оттискъ изъ «Жизни», N_0 1). Цѣна 12 коп., 30 сант., 25 пф., 30 гел., 3 пен., 6 цент., 25 шведск. ор.

No. 17. «**Значеніе сектантства для современной Россіи**», В. Д. Бончъ-Бруевича (отдѣльный оттискъ изъ «Жизни», № 1). Цѣна 12 коп., 30 сант., 25 пф., 30 гел., 3 пен., 6 цент., 25 шв. ор.

No. 18. «**Разгромъ политики сердечнаго попеченія**», W. (отдѣльный оттискъ изъ «Жизни». № 1). Цѣна 5 к., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.

No. 19. «**Изъ исторіи франко-русскаго союза**», В. П. (отдѣльный оттискъ изъ «Жизни», № 1). Цѣна 12 коп., 30 сант., 25 пф., 30 гел.. 3 пен., 6 цент., 25 швед. ор.

Проектъ программы Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи, выработанный соціалдемократической организаціей «Жизнь», 2-ое изданіе. *(Высылается безплатно.)*

Освобожденная «Жизнь», 2-ое изданіе. *(Высылается безплатно.)*

Печатаются:

No. 11. **„Рабочіе союзы"**.

No. 20. «**Политика и офицеры**», Е. Серебрякова.

ПОРТРЕТЫ И КАРТИНЫ.

1. **А. Бебель,** портретъ. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
2. **Л. Н. Толстой на берегу моря.** Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
3. **Соціалдемократія и самодержавіе** (больш. форм.). Цѣна 10 коп., 20 сант., 20 пф., 20 гел., 3 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
4. **Возставшій народъ съ убитыми товарищами передъ окнами прусскаго короля.** Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 фп., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
5. **Матильда Хицфельдъ на Кирхеймболяндевской баррикадѣ.** Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
6. **Демократъ Якоби и прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV.** Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
7. **Памятникъ Муравьеву-Вѣшателю**. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
8. **Галлифэ по пути въ Версаль выбираетъ плѣнныхъ коммунаровъ для разстрѣла**. Цѣна 8 коп., 15 сант., 15 пф., 15 гел., $1^1/_2$ пен., 4 цент., 10 шведск. ор.
9. **Месть версальцевъ.** Цѣна 8 коп., 15 сант., 15 пф., 15 гел., $1^1/_2$ пен., 4 цент., 10 шведск., ор.
10. **Жертвамъ революціи**. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 4 цент., 8 шведск. ор.
11. **Смерть ссыльной**. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 фен., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
12. **Взятіе Бастиліи**. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
13. **Ткачи разрушаютъ машины**. Цѣна 5 коп., 10 сант. 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
14. **Голодный тифъ у силезскихъ ткачей**. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
15. **Свобода ведетъ народъ**. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
16. **Генеральные Штаты**. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
17. **Камилъ Демуленъ въ Палэ-Роялѣ**. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор. ,
18. **Стачка углекоповъ**. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел. 1 пен., 3 цент., 8 шведскихъ ор.
19. **По пути въ Сибирь.** Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.

Листки „ЖИЗНИ"

(Цѣна 10 сант. каждый.)

Содержаніе No 1: Отъ редакціи. — Массовыя возстанія крестьянъ въ Харьковской и Полтавской губ. (2 письма изъ Россіи).

Содержаніе No 2: Казнь С. В. Балмашева. — Разсказъ Крыльцова, Л. Н. Толстого.—Звѣрство фонъ-Валя.—Письма изъ Россіи: Изъ Севастополя. — Письмо матроса къ товарищамъ. — Слухъ о вульскомъ происшествіи. — Приказъ капитана надъ севастопольскимъ Тортомъ. — Приказъ старшаго флагмана черноморской флотской дивизіи. — Отъ редакціи.—Изъ Вержболова.—Полицейскій курьезъ.

Содержаніе No 3: Письма и прокламаціи изъ Россіи: Воззваніе къ студентамъ. — Жизнь студентовъ въ пересыльной тюрьмѣ «Бутырки».—Изъ разговоровъ съ русскими людьми разныхъ званій и положеній.—Письмо съ дороги.—Разговоръ въ вагонѣ.—Крестьянскія волненія въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ. — Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ.

Содержаніе No 4: Памяти С. В. Балмашева (стих.).—Министръ розги и висѣлицы.—Экзекуція, Л. Н. Толстого.—Ѳ. М. Достоевскій о тѣлесномъ наказаніи. — Стыдно! Л. Н. Толстого. — Вѣсти изъ Финляндіи.—Письма и прокламаціи изъ Россіи: Изъ г. Валокъ, Харьковской губ. — 1-ое мая. — Къ товарищамъ. — Солдаты къ солдатамъ. — Циркуляръ министра финансовъ.

Содержаніе No 5: Къ студентамъ, стих. — Либерализмъ Плеве — Воззваніе международнаго соціалистическаго бюро. — Коллективное обращеніе русскихъ колоній заграницей къ иностранной прессѣ. — Открытіе памятника П. Л. Лаврова. — Японцы о звѣрствахъ русскаго правительства. — Изъ Либавы. — Изъ Литвы. — Духовное освобожденіе духовнаго сословія. — Изъ Саратова. — Изъ Кіевской губ. — Изъ гор. Кіева. — Приказъ по полку. — Новый пропагандистъ штундизма въ Россіи. — Письмо баптистки. — Циркуляры министра финансовъ. — Заявленіе латышской соціалдемократической рабочей организаціи въ Прибалтійскомъ краѣ.

Содержаніе No 6: Изъ пѣсенъ бутырцевъ. — Министръ-фокусникъ.—Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ.—Изъ Кубанской области. — Изъ Либавы. — Изъ Севастополя.— Ко всѣмъ товарищамъ-учащимся среднихъ школъ выпуска 1902 г. — Изъ Екатеринодара. — Бунтъ въ женскомъ монастырѣ.—Протесты противъ звѣрства русскаго правительства. — Мысли соціалдемократа. — Львовскіе безпорядки.

Содержаніе No 7: Хорошо!—Пролетарская.—Изъ Саратова. — Изъ Саратовской губ. — Изъ Жагоры. — Изъ Петербурга. — Два письма изъ московской центральной пересыльной тюрьмы. — Схематическій планъ московской центральной пересыльной тюрьмы Бутырки. — Изъ Одессы. — Изъ г. Глазова. — Изъ Ставрополя. — Изъ Харькова.

Содержаніе No 8: Оберъ-Ханжа.—Топоровъ, Л. Н. Толстого. — Интернаціоналъ. (стих.) — Изъ Петербурга. — Изъ Москвы. — Изъ Кіева. — Изъ Вятской губ. — Изъ Гоньбы. — Изъ Одессы. — Изъ Самары. — Изъ Тулы. — Три сообщенія изъ Литвы. — Изъ Риги. Цѣна 10 сант.

Содержаніе No 9: Къ вопросу о террорѣ въ Россіи.—Мысли соціалдемократа. — Демонстрація (стих.). — Крестьянскія волненія въ Харьковской и Полтавской губ. — Ко всѣмъ жителямъ г. Екатеринослава. — Изъ Москвы. — Изъ Рязани. — Изъ г. Сапожка. — Изъ г. Скопина.—Изъ Калужской губ.—Изъ Симферополя.—Политическіе заключенные, содержащіеся въ тюрьмахъ Прибалтійскаго края. Цѣна 10 с.

Содержаніе No 10: Враги царя и рабочихъ. —Л. Н. Толстой передъ нѣмецкимъ судомъ.—Я слышу звукъ его рѣчей (стих.). — Изъ Кіева. — Изъ Саратова. — Изъ Θеодосіи. — Изъ Костромы. — Изъ Вологды. — Изъ Либавы. — Изъ Риги. — Предостереженіе. — Изъ Сморгони.—Съ Сѣвернаго Кавказа.—Отъ Комитета Сибирской Кассы въ Цюрихѣ. Цѣна 10 сант.

Содержаніе No 11: Протестуйте! — О харьковскихъ крестьянскихъ волненіяхъ: три обвинительныхъ акта. — Изъ рѣчей консерватора князя В. П. Мещерскаго. — Изъ Ставрополя-Кавказскаго.—Изъ гор. Валки. — Изъ Ковно. Цѣна 25 сант.

Содержаніе No 12: Стонъ народный и кличъ революціонный. — Секретный циркуляръ военнаго министра. — По поводу пропаганды въ войскахъ.—Изъ Севастополя.—Изъ Маріамполя.—Изъ Поневѣжа.— Орина, мать солдатская (стих. Н. А. Некрасова). — Новый военный чинъ. — Судъ надъ саратовскими демонстрантами. — Прокламаціи Донского Комитета Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. —Событія въ гор. Ростовѣ-на-Дону.—Прокламація группы «Южнаго Рабочаго».—Изъ Архангельска.—Изъ села Слудки, Вятской губ.—Изъ Екатеринослава. — Изъ Новороссійска, Черноморской области. — Изъ Петербурга. Цѣна 25 сант.

„ПЕРВОЕ МАЯ“

майскій иллюстрированный листокъ „ЖИЗНИ“

Цѣна 1 фр.

Содержаніе: Майская пѣсня рабочихъ. — Майскій праздникъ. — Первое мая въ Цюрихѣ. — Первое мая въ Лондонѣ. — Первая майская демонстрація въ Либавѣ. — Майское утро народовъ.—Къ товарищамъ!— Христова Ночь. — Привѣтъ французскаго товарища. — Праздники наслажденія и праздники борьбы. К. Каутскаго. — Борющейся Россіи. Авг. Бебеля. — Русскимъ рабочимъ. Энрико Ферри. — Буря (стих.). — Къ рисункамъ. *Рисунки* Вальтера Крэна: Пролетаріатъ и самодержавіе.—Капитализмъ, трудъ и соціализмъ.

